

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.И. Герцена
Факультет иностранных языков

STUDIA LINGUISTICA

ЯЗЫК. ТЕКСТ. ДИСКУРС

Современные аспекты исследований

XXII

Санкт-Петербург
Политехника-сервис
2013

Печатается по рекомендации Ученого совета
факультета иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Н.Н. Бочегова** (Курганский государственный университет);

доктор филологических наук, профессор **Е.Г. Хомякова** (Санкт-Петербургский государственный университет)

Редакторы:

доктор филологических наук, профессор **И.А. Щирова** (ответственный редактор);

кандидат филологических наук, доцент **Ю.В. Сергаева**

Редактор английских текстов:

кандидат филологических наук, профессор **И.Г. Серова**

Члены редколлегии:

доктор филологических наук, профессор **Н.Н. Кириллова**

кандидат филологических наук, профессор **И.П. Шишкина**

Технический редактор:

инженер-лаборант **Е.В. Евстафьева**

STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXII. Язык. Текст. Дискурс:
Современные аспекты исследований. Сб. научных трудов. СПб.:
Политехника-сервис, 2013. – 402 с.

ISBN 978-5-906078-80-3

В межвузовском сборнике научных трудов STUDIA LINGUISTICA XXII представлены материалы, отражающие современные подходы к осмыслению проблем когнитивной лингвистики, прагматики и теории коммуникации, лексикологии, лексикографии и теоретической грамматики, теории текста и теории перевода, лингвопоэтики и лингвостилистики. Рассматриваются вопросы соотношения языка, реальности и сознания, выявляются различные аспекты воздействия культуры на человека посредством языка, описываются номинативные процессы в языке и речи, освещаются актуальные и многообразные вопросы текста и дискурса, их взаимосвязь и типология, расставляются новые концептуальные акценты в вопросах перевода.

Сборник предназначен специалистам-филологам и студентам филологических специальностей, однако представляет интерес и для широкого круга читателей, интересующихся актуальными проблемами языка, дискурса и текста в их современной интерпретации.

ISBN 978-5-906078-80-3

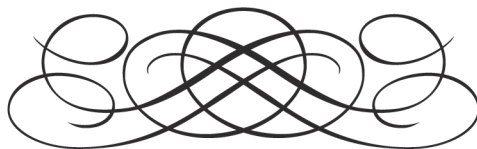
В 2013 году профессора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена – профессор кафедры немецкой филологии Инна Павловна Шишкина и профессор кафедры английской филологии Игорь Константинович Архипов отмечают свои юбилеи. Научные достижения наших коллег составляют законный предмет гордости отечественной лингвистики.

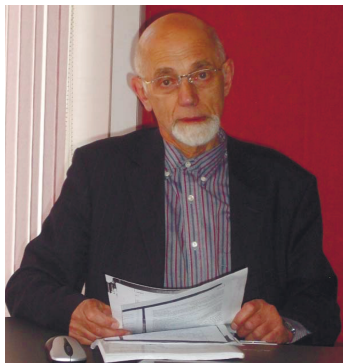
НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Инна Павловна Шишкина –

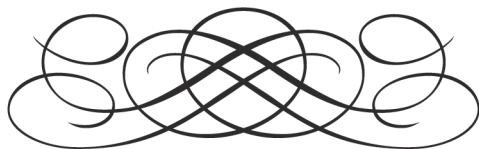
Почётный работник Высшего Профессionalного Образования РФ, Почётный профессор РГПУ им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук, профессор, один из ведущих специалистов кафедры немецкой филологии Герценовского университета, с которым неразрывно связаны 55 лет ее плодотворной, успешной и интенсивной научно-педагогической деятельности. Один из создателей научной школы стилистики и лингвистики текста, хранитель и продолжатель лучших научных и педагогических традиций кафедры германской (немецкой) филологии и петербургской германистики, признанный специалист в области германской филологии, лексикологии и лексикографии немецкого языка, автор многочисленных учебников и учебных пособий, свыше 100 научных трудов в отечественных и иностранных изданиях. Воспитала 35 кандидатов наук и несколько поколений учителей и является для коллег и учеников в разных концах России образцом профессионализма, принципиальности, трудолюбия, глубокого и творческого отношения к своему делу.

Игорь Константинович Архипов –

Почётный работник Высшего Профессионального Образования РФ, доктор филологических наук, профессор, ведущий специалист кафедры английской филологии РГПУ им. А.И. Герцена. Внес весомый вклад в становление и развитие научных традиций кафедры и факультета. Авторитетный специалист во многих областях лингвистики: истории английского языка, лексикологии, когнитивной и лексической семантике, биосемиотике, грамматике, философии языка и позна-

ния. Является автором многочисленных оригинальных решений сложных научных проблем. Регулярно выступает с пленарными докладами на конференциях в России и за рубежом. Опубликовал 187 научных трудов в отечественных и иностранных изданиях, активно цитируемых научной общественностью. Энтузиаст, подвижник и мудрый наставник, профессор Архипов подготовил плеяду достойных учеников – свыше 30 докторов и кандидатов наук. В течение долгих лет руководит межвузовским научным семинаром для молодых ученых «Проблемы когнитивной лингвистики». Инициировал ряд успешных студенческих исследовательских проектов, отмеченных дипломами на выставках научных достижений РГПУ им. А.И. Герцена.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

УДК 81.0

И.К. Архипов (Санкт-Петербург, Россия)

ИМПЛИЦИТНЫЕ И ЭКСПЛИЦИТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ, ИЛИ ПАРАДОКС ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Поскольку анализ природы языка с позиций биологии познания (У. Магурана) показывает, что значения не являются предметами, «закрепленными» за материальными формами, передаваемыми по коду, индивидуальный опыт «жизни в языке» (language) коммуниканта является единственным источником *всех* актуальных значений. При этом значения выводятся (inferred) либо на основе соотношений 1:1 с системными формами актуальных слов («эксплицитные»), либо с опорой на комбинации слов, не характеризующихся такими отношениями, благодаря знаниям правил комбинаторики слов и картины мира («имплицитные»). Естественно, таким образом «маскируется» идентичность природы семиозиса в обоих случаях. В статье показаны необходимость и практическая ценность для лексикологического анализа обеспечения доступа к системным значениям полисемантических слов, которые, как правило, не наблюдаются в речи и выводятся эмпирически.

Ключевые слова: биология познания, сигнал, вывод значения, эксплицитный, имплицитный, десемантизация, фразеологическая единица

Не зря русская пословица говорит, что слово – не воробей: вылетит, не поймаешь. Она как бы закрывает споры, в том числе и профессиональные, о соотношениях между «словом» и его «именем» и прежде всего о том, какие отношения связывают эти два явления и понятия, соответственно. Так, по мнению «интерналистов», полагающих, что язык находится «внутри человека», в его мозге, и что его единицы забирают (retrieve) из «словаря мозга» (the mental lexicon) [Aitchison, 1987; Pinker, 1995, p. 22], слова конкретного языка существуют отдельно от их имен. Тогда вполне естественным может казаться, что в этой игре «карты могут лечь» так, что какие-то понятия могут остаться, «не покрытыми» или частично покрытыми формами соответствующих слов, то есть «имплицитными».

Есть еще одно заблуждение, а именно, что если форма языковой единицы представлена, то компетентный носитель языка может «считать», «декодировать» и т.д. содержание так же, как он декодирует любую информацию, содержащуюся в объективном мире. Однако на самом деле в мире нет “pre-existing” информации, «ждущей своего освобождения» [Reeke, Edelman, 1988], и поэтому всё знание (информацию) каждый человек создаёт для себя сам.

Начнем с того, что у ребенка, начинающего говорить, и у умудренного жизненным опытом академика нет иного простого метода познания, кроме сравнения. Мы понимаем, что мы видим (discriminate) предмет только потому, что он выделяется на фоне чего-то иного, и судим о его состоянии по изменению в нем, наблюдаемому по сравнению с предыдущим наблюдением («What makes the living and the non-living very different from each other is their different relation to what is not, to what is absent. That which is alive has expectancies. Once dead, one does not expect; meaning is not a molecule, but a relation» [Kull, 2009, p. 81, 87]).

Соответственно, ни ребенок, ни академик не могут подумать или говорить о чем-либо, что не было воспринято какой-либо системой его органов чувств ранее. Образы всего «нового» и «невиданного» ими до сих пор собираются из образов элементов-признаков предметов, которые возникли у них в результате восприятия сигналов в прошлом.

Что же касается адекватности восприятия предметов и их признаков, то оно всецело определяется устройством (конструкцией) органов чувств. Они, в свою очередь, устроены так, чтобы живой организм мог оптимально приспособиться к окружающей среде в каждый момент и, тем самым, выжить.

Теория биологии познания [Maturana, 1970], которая ныне составляет суть основных представлений о языке и его функциях, указывает на его природу как деятельность. Она инициируется членами сообщества с целью приспособления к среде и именно этому служит обмен словами. Вся языковая деятельность нацелена не на денотацию и передачу значений реципиенту, а на ориентацию его сознания на самостоятельный вывод значения. За пределами этого взаимодействия со средой – никакого языка нет.

Еще одним существенным фактором познания является отношение личности к знанию вообще и к своему, в частности. Хотя, в действительности, сама жизнь есть непрерывный процесс познания, составляющий её содержание, индивидуальный жизненный опыт человека и поведе-

ние окружающих его людей подсказывают ему своеобразное видение проблемы. Мир представляется как кладезь непознанной информации, что на самом деле не соответствует действительности. Поскольку вместо процессов «скачивания» объективно существующей информации, отдельной личности приходится создавать знание о мире самой, то статус её «реальных знаний» и её отношение к ним характеризуются следующим противоречием. С одной стороны, кавычки указывают на **субъективную** природу знаний субъекта, что объяснимо тем, что единственными инструментами являются пять органов чувств. С другой стороны, наблюдая мир, носитель обыденного сознания, как правило, **упорно верит**, что он забирает «объективную информацию», и это **дает ему уверенность** в своем поведении: он уверен, что он **действительно познает**. (“Man knows and his capacity to know depends on his biological integrity; furthermore, he knows that he knows” [Maturana, 1970, p.5]). Однако **объективность** его знаний предопределяется не просто механизмом процессов познания, а устанавливается лишь со временем и по соглашению, как в результате экспертных оценок, которым мы **доверяем** (временно, пока они не сменяются следующими такого же порядка), так и на основе многолетней практики жизнедеятельности миллионов. В пользу такой объективности, надо полагать, свидетельствует сам факт выживания человечества на сегодняшний день. Это является косвенным доказательством адекватности познания людей: они «правильно» воспринимают, правильно осмысляют и правильно реагируют на внешний мир.

Как же сочетается субъективное и объективное, обеспечивая объективность познания? В мире нет информации, однако он постоянно оказывает материальные воздействия на тело человека. Какая-то часть из них **в соответствующих** условиях конкретных ситуаций становятся **сигналами**. Так, с одной стороны, они сами не несут никакого содержания, но в каждой данной ситуации: они являются участниками **события**, то есть стечения обстоятельств, при котором (1) физическое воздействие (2) стимулирует (3) в определенном теле, (4) в определенное время (5) процесс оценки организмом последствий физических воздействий, то есть **значение данного** воздействия. Сигналами воспринимаемые механические воздействия **становятся** лишь в тех случаях, **когда (!)** организм готов изменить свое состояние соответствующим образом. Следовательно, «имеют ли эти сигналы какие-то значения», оценивается телом в зависимости от того, в какой степени **происходящие**

изменения состояния организма отвечают задачам приспособления его в данном месте и времени [Zlatev, 2003, p.3]. Поэтому возникающее в данных условиях значение – не предмет, а событие, происходящее и оцениваемое организмом в данных условиях коммуникации.

Из всего сказанного становится ясно, что в этой статье продолжена дискуссия о «скрытых» значениях. И она, в частности, указывает на то, что используемая при этом терминология вводит в заблуждение. Так, в действительности, всё знание и все значения всегда скрыты в недрах человеческого тела от наблюдения извне, то есть имплицитны. Непонимание этого и уверенность в существовании информации *a priori*, то есть до процесса познания в конкретном акте коммуникации (*pre-existing information*), а также в том, что физические формы эксплицируют или передают значения коммуникантам непосредственно, привело к неправильной трактовке слова «эксплицитный». Специфика этого термина заключается в том, что при использовании большинства слов и выводе, то есть догадке их значений, коммуникант **ассоциирует** (обращает внимание, запоминает) актуальные значения в связке с фактом использования языковых форм в прошлом. Такие слова называются «эксплицитными» в результате повседневных наблюдений того, что при появлении их форм коммуниканты «понимают (что-то)». При этом кажется, что каждой форме соответствует определенное значение, и наоборот. *Sr. explicit – distinctly expressing all that is meant.*

Однако, коммуниканты **замечают** и запоминают и те случаи, когда возникающие в их сознании смыслы не сопровождаются непосредственно соотносящимися с ними формами. Так, представим, что кто-нибудь из участников международной лингвистической конференции, обворожительно улыбаясь, говорит хорошенькой англичанке: “*you really stabbed me in the back at the last session*”, имея в виду “*you betrayed me on that issue but it doesn’t matter after all*”.

Согласно теории фразеологизации [Балли, 2009], то обстоятельство, что смысл, выражаемый одним словом, в другой ситуации передается комбинацией совершенно иных слов, объясняется десемантизацией всех этих слов и заменой их одним словом. Этот подход предполагает, что во время произнесения фразеологизма нормальный носитель языка «на минуточку» забывает значения слов.

В действительности в подобных ситуациях коммуниканты отдают себе отчет в том, что в этих условиях также приходится **догадываться** о значении **всей ситуации**. Поскольку забирать готовые значения

из форм не удастся, то смысл ситуации выводится ими на основании «всего», что они знают о ситуации, о мире и т.п., а также о способах соответствующего описания с помощью языка. Концепт, описывающий ментальные действия коммуниканта с помощью глагола *to imply* – *involve as a necessary consequence; involve the truth or existence of (a thing not expressly asserted; express indirectly)*, или прилагательного *implicit* – *able to be inferred*, является элементарным компонентом смысла (atomic predicate), выводимым из сочетаний слов на основе картины мира [Lipka, 2002, p. 118]. Таким образом, существует единственный механизм вывода (догадки) смысла на основе сигналов, но при этом эксплицитные смыслы **воспринимаются** обыденным сознанием как единицы кода с фиксированной связью 1:1 формы и содержания, что не соответствует действительности [Reddy, 1993].

Список литературы

- Балли Ш. Французская стилистика. М., 2009.
- Aitchison J. Words in the Mind: An introduction to the mental lexicon. Oxford, UK, Cambridge, USA, 1987.
- Lipka L. An Outline of English Lexicology: lexical structure, word semantics, and word-formation. Tübingen, 2002.
- Kull K. Biosemiotics: To know, what life knows // *Cybernetics and Human Knowing*. 2009. No.16 (3/4). P. 81–88.
- Maturana H.R. Biology of Cognition, Biological Computer Laboratory Research Report BCL 9.0. Urbana IL: University of Illinois. As reprinted in *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordrecht, 1970, P. 5–58.
- Pinker S. The Language instinct: How mind creates language. N.Y., 1995.
- Reddy M.J. The conduit metaphor: a case of frame conflict in our language about language // Andrew Ortony (ed.), *Metaphor and Thought* (2nd ed.). Cambridge, Mass. 1993. P. 164–204.
- Reeke G.N., Edelman G.M. Real brains and artificial intelligence // *Daedalus*. 1988. No. 117. P. 143–174.
- Zlatev J. Meaning = Life (+ Culture): An outline of a unified biocultural theory of meaning // *Evolution of Communication*. 2003. No 4 (2). P. 1–37.

Igor Konstantinovich Archipov (Saint Petersburg, Russia)

**IMPLICIT AND EXPLICIT MEANINGS, A PARADOX AS VIEWED
BY FOLK USAGE OF A LANGUAGE**

According to the theory of biology of cognition, meaning is not a concrete thing attached to its form. Hence, the theoretical accounts of “desemantization” of certain forms of English verbs and set phrases fall short of the significance of the said tenet. Hence, such superficial differences help “mask” the identity of semiotic procedures in both situations. Our results show that use of systemic meanings is instrumental in lexicological analysis.

Keywords: *biology of cognition, signal, explicit, implicit, semiosis, set phrase*

УДК 81.0

А.Г. Гурочкина (Санкт-Петербург, Россия)

ФАТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению ряда проблем фатического общения, трактуемого многими исследователями как бесцельная, малосодержательная болтовня «от нечего делать». Такое понимание фатической коммуникации квалифицируется как некорректное и утверждается постулат, что фатический дискурс представляет собой сплав фатической и информативной интенции говорящих, а фатическое общение в целом отражает такие аспекты общения как исторические, социальные, индивидуально-психологические и национально-культурные нормы.

***Ключевые слова:** фатическое общение, фатическая функция, социопсихологическая интенция, информативная интенция, виды информации, ориентирующее воздействие*

В современной коммуникативной парадигме знаний существует два основных понимания фатического общения. Одно восходит к взглядам Б. Малиновского, другое – является следствием развития теории языковых функций Р. Якобсона.

Исследуя языковые функции, Р. Якобсон приходит к выводу, что в языке имеют место высказывания, основное назначение которых – установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить работает ли канал связи, привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно. Такого рода высказывания, по мнению ученого, носят ритуальный характер и реализуют фатическую функцию языка, а именно: поддержать контакт из уважения, из вежливости, из того, чтобы прервать молчание и т.п., то есть основным предназначением подобных высказываний является организация речевого общения, управление, регуляция дискурсивной интеракцией [Якобсон, 1985].

Такое понимание фатической коммуникации трактуется как «узкое», поскольку в центре внимания оказываются не общение в целом, а отдельные стандартизированные фатические реплики, этикетные формулы, регулирующие и обеспечивающие успешность диалогической интеракции: войти, поддержать и завершить речевой контакт с собеседником.

В «широком» понимании фатическая коммуникация рассматривается как совокупность взаимосвязанных неинформативных коммуникативных высказываний и определяется как разновидность речи, способствующая созданию дружеских, гармоничных отношений, единения, согласия между общающимися. Фатическое речевое поведение описывается при этом как «обыкновенный дружеский разговор» [Joos, 1952], «светская болтовня» [Ball, 1953], «разговоры ни о чем» [Leech, 1983; Malinowsky, 1935; Почепцов, 1981; Чхетиани, 1986 и др.].

Ученые называют несколько разновидностей фатической речи главным образом в сфере неофициального общения, основной интенцией которых является:

- 1) завязать знакомство, скоротать время в условиях вынужденного совместного пребывания (между незнакомыми людьми);
- 2) укрепить знакомство (между малознакомыми);
- 3) соблюсти правила вежливого поведения, когда молчать неловко (при случайном знакомстве;
- 4) сохранить сложившийся тип отношений (между хорошо знакомыми людьми);
- 5) отдать дань привычке к обмену мнениями доброжелательными высказываниями, в которых отсутствует информативная необходимость [Винокур, 1993, с. 139].

Фатическая коммуникация трактуется также как особая стратегия лингвистической вежливости, как речевая деятельность особого рода [Brown, Levinson, 1994].

Иными словами, фатическое общение понимается как специфическое занятие, занятие социальное, провоцируемое этикетно-коммуникативными интенциями и осуществляемое в жанрово-ограниченных ситуациях.

Жанровую классификацию эпизодов фатического общения наиболее часто представляют как: беседа (бытовая или бытийная), шуточный диалог с установкой на игру (шутка, флирт), слухи, сплетни, анекдоты. Основной интенцией коммуникантов в такого типа общении является поддержание гармоничного баланса взаимоотношений, создание атмосферы психологического комфорта, желание сделать приятное адресату, удостовериться в его ответном дружеском расположении. При этом, по мнению большинства исследователей, фатическое общение не несет, как правило, содержательной (фактуальной или интеллективной) информации: высказывания, реализующие фатическую

функцию языка, как отмечают ученые, это в высшей степени десемантизированные, конвенциональные единицы, основным назначением которых является реализация прагматической функции – установления атмосферы психологического комфорта [Бенвенист, 1974; Ключев, 1996; Азнабаева, 1978 и др.].

Однако неинформативность фатического общения может быть поставлена под сомнение. Еще Аристотель отмечал, что человек по природе «животное общественное», имея в виду, что разговор, беседа – это искание истины, это великое воспитательное средство, лучший способ расширения кругозора, а Р.Якобсон писал, что то или иное высказывание не может выполнять какую-либо одну функцию и что его цель актуализируется в общении различным иерархическим соотношением разных функций в соответствии с интенцией говорящего [Якобсон, 1975, с. 198]. Соглашаясь с этим, можно сделать вывод, что фатическое общение не просто автоматическое следование традициям вежливости и этикету, принятым в обществе, что в преобладающем большинстве отмеченных жанров информативная и фатическая функции сосуществуют и в процессе общения занимают то ведущее, то подчиненное положение в интерактивной деятельности коммуникантов.

Изучению и описанию различных видов информации, реализуемой в процессе дискурсивного взаимодействия людей, достаточно много внимания уделяется в настоящее время в когнитивно-коммуникативном подходе к анализу диалогического дискурса. Ученые отмечают, что в процессе общения самые разные виды информации (содержательно-фактуальная, содержательно-интеллективная, социально-дейктическая и др.) актуализируются осознанно и неосознанно, эксплицитно и имплицитно, при этом информация поступает как из самого дискурса, так и из внутренних когнитивных запасов коммуникантов, и внешней ситуации общения.

Уже в самом начале фатического дискурса сообщается информация, которая задает стиль общения, его регистр, тональность, отражает или устанавливает реальности социальной ситуации речевого акта, а также активизирует установки, ожидания слушающих относительно продолжения дискурса.

В когнитивной науке третьей волны информация трактуется как процесс уменьшения степени неопределенности при встраивании человеческого организма в среду. В частности, в биологической теории познания под информацией понимается деятельность ориентирующе-

го характера, модифицирующая поведение ориентируемого организма [Maturana, 1983], то есть информация – это процесс, в ходе которого говорящие управляют тем, что происходит в голове слушателей и в их когнитивной нише, процесс оказания влияния и координирования разных точек зрения [Verhagen, 2005; Кравченко, 2009], ибо «любая коммуникация – это не что иное, как способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника» [Леонтьев, 1999, с. 272].

Анализ различных жанров фатического общения, например, бесед бытового содержания, тематический круг которых включает обмен впечатлениями, мнениями об увиденном, услышанном, о прочитанном, о профессиональных/ непрофессиональных занятиях или бытийных бесед, содержанием которых часто становятся проблемы философского, научного, политического, социального характера, а также слухов, сплетен и других жанров, свидетельствует о взаимосвязи и взаимодействии фатической и информативной интенции и, соответственно, фатической и информативной функций. Ведущей главной целью фатического общения, как отмечают многие исследователи, является социальное межличностное взаимодействие, отсюда, прежде всего, актуализируется интенция вступить в контакт, а информативная интенция оказывается как бы в подчиненном положении. За этой изначальной интенцией, как правило, следует интенция сделать сообщение, увидеть реакцию слушающего, услышать его мнение и т.п. При этом в фатическом дискурсе, не предполагающем прагматических последствий истинности или ложности высказываний, адресант чаще всего говорит то, что, с его точки зрения, ожидает от него адресат, что адресату будет интересно узнать, то есть фатический речевой акт в этом плане представляет собой психологический эквивалент прагматического принципа кооперации П.Грайса [Grice, 1975], демонстрируя тем самым двойственность социальной природы использования семиотической ценности языка. Там, где истинность или ложность высказывания имеют прагматическое значение, психологические причины второстепенны. Там, где истинность или ложность высказывания являются следствием социальной ситуации речи, эти причины выступают на первый план. «Таким образом, глубинная нравственно-психологическая амбивалентность речевого действия «второго ряда с точки зрения осознанной необходимости и объединяет в фатическом речевом поведении столь разнородные явления – болтовню, сопровождающую какое-либо другое действие, речевой этикет и духовное общение» [Винокур, 1993,

с. 137]. В зависимости от того, какая из интенций – социально-психологическая или информативная – находится в фокусе говорящего, структурируются и высказывания их объективирующие. В первом случае высказывания характеризуются разнообразием тем, свободой выбора и использованием различных языковых единиц, что обусловлено креативными способностями говорящего, во втором – свобода личного содержательно-стилистического потенциала ограничивается информативным содержанием сообщаемого. При этом чем выше интеллектуальный и общественный статус коммуникантов, тем сложнее определить генеральную интенцию субъектов фатического общения, ибо их беседы часто носят высокий интеллектуальный и творческий характер.

Таким образом, фатическое общение представляет собой отдельный тип межличностного взаимодействия, в котором фатическое и информативное взаимосвязаны и представлены широким спектром разнообразных интеграций.

Список литературы

Азнабаева Л.А. Семантика фатической речи // Тезисы Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978. С. 5–16.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.

Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С.Кубряковой. М., 2009. С. 51–65.

Клюев Е.В. Фатика как предмет дискуссии // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 212–220.

Леонтьев А.А. Психология общения. М., 1999.

Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981. С. 52–59.

Чхетиани Т.Д. Размыкание речевого контакта // Речевые акты в лингвистике и методике. Пятигорск, 1986. С. 204–212.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

Якобсон Р. Речевая коммуникация // Избранные работы. М., 1985. С. 306–319.

Ball W.J. Conversational English. London, 1953.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1994.

Grice H. Logic and conversation // Syntax and semantics. Vol.3. N.Y., 1975. P. 41-58.

Joos M. The Five Clocks // International Journal of American Linguistics. Vol.28, No.2, Part 5, April. 1952.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, 1983.

Maturana H. On the misuse of the notion of information in biology // Journal of Social and Biological Structures № 6 (2). 1983. P. 155–159.

Malinowsky B. The problem of meaning in primitive languages. N.Y., 1935. Verhagen A. Construction of Intersubjectivity: Discourse, syntax, and cognition. Oxford, 2005.

Alla Georgievna Gurochkina (Saint Petersburg, Russia)

PHATIC COMMUNICATION

The paper deals with certain aspects of phatic behavior which is often understood as narrow-minded, unaccountable and sheer talking to pass away the time. Instead, phatic communication is suggested to be concerned with both phatic and wide range information as well as social, personal-psychological, ethnic and general cultural issues.

Keywords: *phatic communication, phatic function, social-psychological intention, types of information, orientation*

УДК 811.11:811.16:81 373

И.А. Курпиева (Белгород, Россия)

ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Настоящая статья посвящена исследованию концептуализации и вербализации сложного феномена когниции в современном английском языке. В качестве ключевой методологии выбран когнитивный подход, позволяющий условно моделировать соответствующую ментальную структуру – фрейм «когнитивные процессы» – бленд коррелирующих с процессом познания концептов внимания, восприятия, памяти, мышления и др. Думается, что изучение лексики, номинирующей когницию, с позиций метода лингвокогнитивного моделирования позволит представить объективные результаты и выявить перспективы исследования.

Ключевые слова: когниция, процессы познания, ментальная структура, фрейм, глаголы, глагольно-именные словосочетания

*Я слово позабыл, что я хотел сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется,...
(О.Э. Мандельштам)*

Насущный вопрос об устройстве человеческого сознания все чаще сближает современные научные направления, интегрирует их в стремлении выявить специфику отражения экстралингвистических знаний посредством языкового знака. Причем в этом случае лингвистика опирается на приоритетный постулат о главенствующей роли человека в процессе познания, в связи с чем выходит на междисциплинарный уровень и пользуется инструментарием когнитивного направления, будь то метод концептуального анализа, метод фреймовой семантики или метод лингвокогнитивного моделирования. Такие процедуры анализа, подкрепленные традиционными методами, как показывает результативность последних когнитивных исследований, позволяют обеспечить надежность, объективность и достоверность полученных сведений. Это делает данную методику релевантной для изучения и систематизации глаголов и соотносящихся с ними по денотативному статусу глагольно-именных словосочетаний, номинирующих когнитивные процессы в современном английском языке. Дело в том, что лексемы, описывающие ситуацию познания, – это довольно обширный, семантически сложный

и многокомпонентный лексический пласт, включающий лексемы внимания, памяти, восприятия, воображения, мышления и т.д. Выбор данного пласта не случаен и продиктован обоснованным психологами и физиологами постулатом о связности, взаимообусловленности, нерасчлененности и симбиозе психических процессов, что на научном уровне вкладывается в понятие «синкретизм». Последнее обуславливает невозможность описания каждого процесса в отдельности без учета «психического ансамбля» и взаимосвязи процессов познания. Такая информация проецируется в язык, что подтверждается данными системного обзора лингвистических исканий, результаты которых указывают на сближение семантики лексем всех психических процессов.

Итак, апеллируя в исследовании выбранного объекта к методологии когнитивного подхода, в частности, к методу лингвокогнитивного моделирования структур концептуального уровня, мы опираемся на положение о том, что любое явление, преимущественно номинируемое глаголом или глагольно-именным словосочетанием, можно условно представить в виде ментальной структуры: фрейма, концепта, сценария, гештальта и т.д. В нашем случае гипотетически моделируемая ментальная структура «познавательные процессы» выступает как бленд концептов или ситуационный фрейм, отражающий разные взгляды людей на одну и ту же ситуацию или знания об окружающем мире, носящие событийный характер [Болдырев, 2000, с. 64]. Выбор фреймовой структуры представления знаний в настоящем исследовании обусловлен способностью фрейма удерживать целый набор концептов [Филлмор, 1988], в данном случае, концептов когнитивных процессов. Психическая сфера, в том числе и отраженная в языковом сознании как регулятор поведения и эмоционального состояния человека, является весьма сложным и многогранным процессом, а потому может быть исследована в виде бленда концептов внимания, памяти, восприятия, мышления и т.д. Основанием для такого предположения является наблюдение о том, что процессы, входящие в состав психики в качестве неотъемлемых элементов, весьма специфично отражаются в языке. Они наделены целым спектром специфических свойств, «функционируют в ансамбле» без обособления, но «искусственно разграничиваются в целях научного анализа» [Залевская, 1999, с. 33]. Благодаря совокупности психических процессов возможно формирование образов окружающей среды, внутренней среды и ориентировка в пространстве, самоидентификация. Полученные сведения «являются тем фактором,

который при наличии какого-либо побуждения определяет выбор человеком одного из многих возможных на каждый данный момент направлений движения и удерживает движение в рамках этого направления» [Реан, Бордовская, Розум, 2000, с. 44].

При этом, несмотря на синкретизм или одновременное восприятие комплекса психических процессов, каждый из конститuentов этого симбиоза имеет дифференциальные признаки, которые обеспечивают дискретность восприятия каждого из психических процессов. Итак, в своей совокупности сами процессы познания трактуются, как динамическая характеристика психики, включающая: восприятие как способность целостного отражения предметов, ситуаций и событий, «возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств»; мышление как процесс, «характеризующийся обобщенным и опосредствованным отражением связей и отношений между объектами в окружающей действительности»; память как процесс, обеспечивающий «построение всестороннего образа мира, связывающим разрозненные впечатления в целостную картину, прошлое с настоящим и будущим»; внимание как «процессы избирательной (селективной) работы субъекта с предметом деятельности и сосредоточения на нем»; воображение как «совокупность процессов, решающих главным образом задачи прогнозирования субъектом будущего результата его деятельности, оперирования полученными ранее образами и другими единицами психического мира с целью изменения представлений субъекта о мире и – в конечном счете – изменения мира как такового» [Реан, Бордовская, Розум, 2000, с. 53–83].

Однако не только выявление природы психических процессов влияет на выявление их концептуальных оснований. В основную задачу данной статьи входит описание заявленной ментальной структуры как блэнда концептов посредством языковых данных, с тем чтобы, «описав значения всех слов и выражений, репрезентирующих тот или иной концепт в национальном языке, представить в упорядоченном виде участок системы языка, репрезентирующий данный концепт» [Попова, Стернин, 1999, с. 23–24]. Соответственно, в таком случае необходимо «согласовывать свои объяснения человеческого языка с тем, что известно об уме и мозге как из других дисциплин, так и из ... лингвистики» [Кобозева, 2000, с. 27], поскольку когнитивные способности человека и усвоенные им модели познания находят непосредственное и регулярное выражение в языке, и, следовательно, языковые структуры являются

важным источником сведений о базовых ментальных представлениях [Langacker, 1993, p. 1]. Таким образом, необходима интеграция знаний из смежных с лингвистикой наук, таких, как психология, когнитивная психология, философия и др., в которых предпринимаются попытки моделировать сознание и описывать ментальные структуры, отвечающие за получение, хранение, обработку и передачу информации.

Итак, учет данных психологии, когнитивной психологии, физиологии в совокупности с анализом языковых фактов (который будет проводиться по ходу изложения), позволят показать, что рассматриваемые когнитивные процессы восприятия, воображения, внимания, памяти, мышления имеют схожие концептуальные основания. Это выражается в наличии концептуальных областей, характерных для всех психических процессов: «индивидуальность», «результативность», «опыт», «непроизвольность», «ментальность», «перцепция»; и концептуальных областей «направленность», «сконцентрированность», «проявление эмоций» и т.п., являющихся специфическими для того или иного психического явления, что отражается в семантике лексических репрезентантов. Схожесть и неразделимость рассматриваемых психических процессов является дополнительной иллюстрацией мнения ученых об их синкретизме. Данное обстоятельство дает основания выявить единую ментальную структуру – фрейм – некое концептуальное начало, отвечающее за формирование и модификацию значений лексем, номинирующих рассматриваемые процессы. Как было заявлено ранее, данная структура представляет собой концепт, который является сложным, многокомпонентным, иерархически организованным образованием, вмещающим в себя элементы различного порядка. Такая структура призвана указывать не только на синкретизм психических процессов, выражающийся в их комплексном восприятии, но и на их дискретность, выявленную посредством дополнительного профилирования тех или иных концептуальных признаков в отношении того или иного психического процесса. Таким образом, особенностью представления конститuentов ментальной модели является спецификация доминантных обязательных компонентов для каждого концепта, входящего в бленд. Выдвижение такого ряда способствует тематическому определению единицы, соотносящейся с концептом, что будет особенно актуально при проведении семантической таксономии.

Особенностью условной модели является указание не только на специфические черты каждого из психических процессов, но и на про-

филирование «сквозных» элементов фрейма. Такими являются: компонент «перцепция» как коррелят восприятия, основы или начальной стадии формирования опыта; «ментальность» как результат переработки полученных посредством перцепции данных; «индивидуальность» как результат переработки данных субъектом; «непроизвольность» как первичная форма проявления всех психических процессов; «результативность» как отражение накопления сведений. Приведем несколько примеров экспликации этих компонентов:

It is a wonder, the way she pays such acute attention to detail than others would regard of no importance [Huth] (компонент «индивидуальность»).

'... It was her dad's face I paid attention to' [Johnson] (компонент «перцепция»).

People are unlikely to pay much more attention to his decisions just because there has been some fiddling with the constitution [BNC] (компонент «ментальность»).

Wolff put his head through the curtains and waved an arm, trying to attract Sonja's attention [BNC] (компонент «непроизвольность»).

Then she gave her attention to the dog, turned his face to her so he wouldn't miss a word she said [Fox] (компонент «результативность»).

Вышепредставленные компоненты ментальной структуры имплицитно либо эксплицитно выражаются в семантике глаголов и глагольно-именных словосочетаний, называющих психические процессы, дополнительно указывая на синкретизм этих процессов на концептуальном уровне. Другие компоненты ментальной структуры – такие, как, например, не заявленные ранее «действие / состояние», «привлечение внимания / обращение внимания» и др., не обязательно актуализируются, и, тем не менее, содействуют проявлению спецификации или дискретности психических процессов.

Однако такое представление коррелята каркаса психических процессов может быть дополнено и другим, более подробным описанием, отражающим взаимосвязь психических процессов, которые имеют следующую замкнутую последовательность функционирования: восприятие данных, ментальная переработка, хранение в памяти, вторичная переработка и выдача готового образа. Это сопровождается сквозным процессом внимания, который может сопутствовать любому из перечисленных процессов.

Фрейм «когнитивные процессы» также может быть представлен в виде пропозиции, включающей базовый предикат и его аргументы. К таковым относятся компонент СУБЪЕКТ (проявляющий и не про-

являющий волю), компонент ОБЪЕКТ (коррелят материального или абстрактного мира), компонент НАКОПЛЕННЫЕ ЗНАНИЯ (коррелят опыта, полученного от перцептивных каналов, или данные, переработанные сознанием) и компонент РЕЗУЛЬТАТ (как коррелят итога проявления когнитивных процессов). Представление ментальной структуры когнитивных процессов как пропозиции возможно с учетом того, что глагол (благодаря его валентному потенциалу) активизирует в сознании субъекта когниции о познанных им взаимосвязях между объектами внеязыковой действительности. Иными словами, глагол, будучи «узлом разнородных когниций», связан с более низкими «элементами ... глагольного окружения» [Гришаева, 1999, с. 20], глагол оказывает доминирующее «семантическое влияние» [Чейф, 2003, с. 115].

Данное положение отражает базовую структуру рассматриваемого фрейма, куда входит компонент СУБЪЕКТ, проявляющий агентивные или неагентивные характеристики, например:

She examined him carefully and had been forced to confess to him he had not a single feature which she could praise [Maugham] – субъект, проявляющий агентивные характеристики.

She turned abruptly and caught Elena's frosty expression [Reid] – субъект, проявляющий неагентивные характеристики;

Компонент ОБЪЕКТ, соотносящийся с материальным или абстрактным миром, например:

His quick ears had caught the footsteps before they were audible to her [Maugham] – материальный мир.

A murmur in the room attracted his attention [Joyce] – абстрактный мир;

Компонент НАКОПЛЕННЫЕ ЗНАНИЯ, например:

He thought he spotted Big Billie Cameron at one of the windows and noted the house [Forsyth].

Компонент РЕЗУЛЬТАТ, например:

To begin with she barely concentrated on what he was saying, but then she realized that he had switched totally to business and had put all thoughts of harming her aside [Wood].

Таким образом, актуализируясь в семантике глагольных лексем и глагольно-именных словосочетаний, рамка ситуации когнитивных процессов, отраженная в заявленном пропозиционном каркасе предложения, обеспечивает фиксированность восприятия и синкретизм динамической характеристики психики с учетом особенностей каждого из когнитивных процессов в отдельности. Эти параметры, в совокупности

с описанными выше концептуальными свойствами представленных моделей, являются основанием для тематической классификации, учитывающей специфику вербализации рассматриваемого фрейма. Обратимся непосредственно к описанию процесса ранжирования.

В результате сплошной выборки лексических единиц из англоязычных аутентичных источников (таких, как интернет-ресурсы, национальные корпуса, современная художественная литература), последующей их обработки посредством концептуального, контекстуального, лексикографического анализа и сличения полученных данных в корреляции с ментальной структурой, был получен объёмный список глаголов и глагольно-именных словосочетаний. Однако уже первичное рассмотрение накопленного исследовательского тезауруса показывает тематическую разнородность рассматриваемой лексики: в нем представлены лексемы и внимания, и памяти, и мышления, и восприятия, и воображения, как всех процессов инкорпорированных в динамическую характеристику психики или процесс познания. Однако наблюдение за поведением единиц в контекстуальных условиях убедительно доказывает тот факт, что зачастую лексемы функционируют в качестве синонимов в определенных контекстуальных условиях и, как было отмечено ранее, могут быть дифференцированы благодаря механизму выдвижения. Данное обстоятельство естественным образом указывает на относительность первичных тематических классификаций и диктует поиск нового таксономического обзора.

Соответственно, на первый план выходят критерии классификации, полученные в результате анализа ментальной структуры, отвечающей за единство разноплановой лексики и дифференциацию ее значения. Укажем результаты тематической таксономии лексем когнитивных процессов по принципу актуализации компонентов и концептуальных признаков ментальной структуры.

Выдвижение концептуального признака «перцепция» позволяет выделить следующие лексемы: attract (smb's) attention, your/smb's attention to smb/smith, call smb's attention to smb/smith, catch, catch one's eye, catch smb's attention, devote your attention to smith, direct your/smb's attention at smb/smith, drag your attention to smb/smith, draw (smb's) attention to smith/smb, earn smb's attention, engage smb's attention, examine, eye, feel, fix your attention on smb/smith etc.

В свою очередь, выдвижение признака «перцепция» и сопряженно с ним компонента СУБЪЕКТ, имеющего неагентивные характери-

стики, позволяет выделить следующие лексемы: attract (smb's) attention, your/smb's attention to smb/smith, call smb's attention to smb/smith, catch, catch one's eye, catch smb's attention, drag your attention to smb/smith, draw (smb's) attention to smith/smb, engage smb's attention, feel, gain smb's attention, grab smb's attention, hear, hold smb's attention, keep (your) smb's attention, keep your eye on smb/smith, monopolize smb's attention, note, notice, prick up your ears, see, seize smb's attention, smell etc.

Выдвижение концептуального признака «перцепция» и компонента СУБЪЕКТ, имеющего агентивные характеристики, позволяет выделить следующие лексические единицы: concentrate, concentrate your attention on smb/smith, devote your attention to smith, direct your/smb's attention at smb/smith, earn smb's attention, examine, eye, etc.

Итак, на основании выдвижения концептуального признака «перцепция» и компонента неагентивный СУБЪЕКТ, а также компонентов «перцепция» и агентивный СУБЪЕКТ можно выделить лексемы произвольной и непроизвольной перцепции, которые могут быть впоследствии дифференцированы согласно каналу получения сенсорной информации.

Выдвижение концептуального признака «ментальность» позволяет выделить из общего списка следующие лексемы: anticipate, attract (smb's) attention, bear in mind, be deep/lost in thought, bring your/smb's attention to smb/smith, call smb's attention to smb/smith, catch smb's attention, catch smb's imagination, cogitate, concentrate, concentrate your attention on smb/smith, consider, etc.

На основании выдвижения компонента неагентивный СУБЪЕКТ можно выделить а) лексемы и фраземы непроизвольной ментальности: anticipate, be deep/lost in thought, bring your/smb's attention to smb/smith, call smb's attention to smb/smith, catch smb's imagination etc.; и б) глагольные лексемы произвольной ментальности на основании выдвижения компонентов «ментальность» и агентивный СУБЪЕКТ: bear in mind, bring your/smb's attention to smb/smith, call smb's attention to smb/smith, cogitate, concentrate, concentrate your attention on smb/smith, consider, devote your attention to smith, etc.

И, наконец, возможно выделение еще одной группы лексем, связанных с системной и функциональной актуализацией в их значениях компонента ПОЛУЧЕННЫЕ ЗНАНИЯ: anticipate, bear in mind, be deep/lost in thought, catch smb's imagination, do smith from memory, a figment of one's imagination, a flight of fancy, food for thought, give smith some

thought, haunt, have a good/bad memory for smth, have a memory like an elephant, have a memory like a sieve, hear, if memory serves me (well/right/correctly) etc.

Как очевидно из представленной тематической классификации, несмотря на условное разграничение глаголов и глагольно-именных словосочетаний по определенным критериям, многие из лексических единиц занимают маргинальное положение и имеют равноценный удельный вес в нескольких тематических группах. Данное обстоятельство объясняется амбивалентностью произвольного и непроизвольного психического процесса, и профилированием определенной грани ситуации психических процессов в определенном контексте, что, в свою очередь, с одной стороны, обуславливает модификацию семантики и дополнительно иллюстрирует тезис о синкретизме психических процессов.

Исследование лексем различных тематических групп и разной частеречной принадлежности с позиций когнитивного подхода открывает большие перспективы для систематизации и объективного описания лексики, номинирующей когницию, в том числе и с точки зрения компаративного анализа в нескольких языковых группах.

Список литературы

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии : учебное пособие. Тамбов, 2000.

Гришаева Л.И. Глагол как узел когниций // Филология и культура : Тезисы 2-й международной конференции, 12–14 мая 1999 г. Тамбов, 1999. С.19–21.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 31–42.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.

Реан А., Бордовская Н., Розум С. Психология и педагогика. СПб., 2000. // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/rean/11.php

Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 52–92.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. 2-е изд., стер. М., 2003.

Langacker R.W. Reference-point Constructions // Cognitive Linguistics. 1993. Vol. 4, № 1. P. 1–38.

Irina Anatolyevna Kuprieva (Belgorod, Russia)

THE PROCESS OF COGNITION STUDIED IN COGNITIVE LINGUISTICS

The article deals with the study of conceptualization and verbalization of cognitive processes in modern English language. The main methodological base of the investigation is the cognitive approach which allows modeling a specific mental structure – a “cognitive processes” frame. This frame is a blend of the relevant concepts of attention, perception, memory and mental processes, etc. It is believed that the method of lingvo-cognitive modeling in the study of lexemes naming cognition will give objective results and reveal some possibilities of future research.

Keywords: *cognition, cognitive processes, mental structure, frame, verb-nounal phrases*

УДК 80.1

Т.С. Нифанова (Северодвинск, Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена сопоставительно-семасиологическому анализу денотативно связанной диалектной лексики английского и французского языков. Отличительной особенностью диалектов является их консерватизм, поэтому в диалектах сохраняются многие семантические явления, имевшие место в различные периоды истории соответствующих языков. Следовательно, сопоставительно-семасиологическое изучение диалектной лексики является перспективным в плане установления устойчивых черт, общих для всех, нескольких или отдельных сопоставляемых языков.

Ключевые слова: языковая картина мира, сопоставительно-семасиологический анализ, денотативно связанная лексика, диалект, сходства, различия

Язык в своем конкретном бытии выступает как единство, осуществляемое в многообразии своих функциональных и структурных признаков, а любой знак в одном из своих значений занимает определенное место в общенациональном языке. Мы предполагаем, что степень и характер насыщенности сопоставляемых языков эквивалентными единицами различных языковых подсистем, например, диалектной подсистемы, отражает семантическое сходство или семантическую оригинальность сравниваемых лингвокультур, проявляющуюся при вербализации аналогичных образов действительности.

Обзор научной литературы показывает, что сопоставительно-семасиологическое изучение диалектов разных языков не получило распространения. Сложность межъязыкового анализа диалектной лексики объясняется следующим: а) отсутствием экономных и надежных способов исследования диалектных лексико-семантических систем; б) слабым отражением семантики в лингвогеографических трудах; в) недостаточным количеством и не всегда высоким качеством диалектных словарей [Толстой, 1997, с. 16–17]; г) процессами урбанизации, суживающей и нивелирующей границы распространения территориальных диалектов; д) отношением к диалектам как к вульгарной речи, употребляемой необразованными слоями общества [Маковский, 1980, с. 26].

Тем не менее, попытки привлечь к сопоставительно-семасиологическому анализу диалектный материал все же имеются. Так, известна деятельность Н.И. Толстого по изучению диалектов близкородственных славянских языков. Проведенный ученым анализ слов *дождь, погода, время, год, час* в ряде диалектов славянских языков показал, что с формально-логической точки зрения эти слова семантически не связаны и относятся к разным понятийным полям. Но при определении границ поля на собственно лингвистических основаниях становится ясно, что эти единицы составляют единое семантическое пространство [Толстой, 1997, с. 20].

К сопоставительным исследованиям диалектной лексики можно с долей условности отнести также Лингвистический атлас Европы, в основе которого лежат диалекты языков Европы [Alinei, 1997]. Материалы Атласа убедительно свидетельствуют, в частности, в пользу того, что везде в Европе для обозначения радуги используются сложные слова с компонентами *пояс, арка, мост, кольцо* в сочетании с религиозной мотивацией: *божий пояс, дуга Ноя, корона святого Варнавы*.

М.М. Маковский убежден, что английская диалектная лексика могла бы явиться исходным материалом для сопоставительного (и этимологического) анализа лексики, в том числе и диалектной, германских языков [Маковский, 1980, с. 9]. Им же приводятся параллели диалектных английских слов из древнеанглийского языка, современных германских, кельтских, скандинавских и других языков и диалектов.

В публикациях высказываются интересные идеи о необходимости создания двуязычного словаря, в котором была бы собрана диалектная лексика одного языка, употребляющаяся как литературная в другом языке [Манакин, 2004, с. 206].

При сопоставительно-семасиологическом анализе обращение к диалектному материалу оправдано с нескольких позиций. Выявление устойчивых черт определенного фрагмента языковой картины мира на основе единиц разных языков, сложившихся за значительный период времени, без обращения к диалектной лексике просто невозможно. Дело в том, что отличительной особенностью диалектов является их консерватизм, те или иные отклонения от литературного стандарта обусловлены в большинстве своем не эволюцией, а именно отсутствием эволюции, поэтому в диалектах сохраняются многие явления, в том числе и семантические, имевшие место в различные периоды истории языка [Маковский, 1980, с. 27]. Следовательно, сопоставительно-сема-

сиологическое изучение диалектной лексики является перспективным в плане установления устойчивых черт, общих для всех, нескольких и отдельных сопоставляемых языков.

В соответствии с постулатами когнитивной семантики, основное содержание сопоставляемых концептов можно выявить лишь при учете всех доступных средств репрезентации языкового материала. Формы существования и проявления объекта фиксируются посредством разных семантических единиц, которые могут принадлежать к самым разным языковым стратам, включая и диалекты. По образному выражению Е. Хаугена, каждый диалект – это целый язык, который просто не добился признания [Haugen, 1976, с. 25], и совсем не понятно, почему этим многочисленным «языкам» должно быть отказано в сопоставительном изучении.

Межъязыковой анализ денотативно связанной диалектной лексики позволяет установить, какие фрагменты семантического континуума рассматриваемых языков в наибольшей степени организованы посредством денотативно связанной диалектной лексики, какие семантические области формируются посредством диалектных единиц в каждом из языков, какие участки семантического пространства сопоставляемых языков объективируются посредством различных вариантов диалектной лексики и как именно.

По нашим данным, в английском и французском языках доля диалектной лексики примерно одинакова, в каждом из сопоставляемых языков диалектная лексика распределена между денотативными классами неравномерно. В английском языке диалектной лексики больше в денотативных классах <вода> и <дождь>, а во французском языке – в денотативных классах <дождь> и <облака>. Следовательно, семантическое сходство между английским и русским языками состоит в том, что наибольшее количество диалектизмов в обоих языках содержит денотативный класс <дождь>.

В составе денотативного класса <дождь> английского языка выделяется группа слов, в дефинициях которых закреплён признак ‘интенсивный дождь’. Например: *teem, toom* – ‘*луть как из ведра*’ [Маковский, 1980, с. 175], *heald* – ‘*(о дожде) луть как из ведра*’ [там же, с. 124], *hasty* – ‘*heavy, violent; it was often used to describe rain*’ [Major, 1981, с. 46] и др.

Во французских диалектизмах признак ‘интенсивный дождь’ сопровождается другим признаком – ‘непродолжительный характер дожда’.

Например: *ruche* – ‘*petite averse subite et qui ne dure guère*’ [Baudoin, 1970, с. 293], *ruchée* – ‘*averse un peu plus prolongée que la ruche*’ [там же, с. 293], *rang* – ‘*averse violente de courte durée*’ [Brunet, 1964, с. 209] и др.

Лишь в единицах денотативного класса <дождь> французского языка закрепляется такой признак, как ‘ливень, сопровождающийся другим природным явлением’. Например: *orval* – ‘*pluie torrentielle accompagnée de vent*’ [Dondaine, 1972, с. 30], *giboulée* – ‘*averse souvent accompagnée de gresil ou de neige, qui survient brusquement en mars ou avril*’ [там же, с. 34] и др.

Только во французском языке признак интенсивности осадков передается с помощью целой серии предикативных конструкций. Например: *Il pleut droit, il pleut eau sur eau* [Haust, 1955, с. 30], *il pleut qu’il vide* [там же, с. 120], *il pleut à noyer la terre* [там же, с. 120], *il pleut des brouettes* [там же, с. 120], *il pleut à z’yeux d’avaque* [Dauby, 1968, с.66] и др.

Исключительно в денотативном классе <дождь> французского языка выделяется группа диалектных единиц, обозначающих пузыри, появляющиеся на поверхности воды во время дождя. Например: *bouteille, bouillons, boucles, boules, bulles, cloques, chandelles* – ‘*bulle qui se forme sur l’eau, quand il pleut en abondance*’ [Dondaine, 1972, с. 29] и др.

В денотативном классе <дождь> французского языка имеется около двух десятков диалектных названий радуги. Например: *Arc-Dieu, arc st. Michel, courroie st. Jean, croix st. Jean, raie st. Bernard, porte du paradis, echelle du bon Dieu, sentier des chèvres, jarretièrre du bon Dieu* [Haust, 1955, с. 121], *barre de Saint- Nicolas* [Labourasse, 1970, с. 149] и др. Появление многих из этих названий связано с христианской традицией, в соответствии с которой радуга считается лестницей на небо и дорогой в рай [Тресиддер, 2001, с. 302]. Примечательно, что в славянской народной традиции радуга ассоциируется с иными представлениями: *веселка, веселуха, краса, красуля, лента, дуга* и др. [Славянская, 1995, с. 330].

Вместе с тем лишь в английском языке зафиксирована значительная группа диалектизмов, называющих небольшие дожди. Например: *shatter* – ‘*to rain slightly*’ [Major, 1981, с. 95], *smur* – ‘*small rain; similar, perhaps, to smither*’ [там же, с. 368], *roak, roake* – ‘*мелкий дождь*’ [Маковский, 1980, с. 158], *haar* – ‘*моросящий дождь*’ [там же, с. 121] и др.

Таким образом, привлечение к сопоставительно-семасиологическому изучению диалектной лексики не только оправдано, но и необходимо.

Список литературы

- Маковский М.М. Английская диалектология. М., 1980.
- Манакин В.Н. Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки. Киев, 1994.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
- Толстой Н.И. Избранные труды. Т.1: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
- Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 2001.
- Alinei M. The Atlas Linguarium Europae after a quarter of a century. A new presentation / Eds. M. Alinei, Viereck, Atlas Linguarium Europae. Perspectives nouvelles en géolinguistique. Rome, 1997.
- Baudouin A. Glossaire du patois de la Forêt de Clairvaux. Genève, 1970.
- Brunet F. Dictionnaire du parler bourbonnais et des régions voisines. Paris, 1964.
- Dauby J. Lexique Rouchi – Français. Amiens, 1968.
- Dondaine C. Atlas linguistique et ethnographique de la Franche-Comté. Vol. 1. Paris, 1972.
- Haugen E. Dialekt, Sprache, Nation // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976. P. 59–71.
- Haust J. Atlas linguistique de la Wallonie. Vol.3. Les phénomènes atmosphériques et les divisions du temps. Liège, 1955.
- Labourasse H. Glossaire abrégé du patois de la Meuse notamment de celui des Vouthons. Genève, 1970.
- Major A. A new dictionary of Kent dialect. Meresborough, 1981.

Tatyana Sergeevna Nifanova (Severodvinsk, Russia)

PROSPECTS OF CONTRASTIVE SEMASIOLOGICAL STUDIES OF DIALECTISMS

The paper deals with contrastive semasiological analysis of denotatively bound dialectal vocabulary of the English and French languages. The main particularity of dialects is their conservatism, so in dialects there are a lot of semantic phenomena which had place in different historical periods of the corresponding languages.

It means that contrastive semasiological studies of dialectal vocabulary are prospective because they permit to establish stable features for all, several or stand-alone contrasted languages.

Keywords: language mapping, contrastive semasiological analysis, denotatively bound vocabulary, dialect, semantic differences, semantic similarities

УДК 81'37

М.В. Петрова (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

В статье рассматривается содержание и структура прагматического компонента в структуре лексического значения. Решается вопрос о статусе прагматического компонента – является ли его наличие в структуре лексического значения обязательным или факультативным. Особое внимание уделяется проявлению прагматического значения в речи индивида.

***Ключевые слова:** прагматика лексического значения, структура прагматического компонента, системное значение, актуальное значение, вывод значения*

В настоящее время в лингвистике нет однозначного определения термина «прагматика». Границы и содержание прагматики также не имеют четких контуров. Каждое исследование прагматических свойств языка ставит перед собой задачу дать собственное понимание прагматического в языке.

Прагматика, появившаяся в русле семиотики и имевшая целью изучение отношений между знаками и их интерпретаторами, в настоящее время рассматривается в двух значениях. Трактую прагматику в широком смысле, многие лингвисты (В.Г. Гак, Г.В. Колшанский, Ю.С. Степанов, И.П. Сусов и др.) определяют ее как «область лингвистики, которая занимается выбором языковых средств для выражения мысли, для наилучшего воздействия на слушающего или читающего с различными целями убедить его, взволновать его» [Степанов, 1981]. Это неудивительно, т.к. впервые прагматическое значение было определено на уровне высказывания. Так, Дж. Остин под прагматическим значением высказывания понимает иллокутивную силу, которую высказывание приобретает в момент его употребления [Остин, 1986]. Однако прагматические исследования на лексическом уровне доказывают правомерность существования не только прагматики высказывания, но и прагматики слова. Поэтому некоторые ученые рассматривают прагматику в узком смысле, т. е. как часть значения слова (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, И.М. Кобозева, М.В. Никитин и др.).

Идея прагматической маркированности слова не является принципиально новой. Еще Дж. Кац [Kats, 1972], анализируя слова *doggie* и

bunny, отмечал, что они содержат в себе указание на употребление в речи ребенка. Однако, слово, как объект прагматического описания, до недавнего времени не привлекало пристального внимания лингвистов. Причина, возможно, состояла в том, что выявление прагматического аспекта содержания слова связано с рядом трудностей, обусловленных тем, что до сих пор «мировая лексикографическая практика не знает универсального словаря, который объединил бы в своем составе все параметры, всю информацию о данной языковой структуре, её функционировании» [Караулов, 1980, с. 66]. Но данные словарей последних изданий позволяют думать о том, что в последнее время в словарные дефиниции стали всё шире привлекаться прагматические показатели.

Исследования прагматического параметра слова связывают два аспекта: выяснение лингвистического статуса прагматического компонента и уточнение самой содержательной стороны прагматического компонента.

Противопоставляя прагматический слой значения слова его денотативному и сигнификативному компоненту, И.М. Кобозева обозначает прагматику как «слой значения слова, который содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения» [Кобозева, 2000, с. 87]. Ю.Д. Апресян рассматривает прагматику как «отношение говорящего к действительности; к содержанию сообщения; к адресату» [Апресян, 1995, с. 136], причем данное отношение может быть закреплено в разного рода языковых единицах: лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции. Кроме того Апресян подчеркивает, что «речь идет не об оценке, свободно творимой говорящим в речи, а лишь о той готовой, лексикализованной или грамматикализованной оценке, которая встроена непосредственно в содержательную сторону языковых единиц и имеет, тем самым, постоянный статус в языке» [Апресян, 1995, с. 136]. Некоторые ученые считают, что слово приобретает прагматическую окрашенность в речи. Так, например, Н.Д. Арутюнова прагматическим называет то значение, которое слово приобретает в ситуации речи [Арутюнова, 1985, с. 5]. Г. Клаус [Клаус, 1967] считает, что семантика – это та часть значения, которая закрепились и устоялась как объективная данность, а прагматика – добавочная часть значения, его «надобъективные» оттенки, которые формируются в синтагматике.

Структура и содержание прагматической информации определяется по-разному. Согласно Э.С. Азнауровой, прагматическое содержа-

ние слова имеет сложный и неоднородный характер, что объясняется значительной разноплановостью компонентов, стимулирующих формирование прагматической информации. Прагматический компонент формируется под влиянием внеязыковых факторов – конкретных, но постоянно повторяющихся, а потому становящихся типичными ситуациями общения [Азнаурова, 1988].

По мнению Ю.Д. Апресяна, прагматический слой значения состоит из трех компонентов: 1) **отношения говорящего к действительности**; 2) **отношения говорящего к содержанию сообщения**; 3) **отношения говорящего к адресату**. Отношение говорящего к действительности подразделяется на общую оценку; оценку по параметру количества; оценку по параметру желательности/нежелательности. Отношение говорящего к содержанию сообщения делится на оценку по параметру истинности (достоверность, вероятность, сомнительность, невероятность) и оценку по параметру иллокутивной функции высказывания (например, предложение «*Поставьте вещи сюда*» может быть либо предложением [приглашением] в ситуации приема гостя, либо требованием в ситуации таможенного досмотра). Отношение говорящего к адресату может либо включать адресата обращения в личную сферу говорящего, либо говорящий маркирует свой более высокий статус в административной иерархии по сравнению с адресатом [Апресян, 1995].

И.М. Кобозева выделяет в структуре прагматического компонента две составляющие: 1) **отношение говорящего к обозначаемому**; 2) **отношение говорящего к адресату** (рассматривается так же, как у Ю.Д. Апресяна). Отношение говорящего к обозначаемому объекту является эмоционально-оценочным. Так, глагол «*таращиться*» обозначает то же действие, что и «*смотреть*», но помимо этого в его значение входит информация о том, что говорящий считает, что обозначаемое действие (смотреть) неуместно, и что тот, кто смотрит, неприятен говорящему из-за этого. И.М. Кобозева обращает внимание на разграничение слов с прагматическим эмоционально-оценочным компонентом, например «*таращиться*», «*кляча*» и др., от слов, в которых эмоциональное отношение или оценка относятся к денотативному и /или сигнификативному слою их значения, например «*любить*», «*ненавидеть*», «*плохой*», «*хороший*». Слова такого типа ничего не сообщают об отношении говорящего к обозначаемому данным словом явлению [Кобозева, 2000, с. 88].

Некоторые ученые, отождествляя прагматику и коннотацию, выделяют следующие компоненты прагматического значения: эмоцио-

нальный, оценочный, экспрессивный, стилистический [Арнольд, 1986; Стернин, 1985; Азнаурова, 1983]. Однако традиционно в составе прагматического значения выделяется, прежде всего, **эмоционально-оценочная** составляющая [Клаус, 1967; Киселева, 1978; Никитин, 2007]. Оценка – это «наиболее яркий представитель прагматического значения» [Арутюнова, 1988, с. 5], в котором непосредственно проявляется субъективное отношение и намерение. Прагматическая информация выражается в оценочных противопоставлениях типа «хорошо – плохо», «приятно – безразлично – неприятно», «красиво – некрасиво, уродливо, безобразно», «добро – зло» и т.п. [Никитин, 2007]. Выраженная имплицитно или эксплицитно, оценка всегда присутствует в структуре значения. Г.Я. Солганик, подчеркивая главенствующую роль человеческого фактора в языке, отмечает, что «в акте номинации в скрытой форме уже содержится оценка», т.е. человек, именуя предметы, одновременно закреплял в названии и свое отношение к ним [Солганик, 1987].

Другим важным компонентом прагматического значения является **эмотивный** компонент, который, по словам В.И. Шаховского, наиболее ярко воплощает в себе воздействующую функцию языка. Эмотивный компонент выражает эмоциональное отношение говорящего к обозначаемому (одобрение, неодобрение, презрение, ирония, возмущение, восхищение и т.п.). Несмотря на то, что некоторые ученые рассматривают эмотивность и оценочность как два различных компонента значения [Вилюнас, 1976, с.48; Квасюк, 1983, с.29], представляется целесообразным не отделять эмоцию от оценки. Выражая свое эмоциональное отношение к предмету речи, говорящий, так или иначе, будет оценивать его как «хороший» или «плохой» [Белявская, 1987; Шаховский, 1987].

В структуре прагматического значения можно также выделить компоненты, которые отражают параметры коммуникативно-прагматической ситуации общения: тональность (официальная, фамильярная), профессиональная принадлежность коммуникантов, этническая принадлежность, их возраст, пол, образование, социальный статус.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что прагматика лексического значения содержит информацию об отношении говорящего к обозначаемому объекту или явлению или к адресату высказывания. Подобное отношение говорящего предполагает весь спектр составляющих его компонентов: эмоциональность, оценочность, эмотивность, условия коммуникации (социальный статус, возраст, пол, этническая принадлежность, ролевые отношения коммуникантов), то-

нальность ситуации общения (формальная, неформальна, нейтральная). По мнению Ю.Д. Апресяна, описание прагматической информации должно содержаться в словарной статье и должно быть разделено на ряд подзон: прагматические стилистические пометы (вежл., вулг., груб., ирон., ласк. и т.д.), прагматические признаки (например, перформативность), оценка статусов собеседников в возрастной, социальной или иной иерархии, иллокутивные функции лексемы и ее коннотации [Апресян, 1995].

Определив содержание и структуру прагматического значения, остается открытым вопрос – является ли данный компонент неотъемлемой частью в структуре лексического значения, и, присутствует ли прагматическое значение в немаркированных высказываниях? Согласно положениям традиционной лингвистики прагматический компонент является необязательным, дополнительным или факультативным. Так, например, по мнению М.В.Никитина, слова могут быть либо прагматически нейтральными, либо иметь только прагматическое значение (например, междометия), либо приобретать прагматическую окраску в «определенных условиях контекста и ситуаций речи» [Никитин, 2007, с.103]. Однако с позиции биосемиотического подхода слова не могут содержать какой-либо компонент значения, т.к. слова не несут в себе никакого значения. По своей природе это – некоторые материальные воздействия, лишь соответствующие некоему состоянию организма, который готов принять и изменить свое состояние. Поэтому и значения (семантику) и оценки (прагматику) создают общающиеся друг с другом организмы в ходе акта коммуникации [Архипов, 2011].

В ходе коммуникативного акта не происходит непосредственного обмена информацией, говорящий или слушающий никогда ни от кого не получает готовое знание. Говорящий лишь ориентирует слушателя на достижение определенного состояния нервной системы, которое соответствует его собственному состоянию в момент создания смысла. При этом говорящий использует всю палитру коннотативных средств, подсказывающих ход мыслей необходимый для вывода задуманного им смысла, включая интонацию, темп и тембр звучания, мимику, жесты и поведение тела (body language) и пр. Слушающий, оценив весь спектр поступающих сигналов, догадывается о том значении, который задумал говорящий. Так, например, когда кто-то говорит: *«У нашей бабушки один петух и десять кур»*, то, принимая во внимание звуковой сигнал и сопутствующие ему жесты, интонацию и обстановку, слушаю-

щий выводит для себя значение слова «*петух – самец курицы*». Однако когда в другой ситуации тот же носитель языка говорит «*Горн увидел Меньшикова – этот петух во весь конский мах скакал к шведам*» [Апресян, 1995, с.160], слушающий выводит для себя уже переносное или прагматическое значение слова «*петух – задорный человек, забияка*».

По мнению И.К. Архипова, прагматическое или любое переносное значение осознается на фоне первого, конвенционального, которое никогда в индивидуальном сознании не отделяется от образа называемого предмета [Архипов, 2011]. Поэтому в указанном выше примере слушающий получает одну и ту же форму слова, с которой конвенционально связано одно системное значение «*самец курицы с разноцветным хвостом, издающий крик по утрам, а также любое живое существо, напоминающее его*». Это системное значение И.К. Архипов называет лексическим прототипом, где уже на уровне системы языка переплетаются семантические и прагматические признаки предметов и явлений, с которыми языковая личность имеет дело и именно в том объеме, который ее интересует [Архипов, 2011]. Данный лексический прототип актуализируется в речи говорящего в виде одного из двух лексико-семантических вариантов. Слушающий выводит конкретное актуальное значение по соответствующим намекам – в виде речевого контекста, различных жестов и интонации.

Что касается присутствия прагматического компонента в немаркированных высказываниях, то, согласно И.К. Архипову, было бы нелогичным полагать, что прагматические средства языка появляются лишь время от времени для «украшения речи». Прагматика служит определенной цели, поэтому в немаркированных высказываниях этой целью является указание на полное исключение отклонений от прямых значений с тем, чтобы помочь сконцентрировать внимание на семантике слов. Таковую тактику можно назвать «прагматикой прямых, конвенциональных значений». Данное явление можно сравнить с известным аргументом стилистики о «выдвижении» компонента значения некоей языковой единицы либо, наоборот, «отход ее на задний план». Само понятие «отход» не означает «исчезновение» или «отсутствие» [Архипов, 2011].

Таким образом, прагматический компонент является неотъемлемой частью знания индивида о понятии, закреплённом в его сознании. Он также проявляется в речи как в маркированных, так и в немаркированных высказываниях. Причем если в маркированных высказываниях

прагматическое значение имеет целью «намекнуть» индивиду об актуализации непрямого значения, то в немаркированных высказываниях «прагматика» сигнализирует об актуализации прямого, конвенционального значения.

Список литературы

Азнаурова Э.С. Аспекты прагматического содержания слова // Сб. науч. тр. Семантика и типология разносистемных языков. Ташкент, 1983. С. 83–96.

Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. Ташкент, 1988.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1986.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (оценка, событие, факт). М., 1988.

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 3–43.

Архипов И.К. О «споре» семантики и прагматики // Сборник статей *Jezyk poza granicami jezyka 2. Semantyka a pragmatyka: spor o pierwszenstwo. Czesc 1. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne*. Olsztyn, 2011. С. 203–211.

Белявская Е.Г. Семантика слова. М., 1987.

Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.

Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей. М., 1980.

Квасюк И.И. Структура и семантика образно-эмотивной лексики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.

Клаус Г. Сила слова. М., 1967.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.

Общее языкознание / Н.Б. Мечковская, Б.Ю. Норман, Б.А. Плотников, А.Е. Супрун; Под общ. ред. А.Е. Супруна. Мн., 1983.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–131.

Солганик Г.Я. Значение слова и представление // Семантика слова и синтаксической конструкции: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1987. С. 6–25.

Степанов Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. №4. С. 325–332.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Шаховский В.И., Карасик В.И. Эмотивность и модальность в семантике слова // Семантика слова и синтаксической конструкции: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1987. С. 31–38.

Kats J.J. Linguistic philosophy. The underlying reality of language and its philosophic import. London, 1972.

Marina Valeryevna Petrova (Saint Petersburg, Russia)

ON THE PRAGMATICS OF LEXICAL MEANING

The article analyses the content and structure of the pragmatic component in the structure of lexical meaning. The problem discussed is whether the pragmatic component is obligatory or optional in the structure of lexical meaning. Special attention is paid to the manifestation of the pragmatic meaning in individual speech.

Keywords: *pragmatics of lexical meaning, structure of the pragmatic component, systemic meaning, actual meaning, inference*

О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай (Белгород, Россия)

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КВАНТОРНЫХ СЛОВ И ИХ РОЛЬ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному изучению средств выражения кванторности в разноструктурных языках (русский, английский, китайский). Под кванторностью понимается оформленный языковыми средствами способ концептуализации количественных отношений. Рассматриваются основные синтагматические модели сочетания слов в этих языках с учётом их семантических характеристик, специфики оформления связи слов в словосочетании в зависимости от структурно-морфологических особенностей языка, рассматриваются основные функции таких словосочетаний.

Ключевые слова: *квантор, кванторность, языковая картина мира, синтагматика, концептуализация, категория количества*

Современные лингвистические исследования в первую очередь ориентированы на установление связи языка с мышлением человека-носителя языка как пользователя языком и одновременно творца этого языка. Тем самым во главу этих исследований ставятся проблемы не столько структурного строя языка, сколько выяснения закономерностей формирования семантических категорий, взаимозависимости семантики языковых единиц с концептуальным аппаратом сознания, а на этой основе – формирования языковой картины мира. Эффективный диалог культур требует изучения отражения специфики национального мышления и менталитета в отдельных языках, а на этой основе – выработки эффективных средств преодоления культурно-языковых различий в ходе общения представителей различных языковых культур.

Квантитативность как одна из основных категорий человеческого мышления, несомненно, находилась и находится в центре внимания лингвистов. Это вполне закономерно, поскольку она тесно сопрягается с такими основополагающими философскими категориями как пространство и время, с одной стороны, а с другой стороны, тесно связана с сопряженной с нею категорией качества. Среди множества определений квантитативности можно отметить определение, где кате-

гория квантитативности характеризует количество как качество, рассматриваемое в его пространственно-временном аспекте [Тимофеев, 1972]. Многие ученые отмечают детерминирующую роль категории качества в познании категории квантитативности [Панфилов, 1971], что вполне закономерно в диалектическом аспекте познания. Значимость последней неоспорима, в силу того, что практически всё в нашем мире характеризуется через количественную составляющую.

Категория количества, несомненно, носит понятийных характер по своей сущности, она категоризируется и концептуализируется с помощью грамматических и лексических средств вербализации каждого конкретного языка. Естественно, что в результате концептуализации не все явления действительности могут укладываться в дихотомические ряды, в нашем случае – единицы, передающие единичность, множественность, но и образовывать языковое пространство, занимающее промежуточное положение.

В данной статье представлен сопоставительный анализ способов вербализации кванторных слов в английском, русском и китайском языках. Общеизвестно, что все названные языки имеют разную грамматическую организацию, а, следовательно, и средства вербализации должны быть различны в силу различия их строя, хотя, несомненно, должны быть и универсальные составляющие.

Русский язык, как известно, относится к флективным языкам с относительно свободным порядком слов и с развитой системой морфологических средств выражения связей между словами в предложении. В аналитических языках, к которым принадлежит английский язык, ведущее место в оформлении речевой цепочки отводится аранжировке слов внутри построения и позиции каждого слова. Степень жесткости/свободы порядка слова, однако, во многом зависит также и от преобладающего способа оформления синтаксических связей. В связи с потерей флексий в английском языке согласование как тип связи слов в предложении уходит на задний план, а на первое место выдвигается примыкание, где большую роль играет семантическая соотносимость слов. Функции слов, выполняющих те или иные роли, оказались закодированными в конфигурации структур, т.е. слова стали функционально маркированными уже самой их позицией. Взаимодействие двух факторов – аранжировки и семантической соотносимости – создало предпосылки для определенного варьирования роли этих двух факторов и возможного превалирования одного за счет другого.

Явление квантификации представляет интерес в изучении лексико-грамматической системы всех языков. Рассматриваемые в статье сочетания типа *стадо овец/ коров/ кусок мыла/ земли/ песка, a piece of wood* и т.д. передают кванторное значение. Данные сочетания состоят минимум из двух компонентов, первый из которых, как зонтик, подбирает второй, хотя первый в плане грамматики представляет единственный предмет с семантикой собирательности, а второй – как правило, множество предметов, т.е. первый элемент характеризуется наличием грамматико-семантической асимметрии. Другими словами, данные сочетания передают особый тип концептуализации количественных множеств, а именно: общее, широкое понятие передается через единичное с суммарной семантикой. Более того, кванторные слова характеризуются наличием компонента меры. Слова такого рода имеют разные названия: кванторные, счетные слова; в английском языке для их обозначения используется термин «aggregate», обозначающий «совокупный, собирательный, суммарный». Такое обозначение представляется вполне оправданным.

В лексическом корпусе русского и английского языков выделяются несколько групп лексем, которые включают кванторные слова, передающие физические характеристики предметов (количество, размер, объем), акцентирующие частотность событий и явлений, транслирующие временные и пространственные параметры (*tons of time, уйма времени*). Более того, в силу того, что наряду с нейтральным значением, присущим кванторам, некоторые из них в определенных контекстах могут приобретать стилистическую окраску, передавая эмоции или эмоциональные состояния (например: *hordes of children, рой журналистов, стадо машин, platoons of bridesmaids и др.*).

В лингвистике принято выделять кванторные слова, передающие количественные характеристики, которые соотносятся с такими предметами и явлениями как 1) живые существа (люди и животные), 2) неодушевленные предметы 3) способы репрезентации различных действий 4) пространство и время 5) денежные единицы и др.

Общеизвестно, что английский язык является аналитическим языком с характеристиками, свойственными языкам изолирующего типа, в котором словообразовательные морфемы сведены до минимума или отсутствуют вообще. В таких языках категория числа может системно или в определенных случаях или для определенных групп имен существительных выражаться не морфологическими средствами передачи

этой категории, а семантически закрепленным в языковом узусе способом квантирования значения. Примером такого квазисистемного использования этой категории может служить английский язык. Как известно, еще в среднеанглийский период (XII–XV вв.) часть английских слов утратила противопоставление по линии числа для некоторых семантических групп существительных. В частности, ряд существительных, обозначающих разные виды домашнего скота и некоторых других групп животных (*sheep*, *deer*, *fish* и пр.), утратил такое противопоставление. Единственным средством передачи их многочисленности явилось семантическое квантирование (*a herd of sheep*). Очевидно, по аналогии, в дальнейшем разные виды и классы животных были представлены кванторными средствами. Так, в современном английском языке нормативными являются словосочетания *a pack of wolves* (стая волков), *a flock of birds* (стая птиц), *a pride of lions* (стая львов), *a herd of sheep/ cow/ goats* (стадо соответствующего вида домашнего скота), *a swarm of bees/ ants* (рой пчел/ колония муравьев или термитов), *a school of fish* (стая рыб/ косяк рыбы) и т.п. Данные примеры наглядно иллюстрируют, что в подобных словосочетаниях участвуют как существительные, обладающие выраженным морфологическим оппозиционным противопоставлением форм числа, так и существительные, утратившие такое противопоставление.

В любом языке есть слова, которые номинируют часть целого предмета или вещества, обозначающего какой-то материал. Таковы слова русского языка *кусок* в словосочетаниях *кусок сыра/ мыла/ мяса* и т.п. Русскому слову *кусок* в английском языке соответствует слово *piece*, однако сфера его употребления с различными существительными гораздо уже, нежели у его русского эквивалента. Так, если в русском языке мы в достаточно неофициальных условиях коммуникации можем употреблять слово *кусок* для обозначения, например, части плитки шоколада, бумаги, земли и т.п., то в английском языке эти значения будут передаваться с помощью словосочетаний, если не фразеологических по своей сущности, то достаточно устойчивых для номинации определенных вещественных концептов. Таковы *a clod of earth* «комочек земли», *a square of chocolate* «кусок шоколада правильной формы даже при разломе», *a slice of bread* «ломоть/кусок хлеба», *a splinter of glass* «осколок стекла». Если же частица вещества представляет собой отдельную структуру кристаллического типа достаточно малого размера, то употребление специального слова для ее обозначения становится

обязательным. В русском языке такие понятия передаются производными словами с суффиксом -инк- и обычно относятся к женскому роду: *a speck of dust* «пылинка», *a flake of snow* «снежинка», *a grain of sand* «песчинка». Таким образом, отсутствие морфологических маркеров, характерных для синтетических языков, к которым, как известно, относится русский, в английском языке компенсируется предложным сочетанием со специфическими по своей семантике взаимообуславливающими элементами.

Более того, следует отметить тот факт, что в рамках одного языка может параллельно существовать несколько кванторных слов, в определенной степени синонимичных друг другу, например: *flock of birds and flight of birds*, etc. Различие между ними, несомненно, детерминировано различным набором концептуальных признаков и сем, что находит естественное отражение в системе языка. Лексикографические источники фиксируют эти особенности. Так, в словаре Oxford Advanced Learners dictionary of Current English: *a flight* определяется следующим образом: *number of birds or objects moving together through the air: flights of arrows/ swallows*, *a flock* – *number of birds or animals (usually sheep, goats) of the kind, either kept together or feeding and traveling together: a flock of sheep/ wild geese etc.*). Как видно из дефиниций, общей семой в значении указанных слов является количественная характеристика групп животных, а отличительным признаком является то, что лексема *flight* содержит в семантической структуре компонент «перемещение по воздуху». Наличие этой семы ограничивает употребление слов, обозначающих объекты, которые способны перемещаться по воздуху – стрела, ласточка, и др. объекты, птицы и насекомые, обладающие такой возможностью. То же самое можно сказать о лексемах *bar* и *cake*. Слово *bar* определяется следующим образом: *a bar* – *long- shaped piece of hard, stiff material (e.g. metal, wood, soap, chocolate)*, а лексема *cake* – *shaped piece of other materials or substances (a cake of soup, tobacco, etc)*. Как видно, лексемы *bar* и *cake* дефинируются различно. Предметы, обозначаемые лексемой *bar*, должны иметь вытянутые параметры, а *cake* – оформлены в виде куска любой конфигурации. Наличие дифференциальных сем в отмеченных лексемах предопределяет комбинаторный потенциал каждой из них.

Обращает на себя внимание следующий факт. В английском языке *кусоч торта/хлеба* может быть передан выражением *a slice of cake*, с одной стороны, а с другой, словосочетанием *a sliver of cake*. В словаре под

редакцией А. Хорнби лексема *sliver* дефинируется следующим образом: “*sharp-pointed, or sharp-edged bit of hard material split, torn or broken off a larger piece (например, a sliver of glass/wood etc.*” Наличие дифференцирующего признака *sharp-pointed/sharp-edged* является релевантным для английского языка и нейтрализуется в русском.

Наряду с внутрисистемными различиями и наличием синонимических рядов внутри языка, наблюдаются межсистемные параллели названных сочетаний, между которыми нет полного соответствия в языке в силу многозначности первого компонента сочетания. Например, в русском языке слово *кусок* может употребляться в сочетаниях с большим количеством лексем, т.е. оно принадлежит к словам широкой семантики (кусок мяса, лимона, металла, мыла, сахара, хлеба и т.д.). В английском языке, как отмечалось выше, это слово коррелирует с целым рядом синонимичных слов, а именно: *a piece of meat, a slice of lemon, a lump of metal, a bar of soap, a slum of sugar, a piece of bread, etc.*).

Такие межсистемные и внутрисистемные различия детерминированы, на наш взгляд, особенностями валентностных свойств лексем, образующих эти сочетания. В силу того, что первый элемент сочетания не всегда самодостаточен для функционирования в качестве отдельной лексемы, второй компонент дополняет его в семантическом плане. Этот элемент должен удовлетворять требованиям семантической совместимости, или солидарности, понимаемой Е.И. Шендельс как одно из проявлений совместимости, когда одно слово предопределяет появление другого, связанного с ним по смыслу, так как в значении одного включены семы другого [Шендельс, 1982, с. 79] или, выражаясь словами Ю.С. Степанова, удовлетворять семантическому согласованию [Степанов, 1972, с. 250] или требованиям лексической солидарности [Coseriu, 1967, с. 297–298]. Между семантикой и синтаксическими свойствами слов имеется регулярное соответствие, поэтому различия в синтагматическом поведении слов указывают на наличие различий в значениях этих слов. Более того, прослеживается также и другая более общая закономерность – семантика слов детерминирует их избирательную сочетаемость. Это проявляется в том, что сочетаемость реализуется при одном условии – наличии общих сем у слов близкого окружения – их семантическая совместимость и отсутствие в одном из компонентов сем, противоречащих семантике другого [Так, 1972, с. 384]. Отсутствие противоречащих сем ведет к появлению консентной или согласуемой части, называемой Ю.С. Степановым «длинным семантическим ком-

понентом». Семантическая консентность обусловлена совместимостью концептуальных сущностей, к разряду которых можно отнести и следующие: общее / суммарное / собирательное – единичное/индивидуальное. Избирательность комбинаторики, как видно, характерна и для рассматриваемых сочетаний. Большинство из них употребляются в своем прямом значении с учетом закона сочетаемости слов. Так, например, в обоих языках сочетания типа *щепотка* сочетаются с названиями сыпучих или подверженных подсчету предметов типа: *щепотка перца / соли / молотой гвоздики / молотого имбиря / соды / табака / песка / сахара* и т.д. – *a pinch of salt / snuff / pepper / grated nutmeg* и др.

Наряду с узуально закрепленными словоупотреблениями, наблюдаются случаи, в которых кванторные слова используются не для передачи количественных номинаций, а для достижения других функций языка, в частности прагматических, наиболее частотными из которых являются использование приемов эмфатизации, гиперболизации, преуменьшения и др. С этой целью могут употребляться не типичные, устоявшиеся в сознании носителей языка сочетания кванторных слов типа *кусочек мыла/мяса/сала*, а следующие сочетания: *кусочек собственности, горсть присутствия духа, щепотка национального колорита, щепотка грехов* и т.д., или построения со сравнительными оборотами, придающие всему высказыванию особые коннотативные смыслы. Данный тезис можно проиллюстрировать нижеследующими примерами:

– *Всюду острый, напряженный сюжет (западного толка), щепотка (вернее, полведра) национального колорита, стакан сложносочиненных метафор, а перед подачей на стол посыпать толченой географической трухой с описаниями городских и прочих достопримечательностей.* (В. Березин).

– *Look! And he pointed in the direction of two nuns surrounded by a horde of children.* (CAB 2206)

– *Bank street looked like a chunk of sentimental London...* (HOM 918)

– *What it about vacuum blacks that makes every drink taste like there is a chunk of dead mouse at the bottom?* (H 8 M1217)

– *Теперь звуки были ясны и точны и летели с безумной быстротой, как рой раскаленных камней.* (Л.Н. Андреев)

– *А вокруг нас все разворачивались и разворачивались каналы и перспективы неповторимого города, прекрасная душа которого улетела подобно пчелиному рою, поклонившему свой прекрасный улей, а новая душа, новый пчелиный рой, еще не вполне обжила свой город.* (В.П. Катаев)

- Они кружили над ним, как рой мошкары. (Е. Алканская)
- He made a ton of money ripping them off (G01.2763).
- She'd lost a few stone since the last time he had seen her and put on about half a ton of make-up (F9C 2830).

Возможны также сочетания *щепотка яда/ радужного пуха/ духовности* и др.; *горсть смелых людей* и т.д. Аналогичные примеры встречаются и в английском языке. Например:

- ...that «population growth is responsible for 79 per cent of deforestation...» needs to be taken with a pinch of logic (CAJ 1251).
- As Germany begins to feel the pinch of the recession, young gallerist Otto Schweins has responded with inspiring proof that small can be beautiful (EBU 2703).

В отличие от русского и английского языков, китайский язык характеризуется наличием такого специфического явления как счетные слова. Счетные слова как морфолого-семантическое явление представляют особый интерес в том плане, что такое явление в русском языке в системном виде отсутствует, в то время как в китайском языке оно не только носит системный характер, но и создает базу для понятийной категоризации слов, выполняющих функции номинативной части речи. В концепции А.И. Иванова и Е.Д. Поливанова данные единицы определяются как «числительные частицы» [Иванов, Поливанов, 2001, с. 277]. Сущность данного явления состоит в следующем: счетные слова являются обязательным компонентом в сочетании числительного с существительным, причем для некоторых случаев такое сочетание употребляется и тогда, когда в русском языке существительное является неисчисляемым, т.е. употребление числительного перед ним может быть оправдано лишь какими-то экспрессивно-стилистическими факторами, например, *У меня одна* (в значении «единственная») *надежда на тебя*. В этом случае в китайском языке таких ограничений нет: в сочетании *yi1 xian4 xi1 wang4** (последние две морфемы передают одно слово «надежда») смысловые компоненты представлены следующим образом: *один + нитка, нить; линия, черта + надежда*, а наиболее адекватный вариант перевода – «луч надежды». В этом случае концепты *нитка* и *линия* представлены счетным словом *xian4*.

В своем большинстве счетные слова китайского языка (далее ССКЯ) сочетаются с исчисляемыми понятиями и обозначают определенное количество соответствующих предметов или существ. Еще один термин для обозначения ССКЯ, который приводит группа исследователей

дователей под руководством Ли Цзэгао – квалификаторы [Ли, Урусов, Судаев, 1998, с.255] – достаточно верно определяет их потенциальную роль слотов для категоризации модифицируемых ими субстантивных понятий, поскольку в ССКЯ отражаются определенные существенные признаки таких понятий: топологические характеристики («поле», «вытянутая форма», «верх»), способ ориентации в пространстве по отношению к фоновым предметам («подвесить», «запечатать», «держать», «выходить; издавать»), признаки на основе метонимических переносов и пр. Это видно в следующих примерах:

топологические характеристики: *san1 suo3 fang2zi* (здесь и далее дается представленность по семантическим компонентам – *три* + *место* + *дом*) «три дома», *yi1 jian1 wo4 shi4* (*один* + *комната* + *спальня*) «одна спальня» и пр.

способ ориентации в пространстве (чаще всего передается лексемами, которые в независимом от контекста значении передают как действия, так и их названия): *san1 feng1 xin4* (*три* + *запечатать; конверт* + *письмо*) «три письма», *shi2 fa1 zi1dan4* (*десять* + *стрелять; выстрел* + *патрон*) «десять патронов» и т.п. Примечательно, что в терминологическом употреблении в русском языке обнаруживается подобное явление: так, при общей языковой норме *десять снарядов* в армейской коммуникации можно услышать, например, *Боекомплекта осталось на десять выстрелов; получить на складе полста выстрелов*.

метонимичные ССКЯ представляют особый интерес в силу их образности и необычности с точки зрения русской языковой картины мира. Метонимия счетного слова обнаруживается, например, в словосочетании *wu2 kou3 ren2* (*пять* + *рот* + *человек*) «пять едоков», и в целом в данном случае проявляется параллелизм с русской метонимией *У него дома пять голодных ртов*, а также *san1 zhu1 shu4* (*три* + *комель, ствол* + *дерево*) «три дерева», *liang2 chuang2 bei4* (*2* + *кровать* + *одеяло*) «два одеяла», дословно «две кровати одеял» и пр.

Как показывает данный материал, описанный класс семантически значимых единиц образует достаточно стройную, подчиняющуюся внутриязыковым законам развития систему. Однако, нам представляется, что наряду с квалификативной функцией категоризации они обладают и квантификативными параметрами, поскольку именно квантификация лежит в основе их категориально-семантического статуса. Именно в силу своей онтологической полимерности ССКЯ вызывают интерес многих исследователей семантики китайского языка.

Собственно, такие слова, которые сочетают в себе квалификативные и кванторные функции, можно встретить практически в любом языке, в том числе и в русском. Выше уже была показана сходная семантическая категоризация в русском и китайском языках на примерах *wu2 kou3 ren2* и *shi2 fa1 zi1dan4*. Китайцы, как и мы, отмеряют чеснок и лук головками (*san tou suan* «три головки чеснока»), злаковые – зернами (*yi li mi* «(одно) зернышко риса»), собирают травы и лекарства, измеряя их сборами (*yi liao yao* «сбор лекарств»). Как видно, такая категоризация ССКЯ основана на метафоре, а общечеловеческий механизм метафоры едва ли имеет существенные отличия в разных языковых картинах мира. Тем не менее, обращают на себя внимание словосочетания со ССКЯ, необычные с точки зрения русской и славянской языковых картин мира. Чаще всего это заключается в непривычном для нас механизме образования ЛСВ полисемичных счетных слов, где в одно счетное слово сливаются значения, представляющие различные концепты в языковой русскоязычной картине. Так, для китайца и букет как «связка» цветов, и прядь волос или волосы, завязанные в пучок, и вязанка дров с позиций слота в терминологии фреймового подхода, представленного ССКЯ *shu4* «вязать; связывать», мыслятся как достаточно близкие концепты.

Следует отметить, что ССКЯ в своем большинстве могут заменяться одним – *ge* «штука». Чаще всего малообразованные носители китайского языка и употребляют его вместо ряда рассмотренных ССКЯ и других, число которых, по некоторым данным, составляет около 660. Таким образом реализуется принцип языковой экономии. Однако квалифицированное употребление ССКЯ является показателем образованности носителя языка, и их использование носит выраженный оттенок претенциозности на рафинированность, утонченность носителя языка и, таким образом, является одним из свидетельств его высокой языковой культуры.

Проведенный анализ явления ССКЯ показывает, что оно не свойственно русскому языку, и, соответственно, при обучении китайских студентов русскому языку могут возникнуть достаточно серьезные случаи коммуникативной неадекватности в общении преподавателя с ними. Конечно, данное расхождение не создает языковой барьер, но при определенных условиях может стать серьезной дидактической помехой. Также представляется, что при изучении семантики кванторности в русском языке учет явления родного языка студентов может дать

неожиданные, возможно, непрогнозируемые, положительные результаты.

Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что кванторные слова составляют достаточно репрезентативный и специфический пласт лексики современных языков. Роль их, на наш взгляд, во многом определяется особенностями каждого конкретного языка, морфологической (для русского – падежные окончания; для английского – сочетания существительных с предлогом *of*) и семантической системой средств (наличие омонимичных, синонимичных лексем или полисемии), а также прагматическим потенциалом каждого из них. Более того, фактический материал показывает, что кванторные слова в целом, являясь универсальной категорией, концептуализируют языковое пространство с учётом этноспецифических особенностей восприятия мира и характера количественных отношений в нём.

Список литературы

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. Москва, 1972. С. 367–393.

Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. 2-е изд., стереотип. Москва, 2001.

Ли Цзегань, Урусов В.Б., Судаев Ю.А. Краткая классификация счетных слов китайского языка. // Актуальні проблеми економічного та гуманітарного розвитку України на межі тисячоліть: Зб. наук. праць. Краматорськ, 1998. С. 253–257.

Панфилов В.С. Философские проблемы языкознания. Москва, 1971.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Москва, 1972.

Тимофеев И.С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». Москва, 1972.

Шендельс Е.И. Совместимость / несовместимость грамматических и лексических значений // Вопросы языкознания, 1982. № 4. С. 78–82.

Coseriu E. Lexikalische Solidaritäten // Poetica. München, 1967. Bd. 1, H.3. S.293–303.

*Olga Nikolayevna Prokhorova,
Igor Vladimirovich Chekulai (Belgorod, Russia)*

SYNTAGMATIC PECULIARITIES OF QUANTIFIERS AND THEIR ROLE IN CONCEPTUALIZATION OF THE LANGUAGE SPACE

The article deals with the comparative study of the means of verbalization the category of quantity in the languages having different structures (Russian, English, and Chinese). The attention is focused on a quantifier as a mode of conceptualizing quantitative relations by linguistic means. The main syntagmatic models of word combinations within these languages considering their semantic characteristic features, specific ways of word connection depending on their structural and morphological entity and the functions of such word-combinations are viewed in the article.

Keywords: *quantum, quantifier, syntagmatic relations, conceptualization, the category of quantity*

УДК 81'373

Н.А. Пузанова (Санкт-Петербург, Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья рассматривает возможные пути лексических изменений в языке. Существование/исчезновение слов в естественном языке всегда мотивировано интерпретацией языковой личности, осуществляемой в акте коммуникации. В статье показывается, что динамичный характер и залог развития языка являются результатом осознания человеком своей предметной и интеллектуальной деятельности. Ментальные процессы, образуемые языковой деятельностью, порождают поведенческую реляционную динамику и выбор определенных языковых средств.

***Ключевые слова:** Наблюдатель, когнитивное взаимодействие, языковая личность, коммуникация, когнитивные и языковые структуры*

Целью статьи является рассмотрение возможных путей лексических изменений в английском языке в диахронии. Вопрос о причинах языковых изменений остается открытым, несмотря на достаточно длительную историю его изучения. Традиционно причины лексических утрат связывают с семантическими изменениями, происходящими в группах взаимосвязанных групп словаря: омонимах, синонимах, гипонимах.

Семантические отношения в языке характеризуются внутренней противоречивостью. С одной стороны, им свойственна устойчивость: слово обозначает определенный предмет, класс предметов или определенный тип отношений. С другой стороны, они отличаются большой подвижностью: так, языковые формы могут менять референционную соотнесенность или утрачивать всякую связь с каким-либо референтом. Такая подвижность значения слов и причины языковых утрат длительное время находятся в центре внимания лингвистов.

Чем дальше развивается современная семантика, тем становится очевидней, что ее проблемы не могут быть решены без обращения к объективной реальности, явления которой отражаются и по-новому воспринимаются языковой личностью и выражаются средствами языка. В системе языка выражаются знания человека о мире. Интерес к путям исторических изменений в языке не ослабевает, а в историческом языкознании неоднократно делались попытки объяснить их причины.

Согласно возникшему в эпоху Возрождения подходу к познанию вещей и явлений – принципу историзма, их следует рассматривать как продукт определенного исторического развития: от возникновения форм до современного периода. Поскольку многие причины исторических изменений в языке остаются без ответа, вопрос об эволюции языка сохраняет актуальность и до нашего времени. Язык является средством общения между людьми и соответственно, должен обладать определенной устойчивостью своих элементов. В противном случае, он вызовет взаимное непонимание в языковом коллективе. Следует отметить, что движение в языке является незаметным для живущих в это время людей, поэтому язык весьма ошибочно представляется статичным явлением.

Отличительная способность естественных языков состоит в том, что они представляют собой знаковую систему с неограниченным числом сообщений. Поскольку человек живет в постоянно изменяющемся мире, его язык должен быть устроен так, чтобы на нем можно было бы сказать все, обозначить любой, до этого еще не названный предмет, любую ситуацию. Совокупность языковых знаков не замкнута заранее никакой предметной областью и обладает возможностью к неограниченному расширению и развитию новых значений [Гак, 1976, с.75].

Эта универсальность языка в плане выражения, его способность именовать что угодно, передать любую информацию, является столь же необходимой для эволюции человека как биологического вида, как и его языка. Следует заметить, что важную идею развития значений в ходе коммуникации впервые упоминает Г. Пауль, родоначальник теории «смены поколений». В основе этой теории лежит постулат о том, что изменение языка происходит чаще всего в момент его начального усвоения, таким образом, реальной причиной языковых изменений является речевая активность отдельного человека. Г. Пауль выделяет три типа изменений слова: звуковые изменения, изменения значений слова и изменения в области синтаксиса, при этом он одним из первых указывает на комплексный характер причин, ведущих к изменению слова. Несколько явлений, считает Пауль, являются взаимосвязанными одно с другим благодаря тому, что они могут быть прослежены как восходящие к одной причине. Младограмматическая теория основывалась на историческом принципе. Г. Пауль подчеркивает, что не существует другого способа научного изучения языка, кроме исторического [Пауль, 1960, с. 150].

В синхронном анализе также можно увидеть отношения между элементами целого. Однако, составить глубокое и всестороннее представление можно лишь рассматривая явление в динамике. Таким образом, существует необходимость сочетать различные способы видения вещей и явлений, в их относительной неподвижности и постоянном движении.

Э. Косериу, которому принадлежит выражение «движение в неподвижном», весьма противоречиво высказывается относительно возможности синхронных наблюдений за языковыми изменениями. Он полагает, что в синхронной проекции изменения не могут наблюдаться как таковые [Косериу, 2010, с.150]. С этим утверждением трудно согласиться, так как именно на синхронном срезе можно заметить ошибки и окказионализмы в речепотреблениях. Э. Косериу подчеркивает тезис о целенаправленности языковых изменений. Критикуя различные теории языкового развития, он направляет основную критику на такое объяснение причин языковых изменений, которое исходит из анализа внутренних условий существования системы, не учитывая данных анализа внешних, экстралингвистических условий существования языка.

Говоря о факторах языковых изменений, Э. Косериу выдвигает тезис о субъективной целенаправленности языковых изменений. В тех случаях, когда движение в языке замечается современниками, оно классифицируется или как «ошибки», или как стилистические отклонения от нормы. Однако то, что представляется стилистическими особенностями или архаизмом сегодня, оказывается архаизмом или нормой завтра. На синхронном срезе языка заметить какие-то отклонения очень сложно. Только с течением времени, подобные свидетельства являются признаком изменения и движения в языке. Таким образом, парадокс языка [Косериу, 2010, с.143] вызван хронологической позицией автора: точка зрения наблюдателя синхронных во времени языковых событий приводит к убежденности в неподвижном и устойчивом характере языка. Точка зрения ретроспективного сравнительного анализа языковых состояний дает представление о движении в языке, и чем больше хронологически отрезок наблюдаемого состояния языка, тем более общие суждения может сделать наблюдатель. Язык изменяется, оставаясь самим собою, и в этом парадоксе – ключ к пониманию природы языка как одной из форм материи.

Р.А. Будагов придерживается точки зрения, согласно которой плодотворнее всего исследовать лексику как систему, находящуюся в дви-

жении, соответственно чему учитываются факторы развития общества, представляющего определенную структуру социальных отношений. По убеждению автора, чисто статическое понимание системы в лексике почти полностью закрывает выход в социологию и культуру [Будагов, 2004, с. 27]. Развитие или изменение языка проявляется в языковых изменениях, которое может рассматриваться в двух аспектах. Первый аспект – это те изменения, которые приводят когнитивную структуру к новому виду и находят отражение в языковых изменениях. Вследствие действия второй силы появляются новые формы, но исходные структуры остаются неизменными, что создает условия определенных традиций и единства. Действие этой второй силы проявляется в языковом варьировании [Кубрякова, 2006].

Универсальные законы мысли отражаются в законах изменения значений. Какие именно законы лежат в основе изменения значений или семантической деривации?

Несомненно, внимания заслуживает исследование М.Н. Лапшиной, в котором процессы семантической деривации рассматриваются и в синхронии, и в диахронии. Семантическая деривация – это появление у слова новых значений. Как известно, имеется тесная связь между семантикой слова и когнитивными процессами восприятия. Это обусловлено тем, что в слове, которое выступает как материальный сигнал элементов объективного мира, отражаемых в мышлении, закрепляются результаты познавательной деятельности человека. Эволюция значения является отражением главных путей развития человеческих знаний о действительности [Лапшина, 1996, с. 9]. Автор рассматривает процессы семантического переосмысления на лингвокогнитивном уровне, как способа концептуальной организации.

Самые разнообразные семантические переосмысления могут быть разбиты на две основные группы: сдвиг и перенос. Семантический сдвиг включает изменения значения внутри одной концептуальной сферы, а семантический перенос охватывает семантические инновации на основе взаимодействия разных понятийных сфер. В этих двух типах семантического переосмысления задействованы разные когнитивные механизмы. Семантические сдвиги подразделяются на сужение, расширение и смещение, а основными разновидностями семантического сдвига являются метафора и метонимия, которые представляют базисные когнитивные операции. Суть данных взаимодействий сводится к проекции в концептуальных доменах: метонимическое проецирование происходит в преде-

лах одного домена, в то время как метафорическое – между различными доменами [Lakoff, Johnson, 1980, p. 35–39]. Большинство категорий естественных языков представляют собой полисемичные категории, т.е. категории, обладающие двумя и более значениями одной лингвистической формы. Соответственно, изменения происходят на основе метафорических и метонимических переносов. Подобная точка зрения поддерживается многими лингвистами. Важнейшей задачей исследования единиц в диахронии является достоверная идентификация и анализ метафорического языка в условиях его естественного функционирования, т.е. в дискурсе. Дискурс представляет собой «двуединство процесса коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т.е. текста» и тем самым охватывает «все формы использования языка» [Кибрик, 2003]. Только в живой мысли интерпретатора утверждают себя авторские смыслы, маркирующие субъективность индивидуально-авторского восприятия действительности и вербализующиеся в тексте как частном случае ее концептуализации [Щирова, 2008, с. 207].

Метафора представляет собой намеренную категориальную ошибку. Когнитивная лингвистика рассматривает метафору как способ, с помощью которого абстрактные и, казалось бы, несовместимые области человеческого знания и опыта концептуализируются как нечто знакомое и конкретное.

В контексте рассматриваемых нами процессов особый интерес представляет семасиологическая интерпретация, развиваемая в работах В.Г. Гака и М.В. Никитина. Её основные положения таковы: при семантическом переносе имеет место устранение или замена архисемы исходного наименования при сохранении дифференциальной семы, которая становится исходной семой переносного значения, или же происходит переход потенциальной семы исходного значения в ранг дифференциальной семы производного значения. При метонимическом переносе архисема исходного значения выступает как компонент производного значения. Метафорический же перенос может быть интерпретирован как симметричное отношение двух наименований с заменой архисем и перераспределением дифференциальных и потенциальных сем [Гак, 1971, с. 82; Никитин, 2007, с. 135].

Динамика изменений, происходящих в современной картине мира англоговорящих носителей языка, находит яркое воплощение в лексических инновациях, репрезентирующих различные области человеческой деятельности. Когнитивные исследования этих инноваций

помогают выявить специфику изменения концептов и категорий на современном этапе, ибо «новое слово – это, прежде всего, способ введения новых концептов» [Заботкина, 1991, с. 30].

Процесс познания является неограниченным во времени и пространстве. Языковые ресурсы, напротив, ограничены. В связи с этим, в процессе познания окружающего мира и расширения спектра знаний в различных областях возникает необходимость повторного использования одного и того же слова для обозначения нескольких явлений, неким образом связанных между собой. Возникающая при этом семантическая неоднозначность дает возможность экономно использовать ресурсы языка и удовлетворять все человеческие потребности, возникающие в процессе коммуникации.

Многие лингвисты сходятся во мнении, что языковые изменения могут происходить в результате процесса коммуникации. Появление новой формы (нового элемента) в языке связано с нуждами коммуникации, т.е. с необходимостью передачи нового содержания, уточнения выражения или дифференциации значения. Если существует потребность выразить новое содержание и отсутствует специальная форма для ее выражения, именно в данном противоречии и кроется источник постоянного движения в языке.

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу языковых форм предполагает такое их описание, которое учитывает как формирование когнитивных структур, которые находятся в основании семантики языковых форм, так и учет причин выбора языковой формы в конкретных коммуникативных целях. Предполагается, что «именно на перекрестке когниции и коммуникации» происходит адекватное описание языкового явления» [Кубрякова, 2006, с. 7].

В коммуникации можно выделить два основных аспекта. Первый аспект – это внутренний аспект взаимодействия концептуальных / когнитивных систем. Второй аспект – это внешний, поведенческий акт, рассчитанный на восприятие его слушающим, он всегда семиотичен. Таким образом, коммуникативное взаимодействие, с одной стороны, целиком пронизано значением. С другой стороны, оно вызывает к восприятию, т.е. к наблюдателю [Верхотурова, 2006, с. 56].

Коммуникация – это речеповеденческие акты, в которых соединяются слово и действие и формируются разные виды человеческого взаимодействия. В современных научных исследованиях обращается внимание не только на отправителя, но и на адресата речи. Однако

письменные памятники языков в их исторической последовательности принимались, как данность, и попытки угадывать отражаемую ими речь ушедших имен не предпринимались. Между тем, функционирование языка всегда предполагает двустороннюю связь коммуникантов [Ярцева, 1989, с.123]. Языковая личность по-своему воспринимает мир и выстраивает определенную картину мира. Концептуальная система – это непрерывно конструируемая система информации, которой располагает индивид о действительном или возможном мире. Таким образом, познание мира человеком выражается в возможном переосмыслении значений слов, появлении новых форм. Слово является своеобразным отправным пунктом изучения динамики языка, единицей, которая отражает окружающую нас действительность и испытывает воздействие гносеологических, когнитивных и онтологических факторов. Каждый из этих факторов имеет динамический характер, способствующий изменению слова и его компонентов как внешних (экстралингвистических), так и внутренних. Это свидетельствует о том, что слова участвуют в когнитивных процессах получения и обработки информации, возникающей в «результате осознания человеком своей предметной и интеллектуальной деятельности» [Лапшина, 1998, с. 13].

В акте коммуникации происходят различного рода конфликты: говорящему приходится делать выбор между несколькими языковыми средствами. Вероятно, один говорящий, добиваясь снятия неопределенности в речевой коммуникации, делает определенный выбор с целью адаптации к изменению среды. Существование определенных лексических средств в естественном языке мотивированно и обусловлено интерпретацией языковой личности-Наблюдателя в ходе коммуникативного процесса.

Таким образом, знания о многозначных словах отливаются в нашем сознании как результат прижизненных наблюдений над ними в ходе коммуникации. По мере своего развития как члена языкового сообщества коммуникант постоянно «присматривается» к слову, по крайней мере, с двух точек зрения – насколько адекватно оно соответствует условиям передачи получаемого и передаваемого смысла, и в чем при этом заключается специфика его значения на фоне имеющихся в наличии синонимических средств. Этот анализ выполняется в рамках фундаментального механизма познания – сравнения – и, в частности, сопоставления «нового», то есть постоянно поступающих в данной ситуации сигналов из внешней среды с тем, что уже известно субъекту из

прошлого опыта коммуникации и, прежде всего, в аналогичных ситуациях [Архипов, 2008, с. 48].

Связи в триаде «действительность – язык – человек» надо рассматривать в историческом ракурсе, поскольку на разных этапах эволюции человека они подвергались существенным изменениям. Менялось и познание мира, и роль языка в познавательных процессах, и само содержание таких понятий, как среда и действительность. Преобразовались и принципы членения и категоризации мира в разных сообществах людей, и принципы номинации и вербализации отдельных единиц в концептуальных системах человеческого сознания. «Но как только мы вводим в гипотезы о генезисе языка историческое измерение, наши реконструкции этого процесса все более затрагивают все большее количество разнообразных факторов, требуют привлечения все большего количества источников сведений об эволюции человека и его переходе к существу, отличному от других живых существ, ибо он становится не просто *homo sapiens*, а *homo loquens* и *homo cognisans*» [Кубрякова, 2001, с. 15].

Таким образом, в диахронических исследованиях следует учитывать роль концептуальной картины мира конкретного коммуниканта. Рассмотрение лингвистических изменений с учетом позиции говорящего/слушающего позволит создать целостную картину становления словаря английского языка. Немаловажным является уточнение характеристик когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний в исторической перспективе. Слова и их значения «не возникают и изменяются», это делают языковые личности, носители конкретных языков. Они ведут своё общение с миром так или иначе именно потому, что так воспринимают мир, видя его глазами и своим внутренним взором. Следовательно, именно на этом основании, очевидно, нужно искать объяснения как природы языка, так всех его особенностей и механизмов.

Список литературы

- Архипов И.К. Язык и языковая личность. СПб., 2008.
Будагов Р.А. История слов в истории общества. М. 2004.
Верхотурова Т.Л. Метакатегория «Наблюдатель» в научной картине мира // *Studia Linguistica Cognitiva*, Вып. 1. М., 2006. С. 45–65.
Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 73–92.

Так В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 78–96.

Заботкина В.И. Семантика и прагматика нового слова. Автореф. дисс. докт. филол. наук. М., 1991.

Кибрик А.А. Анализ дискурса в политической перспективе. М., 2003.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: проблема языкового изменения. Пер.с исп. Изд. 3. М., 2010.

Кубрякова Е.С. О генезисе языка, или размышления об абстрактных именах. Вопросы когнитивной лингвистики, №3. 2006. С. 5–15.

Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии №1, 2001. С. 28–34.

Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). СПб., 1998.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Щирова И.А. О человекомерности науки и текста // Стил. Београд, 2008. С.197–211.

Ярцева В.Н. Пути и формы исторических изменений языка // Известия АН СССР, Т 48, № 2. 1989. С. 112–128.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.

Natalia Aleksandrovna Puzanova (Saint Petersburg, Russia)

EVOLUTION OF THE ENGLISH VOCABULARY

The article deals with possible lexical changes in the system of language. Existence/ disappearance in the natural language are always motivated by the interpretation of an Observer in the communication process. The article shows that the dynamic character and the base for the development of the language are the result of the ability of language learner to interpret the acquired knowledge and to reconsider the intellectual paradigm. Mental process takes part in the relative dynamics and the choice of definite language means.

Keywords: *an Observer, cognitive interaction, Language-learner, communication, cognitive and language structures*

УДК 811.111'37

Е.В. Пупынина (Белгород, Россия)

ЛИНГВИСТИКА ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена проблематике сложившейся в современной когнитивной науке области исследований – лингвистики пространства. Проводится анализ отечественных и зарубежных трудов в этой сфере, рассматривается проблема объекта исследования. Выявляются обусловленные языковой асимметрией направления исследования от системы знаний о пространстве к языку и от языка к знанию.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвистика пространства, знание о пространстве, концепт

Язык изобилует средствами выражения различных аспектов категории пространства. Это не удивительно, ведь это «одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [Гак, 2000, с.127], поэтому человек не мыслит себя вне пространства, осознавая себя его частью. О значимости пространства в сознании человека и в языке лаконично, но емко высказались Мартин Пютц и Рене Дирвен: “Space is at the heart of all conceptualization” [цит. по Zlatev, 2007, р. 319].

Пространство является одной из наиболее интенсивно исследуемых областей концептуальной системы человека. Устойчивый интерес к проблеме отражения пространственных отношений в языке сохраняется с начала возникновения когнитивной научной парадигмы, в которой представления о пространстве формировались, в том числе, и под влиянием идей локализма, восходящих к первой половине XIX века. Фундаментальная роль пространства является причиной неизменного интереса к нему ученых, воплотившегося в целом направлении, которое можно назвать лингвистикой пространства. В данной статье ставится цель рассмотреть основную проблематику этой области знаний.

Анализ отечественных трудов в сфере исследования языка пространства (см. напр., [Агеева, 1984; Гак, 1996, 2000]) позволяет выявить два этапа исследований, обусловленных сменой научной парадигмы.

На первом этапе исследования носили преимущественно описательный характер и были направлены на системно-структурное описание средств выражения элементов философской категории пространства.

Средства выражения пространственных представлений были описаны на разных уровнях языка: в лексике (С.П. Островская, Г.М. Василевич, Л.И. Сем), на материале различных лексико-грамматических разрядов слов: субстантивных, предикативных, дейктических слов (К.Е. Майтинская, Г.С. Двинянинова и Ю.А. Левицкий, О.Н. Селиверстова), на уровне синтаксиса (О.Б. Воронкова, В.Л. Селянина, А.И. Смирницкий, М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский), текста (И.Р. Гальперин), в мифологии и художественной литературе (Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, В.Н. Топоров).

На втором этапе – этапе развития когнитивной лингвистики – провозглашается объяснительный характер исследований и обращенность к аспектам пространства как категории, существующей в наивно-языковом сознании человека с привлечением понятий «концепт», «фрейм», «схема», «пространство наблюдателя» и др. Описываются разные типы концептуализации пространственных отношений (Е.С. Кубрякова, Г.И. Кустова, Е.В. Падучева, Е.С. Яковлева, А.В. Кравченко), параметризация пространства в картине мира (Н.К. Рябцева, Е.В. Рахилина), стратегии описания пространства (И.М. Кобозева), концептуальная пространственная метафора (В.Г. Гак, А.Д. Шмелев, В.М. Топорова), лингво- и культурноспецифичные пространственные концепты (И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев, А.А. Зализняк, В. Жданова).

Результатом большого количества трудов по пространственно-языковой тематике является наличие подробного описания средств выражения и особенностей концептуализации пространства. В отечественных работах говорится о необходимости междисциплинарных подходов к исследованию пространства, привлекаются данные из смежных наук, чаще всего, из философии и психологии. Когнитивные науки объединяются общими теоретическими положениями, что является результатом стремления объяснить сознание человека. Обращение к содержательной стороне языка и понимание того, что постичь ее невозможно, не выходя за рамки чисто лингвистического контекста, усилило интерес к изучению человека как личности во всей совокупности ее проявлений, как носителя сознания, осуществляющего различного рода деятельности, в том числе и речевую деятельность.

Интеграция когнитивных дисциплин проявляется в зарубежных работах в рамках взаимосвязанных направлений исследований *spatial language* и *spatial cognition*. Основополагающим является тезис о том, что язык «открывает окно» в когнитивный мир человека. Ус-

ловно, по ведущей дисциплине, можно выделить несколько направлений.

Когнитивная психология исследует взаимосвязь языка и восприятия пространства, усвоение пространственного языка детьми и формирование пространственных концептов (B. Landau, D. Slobin, G. Miller, S. Millar, D. Waller, L. Nadel, H.A. Taylor, T.E. Moore, S. Rice, K. Nelson).

Нейронауки ищут объяснение способностей к восприятию, пониманию, хранению и воспроизведению знаний о пространстве в нейронной структуре головного мозга (K. Coventry, A.D. Redish and A. Ekstrom, E. Dodge).

Когнитивная или лингвистическая антропология исследует взаимосвязь языка пространства и культурно обусловленной картины мира, влияние языка и культуры на когнитивные языковые способности, связанные с обработкой информации о пространстве (S. Levinson, P. Brown, G. Senft, D. McNeill).

В области искусственного интеллекта, автоматической обработки естественного языка, компьютерной лингвистики акцентируется исследование семантики пространства с целью построения математических моделей для компьютеров, для перевода языкового описания пространства в графическое изображение (J. Pustejovsky, I. Mani, T. Regier, J. Bateman, Th. Tenbrink)¹. В этой же сфере исследований находятся проблемы создания онтологии пространства. В контексте информационных технологий представления знаний онтологию пространства можно рассматривать как иерархически организованный словарь или тезаурус пространственных слов, соотнесенных с концептами, снабженный семантическими связями и механизмами, которые обеспечивают интерпретацию и правильное использование этих слов. WordNet стал первой системой, организованной по такому принципу, среди пространственных онтологий можно отметить OntoSpace, Open Geospatial Consortium.

Наконец, когнитивная лингвистика, базирующаяся на достижениях перечисленных наук, исходит из принципа «human concepts are embodied». Большое внимание уделяется исследованию полисемии пространственных предлогов, глаголов движения, типологии пространственных отношений, функциональным признакам (V. Evans, D. Geer-

¹ См. подробнее в кн: Mani I., Pustejovsky J. Interpreting Motion. Grounded Representations for Spatial Language. Oxford, 2012.

aerts, R. Jackendoff, M. Johnson, R. Langacker, G. Lakoff, A. Herskovits, B. Hawkins, W. Levelt, S. Lindner, R. Dirven, L. Talmy, J. Taylor, A. Tyler, C. Vandeloise, J. Zlatev, L. Carlson, E. van der Zee, K. S. Mix, L.B. Smith, M. Gasser и др.)¹.

Интеграция разных наук при решении проблем пространства и языка, несомненно, расширяет возможности исследователя и обогащает данные. Отсюда высокая практическая значимость полученных данных. Однако в таких исследованиях сам язык «теряется», превращаясь лишь в инструмент в решении задач других наук.

Количество исследований проблемы «язык и пространство» позволяет говорить о целом направлении – лингвистике пространства, – что определяет актуальность ее дальнейшего обобщающего исследования. Эта необходимость продиктована природой пространства и языка. Факт языкового выражения пространства универсален: человеческое мышление, в том числе и языковое, детерминировано пространством. Оно фундаментально. Это определяет видение роли пространственных отношений в том, чтобы служить основой формирования всей концептуальной системы. Первые понятия, усваиваемые детьми, связаны с положением в пространстве и движением.

Если принять во внимание, что пространственные смыслы формируют основу практически всей концептуальной системы, определение объекта лингвистики пространства – задача непростая. Дж. Златев выделяет три категории работ по пространственной семантике в соответствии с критериями определения объекта исследования (Zlatev, 2007).

В качестве критерия, очерчивающего границы объекта пространственной семантики, может выступать класс языковых единиц, в соответствии с которым в фокус внимания попадает сравнительно небольшое количество предлогов с пространственным значением или, по терминологии Талми [Talmy, 2000], “closed-class forms” (формы закрытого класса единиц). В этом случае «за бортом» остаются глаголы, существительные, прилагательные, наречия, вносящие значительный вклад в репрезентацию пространственных смыслов.

Отталкиваясь от семантической категории, пространственными можно считать те единицы языка, которые выражают пространствен-

¹ См. подробнее об этом направлении исследований в кн: *The Spatial Foundations of Language and Cognition* / Ed. by K.S. Mix, L.B. Smith, M. Gasser. Oxford, 2010; *Functional Features in Language and Space: Insights from Perception, Categorization, and Development* / Ed. by L. Carlson, E. van der Zee. Oxford, 2005.

ные отношения. Однако этот критерий не позволяет учесть все стратегии локализации объектов, представленные в языке, например, когда информация о пространстве передается имплицитно.

Коммуникативная функция также может выступать в качестве критерия определения объекта. В соответствии с этим, пространственными следует считать высказывания, которые помогают адресату определить местонахождение или траекторию движения объекта. Этот критерий дает возможность учитывать функционирование пространственных слов в дискурсе, но не позволяет учитывать метафорическое развитие значения.

Исследования вопросов лингвистики пространства могут идти в двух направлениях: от системы знаний о пространстве к языку и в противоположном направлении. Наличие двух направлений исследований обусловлено языковой асимметрией, то есть отсутствием взаимнооднозначного отношения между планом содержания и планом выражения.

Если точкой отсчета являются знания о пространстве, то задача исследователя состоит в выявлении языковых средств репрезентации знаний, в связи с чем в фокус внимания попадают не только собственно пространственные, но и непространственные языковые средства, которые приспособлены для передачи пространственных отношений, например, *a stone's throw* (= близко), *off the map* (= далеко).

Система знаний о пространстве представлена несколькими пересекающимися областями:

Пространственная характеристика предметов (форма, размер, и т.д.)

Локализация

Место

Движение

Мереология

Параметризация

Топология

Геометрия

Приведенный список не является конечным, он включает лишь основные области, каждая из которых представляет собой систему взаимосвязанных концептов.

Лингвистам удалось выявить множество пространственных концептов. Среди основных можно назвать Фигуру (Figure, или Trajector, Theme) и Фон (Ground, или Landmark, Relatum). Фигура – это тот объект пространственной сцены, на который направлено внимание. Её ме-

стонахождение или перемещение определяется по отношению к Фону. Пространственный концепт, который в последнее время часто обсуждается и неоднозначно трактуется в лингвистической научной литературе, – Перспектива, или Рамка референции (Frame of Reference). В самом общем виде его можно определить как систему знаний о точках референции, координатах и углах, помогающую определить, как Фигура расположена по отношению к Фону. Еще одним важным концептом является Движение (Motion), с которым тесно связаны Способ (Manner of motion) и Путь (Path). Последний предполагает знание траектории движения Фигуры по отношению к Фону. Исследование особенностей языковой репрезентации концепта Пути показало значительные расхождения между языками. Вследствие этого были выявлены концепты Вектора движения (Vector) (один из видов – Направление (Direction)), Источник (Source, или Beginning of motion), Цель (Goal, или End). Назовем также концепт Область (Region, или Conformation). Он отличается от Фона как, в терминологии Р. Джэкендоффа [Jackendoff, 1993], Предмет (Thing) отличается от Места (Place). Иначе говоря, это фрагмент пространства, посредством которого устанавливается отношение между Фигурой и Фоном. Несомненно, список пространственных концептов можно продолжить. Мы описали ряд концептов, существование которых признается большинством ученых, но которые получают разную номинацию в зависимости от принимаемой автором терминологической системы.

Перечисленные концепты были выявлены исследователями в связи с поиском универсальных пространственных смыслов. Однако по мере вовлечения в круг внимания большего количества языков оказалось, что некоторые концептуальные «кирпичики» и средства их оязыкования, считавшиеся универсальными, обнаруживают значительные различия. Например, С. Левинсон [Levinson, 2003], выявив многообразие концептуальных систем, лежащих в основе пространственного мышления представителей разных культур, показал их обусловленность языковыми различиями. Однако необходимо заметить, что «в соотношении язык – сознание ведущим фактором выступает сознание, но категории сознания не имеют прямого изоморфного отражения в соответствующих участках языковой структуры, а «рассредоточены» на разных уровнях этой структуры» [Никитин, 2009, с. 9].

Таким образом, знания о пространстве сложны, неоднородны, многогранны и культурно обусловлены. Очень точно, на наш взгляд, об

этом написал Ю.М. Лотман: «Пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой «здравый смысл». При этом у обычного человека эти (и ряд других) пласты образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое. В сознании современного человека смешиваются ньютоновские, эйнштейновские (или даже постэйнштейновские) представления с глубоко мифологическими образами и назойливыми привычками видеть мир в его бытовых очертаниях. На этот субстрат накладываются образы, создаваемые искусством или более углубленными научными представлениями, а также постоянной перекодировкой пространственных образов на язык других моделей. В результате создается сложный, находящийся в постоянном движении семиотический механизм» [Лотман, 1996, с. 296–297].

Второе направление лингвистики пространства – от языка к системе знаний – рассматривает выражаемые пространственными языковыми средствами смыслы. Такие единицы обнаруживаются в системе практически любой части речи:

Предлоги (in, on, up)

Глаголы (put, set, walk, fly)

Прилагательные (distant, long, left)

Наречия (here, there, far, straight)

Местоимения (this, that)

Существительные (place, space)

Особенностью средств пространственного языка является многозначность, поэтому их исследование часто выходит за рамки только пространственных смыслов. Принцип концептуализации явлений в терминах пространства широко распространен в языке. Например, в основе следующих номинаций, относящихся к непространственной области, лежит локализация: *in the bag* (гарантированный успех, дело в шляпе), *in the wrong box* (в неловком положении, не в своей тарелке), *out of the box* (особенный, нестандартный, оригинальный), *in the can* (завершенный, готовый), *in the groove* (на высоте, в ударе, хорошо исполненный), *be on firm ground* (чувствовать себя уверенно, чувствовать твердую почву под ногами), *on ice* (отложенный до поры до времени).

Из проведенного анализа следует, что пространство играет ключевую роль не только в том смысле, что человек получает представления о физическом мире через пространство, но и в том смысле, что пространственные представления выполняют организующую функцию

в системе концептов, распространяются на нефизические сущности. В вербализации пространственного знания участвует целая система языковых средств. В связи с этим проблематика исследований в области лингвистики пространства не теряет своей актуальности.

Список литературы

Агеева Р.А. Категория пространства и способы ее выражения в языке // Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1984. С. 84–113.

Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 2000. С. 127–134.

Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 6–26.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.

Никитин М.В. Об уровневой структуре языка // *Studia Linguistica* XVIII. Актуальные проблемы современного языкознания: Сб. статей / Отв. ред. И.А. Щирова, Ю.В. Сергаева. СПб., 2009. С. 7–17.

Functional Features in Language and Space: Insights from Perception, Categorization, and Development / Ed. by L. Carlson, E. van der Zee. Oxford, 2005.

Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge, 1993.

Levinson S.C. *Space in Language and Cognition: Explorations in Linguistic Diversity*. Cambridge, 2003.

Mani I., Pustejovsky J. *Interpreting Motion. Grounded Representations for Spatial Language*. Oxford, 2012.

Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics* / in 2 Vol. Cambridge, 2000.

The Spatial Foundations of Language and Cognition / Ed. by K.S. Mix, L.B. Smith, M. Gasser. Oxford, 2010.

Zlatev J. *Spatial Semantics* // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / Ed. by H. Cuyckens, D. Geeraerts. Oxford, 2007. P. 318–350.

Elena Vladimirovna Pupylnina (Belgorod, Russia)

LINGUISTICS OF SPACE

The article presents the main issues of linguistics of space, which is a field of study that formed itself within cognitive science. It analyses works by Russian and foreign scholars in the field and also discusses the problem of the scope of research into spatial language. It shows that due to language form/meaning asymmetry research may take different directions: either from the system of spatial knowledge with the focus on the language or from spatial language to the system of concepts.

Keywords: *cognitive linguistics, linguistics of space, spatial knowledge, concept*

УДК 811.111'37

И.В. Толочин (Санкт-Петербург, Россия)

**A JOURNEY IS LIFE; WAR IS ARGUMENT:
О ПРОБЛЕМНОМ ХАРАКТЕРЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
НЕМЕТАФОРИЧЕСКОГО В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ТЕОРИИ
МЕТАФОРЫ**

В статье демонстрируется противоречивость основного положения концептуальной теории метафоры о наличии базовых неметафорических концептов, служащих основанием для формирования метафор, и предлагается интерпретация выявленных противоречий для уточнения сущности языковой метафоры.

***Ключевые слова:** концептуальная теория метафоры, метафорический концепт, метафоризация, сфера-источник, целевая сфера, неметафорическое значение.*

Концептуальная теория метафоры, связанная с именами Дж. Лакоффа, М. Джонсона и М. Тернера, оказала огромное влияние на исследование сущности языковой метафоры. Предложенный этими учеными принцип выделения метафорических концептов [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, Turner, 1989; Lakoff, Johnson, 1999] получил широкое распространение в исследовательской практике. Метафорические концепты, построенные как двучленные формулы по схеме A is B, стали настолько популярными, что они вошли и в учебную литературу по лексикологии и фразеологии [Иванова, 2011, с. 64–77]. В данной статье мы хотим обсудить два серьезных противоречия в трактовке метафорического концепта, которые не только позволяют определить степень ограниченности концептуальной теории метафоры, но и указывают на принципы преодоления этой ограниченности с целью более последовательного описания сущности метафоры в языке.

Когда говорят о теории концептуальной метафоры, то часто приводятся два концепта, ставших своеобразной визитной карточкой для этой теории: Life Is a Journey; Argument Is War [Lakoff, Johnson, 1980]. Сущность предложенных метафорических концептов состоит в том, что они, по утверждению авторов теории концептуальной метафоры, позволяют объяснить, каким образом сознание способно формировать

мысли об абстрактных сущностях: они осмысливаются в терминах более конкретного человеческого опыта. В формулах метафорических концептов слова, стоящие справа от глагола, обозначают более конкретную сферу опыта (сферу-источник), которая, очевидно, не является метафорической, поскольку именно она обеспечивает возможность метафоризации более абстрактной сущности (целевой сферы), обозначаемой словом, находящимся слева от глагола. Предложенная модель метафорического концепта содержит в себе первое существенное противоречие в концептуальной теории метафоры.

Авторы этой теории исходят из априорного положения о том, что выделяемые метафорические концепты являются однонаправленными и отражают иерархически организованную в сознании систему взаимоотношений между неметафорическими концептами и более абстрактными метафорическими концептами. Вот как об этом говорится в работе *“More than Cool Reason”*: “When we understand that life is a journey we structure life in terms of a journey, and map onto the domain of life the inferential structure associated with journeys. But we do not map onto the domain of journeys the inferential structure associated with the domain of life. ... We map one way only, from the source domain of journey onto the target domain of life” [Lakoff, Turner, 1989, p. 131–132]. Таким образом, концептуальная метафора возникает как результат проецирования элементов, оформляющих непосредственный, «буквальный» опыт человека в целевую сферу, которая с этим опытом непосредственно не связана. Мысли о жизни оформляются в терминах путешествия; мысли о споре оформляются в терминах войны. Интересно, что авторы подчеркивают именно однонаправленный характер взаимодействия сфер опыта от более наглядной, «буквальной», к более абстрактной, превращающейся в метафорический концепт. Данный подход подкупает своей четкостью и подтверждается многочисленными примерами. Но здесь можно задать вопрос: в каком смысле и по каким критериям мы можем установить более «буквальную» природу таких сфер опыта (conceptual domains в терминах рассматриваемой теории) как путешествие и война по сравнению с жизнью и спором?

Небольшой эксперимент с языковым материалом показывает, что как раз то, что отрицается авторами концептуальной теории метафоры, является закономерностью функционирования английского языка. Простой поиск в системе Google дает множество контекстов, для которых характерно использование элементов из словесной модели,

представляющей человеческую жизнь, для характеристики этапов путешествия. Приведем ряд контекстов, в которых используются такие значимые для сферы опыта «человеческая жизнь» компоненты как *be born, birth, die, death*. (*somebody is born; the birth of a child; somebody dies; somebody's death*):

- **Our trip was born** when all 7 of us got together with laughter and fun.
- **The birth of the journey to Damascus**, ten years ago.
- **The birth of the journey began** three years ago.
- Most **had not been present at the birth of the journey**.
- Photo's taken on **how our trip died**.
- This visa is going to be **the death of our trip**.

Можем ли мы здесь утверждать, что в выделенных элементах данных словоупотреблений нет моделирования путешествия в терминах рождения или смерти? Данные контексты как раз и демонстрируют то, что авторы концептуальной метафоры напрямую отрицают: если пользоваться методикой определения метафорических концептов, то мы должны будем для этого типа контекстов сформулировать формулу *A Journey Is Life* (*trips/journeys are born; trips/journeys die*).

Интересно, что и для контекстов, в которых ведется речь о войне, вполне естественно использование словесных элементов, которые составляют основу словесной модели «спор» (*argument, argue*):

- 1) a number of revisionist historians that saw **the civil war as an argument between nobles**
- 2) Jonathan Swift, who satirized **religious war as an argument over which end of a soft-boiled egg is best to tap into**
- 3) The dictatorship **responded** with all the fury of **those who only know how to argue with weapons**
- 4) There's nothing in human nature that says **we have to argue with weapons** as terrible as the ones we've allowed the self-appointed leaders of the world to build.

Как видим, в этих контекстах легко выстраивается модель *War Is Argument* за счет включения в словесную характеристику военных действий элементов из словесной модели «спор»: *argument, argue with*.

Возможность зеркального преобразования метафорических концептов *Life Is a Journey* и *Argument Is War* ставит под сомнение надежность выделения и разграничения концептов в рассматриваемой нами теории. Приведенные примеры показывают, насколько естественно для английского языка использование «концептов-перевертышей». Ни

один из приведенных примеров не представляет никакой трудности для понимания и не требует для этого более сложных усилий, чем те, которые необходимы для правильного прочтения таких примеров как *he defeated my arguments* или *being at death's door*.

В таком случае, закономерен вопрос о том, какие именно критерии могут быть использованы для установления тех концептов, которые не являются метафорическими. Если внимательно посмотреть на структуру приводимых для обоснования того или иного метафорического концепта примеров, то мы увидим, что необходимо разобраться с тем, что именно в словесных последовательностях обозначает каждое слово и каким образом распределяется метафорическое и неметафорическое (буквальное) в каждом случае. Очевидно, что мы столкнемся с проблемой установления метафорической природы в структуре значения отдельных слов. Так, например, мы должны будем пояснить, каким образом слова *respond*, *know* и *argue* из примера 3 выше относятся к характеристике военных действий, а не спора. Простейшим решением может быть возвращение к классической модели полисемии, в которой выделяется прямое номинативное значение слова (его буквальный вариант, соответствующий референту) и метафорические переносы. Но тогда мы запутаемся в бесконечных противоречиях при установлении мотивирующей базы для таких переносов.

Собственно, концептуальная теория метафоры стала первой серьезной попыткой отказаться от необходимости постоянно выводить метафорическое значение из сходства с чем-то, находящимся в объективной реальности вне зависимости от человеческого сознания. Для понимания фразы типа *at death's door* нет необходимости выведения возможности значимого сосуществования в высказывании слов *death* и *door* из «объективных» свойств двух денотатов «объективной действительности», соответствующих словам *death* и *door* в их прямых номинативных значениях. Но при отказе от возврата к методике определения метафоры как переноса какого-то буквального значения, необходимо как-то определить неметафорическое, не прибегая к положению об отражении природы объективно существующего предмета в словесном значении.

В монографии “A Field Guide to Poetic Metaphor” Дж. Лакофф и М. Тернер пытаются объяснить природу неметафорического в языке на основании утверждения, что основу значения составляет телесный опыт, некий комплекс физиологических ощущений (*bodily experience*). Анализ их аргументации позволит уточнить сущность проблемы, ко-

тору мы уже выделили, наблюдая за тем, как в английском языке возможно образование концептов-перевертышей, которые не укладываются в концептуальную теорию метафоры, и указать направление дальнейшего уточнения природы метафорического в языке.

Интересным примером для анализа может служить трактовка метафорического и неметафорического в структуре значения *light*, который Дж. Лакофф и М. Тернер называют концептом, но, как мы увидим ниже, в процессе анализа рассматривают как слово. Они пишут: “Light is another example of a concept that is partially understood on its own terms and partially understood via metaphor” [Lakoff, Turner, 1989, p. 58]. Отметим здесь значимый контраст между метафорическим и неметафорическим как чем-то внутренне присущим самому концепту. Это построение очень похоже на трактовку буквального и метафорического в теории отражения. Посмотрим, как этот принцип конкретизируется применительно к «концепту» *light*.

То, как авторы теории понимают различие между метафорическим и неметафорическим, делает их теорию принципиально отличной от классического понимания метафоры как переноса в структуре словесного значения: “We have two common scientific metaphors for light: as waves and as particles that move faster than anything else in the universe” [там же, с. 58]. Чуть ниже авторы утверждают, что помимо двух «научных метафор» в основе содержания *light* лежит базовое неметафорическое знание: “certain nonmetaphorical knowledge about light: that it promotes growth, that it makes us happy for the most part, that it allows us to see and gain the knowledge necessary for our survival, and so on. Thus light has an aspect independent of the particle and wave metaphors, an aspect which is used as the basis for the metaphorical understanding of other concepts” [там же, с. 58].

Подобное определение метафорического и неметафорического использования *light* в английском языке, очевидно, не укладывается в рамки классического подхода к метафоре и прямому номинативному значению. Вот характерное определение слова *light* в его первом значении из словаря The Concise Oxford: the natural agent (electromagnetic radiation of wavelength between about 390 and 740) that stimulates sight and makes things visible [The Concise Oxford Dictionary of Current English, 1990, p. 685]. Здесь важно обратить внимание на то, что в первую дефиницию включены элементы, которые в теории концептуальной метафоры рассматриваются как безусловно метафорические (объясне-

ние сущности света как особой формы излучения с указанием длины волн). Вряд ли авторы словаря исходят из того, что самая первая дефиниция представляет собой метафорическое образование. Элемент *the natural agent (electromagnetic radiation of wavelength...)* представлен как основа для всех остальных дефиниций слова *light*. Остальные элементы дефиниции словаря (*stimulates sight and makes things visible*) похожи по своей структуре на те словесные построения, которыми пользуются Дж. Лакофф и М. Тернер, объясняя неметафорическую природу *light*: *allows us to see and gain the knowledge; makes us happy; promotes growth*. Одновременно, мы сразу видим, насколько более широкий спектр человеческих переживаний охвачен той структурой, которую Дж. Лакофф и М. Тернер называют 'certain nonmetaphorical knowledge about light'. В сущности, определение *light* в изложении авторов теории концептуальной метафоры представляет собой попытку охватить целый ряд актуальных для возможных контекстов использования слова *light* человеческих потребностей и эмоций.

Перед нами возникает парадоксальная модель: к сфере неметафорического авторы концептуальной теории метафоры относят аспекты значения, связанные с человеческими потребностями (*necessary for our survival; happy for the most part*) и эмоциональными состояниями. При этом в содержание *light* помимо определенных аспектов человеческой природы включается и специфическое восприятие контакта, обеспечивающего возможность удовлетворения данных потребностей, которое на словесном уровне представлено как подчинение активному субъекту (*light promotes (growth), makes us happy, allows us to see and gain ...*), настроенному дружелюбно по отношению к человеку. Кажется, что в очередной раз авторы теории концептуальной метафоры впадают в то же самое противоречие, которое мы уже наблюдали при анализе «концептов – перевертышей» *a journey is life; war is argument*. Мы видим, что то, что авторы предлагают считать базовыми неметафорическими структурами, построено в соответствии с теми же закономерностями, что и выделяемые ими метафорические концепты. При подробном анализе авторского разъяснения сущности базового неметафорического значения *light* мы видим, что авторы описывают это базовое значение так, как если бы оно было целевой сферой в структуре метафорического концепта: «неметафорическое знание» оказывается описанием благой силы, которая разрешает человеку видеть и постигать, наполняет его счастьем и обеспечивает рост всего.

Становится очевидным, что в основе значения находится преобразованное в словесном знаке комплексное человеческое переживание, обусловленное каким-то аспектом человеческой природы. Таким образом, *light* в самом базовом своем значении это образ определенного человеческого состояния, связанного с миром его потребностей. Отметим, что и в классической дефиниции толкового словаря просматривается та же закономерность: *agent that stimulates sight and makes things visible* характеризует именно человеческое переживание, а не что-то, находящееся во внешней среде за пределами человеческих устремлений и потребностей.

Проведенный анализ показывает, в чем именно кроется незавершенность концептуальной теории метафоры, которая проявляется как ряд противоречий. Следует лишь отказаться от попытки обосновать существование в языке чего-то, что не было бы изначально метафорическим, как парадоксы, связанные с появлением «концептов – перевертышей» и с попыткой противопоставления метафорической физики и буквальных человеческих переживаний, исчезнут сами собой. В связи с этим, мы предлагаем рассматривать любой процесс формирования словесного значения как метафорический перенос какого-то аспекта человеческого переживания на словесный знак, который выступает, прежде всего, образом данного переживания. Так называемые «научные значения» определенных слов в такой модели формирования значения будут выступать в качестве метонимического расширения исходно метафорических значений за счет включения образных по своей природе словесных единиц в ценностные суждения о том, что в данной культуре представляется знанием о научном строении вселенной (так называемые школьные истины). Подробно производный характер таких значений по отношению к исходным метафорическим рассмотрен в ряде статей [Толочин 2012а, 2012б].

Мы видим, что концептуальная теория метафоры подготовила почву для разработки новой теории словесного значения, полностью свободной от наследия объективизма в лингвистике и способной более убедительно и точно объяснить характер использования слов в языковой культуре.

Список литературы

Иванова Е.В. Лексикология и фразеология современного английского языка. М., СПб, 2011.

Толочин И.В. «H₂O – or Water of Life?»: Об интегральной основе словесного значения // КОНТЕКСТ XXI века. Сборник статей в честь 100-летия со дня рождения профессора Н.Н. Амосовой (1911–1966). СПб, 2012а. С. 136–141.

Толочин И.В. Stone upon Stone: где найти человека в значении слова. // Язык человека. Человек в языке. СПб, 2012б. С. 130–165.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago and London, 1980.

Lakoff G., Turner M. *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago and London, 1989.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy In the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. NY, 1999.

The Concise Oxford Dictionary. Oxford, 1990.

Igor Vladimirovich Tolochin (Saint Petersburg, Russia)

A JOURNEY IS LIFE; WAR IS ARGUMENT: DEFINING THE NONMETAPHORICAL AS A PROBLEM IN THE CONCEPTUAL THEORY OF METAPHOR

The article discusses the problems arising from the central claim of the conceptual theory of metaphor that metaphors are grounded in basic concepts, which are, in themselves, nonmetaphorical. The inconsistencies in this popular theory help to determine the principles that may lead to a more comprehensive understanding of metaphor.

Keywords: *the conceptual theory of metaphor, metaphorical concept, metaphorization, source domain, target domain, the nonmetaphorical*

НОМИНАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

УДК 81'37-13:811.111=161.2

О.Л. Бессонова (Донецк, Украина)

НЕГАТИВНЫЕ ЭМОТИВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА В АНГЛИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАРТИНАХ МИРА

В статье представлены результаты исследования структуры и семантики негативных эмотивных наименований лица в английском и украинском языках. Наименования лица играют важную роль в слое эмотивной лексики, поскольку значение лица является кардинальным для классификации всей лексической системы. Расхождения в структуре негативных эмотивных наименований лица в английском и украинском языках, выявленные в ходе сопоставительного анализа, связаны со словообразовательными особенностями этих языков, общие черты наблюдаются в семантике данных единиц.

***Ключевые слова:** эмотивность, наименования лица, эмоциональный концепт, семантика, структура*

Современный этап развития лингвистики характеризуется повышенным вниманием к процессам концептуализации и категоризации мира, связанным с познанием принципов организации и структуры человеческого опыта. Результат переработки информации об отражении окружающего мира в сознании человека фиксируется в картине мира, причем концептуальная и языковая картины мира находятся в сложных отношениях пересечения и наложения. Изучение категорий, определяющих то, как складывается картина мира в процессе познавательной деятельности человека, играет важную роль в исследованиях когнитивного направления лингвистики. Одной из таких категорий является категория эмотивности. Категория эмотивности неразрывно связана с категориями оценки, экспрессивности, образности. Особенно тесная связь наблюдается между категориями эмотивности и оценки, ведь эмоция и оценка синхронно участвуют в актах отражения и познания фактов действительности и представляют выражение субъективного аспекта результатов, оценивающих отношение субъекта к объектам и их свойствам [Шаховский, 1987; Мягкова 2000].

В структуре языковой личности эмоциональная сфера представлена эмоциональным уровнем, единицами которого являются эмоциональные концепты. Представления человека об эмоциональном мире образуют в его сознании эмоциональную концептосферу – упорядоченную и иерархически организованную совокупность эмоциональных концептов, находящихся в сложных структурно-смысловых и функциональных отношениях. Именно в эмоциональной концептосфере сконцентрировано воспроизводится эмоциональная сфера бытия социума. Эмоциональные концепты представляют собой ментальные единицы высокого уровня абстракции, отражающие универсальные и этноспецифические знания и представления об эмоциональных переживаниях представителей разных языковых сообществ [Красавский, 2001].

В качестве основы для описания набора эмоциональных концептов может быть использована классификация базовых эмоций, представленная в работе А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз [Ортони, Клоур, Коллинз, 1995]. Согласно этой классификации, эмоции подразделяются на реакции на события, на агентов и на объекты. Анализ материала позволяет выделить три группы концептов, обозначающих эмоции: первая группа – эмоции удовольствия – неудовольствия, вторая группа – одобрения – неодобрения, третья группа – любовь – нелюбовь (подробнее см. [Бессонова, 2003]). Лексическая объективация концептов осуществляется с помощью эмотивной лексики. Типология эмотивных единиц включает три группы эмотивов: эмотивы-номинативы – единицы, называющие эмоции, эмотивы-экспрессивы, выражающие эмоции в речи, и эмотивы-дескриптивы, описывающие внешнее проявление эмоций [Шаховский, 1987]. В различных лингвокультурах отмечается разное соотношение выделенных групп эмотивов. Е.В. Трофимова, исследовавшая фразеологическую репрезентацию отрицательных эмоций в английской и украинской национальных картинах мира [Трофимова, 2011, с. 41–42], зафиксировала в обоих языках количественное доминирование фразеологических единиц (далее ФЕ) номинативного типа – 904 ФЕ (73% от общего количества фразеологических единиц-репрезентантов отрицательных эмоций) в английском языке (*strains and stresses* ‘нервное напряжение, волнение’, *go through hell* ‘очень страдать’, *blue devils* ‘грусть, тоска’) и 1124 ФЕ (68%) в украинском языке ([*як (мов, ніби і т.ін.) камінь ліг на душу (на серце)* кому і без додатка ‘кому-либо очень трудно, некто пребывает в угнетенном настроении, страдает, переживает’). Причем в английском языке доля единиц такого

типа выше. Второе место в обоих языках занимают ФЕ экспрессивного типа – 186 (15%) – в английском (англ. *holy cow!* ‘Боже мой! Батюшки!’, *(well) I’m jiggered!* ‘черт поberi’ (междометие, выражающее удивление)) и 365 (22%) – в украинском (укр. *що за чортовиння (чортівня)!* грубо ‘употребляется для выражения недовольства, обиды или удивления’, *хоч на місці погибай* ‘употребляется для выражения досады, недовольства по поводу очень тяжелого или безвыходного положения’). Обращает на себя внимание тот факт, что украинские ФЕ экспрессивного типа значительно количественно превышают ФЕ такого же типа в английском языке. Наименее многочисленными оказались ФЕ дескриптивного типа: 148 ФЕ (12%) – в английском языке (*get gray (get gray hair over smth)* разг. ‘беспокоиться, тревожиться о чем-либо, «поседеть» от ч-л’, *be breathless with fear* ‘быть не в состоянии дышать от страха’) и 163 ФЕ (10%) – в украинском языке (укр. *[аж] кров кинулася до обличчя (в обличчя, в лице і т.ін.)* кому ‘кто-либо покраснел от досады, стыда, радости и т.д.’, *морозом (дрожем, дрожстю) проймати / пройняти кого, що* ‘вызвать ощущение холода, судорожной дрожи от большого волнения, неожиданности, испуга’). Исследователь отмечает, что этноспецифические различия в кодировке эмоций представителями англоязычного и украиноязычного сообществ проявляются в том, что англичане значительно чаще обращаются в номинации негативных эмоций к средствам фразеологии, а для представителей украинской лингвокультуры более характерно выражение отрицательных эмоций [Трофімова, 2011].

Анализируя различные типы эмотивной лексики, обозначающей положительные эмоции в английском, новогреческом и украинском языках, Е.С. Сарбаш отмечает, что номинативно-эмотивная лексика наиболее количественно представлена в украинском языке, а дескриптивно-эмотивная лексика – в новогреческом. Доля экспрессивно-эмотивных единиц в трех языках набора примерно одинакова. Преобладание номинативных эмотивных единиц в украинском языке объясняется, в первую очередь, лингвистическими факторами, а именно наличием более разветвленной системы словообразовательных средств [Сарбаш, 2008].

Благодаря фундаментальным исследованиям Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телии, В.И. Шаховского и многих других сегодня существует достаточно полное представление о функционировании эмотивной лексики [Арутюнова, 1988, 1999; Вольф,

2002; Кубрякова, 1981; Телия, 1986, 1991; Шаховский, 1987 и др.]. Кроме того в лингвистике ведется разработка отдельных групп эмотивной лексики: глаголов смеха [Ковалева, 1981], лексико-фразеологического поля обозначения смеха и плача в современном русском языке [Ротова, 1985], поля страха в французском и русском языках [Растопчинская, 1973], лексики чувственных переживаний [Шахова, 1980], негативно эмотивной лексики [Квасюк, 1983]. Наиболее исследованной оказалась глагольная лексика. Изучение эмотивов проводится на материале английского, испанского, украинского, немецкого, французского и др. языков. В настоящее время эмотивная лексика исследуется и в рамках одного из наиболее активно обсуждаемых в современной лингвистике проблемных узлов – когнитивно-дискурсивного [см. Ортони и др., 1995; Бессонова, 2005; Борисов, 2003; Огаркова, 2005; Сарбаш, 2008; Трофимова, 2011 и др.]. Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению различных групп эмотивной лексики и различных аспектов эмотивов, следует подчеркнуть актуальность системного описания эмотивных наименований лица. Отдельные аспекты этой группы языковых единиц, хотя и были объектом ряда исследований, но не создавали исчерпывающей картины этого важного участка языковой картины мира. Важно подчеркнуть, что сопоставительный подход к исследованию этого значительного пласта лексических единиц позволяет выявить универсальные характеристики эмотивности, отражающиеся в концептуальной картине мира, а также определить специфические черты эмотивной лексики в национальных картинах мира сопоставляемых языков. Как антропоцентрическое явление речь ориентирована на человека, поэтому человек получает большое количество наименований в языке. Для этого используется ряд стереотипов (пол, возраст, поведение, внешность, профессия), которые, в свою очередь, являются субъективными, то есть зависят от ситуации общения и эмоционального состояния собеседников. Важную роль в слое эмотивной лексики играют именно наименования лица (далее НЛ), поскольку значение лица является кардинальным для классификации всей лексической системы.

В данной статье представлены результаты исследования семантики и структуры негативных эмотивных наименований лица в английской и украинской национальных картинах мира. Материал исследования составили 990 лексических единиц (450 – в английском языке, 540 – в украинском языке), отобранных методом сплошной выборки из тол-

ковых словарей английского и украинского языков [OALD; LDCE; НТСУМ], т.е. такие языковые единицы, как англ. *dunderhead* 'дурак', *pirpyr* 'щенок (о молодом человеке)', *duffer* 'тупица', укр. *йолоп* 'глупый человек', *патлань* 'длинноволосый человек', *нікчема* 'никудышний человек' и др.

Основные наблюдения и результаты анализа структурно-семантических особенностей корпуса языкового материала, могут быть обобщены следующим образом:

1) Количественный анализ в целом свидетельствует о совпадении доли исследуемых единиц в корпусе языков набора. Меньшее количество негативных эмотивных НЛ в английском языке позволяет сформулировать первую типологическую особенность эмотивности в английском языке. Словообразовательный анализ показал, что образование всех негативных эмотивных НЛ в целом происходит в рамках закономерностей словообразовательных механизмов языков набора. Структурные особенности английского и украинского языков влияют на количественное соотношение слов следующим образом: меньшее количество исследуемых лексем в английском языке связано со спецификой его словообразовательной системы. Соответственно, большее количество негативных эмотивных НЛ в украинском языке обусловлено значительно большим количеством суффиксов, часть из которых участвует в образовании НЛ с эмотивным значением. Таким образом, в английском языке доминируют непроеизводные лексемы (англ. *fiend* 'дьявол, вор', *dolt* 'болван', *fraud* 'обманщик'), а в украинском языке – аффиксальные (укр. *тпрухляк* 'старый человек', *ви-родок* 'жестокий человек', *похнюпа* 'унылый, грустный человек').

2) Сопоставительный анализ структуры негативных эмотивных НЛ в исследуемых языках показал, что наличие определенных способов образования эмотивов зависит от деривационной техники, которая существует в языке в целом и в сфере именного словообразования, в частности. Структурные особенности изучаемых языков влияют на продуктивность структурных типов негативных эмотивных НЛ. Как уже было отмечено, одним из наиболее продуктивных в сфере образования негативных эмотивных НЛ является тип непроеизводных существительных, однако продуктивность этого типа варьируется. Так, английский язык характеризуется преобладанием непроеизводных негативных эмотивных НЛ, что объясняется аналитической структурой языка – 57% (англ. *lump* 'тюфяк', *scump* 'мерзавец', *rake* 'повеса'),

а в украинском языке такие единицы составляют 33%. Эти различия связаны со структурными и морфологическими особенностями языков: имеется в виду разветвленная система суффиксов, а также наличие грамматической категории рода в украинском языке (укр. *товстун*, *товстуха* 'толстяк, толстуха', англ. *crook* 'проходимец, проныра (то же о женщине)'). Аффиксальные негативные эмотивные НЛ более продуктивны в украинском языке (56,5%) по сравнению с английским (19%) и отличаются эмоциональной насыщенностью, что связано с большим количеством оценочных суффиксов и их эмоциональной окрашенностью в структуре этого языка. Из 140 именных суффиксов в украинском языке в образовании негативных эмотивных НЛ участвуют 44, из них 20 имеют эмотивно-оценочный характер (укр. *бешкетник* 'дебошир, разбойник', *дармоїди́сько* 'лентяй'). В английском языке производительность этого типа почти в три раза ниже из-за преобладания непроемных лексем. Это связано с тем, что в английском языке эмотивность не имеет словообразовательного выражения. Обнаружены лишь некоторые коннотативные суффиксы, которые могут выражать различные оттенки значения (ср. англ. *bo-oz-er* 'пьяница', *hooker* 'проститутка', *smoothie* 'подлиза', *underling* 'пустой, никчемный человек', *laggard* 'увалень', *oldster* 'старикан'). В английских словах эмотивное содержание в основном закреплено за корневой морфемой. Достаточно продуктивным способом образования негативных эмотивных НЛ в языках набора является словосложение. Для английских композитов (21%) характерна двухкомпонентная структура, а также отсутствие соединительного гласного (англ. *dunder-head* 'дурак', *juicehead* 'пьяница', *layabout* 'лентяй'). В украинском языке композиты (8,2%) также состоят из двух компонентов, но особенностью является то, что компоненты сложного слова соединяются с помощью интерфикса (укр. *зубоскал* 'человек, который смеется без причины', *блюдолиз* 'подобострастный человек', *вертихвіст* 'легкомысленный человек'). Другие деривационные процессы (конверсия, усечение, редупликация) являются малопродуктивными в английском языке и не характерными для украинских негативных эмотивных НЛ.

3) Сопоставительный анализ семантики свидетельствует о том, что в исследуемых языках эмотивный компонент в значении большинства единиц является элементом коннотации (англ. – 57%: *fright* 'чудовище', *swingle* 'болтун', *sissy* 'неженка, женоподобный мужчина; баба (о мужчине)'; укр. – 79%: *карга* 'старая, сварливая женщина',

мандрьоха 'распущенная женщина', *хвойда* 'неопрятный человек'). Сопоставительный анализ семантических типов негативных эмотивных НЛ подтверждает универсальный характер категории эмотивности. Эмотивный компонент по-разному проявляется в семантической структуре слова. Согласно критерию эмотивности, негативные эмотивные НЛ в языках набора вслед за В.И. Шаховским [Шаховский, 1987] делятся на: языковые единицы с семантной эмотивностью, представленные лексемами с разной морфологической структурой в обоих языках; единицы с семантной эмотивностью (непроизводные эмотивы-полисеманты); слова с семантной эмотивностью (аффиксальные эмотивы), а также единицы с эмотивностью, закрепленной в ассоциациях библейского, мифологического, исторического характера. В сопоставляемых языках преобладают негативные эмотивные НЛ с семантной эмотивностью: англ. *idiot* 'идиот, дурак', *snapper* 'ничтожество', укр. *садист* 'жестокий человек', *тюхтій* 'неуклюжий человек', *потіпаха* 'распущенный человек'. Данный тип эмотивов представлен лексическими единицами с разной морфологической структурой в обоих языках. Второе место по производительности занимают негативные эмотивные НЛ с семантной эмотивностью: англ. *sculk* '1) скунс, 2) мерзкий человек', *croak* '1) старый экипаж, 2) старый человек', *dinosaur* '1) динозавр, 2) старомодный человек', укр. *тупак* '1) тупой топор, 2) глуповатый человек', *тютя* '1) цыпленок, 2) безвольный, вялый человек', *хробак* '1) личинка насекомого, 2) жалкий человек'. Менее распространены негативные эмотивные НЛ с семантной эмотивностью, коррелирующие с аффиксным типом исследуемых единиц: англ. *whisper* 'молокосос', *drunkard* 'пьяница', *not-hoper* 'неудачник', укр. *горлань* 'крикун', *бандюга* 'вор, бандит', *жадняга* 'жадина'. Наименьшее количество в языках набора составляют негативные эмотивные НЛ, в которых эмотивный компонент закреплен в ассоциациях: англ. *vandal* 'вандал, грубый человек', *robot* 'бездумный человек', *harpy* 'злая, сварливая женщина', укр. *каїн* 'брatоубийца', *іуда* 'предатель', *гетера* 'развратная женщина'.

4) При исследовании материала в структуре значения установлено шесть основных типов пейоративной эмосемы, выражающей осуждение или неодобрение, пренебрежение, презрение, уничижительное отношение, оскорбление, а также значение, обычно передаваемое бранной лексикой. Наиболее распространенными в обоих языках являются эмосемы «осуждение» и «пренебрежение»: англ. *fumbler* 'мазила', *pup-*

пу 'щенок (о молодом человеке)', *butcher* '«мясник», жестокий человек', *lick-spittle* 'лизоблюд', укр. *лобур* 'ленивый человек', *жила* 'скупой человек', *шляпа* 'рассеянный человек'. Наибольшее расхождение проявилось в значительном преобладании бранных НЛ в украинском языке по сравнению с английским, что обусловлено системой украинского словообразования, а именно разнообразием коннотативных суффиксов отрицательной оценки: укр. *хам* 'грубый, наглый человек', *хамло* 'грубый, наглый человек', *тварина* 'животное (о грубом, жестоком человеке)', *мерзота* 'подлец'.

5) В корпусе исследуемых единиц выделены следующие тематические группы, которые совпадают в языках набора: лексические единицы-наименования лица по признаку морально-этических качеств, поведения, интеллектуальных способностей, возраста, внешности, национально-расовой принадлежности, места жительства, характеру межличностных отношений, роду деятельности, по социально-имущественному статусу, по признаку физического состояния. Наиболее продуктивными в обоих языках оказались группы негативных эмотивных НЛ по признакам моральных качеств, поведения, поскольку эта сфера является наиболее важным участком оценочной шкалы (англ. *rat* 'букв. крыса, подлый человек', *flunkey* 'подхалим', *skinfint* 'скупердяй', *slut* 'развратная женщина', укр. *дракон* 'жестокий, злой человек', *талалай* 'болтун', *глевтяк* 'неповоротливый человек'). В других тематических группах отмечены количественные расхождения, связанные с акцентированием различных признаков, отражающих национально-культурные особенности лингвокультурных сообществ.

Расхождения в структуре негативных эмотивных наименований лица в английском и украинском языках, выявленные в ходе сопоставительного анализа, связаны со словообразовательными особенностями этих языков. Общие черты наблюдаются в семантике данных единиц. Для характеристики отдельных тематических групп, семантических типов и разновидностей эмотивных сем в структуре значения негативных эмотивных наименований лица использовались идентичные формулы толкования, что свидетельствует об универсальности семантических компонентов, которые не зависят от структурных характеристик английского и украинского языков и обусловлены общим характером аксиологической шкалы, ценностей и психологии данных языковых коллективов.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивний та гендерний аспекти. Дис. ... д-ра філол. наук. К., 2003. 463 с.
- Бессонова О.Л. Концепты эмоций в структуре оценочного тезауруса английского языка // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Вип. 11. У 2 частинах / Укл.: А. Загнітко (наук. ред.) та ін. Част.1. Донецьк, 2003. С. 256–265.
- Борисов О.О. Мовні засоби вираження емоційного концепту *СТРАХ*: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі сучасної англomовної художньої прози): Дис. ... канд. філол. наук. Донецьк, 2005. 195 с.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
- Квасюк И.И. Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 186 с.
- Ковалева М.С. Глаголы смеха в русском и английском языках // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981. С. 52–82.
- Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М., 1981.
- Мягкова Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения. Курск, 2000.
- Огаркова Г.А. Вербалізація концепту *КОХАННЯ* в сучасній англійській мові: когнітивний та дискурсивний аспекти: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. К., 2005. 20 с.
- Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций / пер. с англ. // Язык и интеллект. М., 1995. С. 314–384.
- Растопчинская О.В. Сопоставительная характеристика семантических полей слов со значением «страх» во французском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1973. 175 с.
- Ротова М.С. Лексико-фразеологические поля обозначения смеха и плача в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Сарбаш О.С. Семантика позитивної емотивної лексики: лінгвокогнітивний та лексикографічний аспекти (на матеріалі англійської, укра-

їнської та новогорецької мов): Дис. ... канд. філол. наук. Донецьк, 2008. 198 с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Телия В.Н. Человеческий фактор в языке. М., 1991.

Трофімова О.В. Фразеологічна репрезентація негативних емоцій в англійській та українській національних картинах світу: Дис. ... канд. філол. наук. Донецьк, 2011. 245 с.

Шахова Л.И. Структурно-функциональная характеристика ЛСГ существительных «чувственные переживания» в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. К., 1980. 21 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Новий тлумачний словник української мови: У 3 т. – Вид. друге, виправл. / Укл. В.В. Яременко, О.М. Сліпушко. К., 2007. [НТСУМ]

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Editor J. Crowther. Oxford University Press, 1998. 1428 p. [OALD]

Longman Dictionary of Contemporary English. Third edition. Longman Group Limited, 2000. 1696 p. [LDCE]

Olga Leonidovna Byessonova (Donetsk, Ukraine)

NEGATIVE EMOTIVE DESIGNATIONS OF PERSON IN ENGLISH AND UKRAINIAN LANGUAGE WORLD MODELS

The article deals with structure and semantics of negative emotive names of person in English and Ukrainian. Being crucial for the lexical system classification, designations of person constitute an important layer of emotional vocabulary. Divergences in the structure of negative emotive names of person in English and Ukrainian, which have been observed in the course of the analysis, can be accounted for by the word-formation mechanisms of the languages under study. The research also considers the universal and specific semantic features of the units under study.

Key words: *emotiveness, designations of person, emotional concept, semantics, structure*

УДК 811.111

О.С. Дудкин (Санкт-Петербург, Россия)

ЛЕКСИКА, НОМИНИРУЮЩАЯ ЭМОЦИЮ ВОСХИЩЕНИЯ В БРИТАНСКОМ ИНТЕРВЬЮ

В статье рассматривается лексика, при помощи которой происходит прямая номинация эмоции восхищения. Материалом послужили интервью с британскими писателями Джулианом Барнсом, Гарольдом Пинтером, Аланом Холлингхёрстом, Майклом Фрейном, Грэмом Грином и Маргарет Дрэбл, проведённые на английском языке. Автором статьи предлагается определение эмоции восхищения, классификация способов репрезентации категории эмотивности на лексическом уровне, а также выявление и анализ лексики, номинирующей эмоцию восхищения в британском интервью.

Ключевые слова: *восхищение, эмотивность, эмотив, эмотивный микро-текст, номинация, интервью*

Согласно классификации психолога Е.П. Ильина, восхищение является наивысшей степенью удовлетворения. [Ильин, 2011, с. 160]. М.В. Никитин, характеризуя состояние восхищения, пишет, что дистанция между чувством восхищения и его проявлением невелика, а зависимость сильна. В этой связи выражение восхищения, в том числе словесное, «почти то же, что акт восхищения» [Никитин, 2007, с. 576].

Категория эмотивности является полистатусной. О.Е. Филимонова определила полистатусность как способность языковой единицы проявлять то или иное категориальное значение на разных уровнях языковой системы, то есть в статусе разноуровневых единиц [Филимонова, 2007, с. 56–57]. Таким образом, категория эмотивности может проявляться в языке на многих уровнях: фонетическом, лексическом, фразеологическом, синтаксическом и других [Шаховский, 2008, с. 28]. При этом, согласно В.И. Шаховскому, существуют три основные группы лексики, представляющей эмоции говорящего: 1) лексика, называющая эмоции 2) лексика, описывающая эмоции 3) лексика, выражающая эмоции [Шаховский, 2010, с. 35].

В данной статье мы остановимся на первом типе классификации В.И. Шаховского и опишем способы номинации эмоции восхищения в англоязычном интервью. Говоря о лексике, номинирующей эмоцио-

нальное состояние, О.Е. Филимонова замечает, что «в рамках одного только лексического уровня можно обнаружить различную «заражающую силу» таких лексем, как *fear, anger, woe, pain, death, love, sorrow, suffering* и, к примеру, *table, go, building, trade, conversation, book*. В то время как лексемы, номинирующие эмоциональное состояние, репрезентируют гипотетическую эмотивную ситуацию, лексемы, не содержащие в своей структуре семы эмоционального состояния (*table, go, building* и др.), не связаны с эмоциями и могут репрезентировать эмотивную ситуацию только в условиях особого контекста, наполняясь индивидуальным эмотивным смыслом» [Филимонова, 2007, с. 33]. Лексика, номинирующая эмоции, исследовалась в целом ряде работ, однако на материале текста интервью категория эмотивности в целом и называющая эмоции лексика, в частности, не изучалась. Таким образом, для реконструкции эмотивных ситуаций и испытываемых респондентами эмоций, обратим внимание на номинирующую лексику, репрезентирующую восхищение.

В качестве первого примера рассмотрим отрывок из интервью английского писателя Джулиана Барнса:

INTERVIEWER: But there is always one writer, a grand progenitor, who really does mark you. For you it was Flaubert. Were you conscious of his impact?

BARNES : Yet I don't write Flaubertian novels. It is the safest thing to have a progenitor who is not just foreign and dead, but preferably long dead. I admire his work absolutely and read his correspondence as if it were written to me personally and posted only yesterday.

Реконструируя раскрывающуюся в данном микротексте эмотивную ситуацию, выявляем, что указание интервьюера на имя Гюстава Флобера провоцирует Дж. Барнса на выражение доминантной эмоции восхищения. Первое слово “progenitor”, употреблённое по отношению к Флоберу, имеет в словаре “Macmillan English Dictionary” помету “very formal” и среди дефиниций имеет следующие: “someone who has the original idea for something”, “the original idea or model for something that comes later”. Употребление данного слова говорит о признании Дж. Барнсом таланта Флобера и вводит сопутствующую эмотивную тему микротекста, тему «почтение». Эмоция восхищения репрезентуется при помощи прямой номинации (admire) и наречия “absolutely”, служащего интенсификатором. Помимо этого, во второй части последнего предложения микротекста писатель развёрнуто сообщает о личном восприятии текстов писем Флобера, что говорит об их высоком зна-

чении для Дж. Барнса. Изложенное Дж. Барнсом личное восприятие усиливает обозначенную глаголом “admire” силу эмоции восхищения.

Следующий отрывок интервью Дж. Барнса также содержит номинацию эмоции восхищения, однако интенсификатором выступает другое слово:

INTERVIEWER: What about American literature? You have already mentioned Updike. Did you read them early on? I mean particularly the greats — Melville, Hawthorne, etcetera.

BARNES: Sure. Hawthorne particularly, then Fitzgerald, Hemingway, James, Wharton — I'm a great admirer of hers — and Cheever, Updike, Roth, Lorrie Moore, who I think is the best short-story writer in America since Carver.

Репрезентация доминантной эмоции восхищения происходит при помощи прямой номинации, однако, в данном случае номинирующим словом является имя существительное “admirer”. Сопутствующая эмотивная тема почтения выражается как в вопросе интервьюера, так и в ответе: журналист определяет писателей Германа Мелвилла и Натаниэля Гортонна существительным “greats”, а Дж. Барнс изначально соглашается; его ответ представляет собой эллиптическое предложение (Sure.), что говорит о полном согласии со словами журналиста. Таким образом, писатель признаёт как влияние на себя творчества Г. Мелвилла и Н. Гортонна, так и справедливость употребления по отношению к этим писателям слова “greats”. Помимо этого, своё однозначно положительное отношение к творчеству Н. Гортонна и Лори Мор автор выражает путём сопоставления с другими писателями (*Hawthorne particularly, Lorrie Moore, who I think is the best short-story writer in America since Carver*).

Английский писатель Гарольд Пинтер так же прямо называет собственное эмоциональное состояние, употребляя при этом интенсификатор:

INTERVIEWER: Did you go to a lot of plays in your youth?

PINTER: No, very few. The only person I really liked to see was Donald Wolfit, in a Shakespeare company at the time. I admired him tremendously; his Lear is still the best I've ever seen.

В данном микротексте писатель сообщает о своём восхищении, которое является доминантной эмотивной темой микротекста. В качестве сопутствующей темы выделим «предпочтение», которое автор отдаёт английскому актёру Дональду Волфиту среди всех остальных актёров, особенно отмечая его исполнение роли короля Лира. Данное предпочтение выражается словосочетаниями “The only person I really

liked to see” и “still the best I’ve ever seen”. Эмоция восхищения репрезентируется глаголом “admired”, который интенсифицируется в речи наречием “tremendously”.

В следующем отрывке из интервью с английским писателем, поэтом и литературным критиком Аланом Холлингхёрстом номинация эмоции восхищения происходит при помощи пассивной конструкции «to be impressed», а также глаголов “admire” и “love”:

INTERVIEWER: Both The Line of Beauty and your new book, The Stranger’s Child, have gaps in the narrative where great periods of time are omitted.

HOLLINGHURST: There’s a Jamesian precedent for that—there’s a big time lacuna in The Portrait of a Lady. I remember being very impressed by it. I love the idea of flinging the reader into a new situation. Alice Munro was also very much in my mind when I was writing The Stranger’s Child. She’s a writer I’ve always admired.

Подобно первому примеру из интервью Дж. Барнса, здесь писатель также развёрнуто сообщает о собственном восприятии текстов канадской писательницы Элис Мунро (was also very much in my mind), что говорит о глубоком признании и высоком значении творчества Э. Мунро для интервьюируемого. Последнее предложение микротекста резюмирует сказанное писателем ранее, подчёркивая ещё раз однозначное восхищение.

Уже при первом рассмотрении следующего отрывка из интервью английского журналиста, писателя, драматурга и переводчика Майкла Фрейна можно отметить высокую концентрацию эмоционально окрашенных лексем:

INTERVIEWER: You must have had a creative encounter with Georges Feydeau’s work. Did he trigger something in you?

FRAYN: Well yes, I greatly admire Feydeau and very much enjoy his plays.

В самом начале относительно короткого ответа автор однозначно соглашается с тем, что французский комедиограф Жорж Фейдо оказал на него большое влияние. Далее автор проявляет доминантную эмоцию высказывания, а именно представленное глаголом «admire» восхищение. Для того чтобы придать большую эмоциональную силу своему высказыванию, автор употребил наречие “greatly”. В данной относительно короткой реплике выражена также и сопутствующая эмотивная тема наслаждения, граничащего с интересом. Эмоциональное состояние выражено глаголом “enjoy”, который интенсифицирован словосочетанием “very much”.

В следующем отрывке интервью английского писателя Грэма Грина доминантной эмотивной темой также является восхищение:

INTERVIEWER: Is there, in fact, any relationship between his paganism and your Catholicism?

GREENE: Not really, but his work, for which I have the very greatest admiration, was so remote from mine that I was able to enjoy it completely; to me it was like a great block of stone, which not being a sculptor myself, I had no temptation to tamper with, yet could admire wholeheartedly for its beauty and strength.

В относительно коротком ответе автор употребил существительное “admiration” и глагол “admire”, интенсифицированные прилагательным в превосходной степени “greatest” и относительно нечасто встречающимся в английском языке наречием “wholeheartedly” соответственно. Усиливают реализуемое восхищение метафора “great block of stone”, включающая в себя прилагательное “great”, а также употребление лексем «beauty» и “strength”, в семантической структуре которых содержатся положительные эмотивные семы.

Сопутствующей эмотивной темой является наслаждение, которое реализовано глаголом “enjoy” и интенсификатором “completely”.

В следующем отрывке интервью английской писательницы Маргарет Дрэббл номинация эмоционального состояния восхищения используется в ответе, носящем несколько ироничный характер:

INTERVIEWER: What do you find most difficult in writing your novels?

DRABBLE: I find it difficult to write about very stupid people. I'm aware that my characters tend to be not only intelligent, but intelligent about themselves. One of the things that I really admire is the ability to write with dignity and understanding about people who are not aware of themselves.

В данном ответе восхищение скорее выступает в качестве составной части общей прагматической установки высказывания, которую, в свою очередь, можно разделить на две части: 1) проанализировать характерные черты своих литературных персонажей 2) обозначить возникающие при описании персонажей трудности. В качестве интенсификатора выступает наречие “really”.

В следующем отрывке интервью М. Дрэббл также иронизирует в самом начале ответа:

INTERVIEWER: Are there any questions you are afraid of being asked?

MARGARET DRABBLE: No, because I am very good at not answering them. I don't much like being nagged about my private life because it involves

others than myself, and I haven't got a right to speak for them. But most people are very conscious of this and don't nag. I don't like placing other writers much and avoid the temptation to do so when asked, though I don't mind admitting my immense admiration for Angus Wilson, Saul Bellow, and Doris Lessing.

Представленная существительным «admiration» с интенсифицирующим прилагательным “immense” эмоция восхищения также не является доминантной эмотивной темой данного микротекста, так как не менее значима роль других эмоций: «отторжение» и «антипатия».

В следующем отрывке интервью английской писательницы Маргарет Дрэббл номинация эмоции восхищения осуществляется при использовании двух глаголов: “admire” и “enrapture”:

INTERVIEWER: *Who are your heroines now?*

DRABBLE: *Mrs. Gaskell and George Eliot in a way. Shakespeare's Cleopatra has always enraptured me, though I don't suppose I'd like to be like that. George Sand perhaps is the nearest to a heroine because she had such a full life and was so generous and spontaneous and cared nothing about petty things, only about true ones. She never cut herself off. She cared for people. She was inexhaustible and I admire that.*

Следует отметить, что среди проанализированных интервью британских писателей производное от “rapture” слово встретилось всего один раз, в приведённом выше примере. В словаре “Macmillan English Dictionary” данное слово имеет помету “literary” и имеет значение “enjoying something very much”. Электронный словарь Lingvo 12 содержит следующие значения слова enrapture: «восхищать», «приводить в восторг», «восторгать»; «захватывать». На примере данных определений мы видим, что отличие слова “enrapture” от “admire” в том, что “admire” предполагает большую степень осознанности эмоции. “Enrapture”, как правило, относится непосредственно к моменту переживания эмоционального состояния без оттенка осознания и анализа. Значение глагола «enrapture» имеет в качестве компонента значения сему «наслаждение» (enjoyment).

В следующем отрывке Дж. Барнс даёт оценку творчеству Джона Апдайка:

“.....I think you hope, broadly, that your best work will survive, but how you produce your best work is perhaps a mystery— even to you. There are writers who are enormously prolific, like John Updike, whom I revere, and who has produced fifty, sixty books. The Rabbit quartet is clearly one of the great post-war American novels”.

Для передачи своего отношения к четырём написанным на момент интервью романам о Кролике, Дж. Барнс прямо называет свою эмоцию (глагол *revere*) и даёт серии романов очень высокую оценку, выделяя её из всей послевоенной американской литературы. Глагол “*revere*” имеет в словаре Macmillan English Dictionary помету “*formal*” и определяется как “to have a lot of respect and admiration for someone or something”. Производные данного слова можно встретить в религиозном дискурсе; в частности, обращение к священнику в английском языке может звучать как *Your Reverence* (рус. «Преподобный отец»). Глагол “*revere*” встретился в анализе интервью с английскими писателями лишь дважды. Рассуждения дополнены указанием на продуктивность Дж. Апдайка, в подтверждение своим словам автор приводит количественные показатели. В данном случае рассуждения носят уверенный характер, что выражается наречием “*clearly*”.

Практически во всех проанализированных микротекстах эмоция восхищения являлась доминантной; в качестве сопутствующих эмоциональных тем, как правило, выступают «признание», «симпатия», «наслаждение», «предпочтение».

Наиболее часто встречающееся слово (употреблённое 45 раз на 515 условных страницах¹), прямо номинирующее эмоцию восхищения, – глагол “*admire*” (включая, соответственно, производные формы). В 20% случаев с глаголом “*admire*” и его производными употребляется слово-интенсификатор (производные от “*real*” (1 употребление), “*great*” (5 употреблений), “*tremendous*” (1 употребление), “*absolute*” (1 употребление), “*immense*” (2 употребления) и “*wholehearted*” (1 употребление)). Таким образом, в результате анализа интервью британских писателей было выявлено, что в сочетании с глаголом “*admire*” и его производными формами наиболее часто употребляется интенсификатор «*great*» и его производные формы. Значительно реже для прямой номинации эмоции восхищения используются слова “*revere*” (употреблено 2 раза на 515 условных страниц), и “*enrapture*” (1 раз на 515 страниц).

При анализе выражения эмоции восхищения в интервью английских писателей (включая относительно молодых) выявлено полное отсутствие вульгарной или табуированной лексики, в то же время, ими употребляется, хотя и относительно нечасто, лексика, имеющая в словарях такие пометы как “*formal*”, “*very formal*”, “*literary*”.

¹ Одна условная страница равна 1800 знакам с пробелами

Список литературы

- Ильин Е.П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб., 2011.
 Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.
 Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб., 2007.
 Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
 Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М., 2010.
 ABBYY Lingvo 12 [электронный словарь].
 Macmillan English Dictionary for advanced learners. International Student Edition. Oxford. 2010.

Электронные источники

- The Paris review [сайт] URL:
<http://www.theparisreview.org/interviews/562/the-art-of-fiction-no-165-julian-barnes> (дата обращения: 19.02.2013).
 The Paris review [сайт] URL:
<http://www.theparisreview.org/interviews/4351/the-art-of-theater-no-3-harold-pinter> (дата обращения: 19.02.2013).
 The Paris review [сайт] URL:
<http://www.theparisreview.org/interviews/3440/the-art-of-fiction-no-70-margaret-drabble> (дата обращения: 19.02.2013).
 The Paris review [сайт] URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/80/the-art-of-theater-no-15-michael-frayn> (дата обращения: 19.02.2013).
 The Paris review [сайт] URL:
<http://www.theparisreview.org/interviews/6116/the-art-of-fiction-no-214-alan-hollinghurst> (дата обращения: 19.02.2013).
 The Paris review [сайт] URL:
<http://www.theparisreview.org/interviews/5180/the-art-of-fiction-no-3-graham-green> (дата обращения: 19.02.2013).
 The Paris review [сайт] URL:
<http://www.theparisreview.org/interviews/4351/the-art-of-theater-no-3-harold-pinter> (дата обращения: 19.02.2013)

Oleg Sergeevich Doudkin (Saint Petersburg, Russia)

LEXIS NOMINATING THE EMOTIONAL STATE OF ADMIRATION IN BRITISH INTERVIEWS

The article considers the problem of the words that directly nominate admiration. The article is based on the interviews of the British writers Julian Barnes, Harold Pinter, Alan Hollinghurst, Michael J. Frayn, Graham Greene and Margaret Drabble. The author of the article offers the definition of the emotion of admiration, studies the main types of lexical representations of emotions and gives the analysis of the words that nominate the emotive state of admiration in British interviews.

Keywords: admiration, emotiveness, emotive word, emotive micro-text, nomination, interview

УДК 811.133.1

О.Н. Кузьменко (Санкт-Петербург, Россия)

ГРАФИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПИСЬМАХ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Статья посвящена изучению графических и морфологических особенностей французских топонимов и антропонимов в эпистолярном наследии М.И. Цветаевой, способам их передачи на русский язык, языковой игре, возникающей при взаимодействии французского и русского языков

Ключевые слова: М.И. Цветаева, топоним, антропоним, графический вариант, морфологический вариант, языковая игра, внутренняя форма слова

Библиография работ, посвященных творчеству М.И. Цветаевой, насчитывает сотни наименований; немало глубоких и тонких исследований посвящено идиостилю поэта, ее неповторимому поэтическому языку. В обширной цветаевской библиографии нам удалось обнаружить лишь несколько исследований, посвященных иноязычным произведениям М.И. Цветаевой, прежде всего анализу ее переводов на другие языки [Гаспаров, 1993; Клюкин, 1986; Эткинд, 1992; Etkind, 1996]. В жизни М.И. Цветаевой, наряду с немецким языком, особое место занимал французский: франкоязычное наследие М.И. Цветаевой представлено ее новеллой о любви «Флорентийские ночи. Девять писем, с десятым невозвращенным и одиннадцатым полученным и Послесловием», ее переводами стихов А.С.Пушкина и М.Ю. Лермонтова, ее автопереводом на французский язык поэмы «Молодец» («Le Gars»), ее письмами к различным деятелям французской культуры (писательнице и поэтессе Анне де Ноай, поэту и критику Жану Шюзевилю, историку и писателю Октаву Обри и др.), а также многочисленными французскими вставками (от единичного слова до текстов значительного объема), встречающимися в письмах ее русскоязычным корреспондентам. Оставить французский пласт творчества М.И. Цветаевой за пределами исследовательского внимания значило бы лишить цветаевский языкотворческий мир его важной составляющей, не увидеть взаимообогащающей игры смыслов, возникающей между французским и русским языками, благодаря пристальному взглядыванию и чуткому вслушиванию в них поэта.

Значительное место среди этих франкоязычных инкорпораций, богатых и разнообразных в тематическом, графическом и семантическом отношениях, занимают имена собственные – топонимы и антропонимы, которые являются своего рода географическими и культурными вехами жизни М.И. Цветаевой.

В качестве материала исследования мы выбрали письма М.И. Цветаевой, опубликованные в семитомном собрании сочинений: Цветаева М. Сочинения: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М., 1994–1995. Все ссылки даются нами по этому изданию с указанием тома и страницы. Письма М.И. Цветаевой, как правило, не являлись объектом специального исследовательского интереса, а привлекались цветаеводами в качестве дополнительного материала при рассмотрении различных сторон ее творчества.

Ни выбранный нами материал исследования (эпистолярное наследие М.И. Цветаевой), ни объект исследования (франкоязычный корпус ее произведений), ни предмет исследования данной статьи (класс франкоязычных имен собственных) не попадали в фокус специального исследовательского интереса ни цветаеведов, ни филологов-романистов.

Классы топонимов

Имена собственные, обозначающие географические объекты, отражают в письмах М.И. Цветаевой, прежде всего, места пребывания самой М.И. Цветаевой, членов ее семьи, ее друзей и знакомых. Географические наименования представлены названиями:

– городов и их предместий, небольших городков (ойконимы): Bellevue (Т6.С203 и далее), Bordeaux (Т6.С.274), Cabourg (Т7.С.528), Chamonix (Т7.С.126), Clamart (Т6.С401), Epinay (Т7.С.288), Hyères (Т7.С.72), Lacanau-Ocean (Т6.С453), La Favière (Т6.С424), La Roche (Т6.С.387), Lavandou (Т7.С. 488), Lisieux (Т7.С. 529), Meudon (Т6.С295 и далее), Moret (Т7.С. 505), Pontailac (Т6.С368), Sainte-Géneviève des Bois (Т7.С.248), St-Gilles-<sur-Vie> (Т6.С251 и далее), Trappes (Т7.С. 453), Vanves (Т6.С415 и далее);

– регионов и депаратментов (хоронимы): Calvados (Т7.С. 528), Charente Inférieure (Т6. С. 368), Côte d'Azur (Т6.С426), Gironde (Т6.С.453), Haute Savoie (Т6.С387), Var (Т6.С.424), Vendée (Т6. С. 345);

– гор (оронимы): Alpes Maritimes (Т6. С. 473);

– рек (гидронимы): Loing (Т7.С. 488), Vie (Т6. С. 252).

– внутригородских объектов (урбанонимы). Данный вид топонимов включает следующие подклассы:

- названия улиц, бульваров, площадей, переулков: корпус урбанонимов этого типа наиболее представлен в письмах М.И. Цветаевой. В большинстве случаев эти имена входят в состав адреса самой М.И. Цветаевой: avenue Jeanne d'Arc (Т6.С356 и далее), rue Jean Baptiste Potin (Т7.С454 и далее), rue Lazare Carnot (Т7.С469 и далее), rue Condorcet (Т6.С401 и далее), boulevard Pasteur (Т6.С458 и далее), boulevard Verd (Т6.С268 и далее), ее знакомых: rue Duros – улица, на которой жил кн. С.М.Волконский (Т6. С304), Rue Denfert-Rochereau – место проживания семьи Лебедевых (Т6.С652), Rue Rouvet – семьи Черновых (Т6. С655); мест выступления русских писателей: Rue Las-Cases – Musee Social (Т7.С126); редакций журналов, печатавших ее: 9 bis, rue Vineuse Paris, XVI Red. de «Sowremennie Zapisky» (Т7.С201); русской православной церкви: rue de Crimée (Т6.С676);

- названия отдельных зданий, домов, вилл: château d'Arcine (Т6. С387), вилла «Belvedere» (Т6.С406), villa Coup de Roulis (Т6.С453), villa Jacqueline (Т7.С88), villa Wrangel (Т7.С487);

- названия памятников и памятных мест: Cour des Adieux (Т6.С450), Notre-Dame (Т6.С.343), Petit Trianon (Т6.С450), Tombeau des Invalides (Т6.С.304);

- названия учреждений административного, коммерческого, социального и культурного назначения: Casino de Paris (Т6.С414), Comedie Francaise (Т7. С. 327), Consulat tchecque (Т7.С.206), Ecole du Louvre (Т7. С. 129), Hôtel de Ville (Т6.С468), Innova – Hôtel (Т6.С. 464 и далее), театр Rideau de Paris (Т6.С 465), Maison de la Mutualité (Т7.С.154), Marché aux Puces (Т6.С451), Musée Social (Т7.С126), Salle de Geographie (Т7.С.395), Salle Trocadero (Т7.С. 619),;

- названия станций метро и железной дороги: остановка электрического поезда Champ de Mars (Т6.С625), станции электрической ж/«железной» д/ороги Pont-Mirabeau и Val-Fleuri (Т6.С626), метро Pasteur (Т6.С417), метро Javel (Т6.С626),

Классы антропонимов

Среди имен собственных, обозначающих одушевленные лица, выделяются:

- имена современников М.И. Цветаевой – ее знакомых: M-me Gary (хозяйка парижской квартиры М. Цветаевой в 1909 г. – Т6.С.53), Blenard (преподаватель феоdosийского училища – Т6.С.59), литераторов: Jean Chuzeville (французский литератор, переводчик – Т7. С.145), Vogel (редактор журнала «Vu et Lu», Т7.С.145), деятелей культуры и

науки (François Joliot и Irène Curie – известные французские физики, Т6.С463);

– имена исторических деятелей: Henri de la Rochejaquelin (предводитель восстания в Вандее, направленного против Французской республики – Т6.С.346), маркиза de Pompadour (Т6.С.352), Sainte Thérèse (Т7.С.272);

– имена авторов литературных произведений: Daudet (Т6.С474), Martin du Gard (Т7.С.149), Théophile Gautier (Т6.С.48), Victor Hugo (Т6.С.38), M-elle de Lespinasse (Т6.С.356), Rostand (Т6.С.37), Zola (Т6.С690), Madame de Segur (Т6.С690) /Comtesse de Segur (Т6.С700).

Графические особенности имен собственных и способы их передачи на русский язык

Географические наименования приводятся М.И.Цветаевой преимущественно по-французски, иногда в неточной графической форме (Viroflé – Т7. С. 104 – вместо правильного Viroflay), реже по-русски – это касается, в первую очередь, имен, более привычных в русскоязычной форме: так, топоним «Париж» М.И.Цветаева всегда дает по-русски, топоним «Сена» по-французски в том случае, когда это название департамента (Vanves (Seine) Т6. С. 415), и по-русски, когда это название реки. При написании адреса проживания имена населенных пунктов пишутся М.И. Цветаевой то по-французски, то по-русски, при этом она регулярно прибегает к принципу транскрипции: Clamart – Кламар (Т6. С.402 и далее), Vanves – Ванв (Т6.С415 и далее), Meudon – Медон (Т6. С.275 и далее), Pontaillac – Понтайяк (Т6.С369), St-Gilles – Сен-Жиль (Т6. С.321). Передавая по-русски название городка Royan, она один раз использует более привычный для нее принцип транскрипции – Руаян (Т7. С.118), в другой раз – принцип транслитерации – Роян (Т7.С.118). Принцип транслитерации используется ею еще один раз: при передаче по-русски названия городка Moret-sur-Loing – Морет-сур-Лоинг (Т7. С. 566). Для поэта важен слух, звучащая форма слова – видимо, этим можно объяснить несомненное преобладание транскрипции над транслитерацией.

Что касается антропонимов, то одни и те же антропонимы могут приводиться и по-французски, и по-русски:

*Как здоровье **Lucien**? (Т7.С. 522)*

*P. S. Пришлите мне, пожалуйста, адрес и точное начертание фамилии **Люсьэна**: (**de Neck? Denek?** или – *третье?*) (Т7. С. 498)*

Во втором примере обращает на себя внимание цветаевская неуверенность в написании фамилии лица и предложенные ею графиче-

ские варианты. Это не единичный пример графической неуверенности М.И. Цветаевой при написании собственных имен:

*Очень советует вечер в **Pen Club'e** (м. б. неправильно пишу?)* (Т6. С. 381)

Встречаются примеры смешанных по написанию французско-русских синтагм, где по-русски приводятся имена собственные, имеющие в русском языке устойчивую графическую и морфологическую форму:

*Отвращение – чисто-девическое – к **Zola и Мопассану**, вообще к французским романистам, таким далеким.* (Т6.С.123)

*Окрестности редкостной красоты: две реки – **Loing и Сена*** (Т7. С. 488)

Характерной особенностью идиостиля М.И. Цветаевой, как отмечают специалисты, является ее внимание к внутренней форме слова [Зубова, 1989]. Эта особенность была детально рассмотрена нами в отношении топонимов [Кузьменко, 2012]. Непроизвольно ориентируется М.И. Цветаева на внутреннюю форму и при графическом оформлении антропонима:

*Рукопись от **Juillard'a** уже получила, – молодец! (Только что заметила, что **Жюльера** произвела от **Juillet**, а не от **Julie**: надо **Julliard...**)* (Т7. С. 491)

Прибегает М.И. Цветаева и к принципу этимологического соответствия (транспозиции) при соотнесении имен в русском и французском языках. Так, обыгрывая имя французского литератора Жана Шюзвилля и соответствующее имени «Жан» русское имя «Иван», М.И. Цветаева – через включение имени в поговорку – придает контексту ироническую окраску:

*Шюзвиль всячески ко мне расположен, но к сожалению «трусоват был **Ваня (Jean Chuzeville!)** бедный», боится «новых» стихов* (Т7.С.145)

Иронизируя над четой Цетлиных (Михаила Осиповича и Марии Самойловны), М.И.Цветаева прибегает к языковой игре:

*Но и покушают же «богатые» (Цейтлин, напр<имер>, Амару: **mari de Marie: à Marie*** (Т7.С.133)

Псевдоним М.О. Цетлина «Амару» разлагается ею на *mari de Marie: à Marie* – «муж Мари»: роль писателя и литератора сводится, таким образом, к роли супруга своей жены.

Морфологические особенности имен собственных

Географические наименования, имеющие в русском языке форму несклоняемых существительных, оставляются М.И. Цветаевой без из-

менения, вставляются в русский контекст в своей французской форме. И только имена, имеющие в русском языке форму существительных мужского рода 2 склонения, включаются ею в словоизменительную парадигму русского языка по правилам, характерным для имен этого типа, при сохранении французского написания:

*Нигде еще не была, ни в **Aix'e**, ни в **Chamonix**, ни в **Annecy**, хотя все рядом, нельзя из-за Мура. (Т7.С.130)*

Топонимы *Chamonix* и *Annecy*, оканчиваясь на гласный, подпадают под разряд несклоняемых существительных, тогда как существительное *Aix*, способное склоняться по 2 скл., приобретает окончание предложного падежа. Другие примеры подобного рода: *Но не об этом – о другом – и об этом – о всём – о нас сегодня, из Москвы, или **St. Gill'a** – не знаю, глядевших на нищую праздничную Вандею. (Т6.С.252)*

*15-го едем с Муром на океан – на 2–3 недели: в окрестности **Cabourg'a** (Calvados). (Т7.С.528)*

*В прошлом году – в безводной деревне Elancourt под **St. Cyr'ом** ... (Т7.С. 483)*

*Живут они в **Grass'e** (Т6.С.406)*

*В **St. Gille'e**. (Т6.С.270)*

*Мне с Вами тихо.... Так тихо, что не было бы шумно (с Вами) даже на парижских "**Grands boulevards**"-ax" (Т6.С.403)*

То же касается и антропонимов:

*...нет ли у Вас книги «La belle saison» **Martin du Gard'a**? (Т7. С.149)*

*Я опять принялась за **Jean Paul'a** (Т6.С.49)*

*...как я объяснила **Blennard'y** (Т6.С.59)*

В приведенных примерах представлены четыре косвенных падежа: родительный (*St. Gill'a*, *Cabourg'a*, *Martin du Gard'a*, за *Jean Paul'a*), дательный (*Blennard'y*), творительный (*под St. Cyr'ом*) и предложный (*в Grass'e*, *в St. Gille'e*, на "*Grands boulevards*"-ax), при этом французская графика может либо приспосабливаться под морфологическую форму (выпадение *e muet* в формах *St. Gill'a*, *в Grass'e*) либо оставаться неизменной (*в St. Gille'e*, на "*Grands boulevards*"-ax). Можно предположить, что таким включением имени в словоизменительную парадигму русского языка оно «приручается» поэтом, равно как и обозначаемое им место.

В качестве другой морфологической особенности (и в какой-то мере противоположной тенденции) можно отметить то, что в том случае, когда топоним сопровождается определением, последнее согласуется в роде с французским именем:

Очевидно, на своей лодке объезжали всю Côte d'Azur. (Т6.С.429)

Определяемое сочетания *Côte d'Azur* – Лазурный Берег, являющееся в русском языке существительным мужского рода (Берег), во французском языке – имя женского рода (*Côte*), с ним и происходит согласование определения в роде – *всю Côte d'Azur*. В следующем примере: **иллюминированный Hôtel de Ville** (Т6.С.470) русское определение согласовано в роде с французским существительным муж. р. *Hôtel de Ville* (в русском языке: *ратуша* ж.р.).

Ориентируясь на формальный аспект сочетания, М.И. Цветаева производит согласование с морфологической формой французского имени, а не аналогичного русского существительного.

Нами зафиксирован единичный случай морфологической транспозиции – адъективации французского топонима при помощи словообразовательного средства русского языка (путем аффиксации): *Пролежал 10 дней в Ville-Juifском госпитале* (Т6. С.425).

Топонимы, встречающиеся в письмах М.И. Цветаевой, можно сравнить с «сеткой» цветаевских координат на карте Франции (города, в которых жила она сама или ее корреспонденты; местечки, в которых она отдыхала; залы, в которых выступала; улицы, по которым ходила); антропонимы – это своего рода маяки ее биографии: люди, в истории и современности, с которыми она общалась лично или «заочно». Написание французских имен собственных по-русски, склонение их по правилам морфологии русского языка свидетельствует о включении М.И. Цветаевой «чужого» культурно-географического пространства в свое собственное пространство – жизненное и языковое.

Список литературы

Гаспаров М.Л. Русский «Молодец» и французский «Молодец»: два стиховых эксперимента // Творческий путь Марины Цветаевой: Первая международная научно-тематическая конференция (Москва, 7–10 сентября 1993 г.): Тезисы докладов/ Под ред. О.Г. Ревзиной. М., 1993. С. 33.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л., 1989.

Клюкин Ю. Иноязычные произведения Марины Цветаевой // Науч. докл. высшей школы. Филологические науки. 1986. № 4. С. 66–73.

Кузьменко О.Н. Франкоязычные топонимы в языковом пространстве М.И.Цветаевой // *Studia Linguistica*. Вып. XXI. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы. СПб., 2012. С. 211–221.

Цветаева М. Сочинения: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Саакянц и Л.Мнухина. М., 1994–1995.

Эткинд Е. “Молодец”: оригинал и автоперевод. // *Slavica. Casopis pro slovanskou filologii*. Ročník 61. Praha, 1992. P. 265–284.

Etkind E. Marina Tsvetaeva, poète français // *Un chant de vie. Actes du colloque international à l'Université Paris IV*. 19–25 oct. 1992 / Sous la direction d'Efim Etkind et de Véronique Losski. P.: YMCA-Press, 1996. P. 237–259.

Olga Nikolaevna Kouzmenko (Saint Petersburg, Russia)

GRAPHICAL AND MORPHOLOGICAL PECULIARITIES OF FRENCH PROPER NOUNS IN THE LETTERS OF M.TSVETAeva

The paper deals with graphical and morphological peculiarities of the French toponyms and anthroponyms in the epistolary heritage of M.Tsvetaeva and ways to transfer them to the Russian language. The language play is described, arising as a result of the French and the Russian language signs interaction.

Keywords: *M.Tsvetaeva, toponym, anthroponym, graphical variant, morphological variant, language game, inner form of the word*

УДК 811.11

Е.В. Москвитин (Санкт-Петербург, Россия)

О СИНОНИМИИ В НЕМЕЦКОМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ СОЦИОЛЕКТЕ

Статья посвящена явлению синонимии в немецком железнодорожном социолекте, в котором выделяются термины и профессиональные жаргонизмы. В статье рассматриваются синонимические отношения как на уровне терминов и на уровне жаргонизмов, так и стилистическая синонимия между терминами и жаргонизмами.

Ключевые слова: синоним, специальный язык, социолект, железная дорога, термин, жаргонизм, профессионализм

Любой социолект представляет собой специальный подязык – код, используемый определенной социальной группой, который прочие носители общенационального языка не понимают или понимают не полностью. Под железнодорожным социолектом мы понимаем совокупность особенностей языка группы людей, связанных общей деятельностью в сфере железнодорожного транспорта.

Не углубляясь в вопросы социально-профессиональной дифференциации словарного состава немецкого языка, отметим, что в специальных подязыках принято выделять термины, полутермины (профессионализмы) и жаргонизмы. Если термины и жаргонизмы определить не составляет сложности, то при определении профессионализмов мы сталкиваемся с рядом трудностей: так, Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс говорят о тенденции к языковой экономии в социолектах и переходе к эмоциональным синонимам – профессиональным жаргонизмам [Ризель, 1975, с. 83]. А.С. Герд определяет жаргонизмы и профессионализмы как синонимичные понятия [Герд, 2005]. А.Б. Кутузов считает, что профессионализмы – это лексические единицы, при помощи которых можно кратко и емко обмениваться профессиональной информацией в ситуации непосредственного профессионального общения [Кутузов, 2006, с. 29–30]. В.С. Унагаев приводит несколько иную классификацию слов лексик специального подязыка, которая незначительно отличается от классической, но при этом довольно четко разводит понятия «профессионализм» и «жаргонизм». Лексика, которая употребляется в

той или иной сфере профессиональной деятельности, называется специальной лексикой. Основными классами специальной лексики являются терминологическая и профессиональная лексика. Профессионализмы и жаргонизмы относятся к профессиональной лексике, которая не имеет строго научного характера и используется в повседневном профессиональном общении представителей данной сферы. При этом профессионализм отличается от жаргонизма стилистической окраской, т.к. жаргонизм – более экспрессивен [Унагаев, 2013, с. 21].

В связи с недостаточной определенностью места профессионализмов в социолектах в данной статье мы будем говорить лишь о терминах и жаргонизмах, относя профессионализмы к последним.

Термины и жаргонизмы, входящие в железнодорожный социолект, связаны внутрисистемными отношениями, в частности, отношениями синонимии, которые рассматриваются в данной статье.

Синонимия между терминами не является широко распространенным явлением в железнодорожном социолекте. Железнодорожные термины представляют собой в основном детерминативные композиты, но существуют также термины-словосочетания. Количественное соотношение в немецком железнодорожном социолекте терминов-словосочетаний и терминов-композитов составляет примерно 1:8. Термины-композиты, имеющие синонимичные термины-словосочетания обычно употребляются чаще синонимичных словосочетаний. Однако в силу языковой традиции некоторые термины-словосочетания употребительнее синонимичных композитов (подчеркивание везде наше, Е.М.):

(1) Von elektrischer Kraftübertragung spricht man, wenn die Turbine einen Gleichstromgenerator angetrieben, mit dessen Strom die Fahrelektromotoren gespeist werden [Kleine Enzyklopädie. Technik, 1987, с. 647].

(2) Elektrische Lokomotive und Triebwagen können mit Gleichstrom, einphasigem Wechselstrom oder Drehstrom gespeist werden. In Deutschland, Österreich, in der Schweiz, in Schweden und Norwegen wird Einphasenwechselstrom der Frequenz 16 Hertz von 15000 Volt verwendet [там же, с. 648].

(3) Der zweiachsige Wagen wurde um 1860 gebaut [Modell Eisenbahner 1983, с. 17].

(4) Die Reisezugwagen der Gotthardbahn zeichneten sich von Anfang an durch einen besonders hohen Komfort aus. Schon früh ging man von den anfänglichen Zweiachswagen der Tessinischen Talbahnen zu modernen Vierachsern über [<http://schienenfahrzeuge.netshadow.at>].

Примеры 2, 3, 4 очень хорошо иллюстрируют взаимозаменяемость фразеологических сочетаний и композитов – *einphasiger Wechselstrom* и *Einphasenwechselstrom* (пример 2), *der zweiachsige Wagen* (пример 3) и *Zweiachswagen* (пример 4). В этом случае мы имеем дело с абсолютной синонимией (дублетами) терминов.

Особое внимание стоит уделить такой разновидности абсолютной синонимии терминов, когда термин-композит имеет свой дублет – корневое слово, образованное при помощи усечения этого композита. Следующие корневые слова (термины) имеют свои аналоги – термины-композиты: *Kopf* – *Schienenkopf*, *Fuß* – *Schienenfuß*, *Zunge* – *Weichenzunge*, *Stuhl* – *Schienenstuhl* и т.д. Помимо усечения (*Schwanzwörter*), мы наблюдаем здесь и еще одно явление – терминологизацию слов литературного языка. Причем определяемый компонент в сложном слове приобретает иное значение в зависимости от определяющего компонента. Термин *Triebkopf* имеет значение *моторный вагон в головной части поезда*, он же имеет синоним *Kopf*. Но это слово может обозначать и такое понятие, как *головка рельса* (*Schienenkopf*). Таким образом, *Kopf* в разных контекстах имеет разное значение и выступает в качестве синонима к разным терминам.

В работе “*Deutsche Stilistik*” Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс упоминают о диалектальных различиях в терминологии профессиональных языков [Ризель, Шендельс, 1975, с.84]. Что касается железнодорожного социолекта, то мы можем условно говорить о синонимии между разными вариантами немецкого языка. Например: *Rangierbahnhof* – наименование сортировочной станции в Германии, *Verschiebebahnhof* – в Австрии. Вопрос о существовании собственно немецкого и австрийского железнодорожного социолекта мы пока оставляем открытым, но не исключаем существование австрийских железнодорожных жаргонизмов.

(5) *Rangierbahnhöfe sind die Zugbildungsbahnhöfe des Einzelwagenverkehrs (Transport einzelner Güterwagen in gemischten Zügen statt Ganzzügen) im Güterverkehr der Eisenbahn. In Österreich werden sie Verschiebebahnhöfe genannt; eine Bezeichnung, die bis 1960 teilweise auch in (hauptsächlich Nord-) Deutschland offiziell war und umgangssprachlich bis heute häufig anzutreffen ist* [<http://de.wikipedia.org/wiki/Rangierbahnhof>].

В железнодорожной терминологии встречаются и случаи относительной синонимии: Для обозначения сортировочной станции в немецком языке существуют несколько терминов, однако они не абсолютно

равнозначны, некоторые имеют дополнительное значение: Rangierbahnhof – сортировочная станция открытого типа, для всех грузовых составов, Abstellbahnhof – сортировочная станция закрытого типа, относящаяся к какому-либо промышленному предприятию, Sammelbahnhof – станция, осуществляющая погрузку-выгрузку товаров в грузовой автотранспорт / из грузового автотранспорта. Однако все названные типы станций выполняют сортировочные функции.

Что касается железнодорожных жаргонизмов, то здесь мы наблюдаем избыточность синонимии. Чтобы проиллюстрировать это явление приведем следующие примеры:

Автомотриса BR VT 771/772 (термин) в немецком железнодорожном жаргоне обозначается как *Schweineschnäuzchen*, *Knötterlich*, *Schüttelbus*, *Roter Brummer*, *Nebenbahnretter*, *Limburger Zigarre*, *Eierkopf*, *Blutblase*, *Eiterbeule*, *Pfeffi*, *Sandmann*.

Электровоз BR 101 имеет в жаргоне следующие обозначения: *Pfeifliese*, *Pfeiftopf*, *IC-Quietscher*, *Quietscheentchen*, *Heulsuse*, *Hochleistungswanne*, *Schönwetter-Sprinter*, *Coladose*, *Blechkiste*, *rasende Rechenzentrale*, *Reise-touristik-Föhn*, *rollende Tablettenschachtel*, *Kopfwehlok*, *Aspirin*.

Жаргонизмы следует рассматривать как стилистические синонимы терминов.

Итак, если синонимия в железнодорожной терминологии ограничена, то для железнодорожных жаргонизмов характерна избыточная синонимия, что обусловлено экспрессивностью профессиональной речи железнодорожников и потребностью участников профессиональной коммуникации дать наименование предмету по какому-либо выделяемому признаку, свойственному ему, а также, как указывает Э.Г. Ризель, наличием диалектальных различий внутри профессиональных языков. Еще одной причиной большого числа синонимов в профессиональном жаргоне является неунифицированность их наименований, незарегистрированность в словарях и обособление от языковой нормы.

Если на уровне терминологии и на уровне жаргона в основном преобладает абсолютная синонимия, то в социолекте в целом – стилистическая синонимия в паре «термин – жаргонизм».

Список литературы

Герд А.С. Проблемы становления и унификации научной терминологии // Вопросы языкознания № 1. М., 1971.

Кутузов А.Б. Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов. Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М., 2007.

Наер Н.М. Стилистика немецкого языка. М., 2006.

Ризель Э.Г., Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка. М., 1975.

Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. М., 1991.

Унагаев В.С. Структурно-семантическая характеристика аэрокосмической лексики в СМИ (на материале немецкого языка). Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2013.

Шелов С.Д. Терминоведение: семь вопросов и семь ответов по семантике термина // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы, 2001. № 2. С. 1–12.

Anregungen vom Bild: Wieder entdeckt. Modell Eisenbahner. Berlin. № 9, 1983, S.17.

Kleine Enzyklopädie. Technik. Leipzig. 1987. S. 647–648.

Richard Deiss. Silberling und Bügeleisen: 1000 Spitznamen in Transport und Verkehr und was dahinter, Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2010.

Электронные источники

Spitznamen für Eisenbahnen in Deutschland: [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.strasse-und-schiene.de/> (дата обращения 4.12.2010).

Rangierbahnhof. <http://de.wikipedia.org/wiki/Rangierbahnhof> (дата обращения 3.03.2012).

Gotthard-Express. <http://schienenfahrzeuge.netshadow.at/db> (дата обращения 3.03.2012).

Evgeniy Vladimirovich Moskvitin (Saint Petersburg, Russia)

ON THE SYNONYMY IN GERMAN RAILWAY SOCIAL DIALECT

This article describes the synonymy in special German railway language, which consists of parallel term and slang expressions. The article tackles the relations of synonymy on the level of terms, on the level of slang expressions and the stylistic synonymy of terms and slang expressions in particular.

Keywords: *synonym, special language, social dialect, railway, term, slang expression*

УДК 81'373.43

Ю.В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

РОЛЬ ВИРТУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

В статье осмысливается роль составителей коллаборативных словарей новых слов (Urban Dictionary, Wordnik, Word Spy и др.) в вербализации окружающей действительности и развитии языка, рассматриваются особенности словотворческой и лексикографической деятельности языкового виртуального сообщества в новых условиях компьютерно-опосредованной коммуникации, построенной на принципах социального конструктивизма и интерактивности.

Ключевые слова: словотворчество, Интернет-коммуникация, лингвокреативная деятельность, языковая личность, неологизм, словари новых слов, компьютерная неография, коллаборативная лексикография

Лингвокреативная деятельность языковой личности 21-го века предопределяется появлением новых форм электронной коммуникации и, соответственно, новых способов фиксации результатов словотворчества в виртуальном пространстве. В условиях глобализации и открытости информации, коллаборативности и интерактивности компьютерно-опосредованной коммуникации, новая лексическая единица оперативно кодифицируется в словаре или какой-либо другой базе данных новых слов. Доступный электронный формат обеспечивает и быстрое распространение нового слова, а его успешность\неуспешность вхождения в узус прослеживается по отражаемому в поисковых системах числу употреблений. При этом все расширяющиеся возможности интерактивных сервисов способствуют появлению электронных словарей нового типа, предоставляющих право самим членам Интернет-сообщества принимать участие в пополнении базы данных новыми словами, (в том числе и своими авторскими неологизмами), предлагать дефиниции, иллюстративные примеры, синонимы и т.п. В этом плане показателен, например, лексикографический ресурс Wordnik.com, задающий для посетителей сайта опции *Define, Relate, List, Discuss, See, Hear, Love*. Кроме того корпусные данные ресурса отражаются в режиме реального времени в виде цитат

из блогов, прессы, ленты Twitter-сообщений. Словарная база данных, таким образом, не только обеспечивает лексикографической информацией о слове, но и трансформируется в интерактивное пространство для словотворчества, дискуссий, поиска сопутствующих материалов. Это позволяет говорить и о формировании новой области компьютерной лексикографии – коллаборативной лексикографии (*e-lexicography, collaborative lexicography* см., напр., [Electronic Lexicography, 2012]).

Такие словотворческие проекты и базы данных новых слов, как Verbotomy, Urban Dictionary, Pseudodictionary, Word Spy и многие другие (см. подробнее об этом [Сергаева, 2010]) в настоящее время, как правило, имеют несколько форм репрезентации – основной сайт, страницы в популярных социальных сетях и блогосферах, профиль в Twitter-сообществе, колонки в электронных и печатных периодических изданиях. Многие из этих электронных ресурсов регулярно выпускают подборки своих материалов в виде печатных справочных изданий. Это содействует максимальному охвату аудитории и, соответственно, популяризации новых слов и самого ресурса, формирующего из своих пользователей некое объединенное общим интересом виртуальное сообщество творческих языковых личностей.

Электронные ресурсы такого рода представляют особую ценность для исследования лексических инноваций, т.к. в них не только оперативно отражается то новое, что появляется в языке, но и часто эксплицитно прокомментирована мотивация и модель создания единицы, приводятся культурологические комментарии, примеры самого раннего и последующих употреблений единицы:

1) Example Citation:

Whereas nostalgia is homesickness for a place, **solastalgia** is a yearning for the way a loved place used to be. – Des Houghton, “Pain has a brand new label,” The Courier Mail, February 27, 2010

Earliest Citation:

<...> What these people lacked was solace or comfort derived from their present relationship to ‘home’. In addition, they felt a profound sense of isolation about their inability to have a meaningful say and impact on the state of affairs that caused their distress. ‘Solastalgia’ was created to describe the specific form of melancholia connected to lack of solace and intense desolation. – Glenn Albrecht, “‘Solastalgia’: A New Concept in Health and Identity,” PAN: Philosophy Activism Nature, August 30, 2004 [http://www.wordspy.com/words/solastalgia.asp]

Анализ номинаций, предлагаемых для вербализации действительности в вышеназванных электронных ресурсах, позволил выделить как традиционные для такого процесса черты, так и особенности словотворческой деятельности современной языковой личности. Так, вполне ожидаемо, что фиксируемые пользователями новые слова и выражения создаются для того чтобы отражать новые артефакты, концепты, требующие объективации:

a social media ninja – “someone who uses social media extensively to promote a company’s or their own services” [www.urbandictionary.com],

to defriend – “to remove a person from one’s list of friends on a social networking site”) [www.wordsby.com].

Однако, заметна и другая тенденция – создание нового слова далеко не всегда преследует цель заполнить лакуну, образовавшуюся при появлении новой реалии, социального явления и т.п., а часто предполагает детализацию, эмфатизацию какой-либо привычной ситуации, оценку и эмоции. Как правило, Интернет-сообществом востребована вербализация:

- целых ситуаций,
- особенностей поведения и других характеристик
- межличностных отношений
- специфики восприятия окружающего мира чувств и эмоций (как правило, смешанных, амбивалентных).

«Амбивалентность» при этом понимается не в терминах медицины как некое умственное расстройство, раздвоение личности, а как явление, относящееся к активно разрабатываемой с новых позиций «категории сложного» (см., напр. [Щирова, 2009, 2011]), понимаемой как свойство современного мира, который уже трудно воспринимать расчленено в виде отдельных характеристик и однозначных суждений о них. Современный человек испытывает потребность в выражении целого комплекса, часто полярных, чувств и эмоций, которые он/она в данный момент испытывает, с помощью одного ёмкого слова. Например, *gleemorse* (*glee*+*remorse*), *abdorable* (*abhor* + *adorable*) и т.п.

На фоне амбивалентности наглядно прослеживаются и ценностные ориентиры языковой личности, личностно и культурно-значимые оценочные реакции на ту или иную ситуацию, которые представляют интерес и для сопоставительных исследований. Например, анализ предлагаемых пользователями дефиниций для рубрики “Make up a word to fit the definition” показывает, что вербализация современного мира

пользователями Интернет часто основывается на критическом, неоднозначном восприятии окружающей действительности:

DEFINITION: The word for idiotic inventions like Spring-Loaded Faucets and Chinese Apple-Peeling Machines or Ultrasonic Plug-In Rodent Repellers.

DEFINITION: The rampant fear of lawsuits which has led to the stupid application of WARNING labels on everything we purchase. [www.verbotomy.com].

В словотворчестве такого рода, безусловно, прослеживаются ценностные ориентиры языковой личности, иногда отчасти противопоставленные национально-культурным ценностям (например, изобретательность американцев и их законопослушность, как это следует из вышеприведенных дефиниций, в определенной степени может вызывать негативные эмоции).

На наш взгляд, распространение и популярность англоязычных интерактивных сетевых проектов по созданию новых слов, стимулирующих создание неологизмов для номинирования ещё необъективированного участка окружающей действительности, является важным показателем того, что, по мнению И.К. Архипова [Архипов, 2008], является основным фокусом изучения для лингвистов – творческой и когнитивной активности современной языковой личности.

Рассмотренные явления подводят к вопросу и о статусе неологических ресурсов виртуального пространства. В лексикографической практике, компьютерной и традиционной, достаточно распространен тип толкового словаря неологизмов (или словаря новых слов) в задачу которого входит фиксирование и описание новых слов, уже появившихся в прессе, в научной и художественной литературе, в определенном сообществе и т.п. Преимущество компьютерных баз данных в данном случае состоит в возможности отследить все случаи и контексты употребления нового слова от самого первого употребления до наиболее современного, уточнить и оценить дефиниции, мгновенно распространить слово в глобальном пространстве и пр. Часть рассмотренных нами словотворческих проектов, становятся источником для появления другого типа словаря новых слов – проективного (термин М.Н. Эпштейна). Особенность такого типа словаря состоит в том, что он составляется из слов, впервые предлагаемых своими создателями для употребления. Как отмечает М.Н. Эпштейн, «словари неологизмов, уже вошедших в употребление, отстают в своем описании языка

от его реального состояния, тогда как проективный словарь носит опережающий характер. Если традиционный словарь подводит **итог** бытованию слова в языке, то в проективном словаре жизнь слова только **начинается**» [Эпштейн, электронный ресурс].

Таким образом, виртуальное пространство становится идеальной творческой средой для создания словарей такого типа, обеспечивая динамичное обновление языка, расширение его системных возможностей, оперативное отражение меняющихся ценностей, взглядов на мир, поведенческих реакций и прагматических установок.

Список литературы

Архипов И.К. Язык и языковая личность, СПб., 2008.

Сергаева Ю.В. Лингвокреативная деятельность языковой личности в условиях Интернет-коммуникации // Вестник ЛГУ им. А.С.Пушкина. серия Филология, № 5 (Том I). СПб., 2010. С. 55–63.

Щирова И.А. О сложности мира, текста и познания: методологический аспект // Међународни часопис *Стил*. Београд Република Србија: The International Association ‘Style’, Orthodox Theological Faculty of Belgrade University, 2011. № 10. С. 91–102.

Щирова И.А. О разуме и научном познании сложного // Научный журнал: Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С.Пушкина. Серия Филология № 4 (Том 1) СПб.: ЛГУ им. А.С.Пушкина 2009. С. 7–16.

Эпштейн М.Н. Проективные словари [Электронный ресурс] // Центр творческого развития русского языка. URL: http://yazykovod.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=11&Itemid=15

Electronic Lexicography. Granger S., Paquot M. (Ed). Oxford. 2012.

The Unword Dictionary // www.unwords.com

Urban Dictionary // www.urbandictionary.com

Verbotomy: The create-a-word-game // www.verbotomy.com

Word Spy: The Word Lover’s Guide to New Words // www.wordspy.com

Yulia Vladimirovna Sergaeva (Saint Petersburg, Russia)

**THE ROLE OF INTERNET COMMUNITIES IN THE VERBALIZATION OF
THE MODERN WORLD PICTURE:
FOCUS ON COLLABORATIVE E-LEXICOGRAPHY**

The author focuses on the contribution of on-line communities to the process of filling semantic voids in the system of English language via modern neological web-resources – Urban Dictionary, Wordnik, Word Spy and the like. Collaborative e-lexicography is considered an important object of lexical innovation and cultural studies.

Keywords: lexical creativity, Internet communication, coinage, linguistic personality, neologism, dictionaries of new words, collaborative lexicography

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

УДК 803.0-541

Т.М.Большакова (Санкт-Петербург, Россия)

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ПОБУДИТЕЛЬНОСТЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ ПРОХИБИТИВОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются некоторые подходы к определению отрицательной побудительности, обсуждается понятие прохибитива, описываются структура и состав микрополя отрицательной побудительности в немецком языке.

Ключевые слова: отрицательная побудительность, императив, прохибитив, функционально-семантическое поле

Опираясь на функционально-семантический подход, мы можем систематизировать разноуровневые языковые единицы, выражающие семантику побудительности, в виде функционально-семантического поля (ФСП). Внутри общего ФСП побудительности целесообразно выделять два микрополя – микрополе положительной побудительности (или микрополе прескрипций) и микрополе отрицательной побудительности (или микрополе прохибитивов) [см.: Большакова, 2005]. Перед тем, как перейти к описанию микрополя прохибитивов в немецком языке, остановимся на некоторых подходах к определению отрицательной побудительности.

Повелительные предложения, содержащие отрицание, называются отрицательными повелительными предложениями (в отличие от положительных повелительных предложений, в которых нет отрицания): «Если в положительных повелительных предложениях каузируется исполнение действия (Рисуй, Читай книгу), то в отрицательных повелительных предложениях – неисполнение действия (Не рисуй, Не читай эту книгу, Не поскользись). Специфика смысловой структуры отрицательного повелительного предложения, таким образом, состоит в том, что в ней есть оператор отрицания, в сферу действия которого вхо-

дит значение каузируемой пропозиции, но не значение прямой речевой каузации, являющееся вершинным в смысловой структуре любого повелительного предложения» [Бирюлин, Храковский, 1992, с. 34–35].

Прохибитивные формы выражают волеизъявление говорящего относительно невыполнения каузируемого действия. В связи с тем, что волеизъявление отрицаться не может, прохибитивные предложения являются всегда семантически частноотрицательными, и «семантическое своеобразие прохибитива состоит в том, что в сферу действия оператора отрицания входят все элементы плана содержания прохибитивной формы (и конструкции), кроме волеизъявления. Семантическая структура прохибитива, таким образом, имеет вид: волеизъявление + (отрицание+(пропозиция))» [Храковский, Володин, 2002, с. 106–107].

На эту же особенность прохибитивных конструкций указывает и В.Б. Касевич, подчеркивающий, что отрицание в запретительных высказываниях относится не к семантике побуждения, а к пропозиции, управляемой оператором “каузирую”: «...в запретительных высказываниях представлен не отрицательный императив, а императив отрицания» [Касевич, 1990, с. 88]. Данная ситуация ярко отражает асимметричность планов выражения и содержания, т. к. формально показатель отрицания связан с передачей императивности, а содержательно он относится к ситуации, которая называется лексемой [там же].

Рассматривая вопрос правильной интерпретации императивных высказываний, Л.А. Бирюлин утверждает, что она определяется комбинаторикой прескриптивных и презумптивных компонентов речевого акта побуждения. Под прескрипцией понимается призыв к определенному действию. Автор различает два типа прескрипции – подтверждательную и запретительную. Различие между ними заключается в том, рекомендует ли данная прескрипция совершать определенное действие или не совершать его. При этом прохибитив определяется Л.А. Бирюлиным как «запрещение утвердительной презумпции», означающей, что в реальном мире исполнитель совершает какое-то действие, в отличие от «подтверждения отрицательной презумпции» и от «запрещения отрицательной презумпции» [Бирюлин, 1990, с. 168–169].

Л.А. Бирюлин и В.С. Храковский делят отрицательные повелительные предложения на две группы: «Повелительные предложения первой группы, в которых каузируется неисполнение контролируемого действия (типа Не рисуй, Не читай эту книгу), принято называть **прохибитивными**. Повелительные предложения второй группы, в которых

каузируется неисполнение неконтролируемого действия (типа Не поскользнись, Стекло не разбей), называют **превентивными**. Прохибитивные повелительные предложения имеют значение запрета, превентивные повелительные предложения – значение предостережения» [Бирюлин, Храковский, 1992, с. 35].

Важный момент при выделении видов прохибитивных предложений заключается также в том, совершается ли запрещаемое действие в момент речи или не совершается, т. е. в зависимости от презумпции существования действия Р или не-Р до момента и в момент побуждения. Кроме того, при анализе прохибитивных повелительных предложений авторы предлагают считать, что показатель отрицания в этих предложениях, независимо от способа его репрезентации, входит в состав глагольной словоформы, которую они также называют прохибитивной [там же].

В.А. Плунгян считает прохибитив разновидностью императива, выражающей побуждение, направленное не на совершение, а на не-совершение действия [Плунгян, 2000, с. 319]. Эта разновидность побуждения называется “отрицательным побуждением”, или “отрицательным императивом” – прохибитивом. Прохибитивные конструкции отличаются определенным разнообразием. Так, например, «...особой семантической разновидностью прохибитива является адмонитив, выражающий предостережение адресату относительно возможных негативных последствий совершения Р □...□. Семантически адмонитив соотносится с прохибитивом примерно так же, как некатегорический императив (или побуждение-совет) – с нейтральным» [там же, с. 320].

Обобщая вышеизложенные подходы к определению отрицательной побудительности, мы понимаем под прохибитивом высказывание, выражающее отрицательную каузацию предписательного характера, то есть побуждение прескриптора, направленное на НЕ-совершение адресатом определенного действия.

Немецкий язык обладает целым рядом разноуровневых средств, способных конституировать прохибитивы.

Универсальным грамматическим средством организации прохибитивных высказываний является, по мнению Ю.М. Малиновича, глагольная морфема в сочетании с приглагольной частицей отрицания, представленная в форме императива 2 л. ед./мн. ч., 1 л. мн. ч. [Малинович, 1990, с. 62–63].

К другим языковым средствам, выступающим в роли функциональных синонимов “нормативных” способов выражения прохибитив-

ности, Ю.М. Малинович относит так называемые квазипридаточные предложения, которые отличаются экспрессивностью, регулярностью употребления, моделируемы и системно воспроизводимы [там же]. Одной из широко употребительных синтаксических форм организации предложений указанного типа является форма квазипридаточных *dass*-предложений („*Dass ihr euch nicht rührt!*“). Помимо данной формы, указанная прохибитивная семантика может выражаться и рядом других структурно-семантических моделей: предложениями, в которых отсутствует приглагольная отрицательная частица („*Wenn du noch ein Wort sagst, schlage ich dir deine Zähne ein!*“), предложениями с модальным глаголом *sollen*, выражающим угрозу („*Soll einer ein Wort gegen dich sagen!*“) и рядом других [там же, с. 63–64].

С.Я. Гехтляр относит к периферийному компоненту микрополя побуждения инфинитив, способный синкретично со значением побуждения передавать разнообразные оттенки субъективной модальности [Гехтляр, 1988, с. 48]. Семантико-синтаксические свойства инфинитивных предложений могут вступать в определенные отношения с компонентами ситуации запрета, то есть волеизъявления, направленного на невыполнение называемого действия. В результате данного взаимодействия возникает возможность интерпретировать значение прохибитивного инфинитива, как а) безапелляционного запрета; б) запрета, аргументированного альтернативным действием; в) запрета, ограниченного определенными обстоятельствами; г) запрета, смягченного дополнительными оттенками [там же, с. 49].

С.М. Кибардина отмечает, что в немецких прохибитивных конструкциях часто употребляются такие формы, как инфинитив и причастие II („*Nicht knittern!*“; „*Berühren verboten!*“) [Кибардина, 1992, с. 178].

Б.А. Абрамов считает, что запретительное подполе отличается от побудительного прежде всего наличием отрицания, ограничениями лексического характера и составом конститuentов [Абрамов, 1988].

Анализируя языковые средства выражения отрицательной побудительности в немецких малоформатных директивных текстах, В.М. Аринштейн приходит к выводу о том, что в них запретительность выражается различными формами глаголов *verbieten*, *untersagen* и конструкцией *nicht gestattet*. К часто употребляемым с целью выражения запретительной семантики исследовательница относит также модальные глаголы долженствования *dürfen* и *müssen* [Аринштейн, 2000, с. 46].

Таким образом, мы можем констатировать, что основным средством выражения отрицательной побудительности в немецком языке выступает единица морфологического уровня – прохибитивный императив (глагольная морфема в форме императива в сочетании с препозитивной частицей отрицания). Выражая семантику отрицательного побуждения в общем виде, именно она репрезентирует ядро описываемого здесь функционально-семантического микрополя прохибитивов.

В состав центрального уровня данного микрополя может быть включен ряд морфологических и лексико-грамматических единиц из состава микрополя положительной побудительности [см.: Большакова, 2005], реализующих прохибитивную семантику в сочетании с отрицаниями *nicht*, *nichts*, *nie*. К ним мы относим:

- презенс индикатива;
- футурум индикатива;
- презенс индикатива в значении настоящего предписания;
- инфинитив I;
- конструкции «модальный глагол *dürfen/müssen* + инфинитив I актив/пассив»;
- модальные инфинитивы

Периферийный уровень полевой иерархии занят языковыми единицами, эксплицирующими наряду с интегральной семой «отрицательное побуждение» дополнительные специфические семы, например, указание на способ реализации запрета, статус отправителя прохибитивной интенции, степень категоричности отрицательного побуждения. Периферия микрополя прохибитивов структурируется следующими лексическими единицами:

– глаголами с семантикой запрещения *verbieten*, *untersagen*, *verpönnen*, *verweisen*, *verwehren*, *wehren*, *sperrern*, *sich verbitten*, *verhindern*, *zurückhalten*, *abhalten*, *verweigern*, *versagen* и рядом других;

– глагольными словосочетаниями с запретительной семантикой *einen Riegel vorschieben*, *Einhalt gewähren*

– лексико-синтаксическими синонимами глаголов запрещения *nicht erlauben*, *nicht billigen*, *nicht zulassen*, *nicht gewähren*, *nicht genehmigen*, *nicht gestatten*

На периферию данного поля мы помещаем также претерит конъюнктива модальных глаголов *sollen* и *müssen* в сочетании с отрицанием *nicht* и различные семантико-синтаксические модели предложений, включающие частицу *nicht* или отрицание *kein/e*.

Список литературы

Абрамов Б.А. Функционально-семантическое поле побудительности в немецком языке // Императив в разноструктурных языках. Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л., 1988. С. 4–5.

Аринштейн В.М. Этноспецифические особенности оформления «публичных директивов» и национальный характер языковой общности // *Studia Linguistica*. Вып. IX. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб, 2000. С. 43–55.

Бирюлин Л.А. Презумпции побуждения и прагматика императива // Типология и грамматика. АН СССР. Институт языкознания. М., 1990. С. 162–172.

Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. Отв. ред. В.С. Храковский. СПб, 1992. С. 5–50.

Большакова Т.М. Состав и функционирование прескрипций и прохибитивов в немецкоязычных текстах директивно-регулятивного типа (прагмалингвистический и социокультурный аспекты). Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2005. 199 с.

Гехтляр С.Я. Семантика прохибитива в императивных высказываниях с инфинитивом // Императив в разноструктурных языках. Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л., 1988. С. 48–49.

Касевич В.Б. Императивность, каузативность, перформативность // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч.2. Семантика и прагматика повелительных предложений. М., 1990. С. 85–90.

Кибардина С.М. Императивные конструкции в немецком языке // Типология императивных конструкций. Отв. ред. В.С. Храковский. СПб, 1992. С. 169–178.

Малинович Ю.И. Эмоционально-экспрессивный тип прохибитивных предложений в немецком языке // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч.2. Семантика и прагматика повелительных предложений / Под ред. Л.А. Бирюлина и В.С. Храковского. М., 1990. С. 62–66.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2000.

Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. М., 2002.

Tatiana Mikhailovna Bolshakova (Saint Petersburg, Russia)

**THE NEGATIVE IMPERATIVE AND THE FUNCTIONAL-SEMANTIC
MICROFIELD OF PROHIBITIVE IN GERMAN**

In this article some approaches to the definition of negative imperative (prohibitive) are considered. The structure and the content of the prohibitive functional-semantic field in German are described.

Keywords: *negative imperative, prohibitive, functional-semantic field*

УДК 81-112.2

Е.Н. Михайлова, С.В. Колтунова (Белгород, Россия)

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В ИСПАНСКИХ ГРАММАТИКАХ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Статья посвящена изучению принципов грамматического описания, получивших отражение в испанских грамматиках XVI-XVII вв. Система приемов и методов, использовавшихся при описании испанского языка, рассматривается на примере категории падежа. Показано, что основу методологии ранних испанских грамматик составляли такие принципы, как описание, аналогия, разнообразие. Особое место в системе грамматического знания Золотого века занимал принцип языкового релятивизма, который позволил грамматистам через выявление межъязыковых соответствий и расхождений показать своеобразие испанского языка.

Ключевые слова: история языкознания, испанские грамматики, категория падежа, принципы грамматического описания

Непреходящий культурно-познавательный интерес к истории грамматик ученые объясняют тем, что в качестве документа своей эпохи грамматика отражает общий уровень развития гуманитарного знания, присущие эпохе познавательные цели, ориентации и стиль мышления [Мечковская, 1986; Percival, 1986; Косарик, 1998; Ору, 2000]. Не случайно в историко-лингвистических исследованиях последних лет прослеживается стремление не только глубоко и всесторонне изучить хорошо известные труды, вернуть из небытия забытые имена, но и выявить закономерности отбора подлежащего описанию материала, характер классификации и систематизации описываемых явлений, способы презентации грамматического материала.

Применительно к истории западноевропейской грамматической традиции значительный интерес для такого рода исследований представляет эпоха Возрождения, кардинальным образом изменившая ход развития традиционного знания о языке, поскольку именно в это время на базе греко-латинского канона грамматического описания в ряде стран Западной Европы были заложены основы национальных грамматик. В истории испанской лингвистической традиции этот период получил название Золотого века (XVI–XVII вв.). Среди других запад-

ноевропейских лингвистических традиций испанская занимает особое место, поскольку именно Испания стала родиной первой в Европе национальной грамматики (грамматики А. Небрихи 1492 г.), а превращение Испании в это время в первую колониальную державу обусловило создание многочисленных грамматик испанского языка, увидевших свет не только на территории самой Испании, но и далеко за ее пределами.

Обращение к испанским грамматикам Золотого века дает возможность увидеть широкий спектр процедур и приемов анализа, по-своему отражающих систему научных представлений XVI-XVII вв. К ним относятся такие принципы, как «описание», «аналогия», «сходство», «разнообразие». Эти принципы позволяли авторам грамматик осмысливать и описывать круг наиболее значимых, с их точки зрения, явлений испанской языковой реальности. На материале полного корпуса испанских грамматик Золотого века рассмотрим, каким образом эти принципы получили свое отражение при описании категории падежа – одной из констант грамматического знания данной эпохи, получившей, тем не менее, неоднозначную трактовку в текстах грамматик.

Обращение к текстам испанских грамматик Золотого века показывает, что одним из ведущих приемов в них выступало описание. Как отмечают видные ученые, в то время описание считалось наиболее совершенным научным методом. К этому способу отражения и постижения реальности обращались представители не только текстовых областей знания, таких, как наука и литература, но и мир техники, изобразительных и пластических искусств [Олышки, 1934; Лосев, 1998]. Примечательно, что в текстах ренессансных грамматик описание не было пассивной констатацией того, что заслуживало внимания гуманистов и включалось ими в общую систему знания о языке – в ту пору это был особый принцип конструирования самого знания, эффективный инструмент для овладения всем содержанием культуры своего времени [Михайлова, 2000, с. 12].

О том, сколь значимым был этот принцип для описания категории падежа, свидетельствует обстоятельство, с которой грамматисты пытались представить то, чего, по их мнению, в испанском языке не было. Доказательством этому является то, что в текстах грамматик описанию падежа отводится значительная часть по сравнению с другими грамматическими категориями. Например, в работе А. Небрихи (1492) падеж описан на семи страницах, в то время как род – на одной странице. Еще

больше внимания уделено категории падежа в анонимной грамматике 1559 г.: описание склонения именных классов слов (артикля, имени и местоимения) занимает практически половину раздела этимологии (морфологии в современной терминологии). При этом другие именные категории (род, число, вид, качество, фигура) в этой работе остались за рамками грамматического описания. Тенденция отводить падежу значимое место сохранялась и в более поздних грамматиках испанского языка. Так, в грамматике Г. Корреаса (1627) описанию категории падежа отведено 25 страниц из 122, при этом род описан на одной странице, а число – на двух.

Другим принципом, широко представленным в грамматиках Золотого века, является принцип аналогии. Утвердившийся в античности в работах александрийских грамматистов, этот принцип широко применялся в средневековых грамматиках, а затем и в грамматиках эпохи Возрождения. Один из приемов данного принципа состоял в том, что правило приводилось для одной формы, а затем следовал перечень форм, изменявшихся по этому правилу. Использование этого приема давало возможность делать грамматическое описание более компактным.

В ходе проведенного анализа было установлено, что при описании категории падежа принцип аналогии представлен иначе, чем при описании других грамматических категорий. Практически во всех испанских грамматиках встречаются замечания авторов относительно того, что сведения о падеже должны быть хорошо известны из латинских грамматик. В дальнейшем наблюдается асимметрия при описании категории падежа для именных классов слов. Так, А. Небриха, обильно проиллюстрировав примерами ту часть своей работы, где речь шла о склонении существительных, ограничился краткой ремаркой о склонении причастия, отметив его сходство со склонением имени: *“Los casos i declinacion del participio en todo son semejantes i se reduzen al nombre”* (Падежи и склонение имени и причастия во всем идентичны) [Nebrija, (1491) 1946, с. 80–81]. Замечания такого рода встречаются и в работах других грамматистов, например, у К. Вильялона и Р. Персиваля. В грамматике Анонима 1559 г. описание категории падежа ограничено всего одним примером – склонением существительного *“el varon”*. Далее отмечено, что таким же образом склоняются и другие имена (*I como en este exemplo, dela mefma manera se deve offervar en todos los otros Nombres, de qualquier condicion fueren*) [Gramatica, 1559].

По-своему представлен принцип аналогии и в использовании терминов при описании категории падежа. Это выражается в широком использовании аббревиатур в парадигмах склонения. Как правило, после нескольких парадигм склонения, в которых названия падежей представлены полным термином (*Nominativo*, *Genitivo*, *Dativo* и т.д.), следуют парадигмы с разного рода аббревиатурами (*Nom.*, *Gen.*, *Dat.*; *No.*, *Ge.*, *Da.*; *N.*, *G.*, *D.* и т.п.). Крайним проявлением принципа аналогии в использовании терминов является отсутствие указания на падеж в парадигме склонения. Например:

<i>la muger</i>	<i>las mugeres</i>
<i>de la muger</i>	<i>de las mugeres</i>
<i>a la muger</i>	<i>a las mugeres</i>
<i>la muger</i>	<i>las mugeres</i>
<i>o muger</i>	<i>o mugeres</i>
<i>dela muger.</i>	<i>de las mugeres.</i> [Miranda, 1567, с. 53].

Примеров такого рода в грамматиках немного, чаще всего они встречаются в текстах работ после того, как автор дает представление о предлагаемой им модели склонения и приводит примеры полных парадигм.

Еще одним принципом, широко представленным в текстах ранних испанских грамматик, является принцип разнообразия. На исключительное значение этого принципа для мировосприятия эпохи Возрождения в свое время обратил внимание известный отечественный культуролог Л.М. Баткин. На богатом эмпирическом материале он показал, что принцип разнообразия (*varietas*) был тесным образом связан с эстетикой, философией, онтологией, всем стилем ренессансного мышления [Баткин, 1990, с. 69]. Рассмотрение лингвистического наследия французского Возрождения дает основание говорить о том, насколько широко принцип *varietas* представлен в рамках языковой программы французского гуманизма (подробнее об этом: [Михайлова, 2012]).

По-своему принцип разнообразия представлен и в испанских грамматиках XVI–XVII вв. Это проявляется, во-первых, в наличии разноплановых сочинений, в которых ставились и решались проблемы, выходящие далеко за рамки современного понятия грамматики (проблемы фонетики, орфографии, происхождения и родства языков и т.д.); во-вторых, в существовании разнотипных грамматик, среди которых наряду с традиционными учебными пособиями встречаются разговорники, элементарные учебники и объемные грамматические трактаты; в-третьих, в ориентации грамматистов Золотого века на наи-

более авторитетные труды не только предшественников (античных и средневековых филологов), но и современников (соотечественников и представителей европейской «республики» ученых).

Еще одним проявлением принципа *varietas* применительно к категории падежа является многообразие подходов к решению проблемы падежа. В связи с отсутствием как такового падежного словоизменения в испанском языке XVI–XVII вв. каждый из авторов испанских грамматик по-своему представлял решение данной проблемы. Поэтому трактовка данной канонической категории в этих грамматиках отличается как разной степенью детализации грамматического описания, так и разными способами презентации парадигм склонения.

О методологической значимости принципа разнообразия для испанского лингвистического сознания Золотого века свидетельствует стремление грамматистов к использованию перечня примеров вместо словесного объяснения описываемого явления. Именно через перечисление даются падежные формы слов в грамматике К. Вильялона: *“En el nominatiuo dezimos en castellano, Pedro:y enel genitiuo, de pedro : y enel datiuo, para pedro:y enel accusativo, a pedro: y en el vocatiuo, o pedro : y enel ablatiuo dezimos : efto quite a pedro”* [Villalon 1558]. Аналогично представлены парадигмы склонения и в грамматиках Дж.М. Алессандри д’Урбино, Б. Хименеса Патона, Г. Корреаса (1627), Х. Вильяра. Такое описание больше похоже на словник, чем на грамматическое описание языка с типичными для него правилами.

Однако, если учесть, что «разнообразие может осуществляться лишь в форме перечня, логический смысл которого состоит в возможности перехода от одного к другому» [Баткин, 1990, с. 129], становится понятным почему в работах многих грамматистов Золотого века перечисление довольно часто заменяет описание языкового явления. Так, обращаясь к рассмотрению вопроса о сущности частей речи, большинство авторов грамматик ограничивали описание простым перечислением. В частности, у А. Небрихи отмечено: «Частей речи в испанском языке десять: имя, местоимение, артикль, глагол, причастие, герундий, неопределенно-причастное имя, предлог, наречие, союз» [Nebrija (1492) 1946, с. 58].

Этот аспект принципа разнообразия широко представлен при описании категории падежа, которое основывалось не столько на правилах, сколько на примерах. Наиболее показательна в этом плане грамматика Г. Мерье, в которой примеры полностью подменяют ее объяснительную

часть. Изобилуют примерами падежной парадигмы и грамматики Дж. Миранды и С. Удэна.

Анализ испанских грамматик Золотого века показывает, что особое место в описании категории падежа занимает поиск авторами сходств и различий между языком грамматического описания и другими известными языками. Сущность этого принципа, получившего в ряде исследований последних лет название принципа языкового релятивизма, состоит в поиске при описании одного языка межъязыковых соответствий и расхождений с другими языками [Auroux, 1992, 2000; Михайлова, 2000].

Применительно к категории падежа в рассмотренных нами грамматиках Золотого века этот принцип проявляется в том, что в качестве ориентира для грамматического описания испанского языка послужила модель латинской грамматики. Обращает на себя внимание то, что грамматистами Золотого века на основании сравнения языка-объекта грамматического описания с языком-эталоном были выявлены разные закономерности. Так, А. Небриха обратил внимание на различия в формах склонения (*formas de declinacion*) в латинском и испанском языках. На основании этого им было показано, что в испанском языке склонение (как тип именного словоизменения) представлено числовыми парадигмами: 1) *la tierra – las tierras*, 2) *el cielo – los cielos*, 3) *la ciudad – las ciudades* и др. имена, оканчивающиеся на *d, e, i, l, n, r, s, x, z* [Nebrija, (1492) 1946, с. 69]. В грамматике Р. Персиваля понятие склонения рассматривается как разновидность типов местоимений. В его работе речь идет о трех типах склонения (или разрядов) местоимений: 1) *yo, tu, fi*, 2) *el, aquel, este, mio, tuyo, fuyo, nuestro, vuestro, mismo*, 3) *que, quien, el qual*. Относительно различий в склонении между латинским и испанским языками Р. Персиваль отмечает: “<...> *in the Spanish there is no such diversitie in the termination of cafes, as in the Latin*” (в испанском языке нет такого разнообразия падежных окончаний, которое есть в латыни) [Percyvall, 1591].

Наряду с замечаниями относительно несходства склонения имен в латинском и испанском языках в грамматиках Золотого века проводятся аналогии и с особенностями склонения в древнегреческом языке. Так, Г. Корреас в своей испано-греко-латинской грамматике писал об этом: “*No tiene declinazion por cadencias porque es invariable en Castellano, i no se declina como en Latin i Griego*” (окончания [у имени] не изменяются, поскольку имя в кастильском языке неизменяемое, оно не изменяется так, как в латыни и греческом) [Correas, (1626) 1903, с. 56].

В ходе проведенного анализа было выявлено, что выбор одного из живых языков для сопоставления при описании категории падежа зависит от типа грамматики и от ее предназначенности. Больше всего параллелей с живыми языками представлено в грамматиках, написанных иностранцами и предназначенных для иностранцев. При этом чаще всего упоминаются итальянский и французский языки. Встречаются случаи, когда испанский автор, давая описание родного языка, проводит параллели падежных форм с другим живым языком. Одним из таких примеров служит испано-французская грамматика А. Корро: *"In the Spanish we will put six cafes, and in the French three"* (В испанском языке шесть падежей, а во французском три) [Corro, 1590, с. 20].

Однако ярче всего принцип языкового релятивизма проявляется в виде так называемых переводных парадигм, в которых представлены падежные формы двух и более языков. Такие парадигмы получают отражение практически во всех грамматиках Золотого века. Однако наиболее активно к такому способу описания прибегали Аноним 1555 г., Г. Мерье, Дж. Миранда, С. Удэн, Д. Энкарнасьон, Г. Корреас, Л. Франчозини. В качестве примера приведем парадигму склонения личных местоимений в грамматике Л. Франчозини, в которую включены итальянские эквиваленты форм испанских личных местоимений:

No. yo	<i>Io</i>
Ge. de mi	<i>di me</i>
Da. à mi	<i>à me</i>
Ac. me,ò à mi	<i>me</i>
Ab. de mi	<i>da me.</i> [Franciosini, 1624, с. 47].

По мнению историографов лингвистики, проведение сопоставления между языками и накопление богатых эмпирических данных в эту эпоху создало предпосылки для зарождения лингвистической типологии [Percival, 1986; Косарик, 1998; Степанова, 2000, Михайлова 2000].

Таким образом, анализ испанских грамматик Золотого века показал, что при описании категории падежа использовались принципы, которые составляли методологическую базу учения о языке в XVI–XVII вв., – это описание, аналогия, разнообразие и принцип языкового релятивизма. Ведущим принципом в описании этой категории был принцип языкового релятивизма, который позволил грамматистам осознать сходства и различия испанского языка и латыни, а также других живых языков того времени. Совокупность использовавшихся приемов и методов грамматического описания свидетельствует о зре-

лости испанского лингвистического сознания и самобытности испанской грамматической традиции Золотого века.

Список литературы

Баткин Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1990.

Косарик М.А. Теория и практика описания языка (на материале лингвистических сочинений Португалии XVI–XVII вв.). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1998. 48 с.

Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1998.

Мечковская Н.Б. Концепции и методы грамматик XVI–XVII вв. как элемента книжно-письменной культуры восточного славянства. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Минск, 1986. 37 с.

Михайлова Е.Н. Грамматическая традиция французского Возрождения: класс имен. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб. 2000. 32 с.

Михайлова Е.Н. Принцип *varietas* в лингвистической традиции французского Возрождения // XVI Царскосельские чтения. Т. III. СПб., 2012. С. 404–411.

Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Т.2. М.; Л., 1934.

Ору С. История. Эпистемология. Язык. М., 2000.

Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб., 2000.

Auroux S. (dir.). Histoire des idées linguistiques. T. 2. Le développement de la grammaire européenne. Liège, Mardaga, 1992.

Correas G. Arte grande de la lengua castellana. Madrid, 1626.

Corro A. The Spanish Grammer. London, 1590.

Franciosini L. Gramatica spagnola e italiana. Venetia, 1624.

Gramatica dela Lengua Vulgar de España. Lovaina, 1559.

Miranda G. Osservationi della lingua castigliana. Vinetia, 1567.

Nebrija A. de. Gramatica castellana Madrid, (1492), 1946.

Percival W.K. Renaissance linguistics: the old and the new // Studies in the History of Western Linguistics. New York; Cambridge, 1986. P. 56–68.

Percyvall R. Bibliothecae hispanicae pars altera. London, 1591.

Villalon C. Gramatica castellana. Anvers, 1558.

*Elena Nikolaevna Mikhailova,
Svetlana Viktorovna Koltunova (Belgorod, Russia)*

PRINCIPLES OF DESCRIBING THE CASE CATEGORY IN THE SPANISH GRAMMARS OF THE GOLDEN AGE

The article studies the grammatical description principles represented in the Spanish grammars of the Golden Age. The system of ways and methods used in describing the Spanish language is considered as illustrated by the case category. It is shown that the methodology of early Spanish grammars included such principles as description, analogy and multiplicity. The principle of linguistic relativism occupied a special position in the grammatical knowledge system of the Golden Age, since it enabled the grammarians to show the identity of Spanish by means of revealing inter-lingual similarities and differences.

Keywords: *history of linguistics, Spanish grammars, case category, principles of grammatical description*

ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРЕ, СОЦИУМЕ И ЯЗЫКЕ

УДК 81.0

V. V. Kabakchi (Saint Petersburg, Russia)

RUSSIAN-CULTURE-ORIENTED ENGLISH (RCOE)

At the time of globalization and “globanglization” it becomes necessary for non-English-based cultures to master English as their secondary means of self-expression. Original direct inter-cultural dialogue involves a new type of communication, “internal translation”, and formation of a specialized variety of English when applied to Russian culture (RCOE).

Keywords: *cultural orientation, Foreign-Culture-Oriented English, interlinguoculturology, functional duality, culturonims, “internal translation”*

Globalization coincided with the emergence of English as history’s first global *lingua franca*, which makes it necessary for all non-English nations to use English in virtually all spheres of communication, including promoting their cultures in English. Orienting English towards foreign cultures results in formation of a specialized variety of this language – Foreign-Culture-Oriented (FCO) English which is best studied by resorting to original native English descriptions of the respective cultures, including Russian culture. Abundance of various English texts devoted to it allows us to find out the specific nature of Russian-Culture-Oriented (RCO) English.

FCO English is English in its *secondary cultural orientation*. Cultural reorientation of a language is the result of its “*functional duality*”: the language, although primarily oriented towards its “own” (“*internal*”) culture, is used in application to a foreign (“*external*”), non-English-based culture [Кабакчи, 1998, с. 9]. We call the linguistic discipline devoted to the study of the language in its secondary cultural orientation towards a foreign culture ‘*interlinguoculturology*’ [Кабакчи, 2011].

When we started our research in the early 1980s it was our aim to reach objective results. In our search for objectivity we turned to English texts about Russian culture written mostly by native speakers of English. Fortunately, Russian culture is closely examined by numerous native English authors. It is not by chance that OED [OED Online, 2013] includes three

words used in reference to experts on Russian culture: **Russianist**, **Sovietologist**, and **Kremlinologist**. There has been written thousands of books in English (no exaggeration) devoted to various spheres of Russian culture in the last five centuries. That made it possible for us to accumulate a corpus of texts of over 100 books of various genres, from academic papers to fiction and tourist guides to say nothing about numerous articles from the printed media (*Time*, *Times*, *Newsweek*, *National Geographic*, *Christian Science Monitor*, *Moscow Times*, *St Petersburg Times*, etc.), including the most authoritative and reliable publication *The Cambridge Encyclopedia of Russia* (1982, 1994) compiled by 142 leading experts, both UK and US, under a single editorship. We have verified our research by checking the appearance of specific names of elements of Russian culture (Russian 'xenonyms') in most reliable dictionaries – general purpose dictionaries (OED, RHD, W3, WNW), dictionaries of foreign words and phrases, dictionaries of new words as well as specialized dictionaries of Russian cultural terminology. We have had a chance to supply purely academic research by giving talks on Russian culture to English-speaking tourists to Russia since the 1980s.

Here are some extracts from English-language description of Russian culture. For instance, an academic article:

«The gentry or middle service class (*dvoryane*) also figure in numerous graveside inscriptions. A 1677 Pskov memorial, for example, recalls the “Moscow *dvoryanin*” Evsegneii Nikitin *syn* Neelov, while a 1679 inscription remembers another *dvoryanin*, Grigorii Grigor’ev *syn* Chirikov.» [Kaiser, 2004, p. 446].

An extract from notes of a traveler:

«There were three principle sorts of conveyance: the *telega*, a springless, one-horse cart, which had a leather hood and curtain for bad weather; the *kibitka*, which was similarly equipped but could also be converted into a horse-drawn sleigh; and the *tarantass*, a sort of hooded and seatless basket about seven feet long ... [Newby, 1978, p. 77].

Modern guides on Russia sometimes include most unusual texts:

Word of the month: *Vsyo v shokolade*

«*Vsyo v shokolade* (everything in chocolate) – that’s the real way to live! If you’re living *v shokolade* it means that everything in your life is, like the best chocolates, luxurious and tasty. You’ve got the *klassnaya mashina* (cool car), the *shikarny* (chic* and stylish) clothes** and the *klyovy* date on your arm. You eat in *glamurny* (glamorous) restaurants which are *ochen dorigie* (very expensive) and drink with VIPs at the most *eksklyuzivny* (exclusive)

bars in the city. Even Russia's It-girl, the *blondinka v shokolade*, Kseniya Sobchak could be jealous of you. Ah! The power of dreams ...» [*SPbIYP* March 2009].

FCO English is in fact a variety of English for special purposes: it has its own specific vocabulary – 'xenonyms', names of elements of foreign cultures, specific ways of creating the text, as well as certain ways of "localizing" the text, mainly to express the identity of the foreign culture in question.

The major problem of FCO English is to form xenonyms, i.e. names for specific elements of the foreign culture. We use the term *culturonym* in reference to all names of cultural elements, irrespective of the concrete culture and language. Traditional 'realia' («языковые реалии») are called *idioculturonyms* and are divided into *idionyms* (specific culturonyms of internal cultures) and *xenonyms* (specific culturonyms of external cultures). Thus 'cowboy' is an idionym for the English language, but 'ein Cowboy' is a xenonym in German; «царь» is an idionym in Russian, 'der Zar' is a xenonym in German, while 'tsar' is a xenonym in English [Кабакчи, 1998, с. 18–22].

Many culturonyms may be used in reference to similar elements of external cultures – so-called "polyonyms". Thus in the sentence "It is early Sunday morning, and I am looking through my Moscow window at the street below" [Davidow, 1980, p. 7] the words "Sunday, morning, window, street" are polyonyms. Without polyonyms any attempt to describe an "external" (foreign) culture would be either impossible or very difficult.

Most xenonyms accepted by RCO English, as our research has shown, are usually either transliterated borrowings ("tsar", "boyar", "balalaika", "chernozem"), or calques ("Old Believer", "Decembrist"), or hybrid xenonyms ("Soviet Union", "Bolshoi Theater", "chicken Kiev").

Historically English accumulates xenonyms of various cultures (xenonyms are shown in bold type):

"Jerusalem, Mecca, Rome, Moscow – all are places of pilgrimage, whether the faithful come to pray at the **Wailing Wall**, circle the **kaaba**, be blessed by the **Pope** or file past **Lenin's** embalmed body in the great mausoleum on **Red Square**" [Fodor, 1989, p.131].

As we can see, FCO English is a universal phenomenon:

German-Culture-Oriented English: The Bundestag and the Bundesrat (legislative bodies), the *Bundespräsident* (head of state), and the *Bundeskanzler* (head of government) all were located in Bonn during its period as the capital. (EncBr: Bonn)

Japanese-Culture-Oriented English: For the Japanese, the *tanka* is a “long poem”: in its common form it has 31 syllables; the *sedoka* has 38; the *dodoitsu*, imitating folk song, has 26. From the 17th century and onward, the most popular poetic form was the *haiku*, which has only 17 syllables. (EncBr)

Our study of the corpus of selected texts resulted in the compilation of *The Dictionary of Russia* [Кабакчи, 2002] with 2,500 xenonyms of Russian culture with at least 500 of them are in the OED. The minority of them, *basic xenonyms*, are those that have entered the layer of the common stock of the English language vocabulary, they are familiar to ordinary speakers and need no explanation: **Russia, steppe, tsar, balalaika, vodka, Soviet, Siberia**. Basic xenonyms are registered even by small-size general purpose dictionaries.

Basic Russian xenonyms may appear in the texts addressed to general readers. Here is an example from the US paper *Washington Post*. What follows is the opening lines of a 870-word long article (Russian xenonyms are marked by the bold type:

CZARS (By Dana Milbank, *Washington Post*, 23.10.2009)

October revolutions just ain't what they used to be.

It was 92 years, almost to the day, since the **Bolsheviks** stormed the **Winter Palace**. Sens. Joe Lieberman (I-Conn.) and Susan Collins (R-Maine), as fine a duo as **Lenin** and **Trotsky**, presided over the Senate Homeland Security and Governmental Affairs Committee, which for a couple of hours Thursday morning seemed more like the **Council of People's Commissars**.

The following text includes such xenonyms as **Bolshevik, Romanov, Nicholas II, duma, Yekaterinburg**. None is explained.

Technical xenonyms may be divided into two groups: *special dictionary xenonyms* and *occasional xenonyms*. The former are those that are registered at least by large dictionaries (over 100,000 entries). They but are familiar only to experts: “chernozem”, “starets”, “oblast”, “kolkhoz”.

“The tsar of soils,” Vasily Dokuchaev, the nineteenth-century father of Russian earth science, called chernozem [Meier, 2004, p. 67].

[Rasputin gained] a reputation as a *starets* (self-proclaimed holy man) with the ability to heal the sick and predict the future. (EncBr)

Occasional xenonyms are those that appear in texts but are of such very low frequency that they are not registered even by the largest dictionaries (OED, RHD). Special xenonyms are also usually explained when they are first introduced:

A folk group will walk the boulevard singing *kolyadki* (carols), as *Snegurochka* (the Snow Maiden) and *Ded Moroz* (Father Frost) stand side by side with Santa Claus. [*SPbTimes* 18.12.1998]

Thus most xenonyms need some explanation to make the text comprehensible. It is usually provided by means of *the parallel attachment* [Kabakchi, 1998, p. 52–54]:

In March 1921, in the so-called Kronshtadt Rebellion, Kronshtadt sailors mutinied against the Soviet government. (EncBr)

Postgraduate study can lead to the Candidate of Sciences degree (*kandidat nauk*), roughly equivalent to a Western Ph.D., or to the higher D.Sc. (*doktor nauk*) [The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union, 1982, p. 402].

Ideally xenonyms ought to be ‘convertible’, which means that it is possible to establish the corresponding idionym-etymon: «балалайка» <=> balalaika; «казак» <=> Cossack. Xenonymic convertibility makes the transition from one text to another (even in a different language) easy. Ideal convertibility is ensured by the transplantation of the idionym, which nowadays frequently happens in guidebooks:

Look for signs saying Паспорт. Фото. (Russia, Ukraine and Belarus, 1996, p. 122)

Unreliable convertibility creates inadequacy of the text. Thus in what follows it is not clear which of Russia’s advanced academic degrees is meant – *kandidat nauk* or *doktor nauk* (in fact it is the former):

Gorbachev graduated with **a degree in law** in 1955 ... (EncBr)

The *number of special xenonyms* introduced in the text depends on its genre and various other factors. Abundance of them is rare and is typical of academic texts:

Mikhail Bogoslovskii’s *Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v.* became central to any subsequent history of the North, and Aleksandr Kizevetter’s *Russkii Sever: rol’ severnogo kraia evropeiskoi Rossii v istorii russkogo gosudarstva*, though hardly more than a booklet, pointed to important historical connections between central Russia and the North [Kaiser, 2007, p. 68].

The *internal translation* («внутренний перевод»; [Kabakchi, 2000, c. 65–75] is an entirely different variety of translation. Let us compare samples of traditional and internal translation. First we’ll turn to a phrase from M. Bulgakov’s original «Мастер и Маргарита» and its translations:

«В Пушкино открылась чебуречная «Ялта»!» (глава X)

The idionym «чебуречная» has turned out to be difficult for translators. The attempts of the translators produce the following results [Полина, 2009, с.140-142]:

Turkish restaurant (Michael Glenny 1967, 1992).

Crimean restaurant (Diana Bergin, Katherine Tiernan O'Connor 1995).

Georgian tavern (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky 1997).

Georgian diner (Michael Karpelson 2006).

Only one translator (Mirra Ginsburg 1967) deviates from the words of the original introducing an additional comment on the xenonym 'chebureki', actually creating a hybrid xenonym:

A Yalta Restaurant has opened recently in Pushkino! **Chebureki lamb pies!**

And now the sample of "internal translation" written by an English-language expatriate journalist in Russia for *St. Petersburg Times* of his impressions of his visit to a new cafeteria which happens to bear the name 'Cheburechnaya'. You can easily see that his style is strikingly different from that of Bulgakov's translators quoted above:

Since the place is called **Cheburechnaya**, I felt obliged to sample their **chebureki** (7.50 rubles) – thin fried bread with a meat filling as an appetizer. Now, I don't pretend to be an expert on **chebureki**, but **Cheburechnaya's chebureki** are pretty damn good. [*SPbTimes* 12 March 1999].

The author is not shy of using numerous loans. He finds it natural to use the word 'chebureki' after mentioning the name of the cafeteria: 'Cheburechnaya', being sure that the reader (mostly expatriates) will easily understand it. Moreover, he immediately defines its meaning: "thin fried bread with a meat filling as an appetizer". The original plurality of the borrowing is supplied by the correct grammatical agreement: "chebureki **are** pretty damn good".

'Internal translation' by necessity resorts to various adaptation of the language, which usually consists in the introduction of xenonyms with the appropriate construction of the text. In fact, the authors "nativize" FCO English [Kachru, 1986, p.130; Platt, 1984, p. 183].

The authors of FCO English texts try to stylize the text in the attempt to reflect the specific nature of the culture described. Not infrequently, xenonyms have purely stylistic function (usually basic ones, familiar to readers):

Kulebyaka is the **Tsar** of Russian pies. [Craig, Novgorodsev, 1990, p. 42]

Foreign authors are fond of Russian proverbs:

There is a Russian saying: ‘*Pervyj blin komom*’ – ‘The first *blin* is a lump’ and indeed it almost invariably is (Craig, Novgorodsev, 1990, p. 30).

‘The law,’ as Russians say, ‘is like the yoke of a cart – it goes where you turn it’ (Smith, 1976, p. 333).

The Russians have a ditty that runs, ‘Without a document, you’re an insect; but with a document, you’re a human being’ [Smith, 1976, p. 327].

V. Nabokov, Russia’s only English language writer, in his English prose resorts to most sophisticated ways of stylizing the text. Here is an example of the so-called “Pninian English” of a Russian exile, Professor Timofey Pavlovich Pnin (he is examining an apartment he wants to rent):

‘No *douche*?’ inquired Pnin, looking up. (Nabokov *Pnin*, 1990, p. 393)

Poor Pnin is ignorant of the fact that “*douche*” means not «душ», but “*a mixture of water and something such as vinegar, that a woman puts into her vagina to wash it, or the object that she uses to do this*” [LDCE]

Another example of “Pninian English”:

The wife of colossus, colossus Tolstoy liked much better than him a **stooped moozishan** with a red **noz**! (Nabokov *Pnin*, 1990, p. 399)

It is a part of “Pninian English” to create funny bilingual idioms, in the following example it is a mixture of two Russian and English idioms, *Russian* “to buy a cat in a bag” and *English* “the cat is out of the bag”:

The cat, as Pnin would say, **cannot be hid in a bag**. (Nabokov *Pnin*, 1990, p. 399)

Quite frequently professor Pnin resorts to *localoids*, transparent international words borrowed in the foreign form [Kabakchi, 1998, p. 63]:

His so-called **kabinet** now looked very cosy ... (Nabokov *Pnin*, 1990, p. 484)

In fact localoids are not infrequently used in RCO English. Cf.:

Nikita Khrushchev and Leonid Brezhnev were the butt of many popular jokes – referred to by Russians as **anekdoty**. [SPbTimes 24 March 2000].

Nabokov frequently borrows conversational clichés:

His hand flew to his right side. *It was there, Slava Bogu* (Thank God)! (Nabokov *Pnin*, 1990, p. 383)

The author is not afraid of transferring the Russian way of referring to the age of the person concerned:

This Betty Bliss, a plump maternal girl of some twenty-nine **summers** ... (Nabokov *Pnin*, 1990, p. 399)

The use of polyonyms instead of more precise xenonyms inevitably results in the partial loss of information and assimilation of the external

culture. Here is an example of H. Smith's description of Yakutia (it is in Siberia):

It was a greedy, confident Siberian wintriness, devouring the **hardy folk** who labored along the **sidewalks** and chasing indoors those whose energies it had already eaten away. The day before, in one **café**, I had seen people banging through the door steadily, taking refuge over piping hot tea and lingering as long as possible in the stale communal warmth. I watched one **worker** chug-a-lug a half-tumbler of **brandy** like a dose of antifreeze before having another go at the elements. [Smith, 1976, p. 400]

The uninitiated reader while trying to visualize such culturonyms as 'hardy folk, sidewalks, café, worker, fashion' will either simply transfers his native-culture idea of these culturonyms into the domain of a foreign culture, which leads to its assimilation, or, which is worse, will see this culture through the habitual stereotype of this culture persistent in Western media and films.

The so-called "McCauchey syndrome" in this case is unavoidable. It is a specific phenomenon of inter-cultural communication when a couple of culturonyms of different cultures are traditionally substituted one for the other. Such bilingual *binaries* (such as *kasha*/porridge, *nauka*/science) appear in numerous bilingual dictionaries (especially small popular ones) and are used interchangeably while passing from one language to the other: "*kasha* is translated in virtually every textbook as 'porridge'. So porridge is the word used by today's English speakers when referring to a particular Russian dish that has little to do with the English/Scottish breakfast food" (McCauchey, 2005, p. 455).

In fact, RCO English to be used adequately, like any other English for special purposes of this type, is to be mastered with all its rules. And the better the knowledge of it the more adequate the description of Russian culture.

Список литературы

Kachru B. The Alchemy of English. The Spread, Functions and Models of Non-Native Englishes, 1986.

McCauchey K. The *kasha* syndrome: EL teaching in Russia // World Englishes, 2005, vol. 24, No 4, pp. 455–459.

Platt J., Weber H., Ho Mian Lian. *The New Englishes*. L., 1984.

Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб., 1998.

Кабакчи В.В. Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» // *Studia Linguistica*. Вып. 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб., 2000.

Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию // *Язык и межкультурная коммуникация*. НовГУ им. Ярослава Мудрого, Т.1, 2011. С.11-19.

Кабакчи В.В. *The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms)*. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПб., 2002.

Ролина О.К. Адаптация русских культуронимов при переводе на английский язык (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

Источники примеров

The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union. A.Brown, J.Fennell, M.Kaser, H.T.Willetts (eds.): Cambridge, 1982.

The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union. A.Brown, M.Kaser, G.Smith (eds.): Cambridge, 1994.

Craig K., Novgorodsev S. *The Cooking of Russia*. A Sainsbury Cookbook, London, 1990.

Davidow M. *Moscow Diary*. M., 1980.

Encyclopaedia Britannica Standard Ed. CD-ROM. 2001

Soviet Union. With Essays on History and Art. NY&London: Fodor's Travel Publications, 1989.

Kaiser D.H. *Discovering Individualism Among the Deceased: Gravestones in Early Modern Russia*. // Kotilaine, Jarmo & Poe, Marshall (ed.). *Modernizing Muscovy*. London & NY, 2004, P.433-459.

Kaiser D.H. *Ivan Nikolaevich Suvorov and the Vologda Archiepiscopal Archive* // *Regional Schools of Russian Historiography, Russica Pannonica*, Budapest, 2007, P.68-81.

Meier A. *Black Earth. Russia After the Fall*. Harper Perennial, UK, 2004. Nabokov V. Pnin // *Selected Prose and Verse*. Moscow, 1990.

Newby E. *Big Red Train Ride*. Penguin, 1978.

John Noble *et al.* *Russia, Ukraine & Belarus: a travel guide*. Australia, 1996.

St. Petersburg. In Your Pocket. Essential City Guides. SPb. 2009.

Smith H. *The Russians*. Sphere Books, 1976.

Сокращения

EncBr = *Encyclopaedia Britannica*

FCO = Foreign-Culture-Oriented

LDCE = Longman Dictionary of Contemporary English. 2006.

OED = Oxford English Dictionary Online. 2013

RCO = Russian-Culture-Oriented

SPbIYP = St. Petersburg In Your Pocket

SPbTimes = St. Petersburg Times

В.В. Кабакчи (Санкт-Петербург, Россия)

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ВТОРИЧНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

В эпоху глобализации, сопровождаемой «глобанглизацией», неанглоязычные народы вынуждены осваивать английский язык в качестве вторичного средства культурного выражения. Прямой англоязычный межкультурный диалог активизирует своеобразный вид переводческой деятельности: «внутренний перевод», и формирование специализированной разновидности английского языка.

Ключевые слова: культурная ориентация, английский язык вторичной культурной ориентации, функциональный дуализм языка, культуронимы, «внутренний перевод».

УДК 811. 1/8

И.М. Гасанова (Санкт-Петербург, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ РОМАНЕ Д. ЛЕССИНГ “UNDER MY SKIN”

Статья посвящена языковым средствам художественного моделирования семейной самоидентификации в тексте постколониального романа. Процесс семейной идентификации моделируется с помощью широкого спектра художественных средств, в том числе перцептуальных образов и риторических вопросов.

Ключевые слова: семейная самоидентификация, художественный текст, постколониальный роман, перцептуальные образы, пограничное состояние, «свое» и «чужое» пространство

Культура людей немислима без семьи, любви, детей, супружеских и родственных отношений. Семья относится к числу социальных институтов, составляющих базис общества. Поскольку семья рассматривается как социализирующая структура, воспроизводящая человека не только как биологическую единицу, но и как индивида с определённым набором социальных, культурных и нравственных качеств, её важнейшей функцией, наряду с социализацией, признается самоидентификация личности. Именно в семье формируются основы личности, её ценностные установки и ориентации. Семейная самоидентификация – двойственный процесс, предполагающий установление соответствия семейных отношений существующим формальным общественным нормам семьи, принятым в конкретном социуме (регистрация, венчание брака, совместное проживание, воспитание детей и т.д.), и субъективному восприятию данных отношений в качестве семьи [Фатенкова, 2010, с. 19].

Тема семейных отношений лежит в основе автобиографического постколониального романа Дорис Мей Лессинг “Under My Skin” (1994 г.). Д. Лессинг – английская писательница иранского происхождения, родилась (1919 г.) в Персии, в городе Керманшах (современный Бахтаран, Иран), в возрасте 6 лет переехала с семьёй в Южную Родезию (ныне Зимбабве), бывшую тогда английской колонией, с 1949 году проживает в Англии. Писательница родилась в сложное историческое

время, когда Европа находилась в состоянии войны. Трагизм этого исторического события Лессинг переносит на свою жизнь: *Do I believe this difficult birth scarred me – that is to say, my nature?* Неслучаен выбор глагола “to scar”, который используется в тексте и в прямом (my face was scarred), и в переносном значении (*the difficult birth scarred me – that is to say, my nature*): появление на свет в тяжелый исторический момент оставило в жизни Дорис глубокий след. С первых минут жизни она оказывается в жестоком мире насилия, напряжения и одиночества, ощущает существование границ между людьми, их отдаленность друг от друга: *Unless you believe that every little human being's mind is quite separate from every other, separate from common human mind. An unlikely thing, surely* [Lessing, 1995, p. 8].

В приведенном микроконтексте «точкой контакта автора и читателя» (по О.П. Воробьёвой [Воробьёва, 1993]) выступает прилагательное *separate*, обозначающее состояние отдалённости и одиночества:

separate – set or kept apart: detached; solitary; not shared with another [http://www.merriam-webster.com/dictionary].

Когда человек сталкивается с трудностями, важным поддерживающим фактором для их преодоления выступает его семья. Она помогает человеку адаптироваться к внешним условиям. Социальная самоидентификация формируется на основе семейной самоидентификации, т.к. для того, чтобы ощутить свою принадлежность социуму (макроуровень), необходимо сначала ощутить свою принадлежность семье / родству (микроуровень). С семьёй связано начало осмысления «Я», поскольку именно в ней в сознание человека закладываются базовые ценности, нормы, правила и образы поведения.

В романе “Under My Skin” детально описывается процесс развития и формирования автора как личности. Так, в цитируемом ниже предложении процесс самоидентификации на жизненном пути человека сравнивается с горой, на которую он должен взойти. Развернутая метафора помогает читателю понять, как сложен путь познания мира и себя как его части. Различие, несхожесть этапов восхождения / познания мира маркируется корневым повтором в лексических единицах *differently* и *different*: *You see your life differently at different stages, like climbing a mountain while the landscape changes with every turn in the path* [Lessing, 1995, p. 12].

Человек появляется на свет, растёт, воспитывается в семье, получает в ней первое образование (иногда домашнее), формируется как

личность, социализируется, самоидентифицируется. Все эти процессы относятся к функциям семьи, востребованным как обществом, так и личностью. Семейная самоидентификация актуализируется через «мир семьи», семейные отношения и семейные традиции, атрибуты, без которых жизнь семьи была бы сложна. В число таких атрибутов могут входить мебель в доме, посуда, еда, одежда, даже запах. Совокупность языковых единиц, используемых автором в процессе их моделирования (*rooms, furniture, windows, doors, cupboard, beds, cot, panes, his (father's) trousers, father's hands, the smell of father, the smell of horse, smell of Miss Steele, smell of the brother*), позволяет реципиенту реконструировать образ семейного уклада, сложившийся в детском сознании. Известно, что участие образов в художественном тексте может носить различный характер: от перцепции отдельных характеристик окружающего мира до его метафорического представления. В плане изображённой коммуникации работу органов чувств имитируют перцептуальные образы, способные нарисовать в тексте картину – впечатление [Щирова, 2003, с. 31]. Так и в анализируемом тексте широкая сеть образных ассоциаций в сознании героини формируется разнообразными перцептуальными образами: зрительными (*The rooms you run about in*), тактильными (*slippery (hidden) thing*), обонятельными (*a smell of dirt; the unwashed smell of Miss Steele (nurse), sour and metallic*), а также синестезией (Ср., например, *the smell of wet wool from my brother, and my own dry and warm smell*). Заметим, что семья вызывает у Дорис противоречивые чувства, что позволяет говорить о неустойчивом характере процесса семейной самоидентификации.

Воспитание и образование детей в семье формируют первичные этапы формирования самоидентификации личности и помогают в достижении определённого социального статуса. Дорис, впоследствии всемирно известная писательница, росла любознательным ребёнком. Её семья прилагала все усилия, чтобы дать детям хорошее образование (*Mrs. Taylor was on the move somewhere. People were always moving about country, farm to farm, from either to the town* [Lessing, 1995, p. 67]). Так как школа в Южной Родезии располагалась далеко, дети в основном обучались на дому, с ранних лет они читали много книг:

*I lie on my bed, reading Walter de la Mare's **The Three Royal Monkeys**. I continue my mother's bedtime stories, of the animals in the bush, the mice in the storeroom. Then I try to frighten my little brother with the dragon from **St. George and the Dragon**... I imagine fairies... I stand by an old gnarled tree, like the ones in **Peter Pan in Kensington Gardens*** [Lessing, 1995, p. 67].

Recently a book was published called *Toe-rags* by **Daphne Anderson**, the story of a girl who survived a childhood at this level of poverty... [Ibid, p. 61, 63, 65].

I was reading the easier bits in the books in the heavy bookcase. The classics. The classics of that time, all in dark red leather covers, with thin-as-skin pages, edged with gold. **Scott. Stevenson. Kipling. Lamb's Tales from Shakespeare. Dickens** [Ibid, p. 83].

I raced through **Plain Tales from the Hills**, skipping a good half, **The Jungle Book, Oliver Twist**, skipping, always skipping... Children's books arrived from London, and children's newspapers. If some enterprising publisher should now produce a magazine on the level of the **Merry-Go-Round**, with writers like **Walter de la Mare, Laurence Binyon, Eleanor Farjeon**... [Ibid, p. 83].

Here some of what I remember. **John Bunyan. Bible Tales for Children. English History for children.** The Crusades – with **Saladin** presented like an English gentleman. The battles of **Crecy, Agincourt, Waterloo, the Crimea**, biographies of **Napoleon, Benjamin Franklin, Jefferson, Lincoln, Brunel, Cecil Rhodes**. Children's novels like **John Halifax, Gentleman; Robinson Crusoe; The Swiss Family Robinson; Lobo, the Wolf** (from America, **Ernest Seton Thompson**); **Alice in Wonderland and through the Looking Glass; Christopher Robin; Black Beauty; Stevenson's Verses for Children**... [Ibid, p. 88].

Процитированные фрагменты текста включают в себя:

а) названия произведений литературы (*Alice in Wonderland and through the Looking Glass; Verses for Children; The Jungle Book, Oliver Twist* и др.),

б) антропонимы, обозначающие известных исторических личностей (*Saladin, Napoleon, Benjamin Franklin, Jefferson, Lincoln, Brunel* и др.), писателей (*Scott, Stevenson, Kipling, Dickens* и др.) и литературных персонажей (*dragon from St. George and the Dragon, Lobo, the Wolf*);

в) топонимы (*Crecy, Agincourt, Waterloo, the Crimea*), связанные с известными историческими событиями.

Таким образом, мировосприятие героини во многом формируется в детские годы, образование же выступает важным фактором на пути к построению её целостной личности.

Внутри семьи героиня идентифицирует себя как экстраверт (*an extrovert*). Она не боится оказаться в нелепой ситуации (*brash, jokey, clumsy*), как Тигра из сказки о Винни-Пухе (*There was a lot of energy in*

'Tigger' – *that healthy bouncy beast*), ощущает избыток энергии (*a lot of energy*). В Тигре она обнаруживает модель поведения, которой стремится следовать (*...it was a protection for the person I really was, 'Tigger' was an aspect of the Hostess*) и которая включает в себя целый ряд умений: умение посмеяться над собой и посмешить других, умение принести извинения и признать собственную несостоятельность, иными словами, умение быть самокритичной:

This personality was expected to be brash, jokey, clumsy, and always ready to be a good sport, that is, to laugh at herself, apologize, clown, confess inability. An extrovert. In that it was a protection for the person I really was, 'Tigger' was an aspect of the Hostess. There was a lot of energy in 'Tigger' – that healthy bouncy beast [Lessing, 1995, p. 89].

Героиня следует избранной модели поведения на протяжении жизни, что подтверждается предложением *I was Tigger Tayler, Tigger Wisdom, Tigger Lessing, Comrade Tigger*. В нём упоминается и маленькая Дорис, дочь своих родителей (*Tigger Tayler*), и повзрослевшая Дорис, вышедшая замуж (*Tigger Lessing*), и Дорис, преданная идеалам (*Comrade Tigger*) (известно, что в начале своей жизни Лессинг увлекалась идеями коммунизма), и Дорис, обретшая жизненный опыт (*Tigger Wisdom*). Интересно, что маленькая Дорис наделяет сказочными образами и всех членов своей семьи: *My father was Eeyore, my brother Roo, my mother – what else? – Kanga*.

Личностный конфликт героини заключается в том, что она оказывается не в состоянии перенести за пределы семьи состояние защищённости и уверенности. Так, в стенах католической школы, она испытывает внутренний дискомфорт (*a frightened and miserable little girl*). Семья рано отталкивает её от себя, и семейная самоидентификация героини остается незавершённой. Об этом свидетельствуют и сложности её последующей жизни, например, неоднократно предпринимавшиеся попытки построить собственную семью. Даже творчество, которое составляет смысл жизни Лессинг, ассоциируется в её сознании с уютом родного дома: *the world of dreams, where I have always been at home*.

Ключевая идея романа представлена предложением, выражающим важное правило семейных отношений – руководствоваться в воспитании любовью к ребёнку: *A child should be governed by love*. Самой героине любви не хватает (*I knew from the very beginning, she did not love me*), и это предопределяет неустойчивость анализируемого процесса. Из-за трудностей в нахождении «своего места» в семье, героиня, несмотря

на привязанность к дому, постепенно отдаляется от него. Некоторые слова и словосочетания, используемые для моделирования процесса семейной самоидентификации, объединены семантикой отчуждения (*to be alone, to wander, from home, far*), в данном случае – отчуждения от «своего»:

She took it into her head to start worrying about my being alone. All those years I wandered about sometimes miles from home, and had tactfully not said how far I went [Lessing, 1995, p. 155].

Решившись изменить свою жизнь (*leaving the Colony as soon as I could, for a new life*), Доррис уезжает в Англию, связывая с переездом надежды на «новую жизнь», однако, вскоре Англия теряет для неё прежнюю привлекательность. В описание «чужого» мира, который так и не стал для героини «своим», включаются отрицательные характеристики, выраженные эпитетами *grimy, graceless* (–), *bleak* (–), *ugly* (–), *dreadfulness* (–) (Ср.: *to get away from the grimy, graceless, bleak, ugly, dreadfulness of England*):

Grimy – full of or covered with mud, dirty [[http:// dictionary.cambridge.org /dictionary](http://dictionary.cambridge.org/dictionary)];

graceless – lacking grace; immoral, unregenerate; lacking a sense of propriety [Ibid];

bleak – cold, empty and not welcoming or attractive (about weather) [<http://www.merriam-webster.com/dictionary>];

ugly – unpleasant; likely to cause inconvenience or discomfort [Ibid];

dreadfulness / dreadful – extremely bad, distasteful, unpleasant, or shocking [Ibid].

Мысленно, теперь уже в воспоминаниях, Дорис возвращается в свой дом, в Персию и Южную Родезию, где человек окружён природой:

We drove through mountains roads made for caravans, hoses, mules, donkeys. The water was so cold! It was mountain water. It came running down from the mountains in stone channels. You simply had to shout as you jumped in! [Lessing, 1995, p. 165].

Итак, в автобиографическом романе Дорис Лессинг “Under my Skin” моделируется важный тип самоидентификации личности – семейная самоидентификация. Её формирование оказывается незавершённым, что приводит к личностному кризису героини и впоследствии отрицательно влияет на её самоопределение в социуме. Даже попытка начать «новую жизнь» в «чужом» мире заканчивается неудачей. Взрослая Дорис продолжает примерять на себя образ Тигры (*maska – chatty brightness*), который «защищает» её в обществе:

I remember the chatty brightness of 'Tiger' – who was certainly the person who dealt with the social life that once swept me away into drinking and dancing [Lessing, 1995, p. 199].

Семья – это малая группа социума. Если не происходит формирования семейной самоидентификации, личность оказывается в пограничном (Ср.: «свой» – «чужой») состоянии адаптации к социуму. Отчуждение от социума объясняется неспособностью личности приспособиться к социальным условиям, построив адекватную модель поведения и самоопределения. Отказ от «своего» пространства и неспособность адаптации к «чужому» пространству влекут за собой утрату идеалов, мотивационных установок и личностных смыслов бытия, в чем убеждает проанализированный роман Д. Лессинг.

Список литературы

Воробьёва О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 37 с.

Фатенкова Т.А. Идентификация и самоидентификация в структуре современных семейных отношений: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Нижний Новгород, 2010. 24с.

Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб., 2003.

Cambridge dictionary // URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british> (дата обращения: 15.09.2012).

Lessing D. Under My Skin. London, 1995.

Merriam dictionary: [сайт]. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 17.09.2012).

Indira Maksimovna Gasanova (Saint Petersburg, Russia)

LANGUAGE MODELING OF FAMILY SELF-IDENTIFICATION IN POSTCOLONIAL NOVEL “UNDER MY SKIN” BY D. LESSING

The article is devoted to language modeling of family self-identification in postcolonial novel. The process of family self-identification is modeled with the help of a wide spectre of art media, perceptual images and rhetorical questions among them.

Keywords: *family self-identification, fictional text, postcolonial novel, perceptual images, borderline status, «self» space and «another's» space*

УДК 81.0

И.О. Ситникова (Санкт-Петербург, Россия)

О ФЕМИНИЗАЦИИ НЕМЕЦКОГО МЕСТОИМЕНИЯ „frau“ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В статье предпринята попытка проследить, насколько местоимению „frau“ удалось перешагнуть через границы породившего его феминистского дискурса и прижиться в феминистки нейтральном текстовом пространстве интернета. Представители феминистской лингвистики предлагали в специфических женских контекстах использовать местоимение „frau“ в качестве альтернативы гендерно асимметричному местоимению „man“. Однако со времени введения в обиход местоимения „frau“ сфера его употребления расширилась и не ограничивается только «женскими» контекстами.

Ключевые слова: *гендерная асимметрия в языке, гендерная лингвистика, несексистское употребление языка, феминистский дискурс*

От всех других направлений лингвистических исследований феминистскую лингвистику отличает стремление не только изучить свой объект, но и трансформировать его. Опираясь на языковую концепцию реальности, представители феминистской лингвистики считают, что устранение гендерных асимметрий в языке и речи является одним из важнейших средств ликвидации неравенства между женщинами и мужчинами и преодоления дискриминации женщин, т.к. язык играет основополагающую роль в формировании сознания и системы ценностей каждой личности.

Разработанные феминисткой лингвистикой предложения по реформированию языка доносятся до общественности в форме так называемых «руководств по несексистскому употреблению языка» („Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs“ или „Richtlinien zu einem nichtsexistischen Sprachgebrauch“). Первое такое руководство, опубликованное в 1980 году в лингвистическом научном журнале [Guentherodt et al., 1980], было адресовано всем, кто использует немецкий язык в профессиональных целях. Многочисленные руководства, последовавшие за первым, создавались уже для конкретных профессиональных групп (чиновников, журналистов, сотрудников издательств, членов профсоюзов и т.п.). Как отмечает один из авторов таких ру-

ководств, предметом реформирования феминистской лингвистики является письменная официально-деловая коммуникация, в то время как изменение практики повседневного общения не включается в круг основных задач, но рассматривается как желательное [Hellinger, 2004, S. 275].

Основное внимание авторы руководств по несексистскому употреблению языка сосредотачивают на так называемом мужском роде в генерализующей функции (*generalisierendes Maskulinum*). Любое существительное мужского рода, обозначающее профессию, род деятельности и т.п., бифункционально: оно может использоваться как для обозначения лица (или группы лиц в случае множественного числа) мужского пола, так и для лица или группы лиц без учета их пола. В последнем случае действует принцип включенности женского рода в мужской. Тот факт, что генерализирующим значением наделен именно мужской род, интерпретируется представительницами феминистской лингвистики как отражение в языке доминирования мужчин над женщинами и как средство укрепления мысли о естественности такого доминирования в сознании носителей языка. Посредством грамматики происходит отождествление понятий «человек» и «мужчина», а женщина рассматривается как человек второго сорта [Pusch, 1990; Trömel-Plötz, 2006].

Явлением того же порядка является с точки зрения феминистской лингвистики и неопределенно-личное местоимение „man“, которое Л. Пуш окрестила супермаскулиным [Pusch, 1984, S. 86]. Этимологически восходящее к существительному „Mann“ и обнаруживающее связь с этим существительным в своем облике, оно используется в немецком языке для указания на человека или людей в общем, т.е. для референции к представителям обоих полов. В руководстве по несексистскому употреблению языка, составленном М. Хеллингер [Hellinger, 1993], предлагаются следующие альтернативы данному местоимению:

Личные местоимения „ich“, „wir“, „du“, „Sie“.

Например: „*Die unberührte Natur ist grundsätzlich nicht belastbar. Wir sollten deshalb auch nicht von Belastbarkeit dieser oder jener Ökosysteme sprechen. Wie anstrengend oder entspannend ein Personalcomputer ist, merken Sie erst, wenn Sie mit ihm arbeiten.*“ Вместо: „*Die unberührte Natur ist grundsätzlich nicht belastbar. Man sollte deshalb auch nicht von Belastbarkeit dieser oder jener Ökosysteme sprechen. Wie anstrengend oder entspannend ein Personalcomputer ist, merkt man erst, wenn man mit ihm arbeitet.*“

Пассивные конструкции.

Например: „*Das Gerät muss lediglich an einen Fernseher angeschlossen werden.*“ Вместо: „*Man muss das Gerät lediglich an einen Fernseher anschließen.*“

Конструкции с глаголом „lassen“.

Например: „*Doch dieser Gefahr lässt sich durch eine Impfung vorbeugen.*“ Вместо: „*Doch dieser Gefahr kann man durch eine Impfung vorbeugen.*“

Необходимо отметить, что М. Хеллингер не настаивает на абсолютном отказе от использования местоимения „*man*“, она лишь предлагает снизить частотность данного местоимения посредством приведенных выше альтернативных вариантов. И только в специфических женских контекстах (беременность, кормление ребенка грудью и т. п.) феминистская лингвистика считает употребление „*man*“ недопустимым, оскорбительным и гротескным. В таких контекстах М. Хеллингер рекомендует прибегать к местоимению „*frau*“.

Данное местоимение возникло в 70-е гг. прошлого столетия. Так, Л. Пуш отмечает его последовательное употребление в ежегоднике „*Frauenjahrbuch*“ за 1976 г. [Pusch, 1984, S. 86]. Представляется абсолютно логичным, что местоимение „*frau*“ получило распространение, прежде всего, в феминистском дискурсе. Представительницы феминистской лингвистики не только призывают к активному использованию данного местоимения, но и подают пример своим читателям. Так, в небольшом по объему (7 страниц) докладе С. Шмидт-Кнебель местоимение „*frau*“ встречается трижды:

(1) „*Macht **frau** sich nun Gedanken über die Neubildung weiblicher Entsprechungen, werden unterschiedliche Möglichkeiten des Deutschen erkennbar, die weit über die besprochene -in-Variante hinausweisen.*“ [Schmidt-Knaebel, 1988, S. 6]

(2) „*Ich möchte mich im folgenden einer frauensemantischen Betrachtung von formelhaften Ausdrücken und Redewendungen zuwenden. Auch hier macht **frau** die Erfahrung, dass sie in einem wichtigen sprachlichen Feld oft nicht vorkommt.*“ [там же, S. 11]

(3) „*Wenn **frau** die gesellschaftlichen Verhältnisse ändern will, die sich auch hier weltweit in den sprachlichen Gegebenheiten spiegeln, muss sie sich Gedanken darüber machen, wie die Frauen linguistisch Einzug halten können auf der ‚Rentnerinnenbank‘.*“ [там же, S.14](здесь и далее выделено мной – И.С.)

Кроме лингвистических статей и монографий традиционный контекст использования местоимения „*frau*“ образуют тексты, посвящен-

ные социальным вопросам женского равноправия, дискриминации и т. п. Например, опубликованная на сайте *Jeden Tag ein Tipp* статья Сандры Шварц об унижительности для женщин так называемой «женской квоты» озаглавлена „Wie kann **frau** sich vor der Frauenquote schützen?“ А в брошюре о мерах против сексистской дискриминации и сексуальных домогательств „Sexistische Diskriminierung und sexuelle Belästigung – Informationen und Gegenstrategien“, изданной в Берлине свободным союзом немецких студенческих сообществ, последовательно употребляется местоимение „*frau*“ для референции к женщинам. Вот лишь два примера:

(1) „In Situationen des „angegafft Werdens“ oder der Taxierung mit unverschämten Blicken kann **frau** die Blicke auch „zurückgeben“. Männer sind meist nicht in der Lage mit einer solchen offensiven Umkehrung der Machtverhältnisse klarzukommen.“ [Förster et al., 2007, S.17]

(2) „Das körperliche Wehren und aggressive Auftreten in Gefahrensituationen kann **frau** in Selbstverteidigungskursen an der Hochschule oder Volkshochschule lernen.“ [там же, S.18]

В некоторых из приведенных выше примеров можно наблюдать одну из грамматических особенностей местоимения „*frau*“, отмеченных Л. Пуш: при повторе оно может быть заменено на личное местоимение „*sie*“, в то время как „*man*“ при повторе никогда не заменяется на „*er*“. Данную особенность Л. Пуш объясняет семантической и этимологической близостью местоимения „*frau*“ к существительному „*Frau*“ [Pusch, 1984, S.87]. Можно сказать, что „*frau*“, несмотря на свое уже тридцатипятилетнее существование, пока еще находится в стадии перехода от существительного к местоимению.

В то же время, местоимение „*frau*“ впервые было зафиксировано в таком авторитетном лексикографическом источнике, как Универсальный словарь немецкого языка издательского дома Duden (Deutsches Universalwörterbuch) уже более десяти лет назад. В 4-м издании словаря, вышедшем в свет в 2001 году, впервые появилась словарная статья, посвященная местоимению „*frau*“:

<Indefinitpron.>: Besonders in feministischem Sprachgebrauch, sonst oft scherzhaft für „*man*“, besonders wenn [ausschließlich] Frauen gemeint sind.

Нам представляется интересным проследить, насколько этому местоимению удалось перешагнуть через границы породившего его феминистского дискурса и прижиться в неидеологизированном текстовом пространстве, а точнее в пространстве интернета. Выбор источника

исследовательского материала не случаен: интернет представляет собой максимально широкую палитру всевозможных сфер употребления языка: официальные сайты государственных учреждений, научных организаций, частных компаний и спортивных клубов, онлайн-версии газет и журналов, форумы, на которых обсуждается бесконечное множество тем и т.п. Еще раз подчеркнем, что объектом нашего внимания стал не феминистский, а социально неангажированный дискурс.

В интернет-публикациях местоимение „*frau*“ достаточно регулярно встречается в «женских» контекстах. Это могут быть материалы, посвященные социальным вопросам (см. примеры, приведенные выше), а также материалы, в которых идет речь о женской привлекательности. Так, например, статья про средства против целлюлита на сайте *apotheken-umschau.de* начинается словами „*Das ist gemein und schwierig zugleich. Erstens kann frau nichts für die Dellen.*“ А в материале о губной помаде, помещенном на сайте региона Рейн-Рур в рубрике «Иконы стиля» можно прочесть следующую фразу: „*Mit einem neuen Lippenstift kauft frau sich manchmal ein Stück Selbstwertgefühl.*“

Показательно, что местоимение „*frau*“ уже настолько укоренилось в сознании носителей немецкого языка, что используются не только журналистами и лингвистами, но и читателями/пользователями, т.е. людьми, как правило, оперирующими неологизмами не так смело и охотно, как те, кто имеет дело с языком в силу своей профессии. Так, тема, открытая пользователем *AberHallo07* на форуме журнала „Brigitte“, сформулирована следующим образом: „*Hautirritationen durch Brille – was kann frau dagegen tun?*“. А в комментарии к статье о борьбе с целлюлитом на сайте журнала „Freundin“ читаем: „*Ein absoluter 08/15-Artikel, der NICHTS, aber rein gar nichts Neues zum Thema beiträgt! Wie oft soll frau eigentlich noch lesen, wie Cellulite entsteht, warum Männer (zumindest in ihrer Mehrheit!) keine Cellulite bekommen blabla?*“

Было бы логичным предположить, что авторами подобных комментариев и постов являются женщины. Однако в некоторых случаях к местоимению „*frau*“ прибегают и мужчины. Томас Грэзер в своем посте на портале *mein Anzeiger.de* пишет: „*Nachdem ich weiß, dass frau im Leben etwa vier Kilogramm Lippenstift isst, erscheinen Probleme mit der Figur in einem anderem Licht. <...> Der weibliche Körper weiß von Geburt an: Ich muss mich gegen Lippenstift wehren. Also reagiert frau so.*“

Несмотря на то, что местоимение „*frau*“ существует уже достаточно давно и даже зафиксировано в словаре, некоторые журналисты и

читатели заключают его в кавычки, подчеркивая таким способом его необычность или несколько дистанцируясь от него. На портале *Portal für Abendmode und festliche Kleidung*, посвященном вечерним туалетам и макияжу, трижды встречается заключенное в кавычки местоимение „*frau*“:

(1) „*Während tagsüber lediglich ein dezentes, leichtes Make-up verwendet werden sollte, darf „**frau**“ am Abend zu stärkeren Farben greifen.*“

(2) „*Mit dekorativer Kosmetik kann „**frau**“ sich immer neu erfinden.*“

(3) „*Damenmode bedeutet für jede Einzelne aber auch typgerechte Damenkleidung zu tragen, in der „**frau**“ sich wohl fühlt und so vorteilhaft wie möglich aussieht.*“

Важно отметить, что гендерно корректное местоимение „*frau*“ используется крайне непоследовательно. В рамках одного материала оно может перемежаться с местоимением «*man*» или сочетаться с другими формами, которые представительницы феминисткой лингвистики обличают как сексистские или гендерно асимметричные. Причем последние нередко количественно преобладают над местоимением „*frau*“. Так, на упомянутом выше сайте *Portal für Abendmode und festliche Kleidung* местоимение „*man*“, в отличие всего трижды используемого местоимения „*frau*“, встречается достаточно регулярно: (1) „*Nach dem Auftragen der üblichen Foundation widmet **man** sich den Augen, indem **man** Augenschatten mit einem Concealer aufhellt und mit Puder abdeckt.*“ (2) „*Bei Bedarf kann **man** anschließend die Lippen leicht pudern, um dadurch eine bessere Haftung des Lippenstifts zu erzielen.*“ (3) „*Danach zieht **man** die Lippenkontur mit Hilfe eines Konturstifts nach, der denselben Farbton haben sollte wie der Lippenstift.*“ (4) „*Um aber stets auch in Damenjeans perfekt gekleidet zu sein, sollte **man** bei seiner Auswahl einige Modewahrheiten beachten, die den einzelnen Jeansformen zu Grunde liegen*“; (5) *Kaum ein anderer Kleidertyp ist seit Jahren in der Modewelt so präsent wie das Cocktailkleid, mit dem **man** modisch praktisch immer auf der sicheren Seite ist*“ и др. Кроме того здесь имеет место сочетание относительного местоимения „*wer*“ с притяжательным местоимением мужского рода „*sein*“ и относительным местоимением мужского рода „*der*“, а также использование неопределенного местоимения мужского рода „*jeder*“: (1) „***Wer sein** Aussehen vorübergehend verändern und verbessern möchte, verwendet Schminke bzw. Make-up.*“ (2) ***Wer** sich nicht sicher ist, welches Gesichts- und Augen Make-Up zu **seinem** Typ passt, **der** sollte sich von einer Kosmetikerin beraten lassen.*“ (3) „*Mit ein wenig Übung kann **jeder** die Farben leicht auftragen.*“ Любопытно, что

первым двум формулировкам можно легко придать гендерную нейтральность, отказавшись от притяжательного местоимения «sein» и относительного местоимения „der“. Пример такой нейтральности можно наблюдать в фрагменте с того же сайта: „**Wer unsicher ist, welches Make-up zum persönlichen Hauttyp, zur Gesichtsförm und zur Haarfarbe passt, sollte sich von einer Kosmetikerin beraten lassen.**“ В третьем же примере местоимение „jeder“ могло бы быть заменено на соответствующее местоимение женского рода без нарушения грамматической нормы.

В материале на сайте *sexiest woman alive*, освещающем результаты тестирования антицеллюлитных кремов, использование местоимение „*frau*“ представляется абсолютно случайным, т.к. оно происходит на фоне двукратного употребления местоимения „*man*“, а также синтаксической конструкции, которая резко контрастирует с полом референта, т.к. включает в себя относительное местоимение „*wer*“ и согласующееся с ним личное местоимение мужского рода „*er*“: „*Nach lauter mangelhaften und ungenügenden Ergebnissen sollte **man** offenbar nicht auf Cremes und Gels setzen, wenn **man** unter Cellulite leidet. <...> Die lästigen Dellen kann **frau** demnach wohl tatsächlich nur durch Sport und gesunde Ernährung beeinflussen. **Wer** dafür zu träge ist, kann cremen wie **er** will – die Orangenhaut soll bleiben.*“

Если местоимение „*frau*“ имеет место в типично «женских» контекстах, то там, где речь идет о представителях обоих полов, в качестве «гендерно симметричной» альтернативы местоимению «*man*» может использоваться сдвоенное местоимение „*man/frau*“ или „*frau/man*“. Тот факт, что данное местоимение существует в двух вариантах, свидетельствует о его новизне и как следствие некодифицированности в одном из вариантов. Было бы логичным предположить, что второй вариант является более предпочтительным с точки зрения представительниц феминистской лингвистики, поскольку отдает первенство женской форме. В качестве примера можно привести название одной из рубрик на сайте клуба спортивных танцев *Saltatio*: „*Über die Tänze, die **frau/man** bei uns lernen kann*“ или заголовок материала об интуитивных решениях на сайте агентства *Bütefisch Marketing und Kommunikation*: „*Bauchentscheidung kann **frau/man** vertrauen.*“ А на сайте *betrifftglas.de*, посвященном местам в Баварском лесу, связанным со стеклодувным ремеслом, рассматриваемое местоимение используется последовательно:

(1) *Und was das Glas angeht, gibt es Glashütten, in denen **frau/man** den Glasmachern bei der Arbeit zuschauen kann; Glasoutlets, in denen **frau/***

man günstig schönes Gebrauchsglas kaufen kann; Glasgalerien, in denen **frau/man** das ganze Spektrum von Glaskunsthandwerk bis zu Spitzenwerken der Glaskunst aus der Region und der ganzen Welt sehen und v.a. kaufen kann.

(2) Hier lernt **frau/man** problemlos bedeutende Künstler oder interessanten jungen Nachwuchs kennen.

(3) Aber gleich wenn Sie in den Ort kommen, liegt linker Hand das Geschäft HIRTREITER; kein Werksverkauf aber **frau/man** sollte mal reinschauen.

(4) Wer sich auf ein kleines Abenteuer einlassen will, geht ein paar Meter weiter zum LAGERVERKAUF in der alten Lagerhalle. ja, **frau/man** kann da wirklich reingehen und in den alten Beständen stöbern und fündig werden!

(5) Zu Nachtmann kann **frau/man** zu Fuß gehen, es sind ca. 250 m, man kann auch fahren.

Так же, как и в случае с местоимением „*frau*“, новообразование „*frau/man*“ уже вошло в обиход и у простых читателей/пользователей сети интернет. Так, список любимых произведений пользователя E.Klein „Krimi-Lese-Freak“ на портале *Amazon.de* озаглавлен: „*Krimis, die frau/man nicht weglegen kann.*“ А в отзыве на телепередачу одного из пользователей сайта организации *Fachstelle Assistenz Schweiz* читаем: „*Nach dieser Sendung muss frau/man sich wirklich fragen, weshalb unser Gesundheits- und Sozialsystem wirklich so paternalistisch und heteronom funktioniert, wie es funktioniert.*“

Нами была замечена еще одна аналогия в использовании местоимений „*frau*“ и „*frau/man*“: использование кавычек. Это можно объяснить следующим образом: осознавая новизну и необычность местоимения, прогнозируя его неприятие читателями, авторы пытаются при помощи кавычек обезопасить себя, дистанцироваться от этого слова, привнести элемент иронии или игры. Так, например, на главной странице форума, посвященного проблеме моббинга *forum.mobbing.net* написано следующее: „*Forum: Mobbing durch Verwandte, das Problem über das „frau / man“ nicht gern spricht.*“

В отдельных случаях можно наблюдать еще более осторожное обращение с местоимением „*frau/man*“. В комментарии к рекламному ролику на портале *YouTube* рассматриваемое местоимение сопровождается так называемым «смайликом», несущем определенную модальную оценку: „*Es gibt Tage, wo es einem wirklich dreckig geht, wer kennt das nicht?!? Da braucht man oder frau ;-)* einiges, um wieder zu sich zu kommen, wie etwa Wimperntusche, Lippenstift, Papiertaschentücher und natürlich Beruhigungstee...“ Любопытно отметить, что компоненты местоимения в

данном случае связаны не знаком слэш, а союзом «oder», что подчеркивает этимологическую связь данного местоимения с соответствующим словосочетанием.

И, наконец, прослеживается третья параллель с местоимением „*frau*“: непоследовательность в использовании. Гендерно симметричное „*frau/man*“ часто сосуществует в рамках одного текста с асимметричными элементами. Например, страничка на сайте мюнхенского квартала Riem, посвященная работе на общественных началах, озаглавлена „*Das Ehrenamt. Oder was **frau/man** darüber wissen sollte.*“ И это единственный случай употребления местоимения „*frau/man*“ в данном тексте. Далее неоднократно используется местоимение „*man*“: (1) „*Wo und wie kann **man** ehrenamtlich tätig sein?*“; (2) „*Aber auch im Sinne der nachbarschaftlichen Hilfe trifft **man** regelmäßig auf Personen, die sich um das Wohl der anderen kümmern*“; (3) „*Hat **man** im Rahmen seiner ehrenamtlichen Tätigkeit in erster Linie Kontakt zu Kindern und Jugendlichen, ist meist ein sogenanntes erweitertes Führungszeugnis erforderlich.*“

На сайте *Münchener Modell Rechner* (программа поддержки малообеспеченных семей в поиске квартиры) местоимение «*frau/man*» также встречается только один раз, и кроме того в близком контакте с местоимением „*man*“: „*Kann **man** die Kriterien, die **frau/man** erfüllen muss, um eine nach dem München Modell geförderte Wohnung anmieten zu können, kurz zusammenstellen?*“ Любопытно, что в тексте более не встречается неопределенно-личных местоимений. Но все та же непоследовательность прослеживается в использовании существительного „*Mieter*“: наряду с формой мужского рода в генерализирующей функции имеют место сплиттинговые формы, причем разные – как с присоединением к мужской форме окончания женского рода посредством косой черты, так и с полным написанием двух форм существительного, разделенных союзами „und“ и „oder“:

(1) „***Der Mieter** muss seinen Hauptwohnsitz oder Arbeitsplatz seit mindestens 3 Jahren ohne Unterbrechung im Stadtgebiet München haben.*

(2) ***Die Mieterin oder der Mieter** muss seinen Hauptwohnsitz oder Arbeitsplatz seit mindestens 3 Jahren ohne Unterbrechung im Stadtgebiet München haben.*

(3) *Voraussetzung ist, dass **der/die Hauptmieter/in** seit mindestens drei Jahren in München oder in der sog. Region 14 lebt oder arbeitet. Bei **Mietern** mit Kindern kann diese Frist auf ein Jahr verkürzt werden.*

(4) *Wer kommt als **Mieter/in** für das München Modell in Frage? – **Münchner/Innen** (= 3 Jahre in M nchen oder in Region 14);*

Такая непоследовательность объясняется тем фактом, что местоимение „frau/man“ пока не вошло официально в состав немецкого языка. Его использование носит игровой или «джентельменский», т.е. необязательный характер и вызывает довольно острые дискуссии не только среди лингвистов, но и среди тех, для кого язык не является профессиональным инструментом. В качестве иллюстрации приведем дискуссию, которая развернулась на форуме *wer-weiss-was.de*. Пользователь *Volker Malchow* открыл тему „*Tipps zu man oder mann*“, в которой спрашивал участников форума, не будет ли более логичным в местоимении „man/frau“ или „frau/man“ писать компонент «man» с удвоенным согласным на конце. На свой вопрос автор темы получил 27 ответов, большинство из которых содержали ироничные или резко негативные комментарии – некоторые пользователи пытались дать лингвистическое обоснование своей точки зрения, но большинство ограничилось высказыванием собственного субъективного отношения к проблеме. Далее следует некоторые выдержки из ответов:

„Ein Unsinn wird, je häufiger er geschrieben wird, deswegen nicht weniger unsinnig. Der Unfug mit dem „man/frau“-Gendering bleibt ebenso eine Luftnummer wie etwa der mit den „Mitgliederinnen“, wenn er auch noch so sehr aufgeblasen wird.“ М. Нöhrig

„Das ist die Angst vor zähnefletschenden Gender-Besessenen.“ drambeldier

„Ich denke, das «frau» hat ursprünglich mal als kleines Wortspielchen angefangen, noch ohne große Gender-Nebengedanken, und hat sich dann mehr oder weniger verselbstständigt. Aber den Pfad muss meiner Meinung nach keiner gehen. Für mich ist «frau» immer noch ein Wortspiel, kein normales Deutsch.“ **André Müller**

„Das ist keine Gleichberechtigung, das ist Unsinn! Wenn man schon die geschlechtsspezifische Bezeichnung wählt, tut man ja eben nicht! „man“ hat kein bestimmtes Geschlecht, auch wenn es sich vielleicht so anhört und einige damit nicht zufrieden sind.“ *Che Netzer*

Такое резкое неприятие „frau/man“ свидетельствует не только о новизне и «неудобстве» данного местоимения, вызывающего настороженность и недовольство, но и о том, что это местоимение уже стало фактом языковой действительности, на который невозможно не обратить внимание.

Подводя итог наблюдениям над процессом феминизации местоимения „man“, можно констатировать следующее: в современном интер-

нет-пространстве постепенно формируется традиция использования местоимения „*frau*“ в различных вариациях. Сфера употребления данного местоимения не ограничивается только «женскими» контекстами, а включает в себя и гендерно-нейтральные контексты (информация и статьи на сайтах банков, городов, общественных организаций, частных фирм и т.п.). В этом случае можно говорить о попытке расположить к себе потенциальных клиентов. Таким образом, местоимение „*frau*“ «вырастает» за отведенные ему авторами словаря Duden рамки феминистского дискурса и шутливого употребления. В то же время, местоимение „*frau*“ лишь в единичных случаях последовательно используется на протяжении всего текста и сочетается с другими гендерно симметричными языковыми формами. Преимущественно имеет место использование данного местоимения только в заголовочном комплексе или в зачине, что можно интерпретировать как дань модным тенденциям или «реверанс» в сторону феминистски настроенных читательниц. Кроме того, в огромном количестве «женских» контекстов по-прежнему активно используется местоимение „*man*“. В связи с вышесказанным нельзя утверждать, что процесс феминизации местоимения „*man*“ носит широкомасштабный характер. Однако, продукты этого процесса – местоимения „*frau*“, „*frau/man*“ и т.п. – уже стали неотъемлемым элементом немецкоязычного интернет-пространства.

Список литературы

Förtser F. et al. Sexistische Diskriminierung und sexuelle Belästigung // Informationen und Gegenstrategien. Berlin, 2007.

Guentherodt, I. et al. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs. // Linguistische Berichte 69, 1980. S. 15–21.

Hellinger M. Empfehlungen für einen geschlechtergerechten Sprachgebrauch im Deutschen. // Duden Thema Deutsch 5. Adam, Eva und die Sprache. Beiträge zur Geschlechterforschung. Mannheim, 2004. S. 275–291.

Pusch L.F. Frauen entpatrifizieren die Sprache. Feminisierungstendenzen im heutigen Deutsch. // Pusch L.F. Das Deutsche als Männersprache. Frankfurt a. Main, 1984. S. 76–108.

Pusch L.F. Alle Menschen werden Schwestern: Feministische Sprachkritik. Frankfurt a. Main, 1990.

Schmidt-Knaebel S. Frauen und Sprache. Wie gehen Frauen mit Sprache um, und wie geht die Sprache mit Frauen // Oldenburger Universitäts-

reden Nr. 23. Oldenburg (Bibliotheks- und Informationssystem der Universität), 1988. S.1-27.

Trömel-Plötz S. Frauensprache: Sprache der Veränderung. München, 2007.

Irina Olegovna Sitnikova (Saint Petersburg, Russia)

ON FEMINIZATION OF THE GERMAN PRONOUN “MAN” IN THE SPACE OF INTERNET

This article is an attempt to retrace how much the German pronoun „frau“ has overstepped the bounds of its native feminist discourse and entered the feminist neutral internet discourse. Feminist linguists recommended using the pronoun “frau” in female contexts instead of the pronoun “man” to emphasize that the person referred to is female. Since its emergence in German, the pronoun “frau” has expanded its initial domain and is used today beyond the female contexts.

Keywords: *gender asymmetry in language, gender linguistics, non-sexist language, feminist discourse*

УДК 81'373=111

Н.В. Пырлик (Донецк, Украина)

**РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ВО ВЛАСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ
А. МЕРКЕЛЬ)**

Статья посвящена результатам исследования речевого поведения канцлера Германии Ангелы Меркель. Выявленные в ходе анализа особенности указывают на смешанный характер личностного дискурса А. Меркель, а именно на сохранение признаков институциональности и индивидуальности.

Ключевые слова: *политический дискурс, речевое поведение, идиостиль политического лидера.*

При всем многообразии политических стилей и жанров, при всех различиях коммуникативных стратегий и тактик, используемых в политической коммуникации, при всей значимости специфики конкретных дискурсов ученые стремятся выделить некоторые общие черты, свойственные разнообразным политическим текстам. Эти общие признаки в значительной степени связаны со специфическими функциями политической коммуникации и дискурсивными характеристиками ее осуществления [Чудинов, 2008].

Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира.

Зарубежные специалисты (Р. Водак, Д. Воттс, Т.А. ван Дейк, Дж. Лаккофф, К. Хаккер, Д. Хан, Й. Хейзинга, Н. Хомский и др.) обратились к изучению коммуникативной практики в современных западных демократических государствах.

Человек во власти рассматривается учеными с точки зрения: 1) имиджа политика, 2) его идиостиля, 3) речевого поведения, 4) языковой личности политика, где последние два имеют тенденцию к объединению.

Имидж – это стереотип человека, закрепившийся в массовом сознании, и призванный в концентрированной форме отражать суть челове-

ка или партии [Почепцов, 2000, с. 46]. Утверждается, что имидж политика является частью его профессионального успеха. Отсюда следует, что чем точнее будет выстроен имидж, тем эффективнее будет коммуникация с электоратом, и, следовательно, будет достигнута основная задача – завоевание и удержание симпатии населения.

Под имиджем понимается образ – представление, целенаправленно создаваемый, наделяющий впечатление от человека дополнительными ценностями (человеческими, нравственными), что, собственно, и способствует более эмоциональному его восприятию).

По словам Г.Г. Почепцова, “имидж представляет собой обращенное вовне “Я” человека, его так называемое публичное “Я”. Люди как бы покрыты определенным коммуникативным ограждением в виде публичного “Я”, за которым иногда может скрываться иное “Я” [Почепцов, 2000, с. 545].

Имидж политического лидера – это представление о политике, сложившееся у населения в результате длительного на него воздействия, обладающее высокой устойчивостью и сопротивляемостью к изменениям [Цуладзе, 2000, с. 41–42]. В политической коммуникации имидж является результатом сознательной работы: лидер демонстрирует не свои истинные качества, а создаваемый и культивируемый образ, активно навязываемый аудитории.

В понимании О.Н. Паршиной политик может отождествлять себя в глазах избирателей не только с политической партией, но и с государством, с определенной социальной группой. Так, идентификационная модель В.В. Путина строится с опорой на государство, за ней стоит значительная сила, олицетворяющая мощь всего исполнительного аппарата страны, которая отождествляется с такими атрибутами государства как порядок, стабильность, законность, справедливость, устойчивость [Паршина, 2006].

Одно из направлений в политической лингвистике – исследование идиостилей политических лидеров. В своем исследовании А.И. Башук проводит коммуникативно-стратегический анализ ритуальных политических речей В. Ющенко и В. Путина, выделяя при этом контекстуальные и семантико-психологические стратегии. На основе широкого текстового материала автор предлагает типологию коммуникативных стратегий, описывая способы их реализации [Башук, 2006]. Анализируя политические речи российских и американских политиков, В.В. Де-мецкая отмечает тесную связь коммуникативных интенций и речевых

форм их выражения. Так, опыт интралингвистического и интерлингвистического анализа текстов в кросс-культурном аспекте позволяет, по мнению исследовательницы, определить модели политического дискурса и реализацию языковой личности в нем [Демецкая, 2006].

Для А.Д. Беловой важным является положение о том, что в процессе порождения дискурса (преимущественно вербального образования), равно как и в процессе контроля за ним, исключительно важную роль играет язык. Язык, сам по себе власти не имеющий, приобретает ее, влетаясь во властные структуры, и только тогда, когда регулярно используется в соответствующем направлении людьми, обладающими властью [Белова, 2000]. Автор изучает дискурс тетчеризма на материале речей Маргарет Тэтчер, определяя его как самостоятельную идеологию, как цельную политическую программу, основанную на синтезе английских ценностей – самодостаточности, энергичности, тяге к приключениям и независимости. Ученый концентрирует внимание в основном на лексических и синтаксических средствах реализации указанного феномена.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы выполнено диссертационное исследование П.Г. Крючковой «Авторитарный дискурс (на материале современного английского языка)», в котором описываются коммуникативные признаки и смыслообразующие компоненты авторитарных текстов на материале речей современных политических деятелей, Интернет-сайтов, сценариев фильмов и т.д. В работе анализируются разнообразные способы выражения авторитарности, выделяются основные критерии авторитарного дискурса, которые отличают его от иных типов дискурсов [Крючкова, 2003].

В диссертации Л.Н. Селиверстовой исследуется речевое поведение отдельных политических деятелей: К. Аденауэра, В. Брандта, Р. Херцога, Г. Коля, Й. Рау, Ф. Рюе, Г. Шредера, Ф.-Й. Штрауса, Р. фон Вайцзекера. По мнению автора, феномен речевого поведения заключается в изучении реального использования языка (речи) реальными людьми, а именно конкретной личностью политического деятеля в различных реальных речевых ситуациях [Селиверстова, 2004]. Контурсы речевого поведения вырисовываются на границах психолингвистического и социолингвистического изучения коммуникации. Социолингвистика изучает речевое поведение как процесс выбора оптимального варианта для построения социально корректного высказывания. Психолингвистика интересуется человеком как носителем языка и стремится интер-

претировать язык как речевое поведение этого человека. Прагмалингвистика объединяет в себе оба подхода. Речевое поведение отражает регулярное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов и является визитной карточкой человека в обществе. Это не столько языковая часть поведения вообще, сколько образ человека, составляющийся из способов использования им языка применительно к реальным обстоятельствам его жизни [Винокур, 1993, с. 16].

Речевое поведение вырабатывается в течение всей жизни человека, оно связано с особенностями воспитания, местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со свойственными ему как личности и как представителю социальной группы особенностями. Отсюда следует, что речевое поведение представляет собой сложное явление: с одной стороны, оно столь же неповторимо и уникально как каждая отдельно взятая личность, а с другой стороны, речевое поведение – социально, значит, включает элемент стереотипности, присущий определенной социальной группе, в нашем случае – социальной группе лиц, занятых в сфере политики.

Подобный круг проблем рассмотрен в работах Г.Г. Матвеевой, А.О. Михальской, Л.А. Моисеенко, Е.В. Осетровой [Матвеева, 2003; Михальская, 1999; Моисеенко, 2000; Осетрова, 1999].

В большинстве работ понятие речевое поведение расширяется за счет добавления к нему другого – «языковая личность» [Карасик, 2003]. Авторы едины в том, что языковая личность реализуется в коммуникативных (речевых) стратегиях и тактиках, выбирая для их реализации определенные языковые средства. Таким образом, в политической коммуникации важен тот факт, что существуют как общие характеристики для политической коммуникации конкретной страны, так и различные черты, которые отражают индивидуальные вербальные и невербальные предпочтения в речевом поведении определенного политика.

В данной статье представлены особенности речевого поведения канцлера ФРГ А. Меркель. Для политических выступлений и правительственных заявлений А. Меркель характерен личностный дейксис, *ich*-дейксис, где частотное употребление местоимения *ich* обусловлено непосредственной причастностью говорящего к событию. Субъективную оценку высказывания подтверждает употребление личностного дейксиса. *Ich*-дейксис определяется как все то, что относится к говорящему. Употребление местоимения 1 л. ед. числа, достаточно часто встречается в том случае, если говорящий непосредственно причастен

к какому-либо событию, был его участником, организатором и т.д. на-пример:

(1) *Ich sage unumwunden ich würde lügen, wenn ich behaupten würde, dass dieser...*

(2) *Ich habe gesagt: ich will Deutschland dienen. – Ich kenne viele Menschen, die dem Land, anderen Menschen und der Gemeinschaft dienen – selbstlos und ohne dass davon groß Notiz genommen wird.*

Эта особенность А. Меркель особенно заметна при сравнении ее правительственного заявления с заявлениями других канцлеров. Так, на-пример, в одном из правительственных заявлений Г.Шредера местоимение *ich* встречается 41 раз, в то же время у А. Меркель – 135 раз.

У А. Меркель для выражения личных суждений наиболее частотными являются глаголы, обозначающие мыслительную деятельность, такие как: *denken, glauben, meinen, finden, halten*, на-пример:

(3) *Die DM hat, wie ich finde, ein wunderbares Motto: Die Welt zu Gast bei Freunden.*

(4) *Ich glaube schon, dass die richtige Antwort der kreative Imperativ ist.*

Наряду с указанными глаголами в политических выступлениях А. Меркель также употребляются лексемы *sicher, überzeugt, skeptisch* с усиливающим личную оценку наречием *persönlich*, на-пример:

(5) *Ich bin persönlich skeptisch, wenn es jetzt um neue Räte der Weisen geht...*

(6) *Ich will es hier ganz offen sagen: Ich persönlich bin skeptisch, wenn es jetzt um neue Räte der Weisen geht, die sich wieder irgendetwas überlegen oder neue Textgrundlagen erarbeiten.*

(7) *Ich bin persönlich überzeugt, Die enge freundschaftliche Verbindung mit den Vereinigten Staaten von Amerika und NATO sind und bleiben auch in Zukunft in unserem fundamentalen europäischen Interesse.*

Характерной чертой политических выступлений А. Меркель является указание на факты личной биографии в связи с определенными историческими событиями, на-пример:

(8) *Ich wuchs auf der östlichen Seite dieser Staat, in der DDR, auf. Bei der Verabschiedung der Römischen Vertrag war ich drei Jahre alt. Ich war sieben Jahre alt, als die Mauer gebaut wurde. Sie teilte auch meine Familie... Ich habe am eigenen Leib die Erfahrungen gemacht.*

В результате анализа зафиксирована тенденция, которая сформулирована исследователями [Батинтер, 1986; Кирилина, 2000; Мартынюк, 2000]: женщины более, чем мужчины, сосредоточены на своем мире.

Особенностью политических выступлений А. Меркель является наличие определенных языковых средств, которые позволяют канцлеру выразить сомнение, не высказываясь открыто против, например:

(9) *Manch einer glaubt, dies alles könne parallel geschafft werden, ich glaube nicht, dass das klappt. Und deshalb ist aus meiner Sicht die Aussage richtig, dass wir auf absehbare Zeit – ich nenne jetzt mal die Frage des Balkans aus – keine neuen Zusagen machen können, was Mitgliedschaften anbelangt. Das ist eine harte Aussage, das ist eine, die etwa bei unserem polnischen Nachbarn mit Blick auf die Ukraine etwas anders gesehen wird, vielleicht auch von den baltischen Mitgliedstaaten.*

(10) *Ich bin dennoch gegen Rosinenpickerei-...*

К числу таких выражений в примере (9) относятся предложения *ich glaube nicht, dass das klappt*, а также наречия *etwa, vielleicht, etwas anders*, выражающих неопределенность, неточность.

В примере (5), (6), (7) негативное оценочное суждение от *bin dagegen* до *Ich persönlich bin skeptisch*, которые зафиксированы в 50% политических выступлений А. Меркель, что подтверждает наблюдения лингвистов о том, что выражение осторожного сомнения без категоричности в суждениях является одной из особенностей женской речи [Табурова, 1999а, 1999б; Танен, 1996; Халеева, 2001].

Использование обращений в большом количестве является следующей чертой, присущей политическим выступлениям и правительственным заявлениям канцлера-женщины, т.к. женщины, как отмечает ряд исследователей [Халеева, 1999], чаще акцентируют внимание на партнере по коммуникации с помощью обращений. Однако, большое количество обращений к своему партнеру по коммуникации нельзя интерпретировать как более высокий уровень вежливости А. Меркель. Это обычная особенность женской речи, уже замеченная ранее лингвистами и социологами, например:

(11) *Herr Schwab, Sie haben es eben erwähnt: Deutschland wird nächstes Jahr den Vorsitz in der G – 8 Gruppe haben und versuchen, dabei auch Beiträge leisten.*

В своих выступлениях А. Меркель особо выделяет партнера по коммуникации, что может придать ее речам некую эмоциональность и экспрессивность, например:

(12) *... Aber ich möchte Ihnen, Lieber Herr Bundeskanzler, lieber Helmut Kohl, ganz herzlich danken, weil die Initiative zur Gründung damals eine weit-sichtige Entscheidung war.*

(13) *Dafür sage ich allen, die daran mitgewirkt haben, aber ganz besonders auch Ihnen, lieber Helmut Kohl, ein herzliches Dankeschön.*

Обращения А. Меркель достаточно эмоциональны, характеризуются сильным личностным компонентом, что дает основания считать это отличительной чертой женского дискурса, поскольку подобные примеры обращений не характерны для мужского дискурса.

Впервые проблемы женщин рассматриваются с женской точки зрения, о чем А. Меркель однозначно заявляет в своих политических выступлениях, например:

(14) *Deshalb sage ich an dieser Stelle ganz ausdrücklich – ich sage dies auch als Frau -: Zwangsverheiratungen oder Ehrenmorde – beides schreckliche Begriffe – haben nichts, aber auch gar nichts mit Ehre zu tun und sie haben auch gar nichts in unserer Gesellschaft zu suchen. Wir können sie nicht dulden, wir wollen sie nicht dulden. Wir werden das deutlich machen.*

Даже в изложении общеизвестных фактов в жизни обычной женщины, А. Меркель выстраивает существительные, которые представляют систему приоритетов (*Studium, Ausbildung, Beruf, Karriere, Familie*), выделяя определенные противоречия между желанием иметь семью и при этом быть успешной в профессии, например:

(15) *Das kennen wir alle und das wird uns auch immer wieder erzählt. Eine Frau hat ein Studium absolviert, eine hervorragende Ausbildung machen können, möchte im Beruf Karriere machen und steht dann vor der Frage wie sie diesen Berufswunsch mit ihrem Wunsch, eine Familie zu gründen, vereinbart.*

В примере (15) только существительное *Ausbildung* определено прилагательным *hervorragend*, что свидетельствует о предпочтениях самой А. Меркель.

А. Меркель в своих предпочтениях относительно использования цитат выделяется стремлением к оппонированию мужчинам относительно некоторых политических явлений и реалий, например:

(16) *Ein nicht ganz unbekannter französischer Politiker soll seinerzeit gesagt haben – ich zitiere: „Verträge sind wie Mädchen und Rosen – sie halten nur eine gewisse Zeit.“ Ja, meine Damen und Herren, der Rosenstock ist seit 1957 deutlich gewachsen. Und heute kann sogar ein zugegebenermaßen schon etwas älteres Mädchen die Berliner Erklärung unterzeichnen...*

В примере (16) А. Меркель цитирует французского политика, подчеркивая его известность двумя средствами выражения отрицания *nicht* и префикс *un-*, и наречием *ganz*, что в итоге приводит к эффекту иронии и сомнению в его настоящей известности. Использование цитаты, где

сопряжены три существительных: *Verträge – Mädchen – Rosen* при помощи глагола *halten* с базовым для этого высказывания компонентом *eine gewisse Zeit*, позволяют А.Меркель развить свою мысль и продемонстрировать собственную позицию: *Rosen – Rosenstock ist gewachsen; Mädchen – etwas älteres Mädchen*.

Основной тенденцией в цитировании А. Меркель является опора на непререкаемые для нее авторитеты, например:

(17) *Deshalb habe ich im Zusammenhang mit der Vorbereitung auf diese Rede nicht nur an Immanuel Kant gedacht, sondern ich habe auch noch an einem Amtsvorgänger gedacht, nämlich an den Vater der Sozialen Marktwirtschaft, Ludwig Erhard.*

Осмысление наследия И. Канта и обращение к его трудам выделяет А. Меркель среди других канцлеров, например:

(18) *Der Titel „Der kreative Imperativ“ wird viele erst einmal an Immanuel Kant und seinen „Kategorischen Imperativ“ erinnern, der damals zum selbstbestimmten Umgang mit der menschlichen Freiheit aufgerufen hat. Kreativer Imperativ – das klingt vielleicht kompliziert, aber ich verstehe es einfach so: Es gibt in unserer Zeit die unbedingte Notwendigkeit – man kann fast sagen, den Zwang – zum Kreativen. Dies soll eigentlich immer Triebkraft zumindest vernünftiger Politik sein, wenn ich für das spreche, für das ich zuständig bin. Aber ich glaube, dass heute mehr denn je gilt: Wer im Wettbewerb der Ideen besteht, der kann auch seine Zukunft gestalten, und das gilt für jeden in dieser Welt.*

Канцлер обнаруживает глубокое знание трудов И. Канта. Для А. Меркель важно признание учения философа основой для успеха в сегодняшней борьбе идей *Wettbewerb der Ideen*. Актуальность кантовского императива для современного мира является для А. Меркель аксиомой.

Своеобразие заявлениям и речам А. Меркель придаёт частотное использование 1) цепочки вопросительных предложений, 2) идиомы *dicke Bretter bohren* со значением «выполнять тяжелую работу».

Употребление вопросительных предложений позволяет канцлеру сконцентрироваться на главных проблемах, например:

(19) *Das hängt damit zusammen, dass eine ganze Reihe von Fragen nicht geklärt ist: Wohin soll sich Europa entwickeln? Was ist das Ziel des Einigungsprozesses? Un es hängt damit zusammen, das wir uns in einer sehr harten Wettbewerbssituation befinden.*

(20) *Meine Damen und Herren, so kann ich gemeinsame Dinge benennen, aber wir haben auch unterschiedliche Meinungen. Was ist die Rolle der Vereinten Nationen? Was ist die von uns gewünschte Rolle der Vereinten Nation?*

Если в примере (19) внимание сосредоточено на вопросах развития ЕС, то пример (20) демонстрирует трудности в реформировании ООН.

Во всех политических выступлениях А. Меркель наиболее часто употребляется идиоматическое выражение *dicke Bretter bohren* 'выполнять трудную работу'. В каждом выступлении А. Меркель оно встречается не менее 2 раз, например:

(21) *Wir wissen, wir haben dicke Bretter zu bohren: Wir wollen den Föderalismus neu ordnen, wir wollen den Arbeitsmarkt fit machen, wir wollen unsere Schulen und Hochschulen wieder an der Spitze führen, ...*

(22) *In der Globalisierung bedeutet das natürlich eine Gemeinsamkeit mit vielen Partnern auf der Welt und zum Teil auch das Bohren sehr dicker Bretten: Wir müssen Barrieren für internationale Investitionen abbauen, ...*

(23) *Das wird ein langer Prozess, das wird nicht schnell gehen, ich weiß, welches dicke Brett wir da bohren.*

В примерах (21), (22) представлены направления деятельности канцлера, которые сопряжены с трудностями *Wir wollen den Föderalismus neu ordnen, den Arbeitsmarkt fit machen, unsere Schulen und Hochschulen wieder an der Spitze führen, für internationale Investitionen abbauen*.

А. Меркель графически устанавливает связь между указанной идиомой и ее толкованием, вводя двоеточие и используя в примере (23) такую стилистическую фигуру, как анаколут. В примере указанное выражение дано как умозаключение в придаточном атрибутивном предложении.

Таким образом, следует констатировать, что стремление А. Меркель сделать свое выступление более естественным, приближающимся по внешним признакам к диалогу ведет к определенному сокращению уровня институциональности в текстах выступлений, вмещающих признаки публицистического, личного и политического дискурса.

Список литературы

Батинтер Э. Он и она: изменение социальной роли мужчины и женщины в западном обществе // Курьер ЮНЕСКО. 1986. Апрель. С. 14–17.

Башук А.И. Коммуникативно-стратегический анализ политического текста // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». 2006. Т. 19 (58). № 2. С. 167–171.

Белова А.Д. Дискурс Тетчеризма (на материале речей Маргарет Тэтчер 1968–1996) // Вісник Харківського Національного університету ім. Каразіна. Іноземна філологія на межі тисячоліть. Константа. Харків, 2000. № 471. С. 22–29.

Богданов В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность: меж вуз. сб. науч. тр. Тверь, 1990. С. 26–31.

Богданов В.В. Текст и текстовое общение. СПб., 1993. 68 с.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения М., 1993. 167 с.

Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации : сб. науч. тр. МГЛУ. М., 1999. Вып. 446. С. 44–60.

Гриценко Е.С. Гендерные аспекты национальной идентичности в российском предвыборном дискурсе // Journal of Eurasian Research. Winter, 2003. Vol. 3. N 3. P. 71–79.

Демецкая В.В. Динамика функционирования концепта «политика» в политической речи: интралингвистическая адаптация // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». 2006. Т. 19 (58). № 2. С. 108–111.

Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XIX и XX веков : Человек и его дискурс. М., 2003. С. 24–25.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 263 с.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.

Крючкова П.Г. Авторитарний дискурс (на матеріалі сучасної англійської мови). Автореф. дис. ... канд. філол. наук. К., 2003. 21 с.

Мартынюк А.П. Коммуникативные стратегии полов в конфликтной ситуации // Вісник Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна. Х., 2000. № 471. С. 159–167.

Матвеева Г.Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста и его получателя // Личность, речь и юридическая практика : межвуз. сб. науч. трудов. Ростов-на-Дону, 2003. Вып. 6. С. 122–128.

Моисеенко Л.А. Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств. Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2000. 163 с.

Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2006. 302 с.

Почепцов Г.Г. (мл.) Информационные войны. М., 2000. 574 с.

Селиверстова Л.Н. Речевое поведение политических деятелей Германии XX века : на материале их публичных выступлений и мемуаров. Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 168 с.

Табурова С. К. Гендерные аспекты речевого поведения парламентариев (на материале парламентских дебатов в ФРГ) // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 84–92.

Табурова С.К. Механизмы создания экспрессивности в репликах мужчин и женщин – депутатов бундестага // Гендерный фактор в языке и коммуникации : сб. науч. тр. Иваново, 1999. С. 63–71.

Танен Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга / пер. с англ. М., 1996. 432 с.

Халеева И. И. Гендер в теории и практике обучения межкультурной коммуникации // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. Первой Международной конференции. М., 2001. С. 7–11.

Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 5–9.

Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М., 2000. 336 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. 3-е изд. М., 2008. 254 с.

Ссылки на электронные источники

Бойко А.А. Політика і релігія у дзеркалі преси [Электронный ресурс]. URL: [<http://journlib.uviv.kiev.ua/index.php?act=article1348>].

Михальская А.О. О речевом поведении политиков [Электронный ресурс]. URL : <http://www.ng.ru/1999-12-03//9-politics.htm>.

Осетрова Е. В. Речевой портрет политического деятеля: содержательные и коммуникативные основания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lan.krasu.ru/science/public/ling/les/ling99.htm>.

Natalia Vasilievna Pyrlik (Donetsk, Ukraine)

LANGUAGE BEHAVIOUR OF WOMEN IN POWER (ON THE MATERIAL OF SPEECHES AND POLITICAL STATEMENTS OF A. MERKEL)

The article deals with language behaviour of the German Chancellor A. Merkel. In the course of the analysis specific features of her political speeches have been identified. These characteristics testify to the mixed nature of A. Merkel's individual discourse, namely, a combination of institutional and individual traits.

Keywords: *political discourse, language behaviour, individual style of a political leader*

УДК 81.0

А.И. Приходько (Запорожье, Украина)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕТ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматривается роль этнокультурного компонента в структуре фразеологизмов. Особое внимание уделено значению фразеологии в процессе категоризации и концептуализации окружающей действительности.

Ключевые слова: *фразеология, категоризация, концептуализация, социокультурная норма*

Развитие когнитивной лингвистики в последние десятилетия позволяет по-новому взглянуть на многие понятия, традиционно используемые в исследованиях языка и речи. Целый ряд лингвистических проблем получают новое освещение и новое решение в силу их освещения с новой точки зрения, и это, прежде всего проблемы категоризации и концептуализации, проблемы языковой картины мира, проблемы соотношения языковых структур с когнитивными, т.е. – все то, с чем связано освещение ментальных репрезентаций и способов их языкового выражения [Кубрякова, 1996, с. 54].

Категоризация фактов и событий реального мира у разных народов может иметь большую вариативность, наличие которой связано со спецификой жизнедеятельности данного народа, с существованием определенных этнических стереотипов, детерминирующих процессы восприятия и интеграции.

Все эти этнокультурные феномены занимают определенное место в коммуникативно-познавательной деятельности субъекта, так как входят в систему регуляторов, определяющих характер и специфику дискурсивной деятельности.

Сюда же входит и набор морально-этических установок, которые представлены как универсальные, общечеловеческие ценности. Однако иерархия ценностей, культивируемых в том или ином обществе, имеет свою специфику. Подобные качественные сдвиги и модификации, несомненно, находят свое отражение в организации фразеологических единиц.

Корпус лексико-семантических средств, который составляет основу лексикона и грамматикона языковой личности, естественно, более

чувствителен к культурному компоненту, в нем колоритно и выпукло отражаются национальные особенности восприятия окружающей действительности.

Знание всех особенностей и коннотативных тонкостей моральных, правовых этических, эстетических и других норм данного конкретного социума является одним из наиболее важных условий осуществления речевой деятельности и достижения успешности выполняемых речевых операций. Морально-этикетные нормы поведения – это основа национального самосознания. Именно фразеологизмы и являются зеркальным отображением этнокультурных норм поведения того или иного народа.

Фразеологические единицы, характеризующиеся сложной семантической структурой и являющиеся языковыми знаками вторичной номинации, обладают способностью отражать окружающую действительность, что позволяет рассматривать их как познания последней. Следовательно, фразеологический фонд языка представляет значительный интерес для когнитивистики. Наибольшей когнитивной значимостью обладают фразеологизмы, имеющие национально-культурный компонент [Кравцов, 2008, с. 222] в плане выражения или плане содержания.

Среди вопросов, которые решаются в пределах современной лингвистической парадигмы, одно из приоритетных мест занимает проблема когнитивно-семантических областей и их развитие в рамках определенных лексико-фразеологических систем.

Одной из главных проблем фразеологии является определение фразеологической единицы (фразеологизма, устойчивого словосочетания или фразы). Фразеология любого языка, весьма богата по форме и семантике, – сложный конгломерат устойчивых сочетаний слов, стилистический диапазон которых колеблется от нейтральных общелитературных оборотов до жаргонных вульгаризмов [Скребнев, 2000, с. 75].

Фразеологизмы занимают особое место среди других знаков языковой системы. Они являются следствием потребности в выразительных средствах коммуникации – вербальном выражении чувств, эмоциональных оценок, средств эмоционального влияния, точных характеристик человека, предметов, явлений.

Внешняя, материальная сторона фразеологизмов как знаков – это их компоненты, связанные между собой синтаксической связью, но

из-за единства семантики эти внутренние связи ослаблены, а внешняя связь слова с контекстом выражена четко и сохраняется, так как она актуальна.

Фразеологическая единица (ФЕ) – это всегда опосредованный знак. Он указывает на определенное представление через другое представление.

Проблема фразеологического значения – одна из наиболее сложных не только во фразеологии, но и в языкознании вообще. Фразеологическая номинация существенным образом отличается от лексической, поскольку она относится к подтипу специфической косвенной номинации и осложнена коннотативным значением.

Лингвисты отстаивают точку зрения о том, что в основе фразеологизма лежат ассоциативные трансферы, так как в процессе речи происходит передача информации не только объективного, но и субъективно-оценочного характера. В отличие от лексем, значение которых потенциально охватывает все признаки и свойства предмета, действия и т. д., фразеологизмы относятся к знакам языка, выражающим лишь некоторые качества [Пономаренко, 2000, с. 254].

Таким образом, основная функция ФЕ состоит не в номинации денотатов (референтов). Фразеологизм не столько именует предмет мысли, сколько характеризует его в каком-то плане, дает ему оценку – положительную или отрицательную, причем с определенной степенью интенсивности.

Фразеология базируется на богатом историческом опыте народа, вбирает в себя представления, связанные с трудовой деятельностью и культурой людей.

Благодаря компрессии общественного опыта во фразеологизмах наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика языка, его связь с материальной и духовной жизнью народа, его историей, обычаями.

Одним из факторов, усложняющих семантику фразеологизма, является национально-культурная коннотация. Последняя может быть представлена как один из компонентов значения ФЕ или как элемент семантики фона.

Важным для контрастивного исследования есть анализ фразеологического пласта единиц со специфической образностью. Сравнение образности таких единиц возможно посредством сравнения компонентов ФЕ и их атрибутов.

Среди фразеологизмов существует целый ряд единиц с компонентом-диалектизмом. Экспрессивность диалектизма поддерживается тем впечатлением языковой свежести, неординарности, которое он оказывает на читателя. Степень же экспрессивности зависит от принадлежности диалектного элемента к определенному языковому уровню, от его семантической прозрачности и субъективно-оценочной информации, которую он несет.

На экспрессивность устойчивых выражений опосредствованно влияют специфические фраземные компоненты – переосмысленные обобщенные антропонимы, топонимы и т.п. Растворяясь и переосмысливаясь во фразеологическом целом, они приобретают другое значение в сравнении с тем, какое присуще им в словарном составе языка. Обобщенный атропоним может усложнять метафорическое содержание фразеологизма, давать толчок новому ассоциативному осмыслению.

Употребление собственных названий-образов в составе ФЕ создает дополнительные возможности экспрессивности: в одном случае их использование является более едким, чем употребление несобственных наименований, в другом – введение антропонимов-образов смягчает остроту выражения, служит средством эвфимизации.

Языковые знаки связаны со знаками культуры в целом. Эту связь можно определить как ассоциативную, символическую. Кроме простого сохранения информации, для ФЕ характерологической является функция прагматического освоения действительности [Тарнаева, 2005, с.29]. Объектом названия и, самое главное, оценивания во фразеологии есть человеческое поведение, его фрагменты, отдельные действия людей, их черты, внешние признаки, внутренние качества.

Фразеологическая система ценностей не отображает в полном объеме современного состояния системы ценностей исследуемых социумов, так как коннотации, закрепленные в ФЕ, во многих случаях касаются периода возникновения ФЕ.

Для культурологического исследования определяющим является сам способ репрезентации значений, внутренняя форма, образность. Сравнение национально- или этномаркированных ФЕ позволяет делать выводы о расхождении в системе ценностных установок социумов, которые обнаруживаются в коннотациях, в значимости и семантической нагрузке того или другого символа.

Список литературы

Кравцов С.М. Фразеология и когнитивная лингвокультурология // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): В 2 т. Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. Белгород, 2008. С. 219–223.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва, 1996.

Пономаренко А.Ю. Экспресивний компонент у безеквівалентних фразеологічних одиницях // Гуманітарний вісник: Сер. «Іноземна філологія». Черкаси: ЧІТІ. № 4. 2000. С. 254.

Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. Москва, 2000.

Тарнаева Л.П. Репрезентация национально-культурной специфики концептуализации явлений природы в русских и английских фразеологизмах // Международный семинар №3 (6) «Проблемы идеоэтнической фразеологии». СПб., 2005. С. 29.

Anna Ilyinichna Prihodko (Zaporozhye, Ukraine)

ETHNIC-CULTURAL COMPONENT OF PHRASEOLOGY

The article deals with the ethnic-cultural component of phraseological units. Special attention is given to the investigation of the role of phraseology in the process of categorization and conceptualization of the surrounding reality.

Keywords: *phraseology, categorization, conceptualization, socio-cultural norm*

ТЕОРИЯ ТЕКСТА. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

УДК 81'42

А.А. Александрова (Санкт-Петербург, Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АППРОКСИМАЦИИ В ТЕКСТЕ БУРЛЕСКА

В статье раскрывается специфика исходного текста, на базе которого создается имитационный художественный текст бурлеска, и производится анализ характера и степени его аппроксимации. Выделяются инвариантные и вариативные характеристики актуализации категории аппроксимации в текстах бурлеска. Полученные выводы иллюстрируются на материале англоязычного текста бурлеска.

Ключевые слова: *аппроксимация, исходный текст, вторичный текст, имитационный текст, бурлеск*

Художественный текст представляет собой сложное «человекомерное» образование. Описание его характеристик детерминировано как сложностью и многомерностью самого текста, так и сложностью и многомерностью сознания человека, порождающего, воспринимающего или интерпретирующего текст, а также выступающего «точкой отсчёта» его анализа [Щирова, 2011, с.101]. Антропоцентричная парадигма гуманитарного знания оправдывает признание индивидуального человеческого сознания основой для идентификации текстовых категорий, что закономерно фокусирует внимание исследователя на явлениях сложности и, как следствие, неточности и приблизительности. Зависимость категорий от работы сознания позволяет признать сомнительным принцип имманентности текстовых категорий. «В контексте новых научных реалий категории текста трактуются не как его имманентные свойства, а как репрезентируемые языковыми средствами и зависимые от интерпретативной ситуации когнитивные параметры» [Щирова, 2007, с. 104–105]. Актуальным оказывается обращение к понятиям, которые позволяют заполнить лакуны в нечетко структурированных знаниях. Одним из таких понятий является аппрокси-

мация [там же, с.111]. Приблизительность текста как концептуальная основа категории аппроксимации стала рассматриваться сравнительно недавно [Алексеева, 1996; Голев, Сайкова, 2001; Борисова 2005; Ионова, 2006; Арчакова, 2009] и признается, прежде всего, „конститутивным свойством вторичных текстов”» [Ионова, 2006, с. 5].

Под вторичными текстами понимаются тексты, созданные на основе определенных исходных текстов, например, интересующие нас имитационные художественные тексты бурлеска. Текст бурлеска является комической имитацией *исходного текстотипа*, т.е. подразумевает актуализацию категории аппроксимации на уровне системно-текстовых отношений. В этом случае, связи с исходным текстотипом образуются во вторичном тексте «системно-текстовыми референциями» (В.Е. Чернявская), что предполагает повторение определенных инвариантных свойств – типичных характеристик текстотипологической модели, например, эпической поэмы, оды, трагедии или рыцарского романа. Комический эффект бурлеска обусловлен резким контрастом между темой и характером ее речевого изложения: возвышенная тема излагается подчеркнуто «низким» языком (низкий бурлеск), а «низкая» тривиальная тема воплощается при помощи «высокого штиля» (высокий бурлеск) [КЛЭ, 1962, с. 778].

Автор бурлеска, обладающий собственным художественным видением, мировоззрением и ценностными идеалами, *выступает как интерпретатор исходного текстотипа*, который вызывает в его сознании эмоциональный отклик и оценку. В отличие от нейтральной по своей направленности оценки стилизованного текста, оценка автора в комическом имитационном тексте бурлеска градуируется от резко негативной до «доброго смеха» (выражение В.Я. Проппа). Концептуальную основу для актуализации категории аппроксимации формирует интенция автора выразить несогласие с содержанием или ценностными установками исходного текстотипа.

Комическое искажение исходного текстотипа, входящее в авторскую интенцию, программирует характер производимых в нём трансформаций. Механизм порождения комической имитации основывается на ключевых принципах текстопорождения – селекции и комбинации. Автор, заменяя определенные элементы исходного текстотипа новыми, «инородными» элементами, аппроксимирует его форму и содержание, приблизительно воспроизводя его свойства. Выбор для замены тех, а не иных элементов определяется их релевантностью для передачи

системы ценностей, противоположной системе ценностей исходного текстотипа. На фоне приблизительного воспроизведения элементов исходной модели на первый план выдвигаются значимые трансформации, обретающие статус маркеров адресованности и реализующие авторскую интенцию – комическое переложение исходной модели.

Основой для определения характера и степени аппроксимации имитационного текста бурлеска по отношению к исходному текстотипу выступает их сравнительный анализ с целью выявления соответствий. С учетом характеристик, традиционно выделяемых для описания текста, целесообразно говорить о трёх типах подобных соответствий: лексико-семантических, структурно-синтаксических и структурно-композиционных. Все упомянутые соответствия могут рассматриваться как интертекстуальные включения. Помимо интертекстуальных включений, следует рассмотреть также обусловленные авторской интенцией изменения в смысловой структуре исходного текстотипа.

Для определения степени и характера аппроксимации воспользуемся, вслед за С.В. Ионовой, методом значимых несоответствий [Ионова, 2006]. Помимо анализа интертекстуальных маркеров этот метод предполагает выявление неточных соответствий (местоименных, синонимических, гипо-гиперонимических и перифрастических замен) и несоответствий (элиминации, амплификации, субституции) двух текстов [Ионова, 2006, с. 291–324].

Проиллюстрируем специфику характера и степени аппроксимации бурлеска на примере текстового материала.

Высокий бурлеск “Ode on the Death of a Favourite Cat, Drowned in a Tub of Golden Fishes” написан Томасом Греем в 1748 году как утешение друга поэта, Хораса Уолпола, в связи со смертью его кошки Селимы, утонувшей в аквариуме с золотыми рыбками. Чтобы воспеть потерю друга, Грей использует текстотипологическую модель оды. Концептуальную основу актуализации категории аппроксимации во вторичном тексте формирует интенция автора бурлеска – показать несоответствие степени переживания действительным масштабам трагедии. Авторская интенция программирует характер трансформаций исходной текстотипологической модели.

Небольшой объем бурлеска позволяет привести его полностью и сделать некоторые выводы, общезначимые для текстов бурлеска.

“Ode on the Death of a Favourite Cat, Drowned in a Tub of Golden Fishes” by Thomas Gray

Twas on a lofty vase's side,
Where China's gayest art had dyed
The azure flowers, that blow;
Demurest of the tabby kind,
The pensive Selima reclined,
Gazed on the lake below.
Her conscious tail her joy declared;
The fair round face, the snowy beard,
The velvet of her paws,
Her coat, that with the tortoise vies,
Her ears of jet, and emerald eyes,
She saw; and purred applause.
Still had she gazed; but 'midst the tide
Two angel forms were seen to glide,
The genii of the stream:
Their scaly armour's Tyrian hue
Through richest purple to the view
Betrayed a golden gleam.
The hapless nymph with wonder saw:
A whisker first and then a claw,
With many an ardent wish,
She stretched in vain to reach the prize.
What female heart can gold despise?
What cat's averse to fish?
Presumptuous maid! with looks intent
Again she stretched, again she bent,
Nor knew the gulf between.
(Malignant Fate sat by, and smiled)
The slippery verge her feet beguiled,
She tumbled headlong in.
Eight times emerging from the flood
She mewed to every watery god,
Some speedy aid to send.
No dolphin came, no Nereid stirred;
Nor cruel Tom, nor Susan heard.

A favourite has no friend!
From hence, ye beauties, undeceived,
Know, one false step is ne'er retrieved,
And be with caution bold.
Not all that tempts your wandering eyes
And heedless hearts, is lawful prize;
Nor all that glisters gold [Gray].

Первым маркером актуализации категории аппроксимации назовём заглавие бурлеска “Ode on the Death of a Favourite Cat, Drowned in a Tub of Golden Fishes”, передающее содержание текста в концентрированной форме. Лексема *ode* в составе заглавия сигнализирует о текстотипологической принадлежности текста к оде, в то время как иной его фрагмент – *Death of a Favourite Cat, Drowned in a Tub of Golden Fishes* – указывает на несоответствие заявленной ситуации характерным для оды традиционно серьезным и возвышенным темам. Аппроксимации исходного текстотипа обуславливается индивидуально-авторским переосмыслением. Под одой традиционно понимается лирическое стихотворение на серьезную тему, написанное в торжественном, восторженном тоне. В рассматриваемом примере текстотип ода аппроксимируется, и его конкретная текстовая реализация становится высоким бурлеском, приблизительно воспроизводящим контрастирующие с темой текста черты исходного текстотипа. Аппроксимация в тексте бурлеска характеризуется имплицитной маркированностью, то есть не имеет интертекстуальных связей с конкретным исходным текстом (как это происходит в тексте пародии), а представлена совокупностью повторяющихся лексических, синтаксических и композиционных свойств исходной текстотипологической модели.

Являясь ключом к пониманию бурлескной природы текста, заголовков выступает единственной прямой отсылкой к описываемой в тексте предметной ситуации. Лексемы *cat*, *drowned*, *tub*, *fishes* имеют статус ключевых слов и маркируют свернутую ситуацию, которая пропускается через призму индивидуально-авторского восприятия. Комические трансформации исходной текстотипологической модели оды при создании бурлеска являются выражением индивидуально-авторского образно-ассоциативного мышления (комической картины мира автора) и репрезентируются разноуровневыми языковыми средствами.

На лексико-семантическом уровне имеют место следующие явления: 1) Эксплицитная репрезентация ключевых лексем вытесняется их местоименными заменами (*cat – she, fishes – they*) и маркерами имплицитной репрезентации с модифицированной семантикой. Референт *cat* косвенно номинируется словосочетаниями *pensive Selima, hapless nymph* и *presumptuous maid*, а референт *fishes* имплицитно номинируется словосочетаниями *angel forms* и *genii of the stream*, лексико-семантическая структура которых содержит семы *spirit, person, young woman*. В рамках категориальных оппозиций высокое/низкое (ср. *presumptuous maid – cat*), духовное/физическое (ср. *angel forms – fishes*) происходит изменение категориального статуса ключевых слов в сторону повышения категориального признака и экстраполяции свойств человека и мифических существ на животных. Очевидным становится несоответствие обыденной реальной ситуации и «высокой» манеры её описания. 2) Референт *tub (of water)* гиперболизируется и объективируется лексемами *lake, tide, gulf, flood*, лексико-семантические структуры которых содержат сему *large (area of water)*. Создается новая, комически гиперболизированная картина. Отсутствие прямых отсылок к подразумеваемым референтам, их метафорическое гиперболизированное переосмысление экстраполируется на описание обыденной ситуации. В повествование вводятся мифические персонажи (*Malignant Fate; Nereid*).

3. Архаизмы, например устаревшая форма личного местоимения второго лица множественного числа *ye (from hence, ye beauties, undeceived)*, а также поэтическое сокращение *twas* (от *it was*) (*twas ne'er; twas on a lofty vase's side*) используются для имитации поэтически возвышенного тона оды. Комический эффект создается несоответствием подобной «высокой» манеры описания обыденной ситуации.

На структурно-синтаксическом уровне имеет место повышение эмоциональной окраски предложений, которое обеспечивается обилием риторических вопросов (*What female heart can gold despise? What cat's averse to fish?*) и восклицательных предложений (*Presumptuous maid! A favourite has no friend!*).

На структурно-композиционном уровне текст бурлеска приближается к композиционной структуре традиционной оды, поскольку, как и она, состоит из вступления, в котором поэт раскрывает тему восторженного изложения, основной части и заключительной части. Однако, сохранение данных параметров сопровождается изменением характера внутренней композиционной организации – системы образов и сю-

жета: воспеваются не боги или герои, а обыденная ситуация, на чем и строится комический эффект бурлеска.

На фоне воспроизведения формальных средств стилистического выражения текстотипа «ода», ситуация, описываемая в тексте в ходе комического переложения, интерпретируется и перестраивается авторским сознанием. Из 170 лексем бурлеска – слов, означающих наименование, действия и признаки, – 58 лексем (34%) вербализируют прямо или косвенно лексико-семантические доминанты текста – ключевые слова, дающие в совокупности его смысл. Сигнализируя об обыденности описываемой в тексте ситуации, лексемы *cat, drowned, tub, fishes* контрастируют с элементами текстотипа *ода*, и, следовательно, также являются маркерами категории аппроксимации.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы относительно общих инвариантных и вариативных параметров актуализации категории аппроксимации в текстах бурлеска. Инвариантные характеристики (независимо от принадлежности к роду литературы) представлены:

1) наличием системно-текстовых референций с исходной текстотипологической моделью, имплицитной интертекстуальной маркированностью, не имеющей конкретных референтов в исходном текстотипе, а представленной совокупностью повторяющихся лексико-семантических, структурно-синтаксических и структурно-композиционных свойств исходной текстотипологической модели;

2) контрастом между стилистическими характеристиками и тематическим наполнением текста бурлеска.

Вариативные характеристики актуализации категории аппроксимации в текстах бурлеска детерминированы типологической принадлежностью текста к высокому или низкому бурлеску, которая обуславливает характер трансформаций исходной текстотипологической модели. Средства «приближения» вторичного текста к исходному текстотипу можно условно распределить по трём уровням: лексико-семантическому, структурно-семантическому и структурно-композиционному. На лексико-семантическом уровне отмечается изменение категориального статуса ключевых слов (через категориальные оппозиции абстрактное/конкретное, высокое/низкое, духовное/физическое и др.), повышение/понижение стиля, гиперболизация/литота. На структурно-синтаксическом уровне, в целях повышения эмоциональной окраски предложений, могут использоваться многочисленные восклицания

и риторические вопросы; применяются ирония, антитеза и оксюморон. На структурно-композиционном уровне имеет место изменение композиционных свойств исходного текстотипа, а именно сокращение стандартного объема за счет опущения нерелевантных элементов композиции.

Список литературы

Алексеева С.В. Деривация текста и сбои в его образовании: Автореф. дисс. ... к.ф.н., Пермь, 1996. 24 с.

Арчакова Р.А. Местоименно-субстантивные сочетания как средства обозначения аппроксимации в русском языке (на материале художественной литературы): Автореф. дисс. ... к.ф.н. Майкоп, 2009. 25 с.

Борисова С.А. Онтологическая триада «пространство – человек – текст» как специфическая коммуникативная система (психолингвофилософское исследование): Автореф. дисс. ... д.ф.н. Ульяновск, 2004. 62 с.

Голев Н.Д., Сайкова Н.В. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистические и когнитивные аспекты. Вып. 3. Барнаул, 2001. С. 20–27.

Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: монография / Волгоград, 2006.

КЛЭ – Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. В 9 т. М., Т. 1, 1962.

Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб., 2007.

Щирова И.А. О сложности мира, текста и познания: методологический аспект // Међународни часопис *Стил*. Београд Република Србија: The International Association 'Style', Orthodox Theological Faculty of Belgrade University, 2011. № 1. С. 91–104.

Электронные источники

Gray T. "Ode on the Death of a Favourite Cat, Drowned in a Tub of Golden Fishes" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thomasgray.org.uk/cgi-bin/display.cgi?text=odfc#undefined> (дата обращения 18.02.2013).

Anastasia Andreevna Alexandrova (Saint Petersburg, Russia)

ACTUALIZATION OF THE CATEGORY OF APPROXIMATION IN TEXTS OF BURLESQUE

The article explains specific character of source text from which such literary imitation as burlesque is derived, character and degree of its approximation being analysed. Invariable and variable characteristics of approximation in texts of burlesque are highlighted. Conclusions made are illustrated by the analysis of English-language burlesque.

Keywords: *approximation, source text, derivative text, literary imitation, burlesque*

Т.И. Воронцова (Санкт-Петербург, Россия)

ЖАНР КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются свойства художественного текста и утверждается идея о том, что форма, содержание и стиль литературного произведения в значительной степени определяются его жанровой принадлежностью.

Ключевые слова: *текст, художественный текст, жанр, эпос, лирика, драма, структура, форма, содержание, литературный род, стиль*

Художественный текст обладает свойством упорядоченности, и именно в этом Д. Дидро видел сущность прекрасного. Впоследствии слово «упорядоченность» было заменено термином «структура». Внутренняя структура присуща любому тексту по определению. Он строится на основе высказываний, и его структура определяется, прежде всего, порядком их следования. Ю.М. Лотман, с позиции структурного литературоведения понимает текст как сумму структурных отношений, нашедших лингвистическое выражение. Он отмечает, что идейное содержание произведения – это тоже структура. Идея в искусстве – всегда модель, ибо она воссоздаёт образ действительности. Следовательно, вне правил, вне структурных отношений художественная идея и творчество не мыслимы [Лотман, 2000, с. 24]. С позиции естественнонаучного анализа фактов структурная организация текста трактуется как обусловленная законами природы, и, следовательно, должна рассматриваться в тесной связи с человеком как частью природы, подчиняющейся общим физическим и биологическим закономерностям [Москальчук, 1998, с. 8–14]. Различные уровни и аспекты текстовой структуры рассматривается также в работах М.А. Сапарова, Л. Долежела, Т.И. Сильман, И.Р. Гальперина, В.А. Кухаренко, И.П. Севбо, В.П. Белянина, А.В. Кинцель, А.А. Залевской, Т.ван Дейка, Р. де Боргранда, Д. Румельхарта и др.

Между содержанием текста и его формальным лингвистическим выражением существует тесная связь, так как содержание текста представляет собой величину переменную и проявляется не внутри текста, а лишь в процессе восприятия или воспроизведения его формальной

стороны. Таким образом, для объективного анализа содержательной структуры текста существует только один путь – через анализ его формальной структуры. Как отмечал Б.В. Томашевский, форма и содержание практически неразделимы. Это два аспекта неделимого целого. Их единство является неотъемлемым свойством хорошего произведения [Томашевский, 1999, с. 8]. В художественном тексте связь формы и содержания отличается особой органичностью. Художественное содержание неотделимо от своего материального выражения, изменение которого влечёт за собой разрушение художественного образа.

Нормы и правила структурной организации текстов находятся в непосредственной зависимости от их внутренней, смысловой организации и в то же время испытывают на себе влияние экстралингвистических факторов, к которым можно отнести время и форму существования акта коммуникации, специфику жанрового стиля, индивидуальный стиль автора и т.д. В художественном произведении сочетаются два принципа – условность, вымышленность создаваемого мира художественного слова и сложное, незеркальное отображение существующей действительности (мимесис и диегезис). Об этом писали ещё античные теоретики литературы начиная с Платона. Как отмечает Л.Я. Гинзбург, литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой, фактическая достоверность изображаемого при этом становится эстетически безразличной. Различие же между миром бывшего и миром поэтического вымысла не стирается никогда [Гинзбург, 1999, с. 9]. Вымысел – это особый элемент художественного труда, это одна из важнейших форм или категорий человеческой мысли, не только художественной, но и научной. Диалектическая функция этой формы состоит в том, что вымыслом констатируются различные варианты мыслимых или возможных отношений бытия. Фразы, составляющие литературу, вовсе не описывают тех неповторимых поступков, которые единственно только и могли иметь место в действительности, они являются «ложными» не в большей степени, чем «истинными». Литературный текст не поддаётся испытанию на истинность, он ни истинен, ни ложен, он – вымысел [Падучева, 1999, с. 201]. Любое явление действительности, попадая в сферу искусства, перестаёт иметь значение только явления действительности, а становится знаком внутреннего мира художника, поэтому концепция художественного текста, его основная идея, возникая в рамках той или иной культуры, под влиянием определённых литературно-художественных

традиций, будет нести авторскую «печать» воззрения на мир [Бахтин, 2000, с. 206–226].

Художественные тексты обнаруживают черты сходства по структурно-смысловым, языковым параметрам на основании принадлежности одному литературному роду, жанру, модусу художественности (возвышенное, романтическое, героическое, трагическое и т.д.), ритмической организации речи (стих, проза, строфика и т.д.), стилевой доминанте (сюжетность/ описательность, реалистичность/условность и т.д.).

Литература – это устойчивое, веками сформировавшееся явление, имеющее определённые константы. Она находится в непрерывном развитии, в ходе которого происходит постоянная переоценка ценностей, смена способов, целей, приёмов организации художественных произведений. С периода своего возникновения литература существует и развивается в трёх основных формах эпоса, лирики и драмы, которые различаются по особым способам воспроизведения реальной действительности. Родовая принадлежность, как известно, во многом определяет организацию произведения, его формальные и структурные особенности. Это объясняется тем, что каждому литературному роду свойственна своя концепция действительности. Эти формы достаточно ясно проявляются и в долитературном, фольклорном периоде существования искусства слова. Определения поэтических родов мы находим в древнейших памятниках теории литературы, которые представлены трудами Платона, Аристотеля, Буало. Принципы деления родов поэзии можно извлечь только из общего представления художественного изображения. Так, например, Г.В.Ф. Гегель определяет эпос – как представление объективности в её объективности, в его основе лежит художественно освоенное событие; лирику – как представление субъективности внутреннего мира, в её основе – настроение или душевное состояние; драму – как способ изложения, связывающий оба предшествующих в новую целостность, в которой представлено как объективное раскрытие образов, событий, так и внутренняя жизнь героев, в её основе – действие [Гегель, 1968, с. 252–253]. Существуют и другие подходы к классификации литературных родов: психологический, который рассматривает эпос, лирику и драму как художественные трансформации различных сторон и категорий психической жизни; лингвистический, который соотносит роды поэзии с грамматическими категориями времени, с членами предложения, с отдельными элементами языковой иерархии (звук, слово, предложение). Психоло-

го-лингвистические классификации не голословны, так как категории психики и языка тесно связаны с проблемой родов поэзии. В 19 веке получило распространение понимание эпоса, лирики и драмы не как словесно-художественных форм, а как неких умопостигаемых сущностей, фиксируемых философскими категориями. Литературные роды стали пониматься не как типы художественного содержания, и, таким образом, их рассмотрение потеряло связь с поэтикой. Так, например, лирика соотносилась с духом свободы и бесконечностью, эпос – с необходимостью, драма – с синтезом того и другого [Хализев, 2000, с. 329].

В целом, эпос, лирика и драма – это характеристики общего, устойчивого, повторяющегося в структуре произведения, это реальные, необходимые формы существования и развития словесного искусства. Следует отметить, что отнесение литературного произведения к тому или иному роду не связано с его формой – прозаической или стихотворной, и хотя лирика тяготеет к стиху, а эпос к прозе, возможна эпическая (нарративная) поэзия и лирическая проза [Падучева, 1996, с. 208]. Родовые понятия (эпос, лирика, драма) подлежат дальнейшему делению на жанры.

История литературы – это история развития её жанров. Богатство и разнообразие литературных жанров необозримо, так как неисчерпаемы возможности творческой литературной деятельности людей. Любое художественное произведение является носителем эстетической концепции действительности и должно изучаться в аспекте своей литературно-художественной специфики, в органическом единстве эстетического и социально-исторического аспектов.

Текстовый состав различных культур включает в себя определённый набор жанров. Познавая закономерности развития жанров, мы познаём и законы развития литературы, так как жанр является наиболее всеобщей, конкретной и универсальной её категорией. Именно в жанрах литература получает своё непосредственное выражение, именно в них отражаются черты самых разнообразных художественных методов, школ, направлений литературы. Литературные жанры – это категория историческая. Они появляются только на определённой стадии развития искусства слова и постоянно изменяются. Жанром можно считать группу литературных произведений, в которых теоретически выявляется общая «внешняя» (размер, структура) и «внутренняя» (настроение, отношение, замысел) форма. Его можно определить также как сумму эстетических приёмов, доступных автору и уже известных чита-

телю [Wellek, Warren, 1986, с. 252–253], способ отражения, угол зрения автора на действительность, преломлённый в художественном образе и есть жанр. Таким образом, для каждого жанра характерен определённый ракурс видения действительности, типы осознания и виды её отражения, а общность подходов в воспроизведении реальности, общность тематики приводят к сходству формальных средств и приёмов. Последние представляют собой мыслительные фигуры и структурные модели, в которые укладывается типологически постигаемый художниками жизненный материал. Следовательно, жанры – типовые модели построения речевого целого, специфические художественные пути и способы осмысления и преобразования действительности. Жанр обуславливает структурные особенности произведения, в определённой мере влияет на его объём, косвенно отражается в его языковой субстанции [Бахтин, 2000, с. 301].

Выделяются три основные эпохи в развитии жанров: изначальная (до жанровая), традиционная (классическая) и современная (реалистическая). Генезис жанра принадлежит доистории и её первобытной культуре. Важное значение при его определении имеет учение А.Н. Веселовского о синкретизме, то есть о смешанном состоянии, в котором первоначально находились зародыши будущих литературных жанров. Под синкретизмом архаического искусства А.Н. Веселовский понимал сочетание ритмических движений с музыкой и элементами слова. Один и тот же мировоззренческий смысл получал различные аспекты содержания и структур в творческой переработке новых общественных идеологий. Этот смысл не был сначала эмбрионом литературы, он был жизненным смыслом простого обихода, при помощи которого люди жили, общались. Этот исторический смысловой шифр к природе и жизни, выработанный первым человеческим обществом, в изменённых социальных условиях потерял то своё значение, для которого был произвольно создан, но не исчез, а стал культурной ценностью, духовным инвентарём новой культуры, новой идеологии. Таким образом, былой конкретный смысл абстрагируется от своей значимости, оставаясь голлой структурой, схемой и используется для новой идеологической необходимости, для выполнения новых конкретных целей, подвергаясь при этом некоторой модификации. Жанры возникли как способы целостного освоения и закрепления в форме бытия его основных проявлений и законов. Эти каноны «миростроения» сохраняются в художественных жанрах всех последующих эпох [Веселовский, 1980, с. 135].

Жанр возникает и оформляется как тип внутренней образно-структурной и композиционно-поэтической организации. С точки зрения историка литературы, это характерное типичное образование данного периода развития литературы, это исторически сложившийся, эволюционирующий тип произведения, который характеризуется относительно устойчивыми признаками содержания и формы. Жанровое содержание – это некая жизненная характерность (проблемная, тематическая, эмоциональная), которая при своём конкретном художественном воплощении переходит в определённый жанрообразующий принцип и порождает только такую, но не иную систему изобразительно-выразительных средств. Компонентами жанрового содержания являются специфические черты, грани действительности, ставшие в художественном произведении особой эстетической реальностью; доминирующее родовое начало (эпическое, лирическое, драматическое); идейно – эстетический пафос в художественном воссоздании жизни. Жанр обладает также специфической формой, которая представляет собой как бы оболочку жанра и является исторически более устойчивой. Понятие жанровой формы соотносится с понятием структуры художественного произведения. Жанровый анализ литературного произведения сочетает одновременно раскрытие и специфической формы, и специфического содержания [Wellek Warren, 1980, p. 23]. В самой художественной форме таится богатое и глубокое содержание. Как известно, любая художественная форма – это опредметившееся художественное содержание. В жанре наиболее полно и наглядно проявляется содержательность формы, так как он представляет собой целостную организацию формальных свойств и признаков.

Каждый жанр характеризуется и особым типом сюжета, который рассматривается как двуединое явление, находящееся на грани содержания и формы и представляющее одновременно и то, и другое. Тип сюжета обусловлен господствующим родовым началом, поэтому правомерно говорить о драматическом, эпическом, лирическом, а также лиро-эпическом сюжете в «смешанных» жанрах. Общность ряда композиционно-языковых характеристик позволяет рассматривать жанр как парадигму текстов, а каждый отдельный текст соответствующего жанра как составляющую этой парадигмы.

Жанр как система обладает своей грамматикой, семантикой, лексикой, кодом (набором правил и норм), – всё это реализуется в текстах в рамках диалектического отношения «общее» и «частное». Жанру

присуще генеративное начало, проявляющееся через действие в творческой практике множества моделей данного жанра. Порождающая модель каждого жанра воплощается в сознании исполнителей не в абстрактном виде, а в виде множества разнообразных вариантов, которые представляют собой реализацию общих законов и универсалий жанра. По определению М.М. Бахтина, жанр – это память искусства. Жанры консервативны, традиционны. Каждому жанру свойственны определённые жанровые признаки, наиболее эксплицитные из которых представляют собой жанровые доминанты. Традиционность жанров связана с жанровой памятью, с определённой устойчивостью эстетических представлений [Бахтин, 2000, с. 143].

Жанр – это историческая категория, так как отдельные жанры возникают, развиваются, устаревают. Можно предположить, что жанрообразующим фактором является само время, которое создаёт определённое мироощущение, определённые социально-культурные условия. Жанр – это категория социально – историческая и культурно детерминированная, так как в зависимости от развития общества, от постоянно меняющихся социальных заказов отмирают одни жанры, появляются новые, возникают меж жанровые образования. Изменение жанров и возникновение новых литературных условностей свидетельствует о влиянии истории на формирование литературных форм. Эволюция жанров осуществляется за счёт их основных черт: эпических жанров как повествования и лирических жанров как эмоционального искусства. В динамике жанрового развития, также как и в номенклатуре существующих в определённую историческую эпоху жанров, отражается уровень развития общества, его культура, его потребности и запросы. Жанровая принадлежность текста является одновременно и его стилообразующим фактором, так как каждый литературный жанр задаёт писателю определённую культурно-коммуникативную канву, которая объединяет художников, говорящих на особом исторически сложившемся, постоянно развивающемся «языке» жанров.

Список литературы

Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. Проблема речевых жанров. Проблема текста /М.М. Бахтин; Сост. и авт. вступ. ст. С.Г. Бочаров. СПб., 2000.

Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4-х томах. М., 1968.

Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М.1999.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб. 2000. С.14-285.

Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул. 1998.

Нюбина Л.М. Категория «стиль» в постмодернизме // Филологические науки. № 2. М., 2010. С. 35-48.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1999.

Хализев В.Е. Родовая принадлежность произведения // Введение в литературоведение. М., 2000. С. 134-142.

Wellek R. Warren A. Theory of Literature. Harmondsworth, Middlesex, 1980.

Tatiana Ivanovna Vorontsova (Saint Petersburg, Russia)

GENRE AS A STYLEFORMING FACTOR OF LITERARY TEXT

In this article the qualities of literary text are considered, it also states the idea that the form, the content and the style of literary text are considerably determined by the genre it belongs to.

Keywords: *text, literary text, genre, epos, lyrics, drama, structure, form, literary genre, style.*

Ю.П. Вышенская (Санкт-Петербург, Россия)

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО РЕНЕССАНСА

Статья посвящена изучению компонентов индивидуального поэтического стиля как одной из существенных проблем исторической стилистики. Исследование осуществляется в рамках подхода их исторической преемственности, что делает необходимым привлечение данных истории языка, национальной литературы и прочих дисциплин гуманитарного цикла.

Ключевые слова: индивидуальный стиль, момент стиля, знак стиля, “*artes*” – “*auctores*”, жанр, авторство, фильтрация

Среди задач, возлагаемых на историческую стилистику поэтического языка, академиком В.В. Виноградовым выделяется изучение индивидуальных поэтических стилей, которое надлежит проводить с точки зрения их исторической преемственности, что подразумевает привлечение данных общей истории языка и “истории лингвистического вкуса”; распределение этих феноменов по школам с опорой на “отвлечения однородных особенностей” и выявления “центров тяготения” для старой школы; “наблюдение над процессом распада старой школы и превращения его в ряд языковых шаблонов и над переработкой их в новые стили” [Виноградов, 1980, с. 5].

Составляющие феномена “индивидуальный стиль” отличает неравноценность с точки зрения значимости в процессе его создания. Как указывает И.Ю. Подгаецкая, с учётом всей безусловной важности сюжетно-тематической и словесной компонентам отводится роль второго плана, а приоритетное положение занимает художественное видение, которое за ними стоит, “раскрывается и обнаруживается в наличествующих словах”, не будучи при этом им тождественным. Помимо указанных характеристик индивидуальному стилю присуща также целостность, понимаемая как последовательность, каждое звено которой отражает некую идею.

В рамках такого подхода, “достаточно широкого”, и, как следствие, “трудно поддающегося конкретизации”, индивидуальный стиль можно определить как “такой способ организации словесного материала,

который, отражая художественное видение автора, создаёт новый, присущий только ему образ мира” [Подгаецкая, 1982, с. 5].

Характерной особенностью индивидуального стиля является то, что при “просвечивании” (термин Г.О. Винокура) структуры художественного мира во всех уровнях (лексического, синтаксического, фонетического), печать индивидуальности лежит не только на стилиевой значимости, каждого из отмеченных элементов, но также и на их способе соотношения “выражения и невыражения в словах смысла” [Подгаецкая, 1982, с. 5].

С понятием индивидуального стиля тесно связано понятие “знак стиля”, подразумевающее языковые элементы, которые привлекают внимание реципиента и дают ключ к прочтению всего произведения. Оно же, по сути, являет собой начало индивидуально-стилевой ориентированности, заданной в тексте, и подлежит определению при условии, что “момент стиля” – появление “знака стиля” – всегда выступает в сочетании с “последующим его развитием в схожих формах”, иными словами, получает “подкрепление” другими элементами произведения.

Стиль как процесс самовыражения мировосприятия, появляется в результате фильтрации, при этом фильтры устанавливаются факторами как экстралингвистического характера, включающими в себя эпоху, социальную среду, вкус читающей публики, так и лингвистического, представленными собственно традициями словесного искусства – языком, жанром и тому подобным [Подгаецкая, 1982, с. 43].

Суть процесса фильтрации, результатом которого является индивидуальный стиль (во внимание принимается тот ряд фильтров, который устанавливается эпохой), сводится, в формулировке Р.И. Хлодовского, не к тождественности индивидуального стиля и эпохи, а к “строгому соответствию между художественными видами деятельности” [Хлодовский, 1978, с. 120]. Индивидуальный стиль принадлежит к историческим феноменам, что означает подготовленность его появления социокультурной средой. Относительно временного отрезка появления индивидуального стиля во взглядах исследователей наблюдаются расхождения. В настоящей работе разделяется точка зрения Р.И. Хлодовского, который полагает, что в диахронической перспективе индивидуальный стиль возникает в рассматриваемый период – “осень Средневековья” – переход к культуре нового времени и выступает мерилем “одного из аспектов переходности эпохи Возрождения в большинстве стран, которые через эту эпоху прошли” [Хлодовский, 1978, с. 120].

Сложность рассматриваемой проблемы заключается во взаимодействии ступенчатого характера процесса формирования категории стиля, его содержательного объёма, позиции, занимаемой в системе ведущих категорий поэтики периода позднего Средневековья и раннего Возрождения “стиль – жанр – авторство”, уровня и темпов развития литературной теории и практики; при этом учитывается социокультурный фон не только в отдельно взятой стране, но и в системе межнациональных культурных связей.

Эпоха Средневековья “проходит под знаком стиля”, который, как отмечалось выше, выдвигается на доминирующую позицию среди трёх категорий поэтики рассматриваемого периода: “стиль – жанр – авторство”.

Подтверждение этому можно наблюдать как у теоретиков, так и у практиков, которые демонстрируют приверженность стилистической риторической традиции. Теоретики в своих трактатах уделяют основное внимание “традиционным формам слова и мысли, средствам словесного описания типических персонажей, общих мест”. Практики (поэты и прозаики), также придерживаются стилистического критерия в оценке друг друга, что можно наблюдать в английской литературной среде периода заката Средневековья, в “стихотворных дебатах – диалогах” провансальских трубадуров о преимуществах “тёмного” либо “лёгкого” стиля, а также и у авторов немецкого рыцарского романа [Хлодовский, 1978, с. 175].

Объяснение феномена выдвижения категории стиля на первый план кроется в особенности литературной практики периода европейского Средневековья, которая, как указывает М.Л. Андреев, заключается в автономности бытования сфер охвата категорий средств поэтики и средств собственно практики литературы.

Общая стилевая доминанта, которой принадлежит роль объединяющего начала первых теоретических программ, возникает лишь в период Возрождения. Это означало выражение в литературных произведениях идеализирующего стиля Ренессанса, а в работах теоретического плана – его идеальной модели.

В условиях универсализма ренессансной культуры идеалу присущи пластическая конкретность и индивидуальность, его материальным воплощением является Цицероновская риторическая традиция. Залогом единства стиля выступает единство образца.

Конструирование стилевого абсолюта происходит при помощи апробированных технических средств. В силу того, что стиль с античных времён являлся подведомственной риторике категорией, именно

риторика “определяла подход к новой стилевой реальности”, что находило выражение в сохранении авторитета традиционных риторических методов классификации материала и его поуровневого развития [Андреев, 1988, с. 268].

В эпоху традиционалистского сознания в литературе доминирует канон, лишь разновидность которого представляет собой авторство. В период позднего Средневековья и раннего Возрождения наблюдается изменение смыслов содержания имён великих авторов прошлого, что сводится к сохранению ими статуса символа, означает теперь не символ авторитета, а стиля и жанра. С.С. Аверинцев, предлагая рассматривать эту проблему с точки зрения развития теории подражания, отмечает недостаточность её разработанности и невысокий уровень значимости практики подражания, как правило, отдельным авторским произведениям. “Руководствование конкретными “образцами”, по замечанию С.С. Аверинцева, “обычно не вступает в противоречие”. Уход с исторической сцены эпохи Средневековья сопровождался перестановкой сил в борьбе “artes” и “auctores” – средневековый абстрактно-отвлечённый “artes” уступает в наступающем Возрождении место конкретному “auctores” [Аверинцев, 1994, с. 21].

Каноны традиционалистской литературы, как указывает П.А. Гринцер, коррелировали с общим для Средневековья “представлением о примате общего над частным..., выводимости последнего из общего, в котором каждый жанр, вид, тема возводились к некоей идеальной модели”. При доминанте такого рода идей суть литературного творчества сводится к замене процесса собственно создания отдельного текста на воссоздание модели идеального характера, заключающееся в использовании набора определённых топосов и тем в установленном порядке, при соблюдении непреложного условия задействования определённой фразеологии и номенклатуры образов. Индивидуальное начало в такой ситуации практически стремится к нулю [Гринцер, 1994, с. 186].

Между тем, даже в период господства традиционализма, когда всё индивидуальное, согласно характеристике итальянской исследовательницы М. Корти, несёт на себе “печать несовершенства” [Corti, 1983, р. 56], продолжает, хотя и весьма своеобразно, действовать универсальный закон развития – проявление индивидуального в искусстве, обуславливающий появление в структуре поэтического стиля индивидуального слоя. Возникновение данной разновидности поэтического стиля, по мнению А.В. Михайлова, происходит “отнюдь не вследствие

установки на индивидуальность”. Индивидуальный стиль, будучи “неповторимой фактурой” произведения словесно-художественного творчества, являет собой результат “специфического и редкостного превышения, предъявляемого к вещи всеобщей, отражённой риторико-поэтическим типом требований. Необщее получается как итог усилий, направленных на общее, ... равно как и поэтико-риторическая нормативность” [Михайлов, 1982, с. 343].

Анализ работ, посвящённых проблеме индивидуального в категории художественного стиля в рассматриваемый период времени, показывает, что большинство исследователей склонны придерживаться точки зрения, согласно которой среди ряда характеристик литературного творчества рассматриваемого периода отсутствует индивидуальная окраска. В рамках подобного подхода стиль предстаёт маркером не уникального осмысления окружающей автора действительности, а скорее некоего числа созревших качественных изменений, являющее собой почву для таких художественных произведений, как, например, “*La Divina Commedia*” Данте или “*The Canterbury Tales*” Чосера, возникновение которых можно наблюдать в отдельных европейских литературах исследуемого периода.

Список литературы

Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 3–39.

Андреев М.Л., Хлодовский Р.И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. М., 1988.

Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

Гринцер П.А. Стиль как критерий ценности // Историческая поэтика. Литературные эпохи и теория художественного сознания. М., 1994. С. 160–221.

Михайлов А.В. Проблемы стиля и этапы развития литературы нового времени // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М., 1982. С. 343–377.

Подгаецкая И.Ю. Границы индивидуального стиля // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М., 1982, С. 32–60.

Хлодовский Р.И. О ренессансе, маньеризме и культуре эпохи Возрождения в литературах Западной Европы // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978. С. 120–140.

Corti M. La felicità mentale. Nuove prospettive per Cavalcanti e Dante. Torino, 1983.

Yulia Pavlovna Vyshenskaya (Saint Petersburg, Russia)

THE INDIVIDUAL COMPONENT OF THE BELLES-LETTRES STYLE IN MEDIEVAL AND RENAISSANCE WORKS OF LITERATURE

The article deals with the individual component as one of particular features of the belles-lettres style. The style is regarded as the consequence of a certain socio-cultural situation. The linguistic phenomena discussed in the article are believed to be equal to other phenomena, belonging to the humanitarian range of concepts.

Keywords: *individual style, style point, style sign, “artes” – “auctores”, genre, authorship, filtration*

УДК 81.2-5

В.Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

МИР АНГЛИЙСКОЙ СКАЗКИ КАК ИГРОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Статья посвящена анализу роли игры в создании вымышленного ментального мира английской литературной сказки и способа его актуализации в тексте. Сказочный мир рассматривается как игровая действительность, что позволяет определить жизнеподобный вымысел в качестве онтологической доминанты. Языковые средства реализации синкретичного вымысла представлены в подавляющем большинстве номинативными единицами, не подвергшимися семантической трансформации, использование немногочисленных трансформированных единиц обусловлено игровыми конвенциями.

Ключевые слова: игра, игровая действительность, сказочный мир, жизнеподобный вымысел, нежизнеподобный вымысел, семантические трансформации

Изучение игры как метода создания вымышленного ментального конструкта и способа его актуализации в тексте становится возможным в силу того, что данный культурно-антропологический феномен рассматривается в гуманитаристике как способ бытия произведения искусства [Гадамер, 1988, с. 147], как «измерение существования, которое многочисленными нитями сплетено с другими измерениями» [Финк, 1988, с. 361].

В силу своей феноменологической двойственности игра соотносится, во-первых, с онтологическим и эпистемологическим статусом явленного в тексте вымышленного универсума, а также с диадой «автор-читатель», во-вторых, с языковыми средствами, которые в процессе текстопорождения используются для актуализации указанного ментального конструкта, а в процессе текстовосприятия являются материальной основой его интерпретации. Текст волшебной литературной сказки представляет собой материальное воплощение порожденной творческим сознанием игровой действительности, высшую ступень рефлексивной деятельности.

Ментальная модель мира, актуализированная в тексте литературной сказки, представляет собой результат сочетания двух типов вымысла: жизнеподобного и нежизнеподобного. Рассмотрение литературной

коммуникации, осуществляемой в процессе чтения сказки, в качестве игровой деятельности позволяет определить жизнеподобный вымысел в качестве онтологической доминанты процесса текстопорождения.

В данной статье игра рассматривается как «добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но, безусловно, обязательным правилам, с целью, заключающейся в нем самом; сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также «инобытия» в сравнении с «обыденной жизнью»» [Хёйзинга, 2007, с. 54]. Развивая тезис Й. Хёйзинга о неправомерности отождествления игры и реальности, Роже Кайуа охарактеризовал игру как свободную, обособленную, непроизводительную, регулярную, *фиктивную* деятельность с неопределенным исходом [Кайуа, 2007, с. 49]. (курсив мой – В.К.) Результаты проведенного А. Вежицкой лингвистического анализа слова «игра» подтверждают антропологические и культурологические данные. Уточнив основные компоненты семантического инварианта слова, исследователь определяет игру как продолжительную человеческую деятельность, организованную на основе предвещающего знания о том, что можно/нельзя делать, и направленную на получение удовольствия от достижения особой цели [Вежицкая, 1997, с. 214].

Для обозначения структуры, формально организующей игровую деятельность, в гуманитаристике используется понятие «игровой мир». Он определяется как обособленный временной мир, локализованный внутри реальности в материальном или в мыслимом пространстве и характеризующийся наличием особого игрового пространства и особого игрового времени [Финк, 1988, с. 377; Хёйзинга, 2007, с. 30], мир дистанцированный от норм реальности, но по своему логичный и простой [Берген, 2003, с. 133, Каргаполова, 2007, с. 49]. Реальный и игровой миры диалектически совмещены. С одной стороны, игровой мир есть часть действительного, так как в рамках роли играющий не может полностью освободиться от своей субстанции, функций и качеств в реальном мире. С другой стороны, игра расширяет реальность, «дополняет реальную действительность игровой, подчиненной собственным правилам и в своих пределах свободной от необходимостей действительности» [Никитин, 2007, с. 321]. Границы между реальностью и игровым миром хорошо известны игроку, который свободно «перемещается» между ними [Финк, 1988, с. 367], преодолевая психологически прозрачный барьер [Walton, 1978, p. 5].

Рассмотрение игрового и текстового (то есть изображенного в тексте) миров в качестве аналогичных объектов представляется обоснованным в силу их онтологической общности – вымышленности (фиктивности в терминах Р. Кайуа). И игра, и искусство порождены творческим сознанием и поэтому условны, ирреальны, но воспринимаются участниками игровой деятельности и литературной коммуникации, по крайней мере в ограниченных временных рамках, как если бы они были фрагментами действительности. Созданный творческим сознанием автора в процессе текстопорождения вымышленный мир, возникает внутри подлинной реальности также как игровой мир и представляет собой искусственную действительность, моделирующую реальную и модифицирующую ее путем привнесения индивидуальных смыслов.

Волшебная литературная сказка, будучи произведением крупного формата, требует в соответствии с эстетикой романа «создания замкнутого мира, неподвластного внешней реальности», и это «замкнутое внутреннее пространство существует лишь в своих пределах, не переходя во что-либо ему внеположенное» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 288]. Однако автономность созданного игрой воображения и актуализированного в тексте вымышленного мира не следует абсолютизировать. «Игра создает свой условный мир, но, будучи симулятивной деятельностью, она создает его по образу и подобию чего-то уже существующего и отсылает к нему...» [Каргаполова, 2007, с. 49]. Симулятивность игрового (текстового) мира служит доказательством доминирующего характера жизнеподобного вымысла и его определяющей роли в процессе текстопорождения.

Участники игровой деятельности связаны с внешним миром сложными отношениями включения/исключения [Никитин, 2007, с. 318], с одной стороны их идентичность не устраняется, а с другой стороны, они хотят быть принятыми за других [Гадамер, 1988, с.158]. Игрок одновременно выступает в двух ипостасях: как человек играющий, и как человек, выступающий в его игровой роли; он совмещает разыгранное поведение и играющее поведение и, следовательно, одновременно существует в обычной действительности и в вымышленном пространстве [Финк, 1988, с.376]. Более того, «игроки иногда попадают под чары собственной игры, перестают видеть реальность, в которой они играют, и имагитивно строят свой игровой мир» [Финк, 1988, с.391]. Двойственность восприятия порождает двойственность поведения, которое

может быть представлено как осознанная одновременная реализация практического и условного поведения, причем одно усугубляет другое. Читатель осознает, что перед ним вымысел, однако он переживает все эмоции, которые могут быть вызваны аналогичной реальной ситуацией [Лотман, 2005, с. 75].

Игровой мир или «узаконенный игровой анклав» [Арутюнова, 2006, с. 13] конвенционален: нормы его организации и поведения игроков устанавливаются на основании соглашения (конвенции) между участниками процесса, которые, осознавая условность ситуации, корректируют свое поведение в рамках данного процесса в соответствии с требованиями вымышленной реальности. Входя в особое настоящее игрового (текстового) мира человек «берет на себя обязательства вести себя так и делать все для того, чтобы не разрушить это призрачно-условное бытие» [Апинян, 2003, с. 111].

Правила игры, то есть неимперативные законы с пониженной облигаторностью [Никитин, 2007, с. 322], во-первых, регулируют поведение игроков на основе самополагания и самоограничения [Финк, 1988, с. 376], во-вторых, определяют, что имеет силу в игровом мире, так как они обязательны и бесспорны, отклонение от правил разрушает мир игры [Хёйзинга, 2007, с. 32].

Тем не менее, с рамках ограничений, установленных правилами, допустимы и импровизация, и относительная свобода [Апинян, 2003, с. 111-112]. Игра постоянно обновляется в бесконечных повторениях, и индивидуальное представление всегда содержит элементы преобразования, но одновременно подчиняется критерию правильности, который содержит указание на структуру игры [Гадамер, 1988, с. 149].

Для описания свободы и необходимости в игре обратимся к предложенным Р. Кайуа терминам: «*paidia*» (свободная импровизация в процессе неконтролируемого фантазирования) и «*ludus*» (упорядоченная деятельность на основе институционального начала) [Кайуа, 2007, с. 52]. В рамках игрового процесса эти понятия образуют сложное диалектическое единство. Регламентированная системой правил игра-*ludus* содержит набор возможных вариантов действий, выбор которых определяется интенциями игрока, так как деятельность его воображения вносит элемент *paidia* в создание игровой сессии.

Игровой континуум включает в себя разнообразные элементы, которые не совпадают с внетекстовой реальностью. На одном его полюсе представлены свободные, не связанные правилами игры (*plays*), в кото-

рых доминирует элемент *paidia*; это зона вольности, уничтожения преград серьезного мира, именно эта «вседозволенность» отделяет их от реальности. На другом – игры по заранее оговоренным правилам, ограничивающим возможные естественные способы поведения (*games*), игры-*ludus*, которые отделены от реальности системой запретов [Эпштейн, 1988, с. 281-282].

Каждая игра сочетает в себе элементы, позволяющие в большей или меньшей степени идентифицировать игровую структуру с реальным прототипом. Моделирующие игры выстраиваются по правилам, которые представляют собой трансформированную, схематическую модель участка действительности и удовлетворяют потребности гностического и прагматического плана. Немоделирующие раздвигают мир реальной действительности оригинальными правилами, которые изобретаются, придумываются, а не копируются, они не моделируют определенный участок жизни, а являются ее игровой частью [Никитин, 2007, с. 323, 324].

Игра представляет собой синкретичное образование, так как конвенциональность есть градуируемый признак, который максимально проявляется в «*ludus*» (Р. Кайуа) / моделирующих (М.В. Никитин) / организованных (М.Н. Эпштейн) играх, но он никогда не вытесняет полностью элемент импровизации («*paidia*»). Синкретичность текстуальной игры, сочетающей спонтанность и организованность и реализованной в сложной комбинации элементов *paidia* и *ludus*, позволило назвать данную модель арт-игрой (термин Медведицкого). Именно правила (конвенции) определяют насколько актуализированный в тексте мир (игровой мир) дистанцирован от реальности и, следовательно, насколько уместен нежизнеподобный вымысел в процессе миропорождения.

Статус текста волшебной литературной сказки в рамках дихотомии моделирующие – немоделирующие (организованные – неорганизованные) игры неоднозначен. С одной стороны, это моделирующая игра, структуры которой порождены репродуктивным воображением и идентифицируются с реальными прототипами, что обеспечивает ее доступность для понимания. Материальным воплощением «правильности» игрового мира сказки является использование узуальных лексических единиц в их прямом значении. Например, описание пейзажа волшебного мира не содержит слов, в импликационал которых входят ирреальные сущности. *“For the past two days they had been riding through*

a land of steep, rocky valleys and high mountains, forest-clad and with great broken-toothed peaks of bare brown stone. They had forded noisy, rushing streams and ridden through dense woodlands of cypress and ancient fir" [Jones, 2009, pp. 119–120]. Приписываемые элементам пейзажа предикаты не противоречат экзистенциональному опыту читателя: крутые каменистые долины рек (steep, rocky valleys), поросшие лесом высокие горы (high mountains, forest-clad). Номинация действий персонажей осуществлена лексическими единицами, обозначающими типы передвижения, которые соответствуют специфике описываемых фрагментов условного пространства и не противоречат нормам реального мира: суша (valleys and mountains) – ездить верхом (to ride), водный поток (streams) – переходить вброд (to ford). Используемые в тексте лексико-семантические варианты не подвергаются метафорическому переосмыслению и соответствуют словарным дефинициям: "to ford – to cross a stream or river by walking or driving through the water" [McM, 2006, p. 552]; "to ride – to sit on an animal, especially a horse, and control its movements as it moves along" [McM, 2006, p. 1220].

С другой стороны, сказка это – немоделирующая игра, так как элементы, возникающие из спонтанной деятельности фантазии, например, волшебство как системный элемент вымышленного мира, раздвигают нормы реальности и затем фиксируются играющими по взаимной договоренности с целью ограничения «произвола в действиях играющего человека» [Финк, 1988, с. 366]. Материальным воплощением отрыва от реальности являются лексические новообразования, созданные автором в процессе лингвокреативной деятельности. Расширение реальности сказочного мира достигается за счет индивидуальных неологизмов или изменения семантической структуры узуальных лексических единиц. "Gabriel Drake had planned to marry Tania and use her power to enter the Mortal World and bring back a terrible poison called Isenmort, known to mortals as metal, a substance so deadly in Faerie that a single touch meant instant death" [Jones, 2000, p. x-xi]. Неологизм Isenmort семантизируется в тексте с помощью отсылки к фоновым знаниям читателя (known to mortals as metal) и эксплицитно выраженным новым предикатом (a terrible poison). Изменение семантической структуры узуальных единиц может осуществляться за счет расширения семантического поля. Например, к значению слова power добавляется сема «чудесный» ("power – ability to influence/do; political legal control; energy/electricity; physical force/strength; in mathematics" [McM, 2006, с. 1103]), создавая новый

лексико-семантический вариант – «чудесная способность совершать действия, недоступные для обычного человека». Второй способ – акцентуализация одного из компонентов узуального значения. Слово mortal в рассматриваемом тексте используется для наименования персонажей, которые населяют обычное пространство сказочного мира и, в отличие от персонажей волшебного пространства не могут жить вечно. Таким образом, в новом лексико-семантическом варианте лишь один из компонентов значения – ограниченная продолжительность жизни (*“Mortal – human and not able to live for ever; ...” [там же, с. 923]*) – был выделен автором в акте номинации.

Текстуальная игра невозможна без метакоммуникации, без процесса передачи и интерпретации информации в языковом сообществе. Она реализуется в диалоге «автор – читатель», без которого процесс текстопорождения может быть назван, используя метафору Ж. Дерриды и М.Н. Эпштейна [Эпштейн, 2001, с. 172], лишенной непредсказуемости игрой шахматиста с самим собой.

Автор в процессе игры *paidia* силой своего воображения создает завершенную модель действительности, творит перцептуально невозпринимаемый мир, содержащий ирреальные элементы, существующие в условном пространстве и времени. В то же время он разрабатывает систему правил, организующих и регулирующих жизнь этого мира, превращая последний в пространство игры (*ludus*). Тем не менее, фантазия автора не обладает абсолютной свободой. Во-первых, она скована необходимостью следовать нормам здравого смысла. Во-вторых, автор сталкивается с противоречием между своеобразием индивидуального восприятия и ранее созданными произведениями искусства, так как он «никогда не остается с миром наедине, – художественная традиция в качестве посредника всегда вмешивается в его связь с миром» [Ортега-и-Гассет, 1991, с.251]. Следовательно, текстотипологические пресуппозиции, которые формируют инвариантные представления о специфике вымышленного (сказочного) мира, могут рассматриваться как вмешивающиеся в ход игры-*paidia* и обязательные для соблюдения правила игры-*ludus*. Порождение новой оригинальной системы оказывается возможным в силу того, что наши языковые игры могут изменяться и развиваться, новые могут появляться, а старые выходить из употребления и забываться [Витгенштейн, 1994, с. 90]. Таким образом, игра автора осуществляется по правилам, но правила игры дополняются не только стратегией игроков, но и семантикой языковых единиц, ис-

пользованных для номинации фрагментов сказочного мира. Язык позволяет осуществлять бесконечные подстановки в замкнутости конечного множества, причем процесс означивания добавляет что-то новое к означаемому [Деррида, 2000, с. 364–365], поэтому каждый автор имеет возможность реализовать свои интенции, не повторяя предшественников. В-третьих, свобода авторской фантазии ограничивается существующим в его сознании представлением об образцовом читателе (термин У. Эко). Обязательность доступности текста для такого читателя обусловлена игровым характером искусства, который заключается в том, что любое изображение – это изображение для кого-то подразумеваемого [Гадамер, 1988, с. 154]. Как игра должна быть приспособлена к игроку, который принимает ее, только в том случае, если правила игры ему посильны [Кайуа, 2007, с. 41], так и текст должен быть приспособлен к подразумеваемому читателю, «посилен» ему.

В результате взаимодействия ограничений всех трех типов автор вынужден при описании в тексте фрагмента сказочного мира использовать исключительно объекты, имеющие аналоги во внетекстовой реальности. *“She had not even been able to open the door to the charity shop. It had a metal handle! <...> Once they had negotiated away their Faerie dresses for more modern clothes, Tania had asked the way to the nearest ATM. The buttons were again made of metal. Rathina had pressed out her PIN for her and had collected the money from the perilous steel lips of the cash dispenser” [Jones, 2010, p.172].* Лексическим единицам, называющим фрагменты текстовой реальности, не приписываются нетрадиционные предикаты: в магазине благотворительного фонда можно бесплатно получить одежду, банкомат выдает наличность, если правильно набрать ПИН-код, дверная ручка магазина и банкомат сделаны из железа. Нежизнеподобный вымысел представлен в одном из заданных автором правил сказочного мира: прикосновение к железу смертельно для его жителей. Это противоречие между сказочной и внетекстовой реальностью выражено имплицитно – использованием отрицательной формы модального глагола *to be able to* и эпитета *perilous* (*«perilous – very dangerous» [McM, 2006, p. 1053]*). Указанные лексические единицы также не подвергались переосмыслению. Таким образом, языковым воплощением нежизнеподобного вымысла является наличие нового предиката у слов *metal* и *steel*, входящих в тематическое поле «железо».

Литературная коммуникация и языковая игра, осуществляемые посредством текста волшебной литературной сказки, характеризуют-

ся общностью таких типологических признаков, как вымышленность, конвенциональность, антропоцентричность, создание обособленного мыслимого мира в рамках реальности. Игровой и сказочный текстовый миры моделируют окружающую действительность, разрушают эмпирическую монотонность бытия, создают полифонию проживания иных состояний, сочетают рациональное и эссенциально-ценностное отношение к миру. Разноудаленность от реальности фрагментов игровых и сказочных миров достигается за счет синкретичного характера вымысла, причем жизнеподобный вымысел является онтологической доминантой.

Список литературы

Апинян Т.А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. СПб., 2003.

Арутюнова Н.Д. Виды игровых действий // Логический анализ языка: Концептуальные поля игры. М., 2006. С. 5–16.

Берген Д. Игра как контекст развития чувства юмора // Игра со всех сторон. М., 2003.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.

Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000.

Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007.

Каргаполова И.А. «Языковая игра» в лексикографическом и научном освещении: концептуально-методологический анализ // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2007, том 9, вып. 47. С. 44–54.

Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2005.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.

Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.

Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 357–403.

Хейзинга Й. Homo Ludens: Человек играющий. СПб., 2007.

Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988.

Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб., 2001.

- Jones F. The Seventh Daughter. NY, 2009.
Jones F. The Immortal Realm. NY, 2010.
Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford, 2002.
Walton, Kendall L. Fearing Fictions // The Journal of Philosophy, Vol.75, No. 1 01 – 1978. P. 5-27.

Victoria Jurievna Kleimenova (Saint Petersburg, Russia)

ENGLISH ART FAIRY TALE WORLD AS GAME/PLAY REALITY

The paper deals with the role of play and game in the creation of the fictional world, represented in the text of the art fairy tale and the linguistic means, used for this purpose. The fairy tale world is described as a game/play reality and thus it is possible to define life-similar fiction as the ontological dominant of this text. The majority of linguistic means used to create this text reality preserve their dictionary meanings, and a few lexical units, subject to semantic changes, come into being due to the text conventions.

Keywords: *play/game, play/game reality, art fairy tale world, life-similar fiction, life non-similar fiction, semantic changes*

УДК 81.0

С.М. Пашков (Волхов, Россия)

ПРИРОДА И ФУНКЦИИ «АМБИВАЛЕНТНОГО» В НЕОГОТИЧЕСКОМ РОМАНЕ

В статье рассматривается феномен «амбивалентного», который выступает источником эмоции «страх» в неоготическом романе. Анализ языковых средств, моделирующих «амбивалентное», осуществляется на разных уровнях организации текста: лексическом, грамматическом и композиционном

Ключевые слова: асоциальная личность, амбивалентное, эмоция «страх», неоготический роман, моделирование, суггестия

С конца XVIII века и до настоящего времени жанр литературной готики непрерывно менялся, отражая развитие социума. Результатом эволюции жанра явился неоготический роман, в котором описываются деградация и распад мира, разного рода патологии, разрушение и саморазрушение личности [Вечканова, 2011, с. 3; Денисова, 1989, с. 125; Красавченко, 2001, с. 186]. Предмет изображения неоготического романа – асоциальная личность наделяется двойственными мыслями и чувствами. Она страдает от мучающих её галлюциногенных образов и демонстрирует, согласно авторской интенции, асоциальное поведение.

Термин «амбивалентность», введённый в научный обиход швейцарским психиатром О. Блейлером, означает наличие противоречий в психике человека, в свою очередь, связанное с таким расстройством психики, как шизофрения [Блейлер, 1993, с. 312]. О. Блейлер выделяет различные виды амбивалентности: амбивалентность воли, умственная амбивалентность и аффективная амбивалентность [там же, с. 312-313]. Изучение языковых средств формирования эмоции «страх» в неоготическом романе заставляет акцентировать внимание на сосуществовании в психике эмоциональных противоречий, т.е. на аффективной амбивалентности [Блейлер, 1993, с. 312].

Амбивалентность эмоций (вслед за В.И. Шаховским, Е.Ю. Мягковой, Н.А. Красавским понятие эмоции рассматривается нами в качестве собирательного) сопровождается наличием в паталогическом сознании галлюциногенных образов, которые движут поступками больного [Блейлер, 1993, с. 112]. Галлюциногенные образы вызывают эмоцию

«страх» и, как правило, являются причиной асоциальных действий – агрессии и насилия [там же]. Асоциальные действия больного, в свою очередь, вызывают эмоцию «страх» у окружающих. В художественном тексте как в художественной модели мира обусловленное галлюциногенными образами поведение персонажа вызывает эмоцию «страх» у персонажей (план изображенной коммуникации) и у читателя (план реальной коммуникации). Асоциальная личность неоготического романа (Р. McGrath, R. Bloch) характеризуется амбивалентностью эмоций и отражает реалии своего времени, подтверждая интерес художника слова к «языку шизофрении» (Б. Мехер). Здесь уместно сослаться на В.П. Руднева, именующего шизофрению «болезнью № 1» в XX в. [Руднев, 1999, с. 357].

При изучении языковых средств моделирования «амбивалентного» целесообразно опираться на уровневую структуру языка, разграничивая в ней лексический, грамматический и композиционный уровни.

На лексическом уровне «амбивалентное» моделируется с помощью лексики: а) номинирующей психические расстройства (*a paranoid psychosis, psycho*); б) изображающей галлюциногенные образы и ночные кошмары (зрительные, слуховые, одоративные, осязательные).

На грамматическом уровне отмечается использование синтаксических конструкций с нарушением логических связей (Ср. отсутствие союзов, выражающих причинно-следственные связи, или модальных слов); такого рода использование позволяет имитировать изменения в речи, вызванные изменениями в психике.

На композиционном уровне «амбивалентное» находит языковую реализацию в рамках композиционно-речевой формы «описание», используемой автором для моделирования особенностей патологического сознания субъекта.

Представляется, что анализ языковых средств, моделирующих «амбивалентное» в качестве источника эмоции «страх», целесообразно проводить, используя несколько научных методов. Так, дефиниционный метод и многоступенчатый дефиниционный анализ позволят рассмотреть семантику лексических единиц, формирующих галлюциногенные образы на уровне слов и ближней комбинаторики. Метод количественных подсчетов позволит более точно описать рекуррентность сем лексических единиц, формирующих галлюциногенные образы в структуре текста. Метод лингвостилистической интерпретации текста позволит провести подробный анализ функций языковых средств

разных уровней в организации идейно-тематического содержания текста.

Поскольку ограниченный объем статьи не позволяет использовать в процессе анализа большие фрагменты и тем более текстовое целое романного жанра, ограничимся в последующем анализе некоторыми из упомянутых методов. В частности, оставим за рамками анализа метод количественных подсчетов, ориентирующий исследователя на выявление рекуррентных сем лексических единиц.

В приводимых ниже фрагментах романа Р. Блоха "Psycho" интересующий нас феномен амбивалентного изображается в качестве источника эмоции «страх». Обратимся к языковым средствам его моделирования:

"Mother, oh God!" he cried. "Blood, blood!"

He ran down the stairs from his mother's bedroom, out of the house and down the hill to the motel. He couldn't believe it. His mother is a killer? It wasn't true...

But when he finally ran into the girl's room, he saw that it was true. The girl was lying in the bath with her eyes still open, dead. And his mother was the killer. He stood outside the bathroom, feeling sick and afraid he tried to think, but he didn't know what to do" [Psycho, 2010].

Представленный фрагмент изображает страдающего шизофренией Нормана Бейтса (*Norman Bates*), чье сознание «расколото» на две части: его сознание и сознание «его матери» (*the mother side of his head*). Всякий раз, когда Бейтсу нравится девушка, «часть сознания матери» начинает доминировать над другой «частью» его сознания и ревновать. Это приводит героя к убийству девушки. После убийства очередной жертвы Бейтс, как убеждается читатель, начинает осознавать, какой неприглядный и пугающий поступок совершила «мать». Эмоция страха эксплицитно номинируется в тексте при помощи ЛЕ *afraid*: frightened [= scared]. Эмоциональное состояние страха «парализует» про-тагониста, препятствует его мыслительным процессам, что следует из рассматриваемого отрывка. Персонаж оказывается не в состоянии рассуждать:... *feeling sick and afraid he tried to think, but he didn't know what to do*. Риторический вопрос *His mother is a killer?* способствует возрастанию внутреннего напряжения персонажа [Пфютце, 1978, с. 236]. Вынесенная в сильную позицию заглавия романа ЛЕ *psycho* отражает авторскую интенцию «напугать» читателя, что подтверждает и её семный анализ.

Psycho: (1 ступень анализа): *inform*. Someone who is mentally ill and who may behave in a *violent* or *strange* way;

(2 ступень анализа): *violent*: involving actions that are intended to injure or kill people, by hitting them, shooting them.

В следующем микроконтексте «сознание матери» изображается доминирующим над «сознанием» Бейтса, а персонаж – готовым пойти на следующее преступление.

She turned to run away but stopped. There was a tall, shadowy shape by the door. The shadow had long grey hair and wore a flowery dress. As it moved onto the light, Lila could see the face: a white face with a terrible smile and mad, shining eyes.

Then she saw the knife. She wanted to scream again but her mouth was dry and she felt too weak. She moved back as the mad old woman ran towards her, laughing wildly, the silver knife in the hand, ready... [Psycho, 2010].

Внешнее перевоплощение Бейтса (Ср. *The shadow had long grey hair and wore a flowery dress*) указывает на то, что им движет чужое сознание. Эмоция «страх» репрезентирована в тексте рядом языковых средств. ЛЕ *scream*: to make a loud high noise with your voice because you are hurt, frightened описывает эмоциональное состояние страха персонажа. Эпитеты, формируемые прилагательными *weak* и *dry* (Ср. *felt too weak, mouth was dry*), используются для изображения секреторных и тонических (расслабление) изменений, тесно сопряженных с эмоцией «страх» [Меркулов, 1999, с. 90]. В словосочетании a white face with a terrible smile and mad, shining eyes ЛЕ *terrible* (making you feel afraid or shocked) и ЛЕ *mad*: mentally ill [= insane]) характеризуют внутреннее состояние Бейтса и Лайлы (*Lila*). Эпитет, формируемый ЛЕ *mad*, номинирует психическое состояние Бейтса (Ср. «глаза – зеркало души»), а эпитет *terrible* характеризует эмоциональную реакцию Лайлы, т.е. эмоцию «страх». Она находит подтверждение и в эмоциональной кинеме *moved back*. На уровне обыденного знания известно, что предмет угрозы вызывает немедленное намерение от него удалиться.

Подведём итог. Лексические языковые средства, используемые автором неоготического романа для создания художественной модели амбивалентного сознания, функционально направлены на изображение эмоции «страх». Безусловно, представленные результаты анализа носят не абсолютный характер, поскольку «описание эмоциональной сферы «противится» жестким рамкам систематизации» [Щирова, 2009, с. 160]. Эмоции – область непредметной референции, что обуславливает аппроксиматичность выводов анализа.

Список литературы

Блейлер Э. Руководство по психиатрии. М., 1993.

Вечканова М.И. Трансформация готической традиции в творчестве Джойс Кэрол Оутс (на материале малой прозы 1990-х начала 2000-х годов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 22 с.

Денисова Т.Н. Новейшая готика (о жанровых модификациях современного американского романа) // Жанровое своеобразие современной прозы Запада. Киев, 1989. С. 59-127.

Красавченко Т.Н. Готический роман // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 184–186.

Меркулов И.П. Когнитивная эволюция, М., 1999.

Пфютце М. Грамматика и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 218–243.

Щирова И.А. К проблеме сложного: оппозитивные отношения в системе персонажей как средство выявления авторской мирооценки // Международни часопис Стил. Београд Република Србија: The International Association "Style", Orthodox Theological Faculty of Belgrade University, 2009, № 8. С.155–165.

Bloch R. Psycho. Penguin USA, 2010.

Sergey Mikhailovich Pashkov (Volkhov, Russia)

THE NATURE AND FUNCTIONS OF THE AMBIVALENT IN A NEOGOTHIC NOVEL

The subject matter of the article is the ambivalent in a neo-gothic novel, the ambivalent being a cause of emotion of fear. The analysis of linguistic means used for modeling the ambivalent is carried out on different levels of text structure: lexical, grammatical and compositional

Keywords: *asocial person, the ambivalent, emotion of fear, neo-gothic novel, modeling, suggestion*

УДК 821.11

*Э.В. Седых (Санкт-Петербург, Россия)***ОБРАЗ ПТИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ У. МОРРИСА**

Статья посвящена исследованию развития образа птицы в мифопоэтике У. Морриса, викторианского поэта-художника, прародителя стиля модерн в искусстве, основателя Эстетического движения. Особое внимание уделяется рассмотрению таких образов, как ворон, павлин, сокол, голубь, лебедь, орёл, дрозд, дятел. Данные образы интерпретируются с точки зрения их сопоставления с общепринятыми в мировых мифологиях и анализируются в контексте разных дискурсов (поэтический, прозаический, живописно-декоративный).

Ключевые слова: *английская литература, Уильям Моррис, мифопоэтика, образ в искусстве, эстетика модерна*

Птица – обязательный элемент мифопоэтической системы У. Морриса; она понимается им как божество, пернатый помощник Бога. В символике птиц его привлекали значения свободы, вдохновения, восхождения; он рассматривал птицу как воплощение души. Моррис включал в космос своего творчества традиционно «хороших» (орёл, голубь, лебедь, сокол) и «плохих» (ворон, дрозд, дятел, павлин) птиц. Он создавал реальные и фантастические образы; относился к птице как к эстетическому атрибуту Красоты. В его произведениях имели место птичьи метаморфозы и мотив понимания птичьего языка.

В декоративных искусствах Морриса широко используется обобщённый образ птицы. Среди самых изысканных творений можно выделить ткани «Птица» и «Птица и виноградная лоза», гобелен «Птицы», расписанное птицами и цветами кресло-полукруг, вышитый по его эскизам полог для кровати в Кельмскотте, украшенный радужными птицами. Следует заметить, что в мире художника птицы мирно уживаются не только с животными, но и с растениями, образуя радужное переплетение ветвей, цветов и птиц, рождая на живописном полотне карнавал красоты бытия (обои «Шпалера с розой»).

В литературных произведениях Морриса встречаются многочисленные описания и упоминания птиц, как в природном контексте, так и в контексте декоративных искусств, которыми он занимался сам. Так,

во «Сне про Джона Болла» он описывает собственные гобелены: *«на стенах развешаны зелёные гобелены с вытканными на них птицами и деревьями»* [Morris, 1965, p. 46].

Птица как символ души воплощена Моррисом в образе главной героини «Вод Дивных Островов», которая носит символическое имя – Одинокая Пташка (“Birdalone”). Пташка является традиционным символом духовности; в интерпретации Морриса она приобретает значение «полёта воображения, вдохновения, творчества». Одинокая Пташка, прототипом которой является моррисовская Психея из «Земного Рая», проходит долгий путь самопознания и познания мира. Само имя героини указывает на её индивидуальность: она стремится не только к свободе, но и к самореализации личности (в том числе, в искусстве). Героиня свободно общается с миром природы, который для неё одушевлён и одухотворён. Она «разговаривает» с цветами, деревьями, птицами, животными, лесными духами и даже с самой феей леса. При создании образа Одинокой Пташки Моррис прибегает к сравнениям, содержащим символику птиц. Будучи сама «пташкой», девушка умела беззаботно смеяться, как птички на ветке и плавать, как утка. Когда настало время отправляться в путь, она расправила «пёрышки» и «полетела» («поплыла») навстречу судьбе.

Среди самых любимых птиц Морриса были ворон и павлин, которых он поместил на свой аллегорический гобелен «Лес». Моррисовский лес реализует основной принцип его мифопоэтики – единение всего сущего, гармоничное сосуществование противоположных начал. Поэтому в контексте гобелена уравниваются не только две птичьи сущности, но и их контрастные черты: пронизательность / воинственность ворона и величие / гордыня павлина.

Моррис воспринимал павлина вне зависимости от тех отрицательных качеств, которыми его наделили мировые мифологии (тщеславие, высокомерие, гордыня, роскошь, созерцательность). Он видел в нем восхитительно красивую декоративную восточную птицу, символизирующую Солнце, божественное всеведение и бессмертие. Его изысканно-волшебные вышивка «Павлин» и гобелен «Акант и павлины» олицетворяют собой радужное разнообразие бесконечности, радость жизни, оптимистичный дух творения бытия.

Образ чёрного ворона играет особую роль в мифологических представлениях Морриса. С одной стороны, это символ войны, смерти, хаоса и тьмы. Он олицетворяет тёмную сторону личности, которая при

определённых обстоятельствах способна трансформироваться в позитивную. С другой стороны, в вороне заложена идея созидательной, активной силы и духовной мощи; он служит медиатором между верхом и низом, мудростью и глупостью, мужским и женским. Ворон у Морриса, как и в мифологии первобытных народов, связывается с понятием космоса; он, как и верованиях кельтов и древних германцев, означает связь с цивилизацией. Он также выступает как тотем и как герой племени; соотносится с творческим началом личности.

Вороны могут присутствовать в литературных текстах Морриса в качестве оракулов, рассказывающих истории людям («Ворон и дочь короля»), и молчаливых созерцателей вечности: *«Покоясь с миром на хорах у разрушенной стены, воины взирали на высеченного из камня Рыцаря, руки которого навечно застыли в молитвенном жесте. Рядом с ним виднелся подрагивающий шпиль, когда-то такой могучий; лишь только вороны пролетали над головой чьего-то возлюбленного, храбреца, павшего в бою»* [Eshleman, 1940, p. 16–17] («Аббатство и дворец»). Их образ имплицитно в контексте магических действий и ритуалов, связанных с освобождением героев. Так, красочно-зловещая «воронья» метафора лежит в основе «кровавого» заклинания ведьмы, которое подслушала Одинокая Пташка:

*«Вином цвета воронова крыла
Вполне насытились нос и корма;
Так проснись-пробудись,
В путь привычный пустьсь!
Ныне Странника доля – по воде, а не пешему,
Ведь Посланника воля с кровью алою смешана»*
[Morris, 1994, p. 40].

В «Истории сверкающей равнины» Моррис создаёт образ идеально-го героя, принадлежащего клану Воронов. По мере его духовного развития он называет его «Дитя Ворона», «Сын иссиня-чёрной птицы», «Воин Воронов». Благородное братство Воронов является воплощением свободы духа, верности, мудрости. Эти люди-птицы сложили песнь о вороне, воодушевляющую героя на победу в сражениях во славу рода. Обителем племён Ворона является живущий по законам Севера Дом Ворона, которому противопоставлено королевство из ирландской легенды, Дом Розы. Однако в поэтике Морриса эти миры, несмотря на

различия, взаимосвязаны и невозможны друг без друга, как невозможно существование мира птиц без мира цветов и растений.

Если Моррис наделил ворона в данном произведении положительными качествами, то орёл в его интерпретации, получил негативную характеристику. Общепринято считать орла атрибутом богов (греческого Зевса, римского Юпитера), земным царём птиц, символом обновления и зоркости. У Морриса появляется образ орла, символизирующего тёмные силы и безграничную власть. Не случайно орёл служил эмблемой римских полководцев; его изображение несли на штандартах римские легионы, завоевавшие Британию. В данном гомансе в качестве злых сил выступают Орлы Моря, викинги-пираты, нашедшие пристанище на Острове Выкупа – потустороннем, подземном мире. Повелителем Орлов Моря является Морской Орёл, вынудивший Холблiza сопровождать его в Сверкающую Равнину, где он обрёл молодость. Когда герой-ворон одерживает победу над орлами, происходит победа света над тьмой, рождается духовное озарение, возрождаются божественность, вера и величие.

Хотя другая птица – сокол – подобна орлу в своей жестокости и воинственности, Моррис избегает такого сравнения. Он не наделяет сокола символикой власти и божественности (образы бога неба Гора и Одина). Морриса привлекает, прежде всего, мотив соколиной охоты как атрибута развлечения знати. Данный мотив присутствует в плиточной композиции «Времена года». На расписанной плитке «Май» изображена прекрасная дама, отправившаяся на соколиную охоту. На её плече восседает сокол, такой же неподвижный, как птица из поэмы «Соколиная стража». В контексте произведения мы видим «натюрморт», сочетающий неодушевлённую и живую природу, на мгновение «застывшую» в поле зрения поэта: накрытый колпаком на бело-серебристой жёрдочке восседает сокол; рядом с ним для гармонизации композиции размещен молочно-белый свиток, перевязанный красной шёлковой лентой. Соединяя несоединимое в натюрморте, Моррис стремится аллегорически показать возможность создания гармоничного мира, стремящегося к целостности и «всеобщему братству».

Морриса всегда привлекали божественность, красота и чистота как свойства совершенной природы; по этой причине он любил изображать таких птиц, как лебедь и голубь. Его лебедь, будучи символом грации и духовности, посвящался и Венере, и Деве Марии. Он синтезировал в себе мотив превращения девушек в белых лебедей («Песня о Нибелун-

гах»), кельтское вдохновение, античную поэтичность и музыкальность (плиточная роспись «Лебедь»). Однако в поэме «Золотые крылья» образ лебедя меняется в связи с изменением цвета оперения. Если в начале повествования он, царь водных птиц, олицетворяет спокойствие и мирную жизнь в идиллическом саду старинного замка-Рая, то в конце поэмы он становится «нечистым», теряет божественность, и теперь «грязные лебеди охотно поедают зелёную сорную траву, плавающую в воде». Утрата лебедем белого окраса символизирует, по Моррису, опустошение и духовную смерть.

Метафора голубя в мифопоэтике Морриса не наделяется отрицательными коннотациями. Голубь был воплощением кротости, любви, мудрости и порядка; он символизировал божественное благословение. Эта птица изображалась Моррисом как священная птица богини любви Венеры и как Образ Святого Духа (Евангелие от Матфея). Голуби в его произведениях мирно сосуществуют с цветами (ткань «Голубь и роза») и с другими птицами: *«Дрозды предавались звучному пению, на коньке крыши ворковали голуби, средь нежной листвы на ветвях могучих вязов восседали разговорчивые грачи, а хныкающие стрижи описывали круги над фронтонами»* [Morris, 1984, p. 174] («Вести Ниоткуда»).

Пара голубей в интерпретации Морриса символизирует вестников неба. На гобелене «Рыцари Круглого Стола, которых призывает отправиться на поиски Грааля Незнакомка» за круглым столом восседают король Артур, Ланселот и семь других рыцарей; пустое кресло украшено драпировкой с предзнаменованием, что оно будет занято достойным рыцарем (Галахадом). Священный характер будущего поиска подчёркивается присутствием на картине двух пар голубей, символов Святого Духа, которые сидят на крыше в определённых местах (над головой таинственной дамы и над пустующим креслом сэра Галахада). На миниатюрах Венеры, которые завершали «Книгу стихов» Морриса и являлись финальными аккордами его последней поэмы «Восхваление Венеры», можно видеть, как из морских глубин вслед за Венерой появляются белые голуби – символы любви, чистоты и надежды, вестники Святого Духа. Голуби-хранители сопровождают Венеру, когда она покидает морской берег, устремляясь в лес познания, и когда отдыхает у ручья на лоне цветущего и плодоносящего сада райских наслаждений.

Ещё одной птицей, к символической которой часто обращался Моррис, был чёрный дрозд. Из-за своего сладкого пения и тёмного оперения он приобрёл репутацию греховности, прожорливости, соблазна плоти.

В мифологии валлийских кельтов дрозд обладал мудростью и всеведением. Моррис же увидел в этой птице иные качества: трудолюбие, неиссякаемый задор, активность. В его поэмах и romances дрозды неустанно предаются пению («Гром в саду», «Вести Ниоткуда») или «трудятся» в садах. В одном из своих писем Моррис писал, что августовский сад в его Кельмскотт Мэнор полон основных «фруктов» – дроздов. Его дизайн для ткани «Похититель клубники» основан на впечатлениях от наблюдений за дроздами, «собиравшими» ягоды в его саду. Моррису настолько нравился этот процесс, что он запретил садовнику беспокоить этих «тружеников» садовых полей.

Морриса как творца Красоты не могла не привлечь такая удивительная птица, как дятел, которая, согласно сложившимся канонам, имплицитно дьявола, является предвестником войн и других несчастий. Когда Моррис увлёкся римской мифологией, он особо выделил образы Помоны и Пикуса («Дятла»), которым были посвящены его гобелены. Образ Помоны, богини фруктовых и ореховых деревьев, был непосредственным образом связан с символикой гобелена «Дятел»: она была супругой обращённого в дятла короля, бога полей и лесов, умевшего предсказывать будущее.

Согласно «Метаморфозам» Овидия, король Пикус взял в жёны нимфу, обладавшую способностью заволаживать своим сладким голосом деревья и горы. Пикус стал ей преданным мужем и верным другом, но однажды на охоте он встретил волшебницу Кирку, предложившую ему свою любовь. Когда он отказался принять её ухаживания, она превратила его в птицу. Король-птица улетел в лесную чащу и стал набрасываться на деревья, стуча по ним клювом, повествуя о жестокой судьбе. Так король превратился в дятла, которого и поместил Моррис на свой гобелен. На двух горизонтальных бордюрах вышито стихотворение Морриса, поясняющее метафорический смысл полотна:

*«Когда-то был я важным королём,
Теперь долблю кору я клювом длинным,
И вечно меж листвою и стволом
Добычи жду я, будучи безвинным»*

[Morris, 2005, p. 192].

Гобелен «Дятел» основан на синтезе природы и мифологии. Природа представлена изображением в центре картины апельсинового дере-

ва, ствол которого обвивает акант, возносящий вверх цветы. На ветвях дерева устроились птицы, одна из которых, дятел, одновременно является созданием природы и мифологическим существом – воплощением целостности мира.

Список литературы

Eshleman L. A Victorian Rebel. The Life of W. Morris. New-York: Scribners, 1940.

Morris W. A Dream of John Ball. New-York: Oriole Chapbooks, 1965.

Morris W. Love is Enough. Poems by the Way // The Collected Works of William Morris. Vol. IX. New York: Elibron Classics, 2005.

Morris W. News from Nowhere. London: Routledge & Kegan Paul, 1984.

Morris W. The Water of the Wondrous Isles. Bristol: Thoemmes Press, 1994.

Elina Vladimirovna Sedykh (Saint Petersburg, Russia)

THE IMAGE OF BIRDS IN W. MORRIS'S WORKS

The paper deals with the research of the development of the image of birds in mythopoetics of William Morris, a Victorian poet-artist, an ancestor of art Nouveau, one of the founders of the Aesthetic movement. Special attention is given to the consideration of such images as raven, peacock, falcon, pigeon, swan, eagle, thrush and woodpecker. The given images are interpreted from the point of view of their comparison with the standard ones from world mythologies and are analyzed in the context of various discourses (poetic, prosaic, pictorial-decorative).

Keywords: *English literature, William Morris, mythopoetics, the image in the arts, aesthetics of art Nouveau*

С.С. Силецкая (Санкт-Петербург, Россия)

КАТЕГОРИЯ АДРЕСОВАННОСТИ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ЭССЕ Т.С. ЭЛИОТА

В статье рассматриваются особенности реализации категории адресованности в литературно-критических эссе выдающегося поэта, философа и литературного критика Томаса Стерна Элиота. В работе анализируется текст программного эссе Т.С. Элиота “Tradition and individual talent”, содержащего основные тезисы концепции внеперсональной поэзии, выделяются маркеры адресованности, которые указывают читателям на ключевые положения авторской концепции и способствуют обоснованию их правомерности.

***Ключевые слова:** категория адресованности, литературно-критическое эссе, концепция внеперсональной поэзии, авторская интенция, теория аргументации*

Категория адресованности в широком смысле понимается как направленность на адресата и, согласно Михаилу Михайловичу Бахтину «является неотъемлемой предпосылкой коммуникации вообще» [Воробьева, 1993]. В более узком понимании категория адресованности трактуется как «включенная в текст программа его интерпретации предполагаемым читателем» [Лотман, 1970]; «взаимодействие неопределенности и заданности текста» [Воробьева, 1993]. Сигналом адресованности служит практически любой компонент текста, который привлекает, «деавтоматизирует» внимание читателя, способствует пониманию авторского замысла.

«Под адресованностью понимается свойство текста как вербального объекта, посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате текста и особенностях его интерпретативной деятельности. Адресованность реализуется через содержащуюся в тексте программу его интерпретации, которая выражена с помощью совокупности лингвистических способов и средств и может отличаться определенной спецификой в текстах разных типов» [Воробьева, 1993, с. 3]. В настоящей статье рассматривается реализация категории адресованности в текстотипе эссе.

Эссе как тип текста относится к публицистическому стилю. Публицистический стиль берет свое начало в античности (примерами могут

служить речи Лисия, Демосфена, Сократа, Цицерона), восходит к риторическим руководствам Аристотеля и Платона, к библейским проповедям и притчам, древним морально-этическим руководствам, летописям, политически- правовым и административно-деловым документам, переписке, и мемуарам. Главными функциями публицистического стиля считаются информативная функция и функция воздействия: эссеист не только передает сведения о чем-либо, но также убеждает читателей в правомерности своей точки зрения, излагаемых идей и фактов.

Эссе (от фр. *Essai* – попытка, опыт, проба, очерк) – «прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета» [ЛЭТП, 2001]. Эссе может иметь философский, историко-биографический, публицистический, литературно-критический, научно-популярный или чисто беллетристический характер [ЛЭТП, 2001].

Как самостоятельный жанр эссе укоренилось в литературе после книги М. Монтеня «Опыты». М.Н. Эпштейн утверждает: «В том, что у эссе оказался индивидуальный творец, Монтень, выразилось существенное свойство данного жанра, направленного на самораскрытие и самоопределение индивидуальности» [Эпштейн, 1988, с. 335].

Данная мысль подтверждается цитатой из книги М. Монтеня «Опыты» (“*Les essais*”): «И так как у меня не было никакой другой темы, я обратился к себе и избрал предметом своих описаний самого себя. Это, вероятно, единственная в своем роде книга с таким странным и несуразным замыслом» [Монтень, 1991, с.82]. В настоящее время темой для эссе может послужить любое событие действительности, «пропущенное через авторское сознание и определяемое авторским отношением» [ЛЭТП, 2001, с. 1490].

Как уже отмечалось, сигналом адресованности может стать практически любой компонент текста на разных уровнях: лексическом, синтаксическом. Так как в эссе цель автора – выразить, обосновать свое мнение и убедить читателя в приемлемости этого мнения, в тексте эссе присутствуют маркеры адресованности, «опираясь на которые, как на «следы авторской интенции» и «лингвистические ключи» читатель, интерпретатор, реконструирует смысл, рассчитанный на воображаемого читателя» [Щирова, 2006, с. 51], выделяет в тексте главную мысль (мнение), которую стремится доказать автор и средства ее обоснования.

Субъективность эссе, его направленность на убеждение и доказательство, определяет его лингвистические особенности: краткость высказывания, частотное употребление личного местоимения первого лица, что подчеркивает личностный подход к проблеме, использование соединительных слов, а также разнообразных стилистических приемов [Galperin, 1981, p.294].

Формулируя высказывания, подлежащие обоснованию, т.е. тезисы, автор нередко использует словосочетания “I think”, “I believe”, “In my opinion”. Использование местоимений первого лица в сочетании с глаголами ментальной деятельности являются маркерами адресованности, ориентируясь на которые, читатель выделяет в тексте эссе главную мысль, идею, правомерность которой автор стремится обосновать.

Рассмотрим реализацию категории адресованности в знаменитом литературно-критическом эссе Томаса Элиота “Tradition and individual talent”. В этом эссе автор обосновывает одну из важнейших концепций, составляющих его собственную литературно-критическую теорию – концепцию внеперсональной поэзии. Согласно этой концепции, поэт не должен выражать личные эмоции в своих произведениях. Истинный художник слова должен преобразовывать свои переживания, также как эмоции и жизненный опыт других людей в строительный материал для создания произведений. Концепция внеперсональной поэзии раскрывается в двух основных тезисах:

(1) «Чем совершеннее художник, тем строже разделены в нем человек живущий и страдающий, подобно остальным, и сознание, которое творит» [Элиот, 1997, с.165]; (“The more perfect the artist, the more completely separate in him will be the man who suffers and the mind which creates” [Eliot, 1975, p. 41]);

(2) «Эмоции, выраженные искусством безличны» [Элиот, 1997, с.166] (“The emotion of art is impersonal” [Eliot, 1975, p.44]). Истинность данных тезисов обосновывается в эссе.

Для убеждения читателей в приемлемости своих мнений, автор использует стилистические приемы, например, метафору, различные виды повторов, параллелизм. Интерпретируя стилистические приемы, как сигналы адресованности, читатели делают вывод об авторской позиции, которая ярко проявляется в тексте эссе, соглашаются или не соглашаются с ней.

Примером метафоры служит высказывание “The mind of the poet is the shred of platinum”. Т.С. Элиот уподобляет творческий процесс

химической реакции, а роль поэта в нем – катализатору. Так, при смешивании двух газов в присутствии платины, которая является катализатором, получается серная кислота. При этом химическое состояние платины не изменяется. Этот факт используется автором для обоснования концепции внеперсональной поэзии. Эмоциональное состояние поэта как состояние платины должно оставаться нейтральным. Метафора служит для убеждения читателей в истинности первого тезиса данной концепции, для создания образа, который способствует толкованию и пояснению авторской идеи, привлекает внимание к высказыванию и, таким образом является маркером адресованности.

Для обоснования второго тезиса концепции внеперсональной поэзии Томас Элиот формулирует следующее высказывание: “Poetry is not a turning loose of emotion, but an escape from emotion; it is not the expression of personality, but an escape from personality” [Eliot, 1975, p. 43]. Убеждающую силу процитированного высказывания как аргумента обеспечивает сочетание параллельных конструкций, анафорического лексического повтора и метафорического употребления глагола *escape*. Метафора *escape* передает идею интенциональности, так как побег – действие целенаправленное, спланированное. Проецируя абстрактное понятие творческого процесса на конкретное действие побега, автор подчеркивает, что поэт должен подходить к созданию поэзии осознанно, целенаправленно, не позволяя личным переживаниям оказывать влияние на творчество. Взаимодействуя, эти стилистические приемы «оттеняют, высвечивают друг друга», и передаваемый ими сигнал не может пройти незамеченным [Арнольд, 2002, с.100]. Сочетание данных приемов привлекает внимание читателя-интерпретатора к ключевым авторским идеям, способствует их разъяснению и толкованию, помогает автору реализовать свою интенцию – убедить читателей в правомерности излагаемых идей. Таким образом, перечисленные стилистические приемы являются сигналами адресованности.

Помимо стилистических приемов сигналами адресованности в данном эссе служат местоимения 1 лица: “The point of view which **I** am struggling to attack; ... and **I** hinted by analogy, that the mind of the mature poet differs from that of the immature one” [Eliot, 1975, p. 40].

Также о реализации категории адресованности в эссе свидетельствует наличие эмоционально нагруженной лексики, которая позволяет читателю понять авторское отношение к излагаемым идеям: “If we attend to the **confused cries** of the newspaper critics and the susurrus of popular

repetition that follows, we shall see the names of poets in great numbers...” [Eliot, 1975, p. 40]. Прилагательное “confused” имеет значение “bewildered; mixed up; not clear” [OALD, 1999, p. 242]. В данном микроконтексте оно подчеркивает неспособность газетных критиков к логичному изложению собственных мыслей, а в сочетании с существительным “cries” (“a loud call or shout, expressing grief, pain, joy or fear” [OALD, 1999, p. 283]) еще и чрезмерную эмоциональность, что, как известно из основных тезисов концепции «внеперсональной поэзии», изложенных выше, негативно оценивается Т.С. Элиотом.

Таким образом, маркерами адресованности в тексте литературно-критического эссе, цель которого – выражение и обоснование мнения, убеждение в нем читателей, являются личные местоимения первого лица, эмоционально нагруженной лексики, разнообразных стилистических приемов.

Список литературы

Воробьева О.А. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): Дисс. ... д-ра. филол. наук. М., 1993. 382 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва, 1970.

Литературная энциклопедия терминов и понятий (ЛЭТП) / под ред. Николюкина А.Н. М., 2001.

Монтень М. Опыты. В 3-х книгах. М., 1991.

Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания: Монография. СПб., 2006.

Элиот Т. Назначение поэзии. Киев, 1997.

Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988.

Galperin I.R. Stylistics. Moscow, 1981.

Eliot T.S. Selected prose of T.S. Eliot. New York, London, 1975.

Oxford Advanced Learner’s Dictionary (OALD), Oxford, 1999.

Svetlana Sergeevna Siletskaya (Saint Petersburg, Russia)

THE ADDRESS CATEGORY IN THE CRITICAL ESSAYS OF T.S. ELIOT

The paper deals with the realization of address category in critical essays of T.S. Eliot, a remarkable poet, philosopher and literary critic. The famous essay “Tradition and individual talent”, which contains the main proposition of the theory of Impersonal poetry, is analyzed in the paper. The analysis reveals the markers of address category, which help the readers in interpreting the author’s ideas and agree or disagree with author’s argumentation.

Keywords: *address category, critical essay, the theory of impersonal poetry, the author’s intention, argumentation theory*

УДК 81.133.1'01

М.В. Соловьева (Санкт-Петербург, Россия)

**К ПРОБЛЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПАРОДИИ:
ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ
ПАРОДИЙНОГО ДВОЙНИЧЕСТВА В ПОЭМЕ XIII ВЕКА
«АЛИСКАНС»**

Статья посвящена проблемам средневековой пародии, в частности, рассмотрению лексико-стилистических средств создания пародийного двойничества на примере нескольких эпических мотивов.

Ключевые слова: *средневековая пародия, двойничество, историческая стилистика, эпическая поэма, мотив, формула*

Существует большое количество определений пародии. В зависимости от предмета изучения внимание исследователей акцентируется на том или ином аспекте пародийного текста. Вслед за К. Лаше, под пародией мы понимаем игровую трансформацию, посредством которой писатель переносит сюжеты, темы, идеи, персонажей, значение и эстетические характеристики одного текста или группы текстов в иной текст или группу текстов с целью вызвать смех или улыбку аудитории, к соучастию которой он стремится [Lachet, 2001, с.128].

Средневековая пародия обладает набором специфических черт, отличающих ее от современной. А. Д. Михайлов так описывает специфику средневековой пародии. 1) Средневековая пародия направлена не на определенное произведение, а на «пронизывающее всю средневековую литературу понятие этикетности» [Михайлов, 1986, с. 288], которая определяет нормы поведения героев разных литературных жанров. 2) Средневековая пародия не создает нового «жанра», так как пользуется теми же средствами, что и оригинал, но переводит героев исходного текста в иной план [там же, с. 288 и далее]. Герои попадают в не характерные для них ситуации, откуда проистекают различные смешные казусы. Именно на этом строится пародийный эффект [там же, с. 309]. 3) Средневековая литература канонична, то есть предполагает взаимозависимость персонажей, ситуаций, мотивов, тем и стилистических особенностей, составляющих «топос». Суть средневековой пародии заключается в намеренном перемещении одного или несколь-

ких вышеперечисленных системных элементов из одного топоса в другой. [Соловьева, 2008, с. 23–27]. К этим перемещениям следует отнести использование эпической формулы с характерным лексическим наполнением для описания персонажа, не соответствующего эпическим канонам.

Один из приемов средневековой пародии – создание комического двойничества, согласно концепции карнавальной культуры М.М. Бахтина [Бахтин, 1990]. Пародийное двойничество в поэме XIII века «Алисканс» реализуется посредством сопоставления традиционного персонажа (рыцаря Гильома Оранжского) с персонажем, нарушающим каноны эпического жанра (поваренком – воином Ренуаром). В языковом плане пародийное двойничество создается посредством использования эпической формулы с характерным лексическим наполнением для описания как традиционного персонажа (Гильома Оранжского), так и нетрадиционного персонажа, нарушающего каноны жанра (Ренуара).

Поэма «Алисканс» состоит из двух частей. В первой части, соответствующей закономерностям эпического жанра, описывается разгром французских войск под Алискансом, гибель племянника Гильома – Вивьена и позорное бегство Гильома с поля боя. Во второй части на первый план выходит поваренок Ренуар, прозванный Ренуаром-с-Дубинкой, поскольку именно это оружие становится бессменным спутником отважного поваренка. Живущий на королевской кухне и состоящий на унижительной службе на протяжении семи лет, Ренуар отличается безмерной силой, огромным ростом и чрезмерным аппетитом. В поэме описывается, как Ренуар выполняет свое предназначение: вершит правосудие, мстит за гибель Вивьена, освобождает Алисканс от варваров.

Ренуар постоянно сопоставляется с лучшим рыцарем Франции – Гильомом и противопоставляется ему. Этот поваренок-великан одновременно принадлежит двум культурам – эпической, с присущими ей подвигами и свершениями, и «шутовской», окрашенной в яркие краски карнавала. Если Гильом совершает свои подвиги в наполненном трагизма мире, то деяния Ренуара, начало которым положено на королевской кухне, сопровождаются весельем и скоморошеством даже на поле брани. На примере нескольких мотивов рассматривается, при помощи каких лексико-стилистических средств создается образ пародийного двойника традиционного эпического персонажа. Наиболее ярко двой-

ничество проявляется в следующих мотивах: в мотиве созыва войска, в мотиве описания ран, в мотиве клятвы, в мотиве насмешки, служащей вызовом на бой, и в мотиве сражения.

Мотив созыва войска

На протяжении ста стихов (4316-4416) поэмы описывается сбор войск под руководством братьев и отца Гильома. Эти войска характеризуются следующими эпитетами: “de pris” – «имеющий хорошую репутацию» (ст. 4319), “hardis” – «смелый» (ст. 4320), “vaillant” – «отважный» (ст. 4345 а), “qui mout font a loer” – «которые достойны большой похвалы» (ст. 4396).

На протяжении почти 700 стихов дается описание другой армии, предводителем которой становится Ренуар. Перед сражением Гильом обращается с речью к своим воинам. Он предупреждает, что сеча будет кровавой, и предлагает тем, кто не уверен в своих силах, вернуться в Оранж. Более десяти тысяч решают воспользоваться его советом (ст. 5011–5013). Однако по пути домой они встречают Ренуара, который, принимая их за сарацин, атакует «вражеское» войско при помощи своей дубинки (ст. 5075–5076). Проученные таким образом дезертиры чудесным образом преображаются:

<i>Al 5091 Chascun fera hardi come sengler</i>	Каждого сделает отважным, по- добно кабану,
<i>Et sa proesce, ou voille ou non, mostrer.</i>	И заставит проявить свою отвагу, хочет он того, или нет.

Бывшие трусы получают эпитет “hardi” (отважный), которым характеризуются и рыцари Гильома. Использование этого эпитета по отношению к трусившим воителям проводит параллель между традиционным войском Гильома и шутовским войском Ренуара. Стих 5092 усиливает комическое звучание, т.к. трусы вынуждены проявить отвагу («proesce») помимо своей воли.

Мотив описания ран

Во время сражения воины часто получают ранения в результате удара мечом по шлему или по телу, закрытому кольчугой. Как правило, защитники Франции и христианства находятся под покровительством Бога и, даже если доспехи оказываются пробитыми, сами рыцари чудесным образом остаются целыми и невредимыми или же получают незначительные ранения. Конечно, за исключением того случая, когда

героям уготовано встретить славную смерть на поле брани, как, например, Вивьену или Роланду.

Ренуар также получает многочисленные ранения, которые, однако, отличаются от «традиционных» своим местоположением. В ходе битвы с Аграпаром Ренуар лишается своих волос (ст. 6272–6273). В средневековой картине мира лишиться волос означает быть одураченным, потерять разум. Связь образа Ренуара с карнавалом становится еще ощутимее, когда сарацин кусает поваренка за ягодицы («*nache*» – ст. 6291, 6296). Восклицание Ренуара «Дева Мария, как болит зад!» (ст. 6296 «*Sainte Marie, com or me cuist la nache !*») подчеркивает бурлескный характер сцены. Согласно М.М. Бахтину, для карнавальной культуры характерно ниспровержение канонов, замена верха низом (принцип Колеса Фортуны), в том числе, замена головы задом [Бахтин, 1990]. Если традиционно рыцари получают ранения в голову или в верхнюю часть туловища, то у Ренуара страдает нижняя часть тела.

Другая рана, также имеющая карнавальный характер, нанесена Ренуару его кузеном Бодюком. Сарацин завладевает обломком дубинки Ренуара и наносит им удар в нижнюю часть спины (копчик) поваренка (ст. 7173–7183). Обломок скользит ниже и обдирает кожу с пятки Ренуара. Рана нанесена оружием, не достойным рыцаря. Место нанесения раны – «человеческий низ», в терминах М.М. Бахтина. В результате удара Ренуар оказывается стоящим на четвереньках (ст. 7180). Все это свидетельствует о карнавальном характере сцены. Следует особо подчеркнуть традиционно-эпическое обрамление сцены: ст. 7173: «Он [Бодюк] бросается вперед, словно лев» (*Il saut avant a guise de lion*) и ст. 7183: «Трава повсюду залита кровью» (*L'erbe est sanglante entor et environ*). Соседство серьезно-трагических эпических формул, входящих в состав мотива описания битвы, с одной стороны, и карнавального характера ранения и позы поваренка, с другой, создают несомненный пародийный эффект, усиливая параллель: традиционный персонаж – пародийный двойник.

Мотив клятвы

Пародийным комизмом проникнуто не только поведение Ренуара, но и слова поваренка. Один из наиболее ярких примеров пародии – это данное Гибур обещание Ренуара защищать Гильома и сражаться против сарацин.

*Al 4698 « ...Puis ke tendrés a .II.
mains mon levier*

N'i a païen, tant se doie proïsier,

Se je l'ateig par mi l'elme vergier

C'a un sol cop nel face trebuchier.

Se je n'oci et lui et le destrier,

***Ja mar Guillelmes ne me dorra
a mangier. »***

*С того момента, как в моих руках
будет моя дубинка,*

*Ни один варвар, как бы он ни был
уверен в себе,*

*Если я ударю его по рифленому
шлему,*

*То он будет поражен первым же
ударом.*

*Если я не убью его и его боевого
коня,*

***То тогда напрасно Гильом будет
давать мне пищу.***

Речь Ренуара перекликается с клятвой Гильома, которую тот приносит своей супруге Гибур в момент отъезда ко двору Людовика. Гильом клянется не надевать чистого платья, не мыться, не пить вина, не есть ни белого хлеба, ни мяса, не спать на мягкой постели, пока не вернется во дворец к своей любимой супруге (ст. 2390–2406).

Ренуар гораздо сдержаннее в своих обещаниях: персонаж, жизнь которого проходит на королевской кухне, не может говорить также красиво, как высокородный рыцарь. Обе клятвы объединены темой пищи. Но если Гильом обещает лишить себя изысканных блюд и утонченных напитков, то Ренуар клянется своим пропитанием в целом. Великану, постоянно испытывающему чувство голода и ищущему, чем бы подкрепиться, произнести подобную клятву равноценно подвигу.

Мотив насмешки, служащей вызовом на бой

Мотив вызова на бой (*gab de défi*) характерен для эпического жанра. Ни один поединок не начинается без обмена противниками едкими насмешками. И в этом смысле поединки Ренуара – не исключение. Но насмешки в его адрес отличаются от традиционных, к которым относятся насмешки, адресованные Гильому. Как правило, сарацины начинают свою речь с того, что объявляют христианские догматы несостоятельными. Далее, призывают христианского рыцаря отречься от веры в Троицу, в Деву Марию, суля за это пощадить и одарить всяческими благами. Так, в стихах 1474–1482 сарацин Аарофль обращается к Гильому с призывом отказаться от веры в Иисуса Христа и в Его могущество, поскольку, по его мнению, христианство не стоит мусульманства. На что Гильом, разумеется, отвечает отказом и начинает бой.

Реже встречаются более индивидуализированные примеры мотива вызова на бой. Например, в «Короновании Людовика» сарацин Корсолт насмехается над укороченным в результате ранения носом Гильома, указывая на то, что позор от этого увечья ложится на весь род отважного рыцаря (ст. 1101–1108). В отличие от предыдущей реализации мотива здесь насмешка высказана уже в ходе сражения и предваряет переломный момент боя. Действия Гильома приобретают характер отмщения за оскорбление, нанесенное всему роду Эймери, к которому относится и сам Гильом.

Итак, традиционная насмешка, служащая вызовом на бой, направлена либо против основ христианской религии (мусульманства или язычества в случае, когда насмешки адресованы сарацинам), либо против личности противника, но не как отдельно взятого индивидуума, а как представителя всего рода, что дает право объекту насмешки мстить обидчику за нанесенное оскорбление. Иными словами, для того, чтобы начать бой, противникам нужен достойный повод, поскольку в христианскую мораль плохо вписывается концепция массового истребления, коим, по своей сути, являются военные действия. В соответствии со средневековой традицией, восходящей к учению Августина Блаженного, единственный приемлемый вид войны – это священная война, цель которой не в наживе, а, например, в освобождении святыни. Именно поэтому насмешка перед боем должна соотноситься с морально-этическими нормами.

Что же касается насмешек, адресованных Ренуару, они, как правило, относятся ко второму типу, т. е. имеют личный характер. Например, сарацин Крюкадос называет поваренка «босяком» (*Ribaut* – ст. 6334) и «слугой, спящим около печки» (*Garçon me sembles qui en fours va jésant.* – ст. 6335). Другой сарацин – Вальграп – называет Ренуара «завистливым дураком» («*fox envïeus*» – ст. 6419 и ст. 6422), «жалким, несчастным и досаждающим поваренком» («*povres et chaitis ennuïeus*» – ст. 6420). Сарацины оскорбляют Ренуара, называя его поваренком и намекая на то, что он несведущ в военном деле. Важно, что Вальграп, характеризуя Ренуара при помощи прилагательного «*envïeus*» (завистливый), тем самым подчеркивает, что Ренуар – это всего лишь ничтожный поваренок, завидующий воинской славе рыцарей и стремящийся перейти из низшего социального слоя в высший, нарушая все правила иерархии средневекового общества. Точно также относится к Ренуару сарацинская колдунья Флоар, называющая Ренуара «дующим

на поджаренный хлеб» – «Ribaut, souffle tostee» (ст. 6743) и считающая его способным лишь чистить сковороды и горшки и снимать пенку с приготовляемой пищи (ст. 6746–6747).

Следует подчеркнуть, что все насмешки, использующиеся для вызова на бой Ренуара, так или иначе, соотносятся с топосом кухни, который, согласно концепции М.М. Бахтина, может быть отнесен к карнавальной культуре [Бахтин, 1990].

Мотив сражения

Нет ничего более характерного для эпического жанра, чем описание сражения. В поэме Ренуар без усталости вступает в сражения, которые можно распределить по трем категориям: сражения против прислуги и монахов, сражения против трусов и сражения против сарацин. Все три типа сражений в той или иной степени соотносятся с карнавальной культурой.

Великан Ренуар терпит бесконечные насмешки и издевательства со стороны поварят и конюхов сначала в Лане, а затем в Оранже. Ссоры развиваются всегда по одному и тому же сценарию: прислуга крадет дубинку Ренуара и прячет ее, или же главный повар сбивает Ренуару все волосы и углем пачкает лицо поваренка, пока тот спит (ст. 3550–3559, манускрипт D ст. 60–85). В великом гневе будущий рыцарь расправляется со своими обидчиками. Реакция Ренуара на насмешки развивается согласно канонам карнавальной культуры, в которой отводится важное место пощечинам, дракам, потасовкам, пинкам и т.д. Характерно то, что для описания боев, ведущихся Ренуаром, используется та же лексика, что и для описания традиционных боев, например, глаголы «chaploier» (рубить, сечь) и «ferir» (бить, наносить удары). Используется также традиционная эпическая формула «Grans cos se donent» (обмениваются сильными ударами), которая, однако, получает шутовское завершение: манускрипт D ст. 62 «et des poinz et des piés» (кулаками и ногами), манускрипт D ст. 79 «et es chiés et es vis» (по голове и по лицу). Подобная техника нанесения ударов использовалась вилланами. Эти «потешные» сражения служат противовесом традиционным боям, которые ведут французские рыцари против сарацин.

Избиение трусов и предателей Ренуаром – еще одно пародийное воплощение «традиционного боя». Ренуар наталкивается на трусливых воинов, отпущенных Гильомом по домам (ст. 5069–5076). Сначала он наносит удары по их головам, после первого же погибают пятеро трусов, от второго – еще шестеро. Около пятидесяти струсивших воителей

находят свою смерть от руки Ренуара. «Проученные» таким образом воины образуют войско Ренуара.

В поэме «Алисканс» персонаж Ренуара противоречит канонам традиционной рыцарской культуры, воплощенной в образе одного из лучших рыцарей Франции – Гильоме Оранжском. Ренуар вводится в повествование во второй части поэмы и постепенно вытесняет Гильома на второй план. Трагическое наполнение первой части произведения, подвергшейся несомненному влиянию «Песни о Роланде», неожиданно перерождается в пародию, воплощенную в образе поваренка – рыцаря Ренуара. Ренуар становится пародийным двойником Гильома.

Особенно отчетливо двойничество персонажей проявляется в таких мотивах, как мотив созыва войска, мотив описания ран, мотив клятвы, мотив насмешки, служащей вызовом на бой, мотив сражения. Эпические клише, составляющие вышеперечисленные мотивы, или идентичны, или очень близки по своему лексическому наполнению. Использование схожих формул для описания Гильома и Ренуара, а также их поступков и речей, доказывает пародийное намерение трувера, сопоставляющего и противопоставляющего народную карнавальную культуру, воплощенную в образе Ренуара, и традиционную рыцарско-эпическую культуру, плоть от плоти которой – Гильом Оранжский.

Однако подобное пародийное противопоставление не ведет ни к снижению образа одного из лучших рыцарей Франции, ни к ниспровержению идеалов традиционной рыцарской культуры. Средневековая пародия лишена критического осмысления пародируемого оригинала. Пародийный двойник оттеняет серьезность оригинала, подчеркивает «правомерность» его существования. Средневековая пародия – это своего рода веселая игра, цель которой – утвердить равновесие между серьезным и комическим, возвышенным и низменным, добром и злом.

Список литературы

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-ое изд. М., 1990.

Михайлов А.Д. Старофранцузская городская повесть «фаблио» и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. М., 1986.

Соловьева М.В. Элементы комического во французском эпосе и проблема жанровых транспозиций (на материале цикла Гильома Оранжского). СПб., 2008.

«Aliscans», publié par Cl. Régner, t. 1–2, Paris: Honoré Champion, 1990.

Lachet C. La parodie dans Aucassin et Nicolette // Aucassin et Nicolette, l'Ecole des Lettres, № spécial, janvier 2001. P. 125-139.

Maria Vladimirovna Solovieva (Saint Petersburg, Russia)

**ON THE MEDIEVAL PARODY: STLYSTIC TECHNIQUES
FOR CREATION OF A PARODIC DOUBLE
IN *ALISCANS* – THE 13TH CENTURY POEM**

The paper deals with some aspects of medieval parody, specifically, the means which help to create a parodic double. Examples of some epic motifs are considered.

Keywords: *medieval parody, parodic double, historical stylistics, epic poem, motif, formula*

УДК 802.0-73

А.О. Тананыхина (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СКАЗОЧНО-ФАНТАЗИЙНОГО ДЕТЕКТИВА

Статья посвящена изучению композиционной структуры сказочно-фантазийного детектива. В качестве метода исследования используется сопоставительный метод: проводится аналогия композиции сказочно-фантазийного детектива со структурой фольклорной волшебной сказки. Элементы-разряды волшебной сказки, описанные В.Я. Проппом, присутствуют в сказочно-фантазийном детективе. Преемственность фольклорного наследия наблюдается в детективных произведениях с элементами сказочно-фантазийной картины мира.

Ключевые слова: *детектив, сказочно-фантазийный детектив, фольклорная волшебная сказка, функции действующих лиц*

Исследование волшебных сказок занимает особое место в лингвистике. Владимир Яковлевич Пропп доказал, что развертывание сюжета всех без исключения фольклорных волшебных сказок может быть выражено единой, общей нарративной схемой [Пропп, 2003, с. 26–61]. По мнению В.Я. Проппа, именно функции действующих лиц представляют основные части фольклорной волшебной сказки [там же, с. 21]. Пропп приходит к важным выводам, касающимся всех без исключения волшебных фольклорных сказок, созданных человечеством:

1) постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки;

2) число функций, известных волшебной сказке, – ограничено. Всего насчитывается 31 функция;

3) последовательность функций всегда одинакова;

4) все волшебные сказки однотипны по своему строению [там же, с. 22–25].

На смену фольклорной сказке пришла литературная сказка, в первую очередь, волшебная литературная сказка, предшественницей которой и является фольклорная волшебная сказка. В дальнейшем, волшебная литературная сказка получает развитие, и в настоящее время существуют не только современные волшебные литературные сказки,

но и любовные романы, детективы, триллеры, политически корректные сказки, репрезентирующие сказочно-фантазийную картину мира. Предположим, что все волшебные сказочно-фантазийные тексты, выросшие из фольклорных волшебных сказок, также имеют единую структуру. Разумеется, сюжеты сказочно-фантазийных текстов разных жанров не могут быть сведены в одну повествовательную схему, однако, в сказочно-фантазийных текстах существует обязательная преемственность фольклорного наследия. О преемственности фольклорного наследия говорит и М.Н. Липовецкий, утверждая, что семантическое “ядро”, “память жанра”, “типологическое родство” присутствует в литературной сказке. Ученый разъясняет, что существует некий теоретический инвариант сказочного жанра, общий строй жанровой традиции народной волшебной сказки” [Липовецкий, 1992, с. 9].

Изучение композиционной структуры детектива занимало умы многих исследователей произведений детективного жанра. Исследовательница жанра детектива, Я.К. Маркулан, совершенно справедливо обращает внимание на то, что по силе воздействия и восприятия сказка и детектив очень сходны, они не только производят похожую работу, но и совершают ее во многом одинаковыми средствами [Маркулан, 1975, с. 44].

В жанре детектива, равно как и в жанре волшебной сказки, сложилась определенная схема построения сюжета. В самом начале совершается преступление: появляется либо первая жертва, либо происходит нечто, композиционно заменяющее это событие. Функции жертвы может выполнять исчезновение кого-то, пропажа чего-то важного и ценного и т.д. То есть, также как и фольклорная волшебная сказка, детектив начинается с некой исходной ситуации. По определению В.Я. Проппа, хотя эта ситуация в сказке и не является функцией, она все же представляет собою важный морфологический элемент. Вслед за начальной ситуацией следуют функции. Все функции укладываются в один последовательный рассказ [Пропп, 2003, с. 26]. В жанре детектива из исходной ситуации, по словам Я.К. Маркулан, эпицентра будущих событий, расходятся три луча-вопроса: кто? как? почему? Эти вопросы и формируют композицию [там же, с. 25]. Необходимо согласиться с известным английским исследователем детективов Р.О. Фриманом в том, что структура любого детектива состоит из четырех композиционных этапов: 1) проблема, связанная с преступлением; 2) расследование преступления; 3) нахождение виновного в преступлении (то есть ответ

на вопрос – кто? – А.Т.); 4) доказательства совершения преступления (то есть ответы на вопросы – как? и – почему? – А.Т.) [Freeman, 1924]. В известных произведениях жанра детектива роль человека, ведущего расследование, выполняет Великий Детектив (Great Detective – термин введен американским искусствоведом, критиком и писателем Виллардом Хантингтоном Райтом в XIX веке – А.Т.). Отметим, что в фольклорных волшебных сказках В.Я. Пропп выделял соответствующую функцию – Искатель соглашается или решается на противодействие (функция X). Этот момент характерен только для тех сказок, где герой является искателем [Пропп, 2003, с. 38]. Именно эта функция является основной частью композиционной структуры детектива. Исходя из этого, можно высказать предположение, что жанр детектива мог явиться продолжением или развитием фольклорной волшебной сказки. Возможно, не является случайным и появление в жанре детектива сказочно-фантазийных произведений.

Одними из первых произведений, построенных по законам детективного жанра и включающих элементы сказочно-фантазийной картины мира, явились работы Рэндала Гаррета. Наиболее интересной для анализа является серия книг о Лорде Дарси. Предметом изучения в настоящем исследовании явилась первая книга из этой серии, “The Eyes Have It”. По примеру В.Я. Проппа, рассмотрим функции действующих лиц, то есть основные части сказочно-фантазийного детектива.

1. Исходная ситуация. Убит граф д’Эвро (Count D’Evreux), его тело в спальне замка д’Эвро рано утром находит личный секретарь сэр Пьер Морле (sir Pierre Morlaix) [Garrett, 1964, p. 2].

2. Искатель соглашается или решается на противодействие (функция X) [Пропп, 2003, с. 38]. Именно эта функция является основной функцией в детективе, и в исследуемом сказочно-фантазийном детективе эту роль выполняет Лорд Дарси, главный уголовный следователь (Lord Darcy, Chief Criminal Investigator). В детективе у главного героя, Великого Детектива, часто оказываются помощники, они есть и у Лорда Дарси, это доктор Пейтли (Dr. Pateley, Physician) и волшебник Шон О’Лохлейн (Master Sean O Lochlainn, Sorcerer) [Garrett, 1964, p. 9].

3. В распоряжение героя попадает волшебное средство (функция XIV) [Пропп, 2003, с. 42]. Эта функция характерна для любого сказочно-фантазийного детектива. В изучаемом произведении в распоряжении помощника Лорда Дарси, волшебника Шона О’Лохлейна, имеется много волшебных средств, которые помогают Великому Детективу расследо-

вать преступление – это и волшебный порошок для определения объектов, находившихся когда-либо в контакте, и волшебные заклинания, используемые помощником-волшебником [Garrett, 1964, p. 18–19].

4. Герою предлагается трудная задача (функция XXV) [Пропп, 2003, с. 56]. Эта функция присутствует в любом произведении детективного жанра. В данном случае Лорду Дарси предстоит очень трудная задача – узнать, кто убил графа, так как очень у многих был мотив совершения этого преступления. Подозреваемых много, среди них шотландский Лэйрд Дункан (Laird Duncan), незаконно прибегающий к силам черной магии, супруга Лэйрда, являвшаяся любовницей убитого, сестра графа, миледи Алиса, графиня д'Эвро (My Lady Alice, Countess D'Evreux) и множество других людей, которым убитый граф, будучи безнравственным человеком, причинил много зла [Garrett, 1964, p. 27–31].

5. Задача решается (функция XXVI) [Пропп, 2003, с. 57]. Не вызывает никакого сомнения, что и эта функция присутствует в любом детективе. С помощью магии Великому Детективу – Лорду Дарси удастся увидеть последнее, что видел убитый граф в момент смерти и найти человека, убившего графа [Garrett, 1964, p. 31–34].

6. Враг наказывается (функция XXX) [Пропп, 2003, с. 59]. Эта функция также является обязательной для детектива. В исследуемом произведении происходит некоторая трансформация этой функции: Великий Детектив решает, что настоящим преступником был убитый граф, а человек, убивший его, только защищался. Поэтому Лорд Дарси старается уберечь миледи Алису, так как настоящий преступник уже наказан [Garrett, 1964, p. 35–36].

Таким образом, в сказочно-фантазийном детективе, как и в любом произведении детективного жанра, содержащем элементы сказочно-фантазийной картины мира, присутствуют шесть обязательных структурных элементов: исходная ситуация и пять обязательных функций действующих лиц.

Исследуя композиционную структуру фольклорной волшебной сказки, В.Я. Пропп отмечает, что наряду с функциями, образующими основные элементы сказки, в ней имеются другие составные части, а именно пять элементов-разрядов [Пропп, 2003, с. 88]. Права Я.К. Маркулан, отмечающая совпадение названных Проппом пяти элементов-разрядов в сказке и в детективе [Маркулан, 1975, с. 44–45].

Рассмотрим указанные В.Я. Проппом элементы-разряды сказочно-фантазийного детектива:

1. Функции действующих лиц [Пропп, 2003, с. 26–61]. Как уже отмечалось, в сказочно-фантазийном детективе непременно присутствуют шесть обязательных элементов – исходная ситуация и пять функций (см. выше). Причем в сказочно-фантазийном детективе эти функции определены очень четко, это предначертано самим жанром детектива.

2. Вспомогательные элементы для связи функций между собой. В волшебной фольклорной сказке это *осведомления* [там же, с. 65], в сказочно-фантазийном детективе это *ситуации*, возникающие в ходе развития сюжета, которые, в свою очередь, порождают новые *ситуации*.

3. Мотивировки, то есть причины и цели персонажей, вызывающие те или иные поступки [там же, с. 69]. Как и в волшебной сказке, мотивировки придают сказочно-фантазийному детективу совершенно особую, яркую окраску, но в сказочном детективе они представляют собой даже более четкий и определенный элемент, чем в волшебной сказке.

4. Способы включения в ход действия новых лиц [там же, с. 77]. Если в сказке каждая категория персонажей имеет свою форму появления, то в сказочно-фантазийном детективе эту роль выполняет необычность, своеобразие, эксцентричность появления Великого Детектива и других персонажей.

5. Атрибуты действующих лиц [там же, с. 80]. Атрибуты придают волшебной сказке ее яркость и красоту. По аналогии с волшебной сказкой, роль атрибутов сказочно-фантазийного детектива чрезвычайно важна. Как и в волшебной сказке, это необычный внешний облик, сказочные особенности этого облика. Кроме этого, в сказочно-фантазийном детективе это и необыкновенные аксессуары действующих лиц, например, жезл из каортаинового дерева (*caorthainn-wood staff*) и сак-вояж (*big carpet bag*) с магическими инструментами волшебника Шона О'Лохлейна из серии книг о Лорде Дарси.

Таким образом, **структурная схема волшебной сказки с точностью накладывается на структурную схему сказочно-фантазийного детектива.**

Кроме этого, в детективе широко используется таинственность и загадочность. В волшебной сказке также широко используется и таинственность и загадочность, правда в сказке прибегают к волшебству и чуду, в то время как в детективах работает другая система. Я.К. Маркулан справедливо отмечает, что таинственность и загадочность, характерные для детективов, складываются не только из трех лучей-вопросов, но и из специальной системы действия этих вопросов-загадок.

Намеки, загадки, улики, недосказанность в поведении героев, таинственная скрытость от нас размышлений Великого Детектива, тотальная возможность подозревать всех участников – все это поленья, которые подбрасывает автор в огонь нашего воображения [Маркулан, 1975, с. 34].

Необходимо отметить, что таинственность в детективе часто связана со страхом и ужасом. Мария Татар, профессор Гарварда, справедливо указывает, что основными составляющими привлекательности волшебных сказок выступают красота и ужас, по ее словам “radiant beauty” и “jolts of horror” [Tatar, 2009, с. 89]. Это является мощным толчком для включения воображения читателей. Именно моменты описания удивительной красоты и моменты описания страха и ужаса, испытываемого героями, воздействуют на эмоциональную сферу читателей и становятся важнейшими составляющими сказочно-фантазийных текстов. Таким образом, и в этом аспекте у волшебной сказки и детектива имеется много общих черт.

В сказочно-фантазийном детективе также обязательно присутствуют моменты удивительной красоты, например, красоты девушки, которую в последний миг жизни увидел граф д’Эвро: “*The girl was beautiful. Gloriously, ravishingly beautiful. It was not a delicate beauty. There was nothing flower-like or peaceful in it. It was a beauty that could have but one effect on a normal human male. She was the most physically desirable woman one could imagine. Retro mea, Sathanas, Father Bright thought wryly. She’s almost obscenely beautiful. Only the Countess was unaffected by the desirability of the image. She saw only the startling beauty*” Garrett R. The project Gutenberg ebook of The Eyes Have It: [Электронный ресурс]. URL: [http://www.gutenberg.org/dirs/3/0/8/3/30833/30833-h/30833-h.htm] (дата обращения: 01.03.2013).

Для описания внешности девушки используется абстрактное существительное “beauty” и абстрактные прилагательные: “beautiful”, “flower-like”, “peaceful”, “startling”, которые включают воображение читателей. Присутствуют яркие эпитеты “gloriously (beautiful)” и “ravishingly (beautiful)”. Для передачи удивительной красоты используется характеристика эмоций окружающих людей.

Многие западные исследователи сказок (М. Люти [Luthi, 1986], М. Татар [Tatar, 2009], Л. Бейкер-Сперри, Л. Грауерхольц [Baker-Sperry L., Grauerholz L., 2003] и др.) обращают внимание на описание удивительной красоты в волшебных сказках. Макс Люти пишет о том, что

в сказках оно обеспечивается описанием ясных, реальных, осязаемых вещей, которые сверкают, сияют и ослепляют [Luthi, 1986]. В исследуемом сказочно-фантазийном детективе это, в том числе, и великолепное платье с удивительной красоты бриллиантовыми пуговицами: *“Gold, intricately engraved in an Arabesque pattern, and set in the center with a single diamond”* Garrett R. The project Gutenberg ebook of The Eyes Have It: [Электронный ресурс]. URL: [<http://www.gutenberg.org/dirs/3/0/8/3/30833/30833-h/30833-h.htm>] (дата обращения: 01.03.2013). Таким образом, сказочно-фантазийный детектив наследует и эту особенность волшебной сказки.

Подводя итог, необходимо сказать, что в сказочно-фантазийных детективных текстах, как и в фольклорных волшебных сказках, можно выделить функции действующих лиц. Эти функции выделяются очень четко, что предопределяется самим жанром детектива. В структуре сказочно-фантазийного детектива выделяется шесть обязательных элементов, как то:

1. Исходная ситуация – совершение преступления, то есть постановка проблемы.
2. Появление Великого Детektива с помощниками, начинающего расследование преступления.
3. В распоряжении Великого Детектива появляется волшебное средство, помогающее расследованию.
4. Перед Великим Детективом ставится очень трудная задача – чрезвычайно сложное расследование.
5. Великий Детектив с честью справляется со сложной задачей – находит виновника преступления.
6. Виновник преступления наказывается.

Кроме того, в сказочно-фантазийном детективе широко используется волшебство и чудо, а также таинственность и загадочность, являющиеся неизменными атрибутами волшебной сказки. Помимо этого, одними из важнейших и притягательных элементов волшебной сказки являются моменты описания удивительной красоты и моменты чудовищного страха и ужаса. Современный сказочно-фантазийный детектив унаследовал и эти особенности волшебной сказки.

Таким образом, современный англоязычный сказочно-фантазийный детектив с удивительной точностью наследует как композиционную структуру фольклорной волшебной сказки, так и основные элементы, присущие фольклорной волшебной сказке.

Список литературы

- Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки. Свердловск, 1992. С. 9–10.
- Маркулан Я.К. Зарубежный кинодетектив. Л., 1975. 168 с.
- Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2003. 144 с.
- Baker-Sperry L., Grauerholz L. The Pervasiveness and Persistence of the Feminine Beauty Ideal in Children's Fairy Tales // *Gender and Society*, Vol. 17, No. 5 (Oct., 2003), P. 711–726.
- Luthi M. *The European Folktale: Form and Nature*. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 200 p.
- Tatar M. *Enchanted Hunters: the Power of Stories in Childhood*. N.Y., 2009. – 296 p.

Электронные источники

- Garrett R. The Eyes Have It. [Электронный ресурс]: Analog Science Fact & Fiction, 1964. URL: [<http://ebookbrowse.com/the-eyes-have-it-by-garrett-randall-pdf-d373230829>] (дата обращения: 01.03.2013).
- Freeman R.A. The art of the detective story, 1924. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.dozenten.anglistik.phil.uni-erlangen.de/~cnhuck/Freemann_The%20Art%20of%20the%20Detective%20Story.pdf] (дата обращения: 01.03.2013).

Alla Olegovna Tananykhina (Saint Petersburg, Russia)

ON THE ISSUE OF MORPHOLOGY OF ENGLISH FAIRY DETECTIVE STORY

The paper deals with a plot development of English fairy detective stories. The text structure of the fairy detective story compares and contrasts to the text structure of the folk fairy-tale. In modern fairy detective stories the functions of *dramatis personae* are observed, described by V. Propp. The plot development of fairy detective stories coincides with the plot development of folk fairy tales, which makes one contemplate the continuity of the folk tradition

Keywords: *detective story, fairy detective story, folk fairy tale, functions of dramatis personae*

УДК 81.0

М.А. Тимонина (Санкт-Петербург, Россия)

ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье уточняется понятие измененных состояний сознания и анализируется его содержательный объём в различных гуманитарных науках, анализируется возможность использования этого понятия при описании художественных текстов и, в частности, в текстах психоделической литературы; вопрос изображения измененных состояний сознания включается в широкий контекст проблемы художественного моделирования языковой личности персонажа.

Ключевые слова: художественный текст, антропоцентризм, измененные состояния сознания, языковая личность, психоделическая литература

Доминирование холистического взгляда на мир и антропомерность современной науки обуславливает выход интересов текстолингвиста за пределы микролингвистики в широкий междисциплинарный контекст. В своем изучении художественного текста текстолингвист обращается к данным иных наук, как то прагматика и риторика, поэтика и герменевтика, когнитивистика и эстетика и пр. [Щирова, 2007, с. 8–11]. Междисциплинарные подходы востребованы и при исследовании так называемых измененных состояний сознания в их проекции на художественный текст.

Когнитивная система языковой личности, её формирование и организация сегодня нередко оказываются в фокусе внимания исследователя текста. Ученые обращаются к языковым средствам изображения внутренних процессов («работы» сознания) одного из его основных антропоцентров – «персонаж» [Щирова, 2000]. К компонентам изображенного сознания целесообразно отнести и интересующие нас «измененные состояния сознания» (ИСС).

Согласно теории ИСС, помимо нормального разумного (естественного) сознания, которое представляет собой его особый тип, существуют иные, изменённые состояния сознания. При обычном состоянии сознания поведение человека автоматизировано и алгоритмизировано, задано социальными программами и генетическим потенциалом [Козлов, 2005]. ИСС возникают при воздействии на личность челове-

ка, пребывающего в обычном состоянии сознания, различных аффектогенных ситуаций; внешние обстоятельства в этом случае угрожают ведущим жизненным ценностям человека. Причинами возникновения ИСС могут быть: длительная изоляция; интоксикация, сопровождаемая психоделическими феноменами, например, галлюцинациями на фоне высокой температуры; стресс, возникающий вследствие сложного взаимовлияния объективной внешней нагрузки и субъективной реакции на неё, и пр. [Петренко, Кучеренко, 2006, с. 16].

Классическим определением ИСС принято считать определение А.Людвига, согласно которому ИСС – любое психическое состояние, вызванное различными физиологическими, психологическими или фармакологическими приемами или средствами, которое распознается самим человеком (или наблюдателем) как достаточно выраженное отклонение от его общего нормального состояния (когда он бодрствует и пребывает в бдительном сознании). Такого рода отклонения могут быть представлены большей, чем обычно, озабоченностью внутренними ощущениями или мысленными процессами, изменениями в мышлении: снижением концентрации внимания, ослаблением способности проверки реальности, и пр. [Ludwig, 1969, p. 9].

Крупным исследователем в данной области после А.Людвига считается Чарльз Тарт. Тарт трактует ИСС как состояние, в котором индивид ясно чувствует не только количественные изменения ментального функционирования (большую или меньшую бдительность, увеличение или уменьшение количества визуальных образов, больше четкости или размытости и т. д.), но и изменение некоторых качеств ментальных процессов: ментальные функции оперируют совсем не так, как обычно, проявляются такие качества восприятия, аналогов которых нет в нормальном состоянии [Тарт, 2003, с. 5]. Изучая ИСС при употреблении наркотических средств, Чарльз Тарт разработал модель факторов, участвующих в формировании ИСС: действия некоторых из этих факторов человек может усиливать, а некоторых – тормозить. Модель Тарта соответствует концептуальным установкам современной антропометрической науки и включает в себя: 1) наркотические факторы – физиологическое воздействие наркотика, определяющее характер состояния, возникающего при его употреблении; 2) ненаркотические факторы: а) долговременные: культурная среда, формирующая обычные состояния сознания и ожидания относительно действия наркотика; структура личности субъекта; физиологические особенности человека, создаю-

щие определенную предрасположенность к воздействию наркотика и б) непосредственные, как то настроение человека и его ожидания или ситуативные, например, социальная обстановка, в которой происходит принятие наркотика или информация о нём, получаемая субъектом от окружающих.

Таким образом, нормальное бодрствующее, разумное сознание представляет собой лишь один особый тип сознания, в то время как «повсюду вокруг него, отделенные от него тончайшей преградой» [Руднев, 1997, с.107], лежат потенциальные совсем другие формы сознания (У. Джеймс, Д.Л.Спивак, С.В.Дремов, И.Р.Семин, А.В.Россохин). ИСС не следует относить к болезненным, патологическим состояниям, – они возникают в результате влияния на сознание не вполне обычных социальных и биологических факторов [Безруков, 2007, с. 3].

Изучение ИСС формирует важное направление исследований в рамках целого ряда наук. Ими занимаются представители философии (А.П. Забияко, Е.В. Черносвитов, М. Элиаде.), общей и социальной психологии (Л.И.Лебедев, К.Мартиндейл, В.Ф. Петренко), психологии личности (Н.И. Наенко). ИСС разрабатываются в психиатрии (Ц.П. Короленко, А.А. Меграбян, И.Р. Семин), клинической и трансперсональной психологии (А. В. Россохин, О.В. Гордеева, Ч. Тарт). Особенности речемыслительной деятельности человека в ИСС занимаются отечественные (С.В. Дремов, Н.И. Наенко, И.Р. Семин, Д.Л. Спивак, В.А. Безруков) и зарубежные (А. Маслоу, Ч. Тарт, Д. Хиллман) исследователи в области общей психологии, психологии ИСС, психолингвистики.

В лингвистике интерес к изучению проблемы ИСС возник сравнительно недавно. Основополагающей в этом направлении можно назвать работу Д.Л. Спивака [Спивак, 1986], который (совместно с Л.И. Спиваком) выделяет следующие типы ИСС:

1) ИСС, вызываемые искусственно, с помощью психоактивных веществ (марихуана, алкоголь и др.).

2) ИСС, возникающие спонтанно и проявляющиеся в обычных для человека условиях: при засыпании либо значительном напряжении или необычных, но естественных обстоятельствах (например, при нормальных родах), а также в необычных или экстремальных условиях жизни и работы здорового человека.

3) ИСС, обусловленные психотехнически, например, религиозными обрядами, как то гипнотический транс, медитативные состояния.

Обычно выделяют возбуждающие и успокаивающие психотехники [Спивак Д.Л., Спивак Л.И., 1996, с. 48–49].

Отбор текстового материала для изучения художественного моделирования ИСС представляет определенную трудность, так как внимание автора в литературных источниках обычно сосредоточено на одном типе ИСС. Подробное описание ощущений персонажа, пребывающего в ИСС, присутствует не всегда. Особый интерес в этом отношении вызывают тексты психоделической прозы, в которых моделируются изменения, происходящие в сознании человека в различных условиях, например, наркотические видения, воспроизводящие не только физиологические ощущения наркоманов, но и описывающие изменения, происходящие в жизни человека вследствие наркотической зависимости. Многие из текстов психоделической литературы являются автобиографическими. Они написаны от первого лица и отражают (в той или иной мере) собственный опыт автора. Таковы произведения У.Берроуза, И.Уэлша, Томпсона С.Хантера, Олдоса Хаксли, Ф. Дика, Томаса Де Квинси, Стивена Кинга, Кена Кизи и др. В художественных текстах подобного рода анализ ИСС составляет часть анализа когнитивного уровня языковой личности, который предполагает отражение языковой модели мира личности, её тезауруса, культуры [Караулов, 2009]. Отличительным признаком психоделического литературного стиля, который прослеживается в примере (см. ниже), принято считать сочетание натурализма и экспрессии, трагифарса и мелодрамы. Такие произведения, как правило, объединяет раздробленный сюжет, большое количество действующих лиц (часто маргиналов); обилие жаргонизмов, диалектизмов и ненормативной лексики, черный юмор, элементы социальной сатиры; эстетический шок, повышенный интерес к безобразному, монструозному [Бычков, 2003, с. 374–375].

Представляется целесообразным, в целях акцентирования лингвистической проблематики при освоении понятия ИСС, обратиться к изменениям особенностей речи, которые сопровождают изменение состояния сознания реального субъекта и воспроизводятся в его художественной модели. К таким особенностям речи относятся: изменение темпа речи на фонетическом уровне; возрастание числа языковых “штампов” и фразеологических оборотов на лексическом уровне; повышенная вероятность ошибок и аграмматизмов на морфологическом уровне; преобладание сегментированных, неполных и эллиптических предложений на синтаксическом уровне [Спивак, 1998, с. 13–14].

Не менее оправданной при изучении лингвистических особенностей художественного моделирования ИСС представляется их описание в контексте языковой личности персонажа: оно позволит установить корреляции между изображаемыми в тексте мотивациями персонажа, особенностями его мировосприятия и мирооценки и спецификой их вербализации. Напомним, что согласно Ю.Н. Караулову, структура языковой личности образуется тремя уровнями: вербально-семантическим, лингво-когнитивным и прагматическим; уровни языковой личности взаимосвязаны и влияют друг на друга [Караулов 2009, с. 34]. В цитируемом далее фрагменте описываются ощущения персонажа, страдающего от опиумной зависимости и испытывающего ИСС. Выделенные лексемы позволяют сделать вывод о доминирующем эмоциональном состоянии персонажа – страхе, который он испытывает, согласно авторской интенции:

...all other changes in my dreams, were accompanied by deep-seated anxiety and gloomy melancholy, such as are wholly incommunicable by words. I seemed every night to descend-not metaphorically, but literally to descend-into chasms and sunless abysses, depths below depths, from which it seemed hopeless that I could ever re-ascend. Nor did I, by waking, feel that I had re-ascended. This I do not dwell upon; because the state of gloom which attended these gorgeous spectacles, amounting at least to utter darkness, as of some suicidal despondency, cannot be approached by words [Thomas De Quincey, 1994, p. 56].

Итак, ИСС выступают в качестве вспомогательного средства описания языковой личности персонажа и воспроизводятся в художественном тексте как неразрывно связанные, с одной стороны, с уровнем интенции и ценностных мотиваций этой языковой личности, а с другой – с её вербально-семантическим уровнем.

Список литературы

Бычков В.В. Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. М., 2003. С. 374–376.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2009.

Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. Методы и техники. М., 2005.

Петренко В. Ф., Кучеренко В. В., Вяльба А. П. Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. М., 2006. С. 16–28.

Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997.

Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. СПб., 1998.

Спивак Л.И., Спивак Д.Л. Изменённые состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. 1996. С. 48–55.

Тарт Ч. Изменённые состояния сознания. М., 2003.

Щирова И.А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. СПб., 2000.

Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб., 2007.

Ludwig A.W. Altered states of consciousness // Altered states of consciousness: A book of reading. N.Y., 1969. P. 9–22.

Thomas De Quincey "Confessions of an English Opium Eater". Wordsworth Editions Limited, 1994.

Maria Alexandrovna Timonina (Saint Petersburg, Russia)

ALTERED STATES OF CONSCIOUSNESS AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH

The article specifies the notion of altered states of consciousness and analyses its content in humanities. The notion of altered states of consciousness is analysed as an extra tool for describing a literary text, in particular, psychedelic literature; the problem of ASC depiction is included into a wider context wherein the matters of characters' language personality are discussed.

Keywords: *fiction, anthropocentrism, altered states of consciousness, language personality, psychedelic literature*

УДК 81.111

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ИГРА С ПЕРСОНАЖАМИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье анализируется роль приема автоинтертекстуальной игры с персонажами в создании субъектно-объектной и пространственной неопределенности постмодернистского художественного текста. Данный прием рассматривается как проявление более общей стратегии игры с персонажами «трансмировой идентичности», способствующей конструированию модели «невозможного фикционального мира».

Ключевые слова: персонаж «трансмировой идентичности», автоинтертекстуальная игра, пространственная неопределенность, модель «невозможного фикционального мира»

Термин «персонаж «трансмировой идентичности», предложенный У. Эко, предполагает «заимствование» литературного персонажа из одного текста и использование его в другом художественном тексте, то есть своеобразную трансмиграцию персонажей из одного фикционального мира в другой [McHale, 1987, p. 38]. Обычно, как указывает Б. МакХейл, два персонажа могут сосуществовать и взаимодействовать, если они принадлежат одному художественному миру. Так, Эмма Бовари не может сосуществовать с Иваном Карамазовым в рамках единого фикционального мира. Единственным исключением из данной классической нормы является использование одних и тех же персонажей в различных произведениях одного и того же автора, например, в «Человеческой комедии» Бальзака [McHale, 1987, p. 38].

Задачей данной статьи является рассмотрение игровых особенностей постмодернистских текстов, в частности, особенностей их пространственной организации, обусловленных использованием персонажей «трансмировой идентичности», которые способствуют деиерархизации, дестабилизации субъектно-объектных и хронотопических отношений в моделируемых постмодернистских мирах.

Очевидно, что проблема введения в фикциональное пространство конструируемого мира персонажей «трансмировой идентичности» неразрывно связана с глобальным феноменом интертекстуальности, рас-

смаатриваемым многими исследователями постмодернизма в качестве «основного элемента постмодернистской парадигмы художественности» [Лейдерман, 1996, с. 9–10]. В настоящей статье представляется важным проанализировать частный вопрос об игровых приемах, связанных с введением персонажей «трансмировой идентичности» в фикциональный мир постмодернистского произведения, и об их значении в конструировании нарративной модели «невозможного фикционального мира».

К приемам, объединенным в общую стратегию игры с персонажами «трансмировой идентичности» и способствующим созданию пространственной неопределенности постмодернистского художественного текста, можно отнести: 1) прием автоинтертекстуальной игры с персонажами; 2) прием «заимствования» персонажей. Необходимо отметить, что в виду ограниченного объема статьи мы не будем касаться общетеоретических проблем интертекстуальности, сосредоточив основное внимание на топологических особенностях художественных текстов, связанных с переносом литературных персонажей из других произведений того же автора (первый прием).

Автоинтертекстуальность обычно трактуется как связь того или иного текста с более ранними произведениями его автора [Волков, 2000, с. 163]. М. Кутюрье, изучая автоинтертекстуальные особенности творчества В.В. Набокова, выделяет две разновидности автоинтертекстуальности. Он отмечает, что существует «традиция, которую можно охарактеризовать как «стерновскую», заключающаяся в использовании в романе предыдущих текстов того же автора, и традиция, которую можно назвать «прустовской» или «джойсовской», когда автор производит художественное переосмысление (*fictionnalisation*) собственной биографии» [Couturier, 1993, р. 94; цит. по Волков, 2000, с. 165]. Под **приемом автоинтертекстуальной игры с персонажами** в нашей статье понимается такое использование персонажей из предыдущих произведений того же автора, которое ведет к усилению неопределенности пространственной структуры принимающего текста, созданию дополнительных противоречий при попытке читателей выстроить связную модель фикционального мира. Таким образом, в данном случае целесообразным представляется разграничить случаи *retour de personnages*, то есть классические случаи повторного использования персонажей в произведениях одного и того же автора, усиливающие иллюзию реальности фикционального мира, созданного воображением одного автора

[McHale, 1987, p. 38], и прием автоинтертекстуальной игры с персонажами, данную иллюзию разрушающий.

Типичными примерами постмодернистской автоинтертекстуальной игры с персонажами можно считать произведения В. Набокова (его роман «Look at the Harlequins», например) и роман Д. Барта «LETTERS» (1979), заглавие которого можно рассматривать как эксплицитный маркер начала игры с читателями, поскольку оно представляет собой одновременно и зашифрованный подзаголовок:

A	NOLD	TIMEE	PISTO	LARY	NOV	EL	
B	Y	S	E	V	E	N	F I
C	T	I	T	I	O	U	S
D	RO	L	L	S&	DRE	AM	
E	R	S	E	A	C	H	O
F	W	H	I	C	H	I	M A
GINE	SHIM	S	E	LFAC	T	U	AL [Barth, 1979]

Семь букв заглавия содержат буквы меньшего формата, из которых читатели могут составить подзаголовок, предварительно позабавившись комбинаторной игрой на графическом уровне: “An old time epistolary novel by seven fictitious drolls & dreamers each of which imagines himself factual”. Заголовок содержит ключевые слова, указывающие на жанр романа (эпистолярная жанровая форма), а также лексические единицы (ЛЕ) “fictitious”, “imagines”, “dreamers”, “factual”, вводящие тему творчества, творческого воображения, одну из ведущих тем для метатекста Д. Барта. Данная тема реализуется в произведении благодаря рефлексивной игре, обуславливающей использование механизма «маски автора», поскольку одним из персонажей романа выступает «Автор с Большой Буквы». Прием автоинтертекстуальной игры с персонажами становится в данном произведении структурообразующим, поскольку Барт «населяет» фикциональный мир своего романа главными героями из своих прежних произведений [См.: Волков, 2000, с. 191].

Роман Пола Остера “Travels in the Scriptorium” (2006), написанный почти на тридцать лет позже романа Д. Барта, представляет собой еще более радикальный случай использования приема автоинтертекстуальной игры с персонажами, поскольку, в отличие от героев романа “LETTERS”, которые лишь смутно ощущают, что живут в «продолжении»

своих романов, персонажи Остера полностью осознают свою фиктивность. Произведение Остера можно рассматривать как типичный образец постмодернистской модели «невозможного фикционального мира», характеризующейся трансгрессией правил классического нарратива и высокой степенью неопределенности дейктического модуса текста [Чемодурова, 2012].

Характерно «остеровское» начало романа, создающее загадочную и таинственную атмосферу, вовлекает читателя в интеллектуальную игру буквально с первого абзаца:

The old man sits on the edge of the narrow bed, palms spread out on his knees, head down, staring at the floor. He has no idea that a camera is planted in the ceiling directly above him. The shutter clicks silently once every second, producing eighty-six thousand four hundred still photos with each revolution of the earth. Even if he knew he was being watched, it wouldn't make any difference. His mind is elsewhere, stranded among the figments in his head as he searches for an answer to the question that haunts him.

Who is he? What is he doing here? When did he arrive and how long will he remain? With any luck, time will tell us all. For the moment, our only task is to study the pictures as attentively as we can and refrain from drawing any premature conclusions [Auster, 2008, p. 1–2].

Творческая стратегия, избранная Остером, позволяет автору с самого начала, с приема инициальной ретардации, моделировать фикциональный мир, полный противоречий и неопределенности и обуславливающий так называемое «радикальное онтологическое сомнение», возникающее у читателей [Fokkema, 1986, p. 35].

Загадка на сюжетном уровне (старик, сидящий в комнате, камера, делающая 86400 фотографий старика) сочетается с загадкой на нарративном уровне: вопрос о том, кто повествует, станет одним из центральных проблем произведения. Читатели могут предположить, что существует некий наблюдатель / наблюдатели (“tell us”, “our task”), следящий/ие за обитателем комнаты при помощи камеры, изучающий/ие фотографии (“our only task is to study the pictures”) и повествующий/ие о своих наблюдениях в режиме «реального репортажа» (используется настоящее повествовательное время, предполагающее непосредственное вовлечение читателей в процесс наблюдения). Как известно, местоимение “we” может обозначать как диегетического повествователя (“I and he”, участвующих в разворачивающейся истории), так и экстрадиегетического повествователя (вовлекающего читателя таким образом

в моделируемую на его глазах историю). Последняя версия в какой-то мере подкрепляется тем фактом, что повествователь обладает знанием о некоем определенном вопросе, мучающем старика, а также о его фантазиях (“the question that haunts him”, “the figments in his head”).

Читатели сталкиваются с множеством загадочных элементов в тексте, поскольку человек, находящийся в таинственной комнате, страдает амнезией, испытывает чувство вины (“an implacable sense of guilt”), перед его внутренним взором все время мелькают таинственные тени прошлого (“he wanders among the phantom beings that clutter his head”). Атмосфера неопределенности подкрепляется и выбором «говорящего» имени, которым наделяет персонажа повествователь:

*We will therefore drop the epithet **old man** and henceforth refer to the person in the room as Mr. Blank. For the time being, no first name will be necessary* [Auster, 2008, p. 3].

Стратегия персонажной номинации, использованная Остером, способствует усилению субъектно-объектной неопределенности в тексте, поскольку все персонажи в романе, за исключением мистера Бланка, обладают так называемой «трансмировой идентичностью», отсылая читателей, знакомых с творчеством Пола Остера, к его более ранним произведениям. Появление в фикциональном пространстве “Travels in the Scriptorium” Дениэла Квина (“City of Glass”), выступающего в качестве адвоката Бланка, Анны Блум (“In the Country of the Last Things”), выполняющей роль его сиделки, Софии Феншо (“The Locked Room”), подменяющей Анну, Семьюэла Фара (“In the Country of the Last Things”) в роли его врача, упоминание Стилманов (“City of Glass”), Н. Феншо (“The Locked Room”) и других персонажей является манифестацией приема автоинтертекстуальной игры с персонажами, причем реализация данного приема осуществляется Остером в типично постмодернистской манере, так как все упомянутые выше персонажи при общении с мистером Бланком недвусмысленно намекают ему, что именно он ответственен за их судьбу, он Кукольник, дергающий за ниточки.

Тема творчества и взаимоотношений творца и его творений представлена Остером в игровой форме:

1) *I made you suffer, didn't I?*

Yes, very badly. I almost didn't make it.

What did I do?

You sent me off to a dangerous place, a desperate place, a place of

destruction and death.

What was it? Some kind of mission?

I guess you could call it that [Aster, 2008, p. 24].

2) He's another of your charges. When you sent him out on his mission, he had to dress all in white.

How many people have I sent out?

Hundreds, Mr. Blank. More people than I can count [Auster, 2008, p.28].

3) Fanshawe...And who, pray, is he?

One of your operatives, sir.

You mean someone I sent out on a mission?

An extremely perilous mission.

Did he survive?

No one is sure. But the prevailing opinion is that he's no longer with us [Auster, 2008, p. 57].

Читателям, ранее не знакомым с творчеством Пола Остера, вплоть до окончания романа "Travels in the Scriptorium" сложно однозначно определить фикциональный статус персонажей произведения. В иронической манере Остер представляет их как «оперативников», «подопечных» Бланка, которых он отослал с различными «заданиями», часто смертельно опасными. ЛЕ "operatives", "charges", "missions", "victims", "suffer" становятся ключевыми словами романа, причем Остер искусно обыгрывает тему реальности/ирреальности персонажей в рамках изображаемого фикционального мира, прибегая к использованию стратегии немаркированности границ виртуального пространства (пространства памяти и воображения). Семантическое напряжение в тексте, позволяющее поддерживать игру с фикциональным статусом персонажей, осуществляется автором при помощи постоянного повтора таких языковых единиц, как "figments in his head" (1), "phantom beings" (3), "shadow-beings marching through his head" (42, 43), "figment beings" (90), "the damned specters" (90), предвещающих появление персонажей «трансмировой идентичности» в запертой комнате, где находится мистер Бланк.

Читателям, знакомым с творчеством Остера, репрезентация мистера Бланка как «суррогатного автора», как alter ego Пола Остера позволяет провести параллели между данным произведением и пьесой Л. Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора». Забавный диалог между мистером Бланком и его «любимым оперативником», Дениэлом

Квином из романа “City of Glass”, выступающим в роли адвоката, превращает Бланка из всемогущего творца, распоряжающегося судьбами своих созданий, в подсудимого, которому его «подопечные» предъявляют обвинения в его «нарративных» преступлениях:

You have to get me out of here. I don't think I can take it anymore.

That won't be easy. So many charges have been filed against you. I'm drowning in paperwork. You have to be patient. I wish I could give you an answer, but I have no idea how long it will take to sort things out.

Charges? What kind of charges?

The whole gamut, I'm afraid. From criminal indifference to sexual molestation. From conspiracy to commit fraud to negligent homicide. From defamation of character to first-degree murder. Shall I go on? [Auster, 2008, p. 135]

Поскольку любой текст является ментальной репрезентацией, мысленным представлением создателя текста о действительности [Воронцова, 2012, с. 26], то представляется очевидным, что роман Остера является блестящей иллюстрацией общефилософского принципа постмодернизма о приоритетной роли игрового начала. Введение персонажей «трансмировой идентичности» способствует одновременной реализации элементов рефлексивной игры и игры комбинаторной, так как происходит частичная актуализация механизма «авторской маски», моделируется встреча творца и его персонажей, однако в данном случае суррогатный автор сам становится объектом изоощренной игры, поскольку его творения осознают свою фиктивность и начинают «мстить» своему создателю. Ярким проявлением комбинаторной игры на композиционном уровне становится концовка произведения, когда мистер Бланк находит на столе манускрипт длиной в 140 страниц, озаглавленный как “Travels in the Scriptorium by N.R. Fanshawe” [Auster, 2008, p. 140], и начинает читать повествование о себе, возвращающее читателей к первой странице текста:

Aha, Mr. Blank says out loud. That's more like it. Maybe we're finally getting somewhere, after all.

Then he turns to the first page and begins to read:

The old man sits on the edge of the narrow bed, palms spread out on his knees, head down, staring at the floor [Auster, 2008, p. 140].

Данный игровой прием создания рамочной конструкции не может не озадачить читателей, поскольку персонаж Феншо из «Запертой комнаты», один из самых «неуловимых» персонажей Остера, предположительно совершивший самоубийство, воскрешается Полом Остером и превращается в очередного «суррогатного автора», создающего

текст, который «как бы» разворачивается на наших глазах. Новая «маска автора», субъективированный повествователь “I”, заканчивает свой «репортаж» о «запертой комнате», которая может рассматриваться как композиционная метафора бесконечного творческого процесса и тайнствах сознания автора-творца, ироническим комментарием о «затруднительном положении» мистера Бланка:

It will never end. For Mr. Blank is one of us now, and struggle though he might to understand his predicament, he will always be lost. I believe I speak for all his charges when I say he is getting what he deserves -- no more, no less. Not as a form of punishment, but as an act of supreme justice and compassion. Without him, we are nothing, but the paradox is that we, the figments of another mind, will outlive the mind that made us, for once we are thrown into the world, we continue to exist forever, and our stories go on being told, even after we are dead [Auster, 2008, p. 144].

Стоит отметить, что стратегия мультипликации «масок автора», «фикционализация» авторского «Я» является проявлением «остеровской» игровой рефлексии над ставшей ключевой в 20-м веке проблеме авторства, столь ярко репрезентированной, например, Х. Борхесом в его знаменитой зарисовке 1956 года “Borges and Myself”:

I shall remain in Borges, not in myself (if it is so that I am someone), but I recognize myself less in his books than in those of others or than in the laborious tuning of a guitar. Years ago, I tried ridding myself of him and went from myths of the outlying slums of the city to games with time and infinity, but those games are now part of Borges and I will have to turn to other things. And so, my life is a running away, and I lose everything and everything is left to oblivion or to the other man.

Which of us is writing this page I don't know [Borges, 1973, p. 93–94].

Механизм «маски автора», который в данном коротком тексте получает явно игровое оформление в виде коллизии «Борхес и Я», способствует реализации эффекта обманутого ожидания в последней, находящейся в сильной позиции, фразе текста (“Which of us is writing this page I don't know”). Борхес, так же как и Пол Остер полвека спустя, прибегает к игровой репрезентации парадокса творчества: образы и персонажи, созданные силой воображения творца, со временем переживают его и становятся частью культурной традиции.

Таким образом, прием автоинтертекстуальной игры с персонажами в произведении Пола Остера “Travels in the Scriptorium” приводит к созданию парадоксального, типично постмодернистского фикциональ-

ного мира, в котором эффект, достигнутый использованием стратегии немаркированности границ виртуального пространства, усиливается за счет сложной игры с авторским метатекстовым пространством.

Список литературы

Волков И.В. Автоинтертекстуальные игры в творчестве Джона Барта // Игровая поэтика. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С.163–221.

Воронцова Т. И. Ментальные миры балладного дискурса и особенности их пространственно-временной организации // Вестник Ленинградского государственного университета им. Пушкина. №2. Том 7. Филология. СПб., 2012. С. 25–36.

Лейдерман (Липовецкий) М.Н. Русский постмодернизм: поэтика прозы. Автореф. дис. доктора филол. наук. Екатеринбург, 1996. 39 с.

Чемодурова З.М. Игровые особенности пространственной организации постмодернистских художественных текстов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №152. СПб., 2012. С. 55–62.

Auster P. *Travels in the Scriptorium*. N. Y., 2008.

Barth J. *Letters*. N.Y., 1979.

Borges J.L. *The Aleph And Other Stories*. London, 1973.

Fokkema D. *The Postmodern Weltanschauung and its Relation with Modernism // Approaching Postmodernism*. Amsterdam, Philadelphia, 1986. P. 9–53.

McHale B. *Postmodernist Fiction*. N.Y. and London, 1987.

Zinaida Markovna Chemodurova (Saint Petersburg, Russia)

AUTOINTERTEXTUAL GAMES WITH CHARACTERS IN POSTMODERN FICTION

The article focuses on the role of autointertextual games with characters in creating subject-object and spacial indeterminacy of postmodern literary texts. This phenomenon is viewed as part of the playful strategy, involving the so-called “transworld identity” characters, which contributes to constructing the “impossible fictional world” model.

Keywords: “transworld identity” character, autointertextual games, spacial indeterminacy, “impossible fictional world” model

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О КОНТЕКСТЕ

В статье рассматриваются трактовки идеи контекста, предложенные ведущими направлениями научной мысли XX в. – герменевтическим и структуралистским, а также некоторые идеи рецептивной эстетики и постструктурализма, которые по своей концептуальной сути явились их продолжением и развитием. Акцентируется значимость субъекта для описания взаимосвязи текста и контекста с позиций современной науки.

Ключевые слова: *текст, контекст, герменевтика, рецептивная эстетика, структурализм, Новая критика, постструктурализм, когнитивная парадигма, субъектность стилей мышления*

Сложность описания природы текста усугубляется его включённостью в историко-культурный контекст и вытекающей из неё необходимостью контекстуализировать текстовые свойства. Как замечает Ю.М. Лотман, для человека, который хотел бы иметь дело с текстом, вырванным из совокупности внетекстовых связей, произведение не могло бы быть носителем значений. Вся совокупность исторически сложившихся художественных кодов, делающая текст значимым, относится к сфере внетекстовых связей, как то принадлежность текста к определенному жанру, стилю, эпохе, автору и пр. [Лотман, 1998, с. 60]. Человек, порождающий, интерпретирующий и/или исследующий текст, как и человек, изображаемый в тексте, также существуют (если речь идёт о квазисубъекте, то согласно авторской интенции) в конкретном времени и в конкретном пространстве. Включение знаний о реальных и фикциональных субъектах в целостную структуру знания и определение их истинности невозможны без помещения этих знаний в социо-культурный контекст. Более того, культура как гетерогенное образование содержит субкультуры с типичными для них ценностными ориентациями, и это многообразие также может репрезентироваться в художественном тексте, усложняя осмысление и анализ последнего.

Признание значимости контекста для описания текстового смысла не всегда входило в набор исходных знаний исследователей текста и принимало разные формы в зависимости от особенностей развития

«наук о тексте» на том или ином конкретном историческом этапе. Чтобы убедиться в этом, остановимся кратко на специфике герменевтического и структуралистского понимания текста, а также на некоторых идеях рецептивной эстетики и постструктурализма, выступивших своего рода концептуальным продолжением этих двух подходов к интерпретации текста.

В эпоху классической герменевтики толкование текста исходило из необходимости декодирования аутентичного текстового смысла. Мнения интерпретатора из процесса освоения смысла исключались. Историческое прочтение текста, как и его метафорические, символические или аллегорические прочтения, отвергались. Однако, уже в трудах Гадамера, т.е. в эпоху поздней герменевтики, мы обнаруживаем понятие «исторической дистанции», которое имплицитно подразумевает важность участия реципиента в воссоздании смысла текста. «Предмнения» интерпретатора (Ср. **предрассудок** (Vorurteil) как **пред-суждение** (Vor-Urteil)) воспринимаются как дополняющие мнения текста.

Концептуальные установки П. Рикера, ещё одного крупного герменевта нашего времени, также демонстрируют внимание к историческому времени рецепции: интерпретатор оказывается включенным в контекст. «То, что как предел стояло перед наукой: признание историчности бытия», – пишет Рикер, – «превращается в конституирование бытия; то, что было парадоксом: принадлежность интерпретатора своему объекту, – становится онтологической чертой» [Рикер, 2002, с. 40]. Целью интерпретации объявляется преодоление расстояния между культурной эпохой текста и культурной эпохой интерпретатора. «Глубокий замысел» «работы интерпретации» Рикёр видит в преодолении культурной дистанции (расстояния), отделяющей читателя от чуждого ему текста, во включении смысла текста в нынешнее понимание, т.е.в. понимание, которым обладает читатель. Преодолевая это расстояние, интерпретатор становится современником текста, присваивает «чужой» текстовый смысл и делает его своим собственным. Через понимание другого происходит расширение самопонимания [там же, с. 34, 48].

Внимание к интерпретирующей инстанции сохраняется и усиливается в рецептивной эстетике, представители которой переосмысливают и развивают герменевтические идеи. Яусс вводит широко известное понятие «горизонт ожидания», связывая с ним биографические, психологические, социальные и исторические характеристики. Горизонт ожидания определяет, с одной стороны, отношение автора – и через

него произведения – к обществу и читателю, а с другой, – отношение читателя к произведению. Рецепция и формирование эстетического опыта читателя происходят в ходе слияния его меняющегося горизонта ожидания и горизонта ожидания произведения, который остаётся неизменным. «Реконструкции», таким образом, подлежит не только смысл произведения, но и жизненно обусловленный горизонт ожидания реципиента [Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины, 1996, с. 27–31]. Яусс убеждён, что интерпретация не может быть адекватной, если она не учитывает поступательного развития смыслового потенциала произведения, т.е. того, как оно воспринималось первоначального и впоследствии: “The coherence of literature as an event is primarily mediated in the horizon of expectations of the literary experience of contemporary and later readers, critics, and authors. Whether it is possible to comprehend and represent the history of literature in its unique historicity depends on whether this horizon of expectations can be objectified” [Jauss, 1999, p. 8–23].

Идея «горизонта ожидания» присутствует и в отечественных прочтениях текста. Так, А.Н. Мороховский выделяет т.н. характерологические признаки художественного текста, с которыми читатель знакомится еще до его прочтения. В их число входят: указания на издательство и серию; характер авторского псевдонима; формулировка заголовка, который может указывать на жанровую принадлежность; авторские указания на характер текста, включая указания, нарушающие устоявшееся читательское представление; указания на жанр, способы членения текста повествования и пр. [Мороховский, 2011, с. 339–340]. Вычленяемые характерологические признаки по своей сути равнозначны представлению автора о «своём читателе» и коррелируют со многими известными мнениями. Сам Мороховский упоминает два из них: «блок читателя» (тезаурус) М. Бахтина и «эффект обманутого ожидания» М. Рифаттерра. В тот же перечислительный ряд можно добавить «пред-суждение» Гадамера, «горизонт ожидания» Яусса, «читателя-модель» Эко или «имплицитного читателя» Изера. В идеях отечественных исследователей о текстовой категории адресованности и авторском программировании, под которым понимается поступенчатое развертывание текстового смысла, начиная от авторского замысла и завершая критикой реализующего его артефакта, также содержится указание на закономерность формирования в авторском сознании представлений о воспринимающей инстанции. Все упомянутые идеи и

концепции не только утверждают целенаправленность выбора содержания и формы автором текста, но и признают активную роль читателя в конкретизации текстового смысла: интерпретация трактуется ими как *действенное* понимание. При условии совпадения смысловых полей автора и читателя последний является идеальным, однако такое совпадение в действительности, как и существование идеального читателя, оказывается невозможным. Несмотря на потенциально бесконечное число конкретных интерпретаций, любая из них, конкретизируя текстовый смысл определенным образом, тем самым исключает иные смысловые конкретизации.

Конкретизируемое в работах рецепционистов герменевтическое видение текста обычно противопоставляют его структурно-семиотическим прочтениям. Структурализм, как известно, сосредотачивается на осмыслении текста в себе и для себя (*in and for itself*), фокусирует внимание исследователя на внешних проявлениях глубинных структур, объявляет их не зависящими от содержания, роли реципиента и историчности восприятия литературного произведения. В понимании представителей «Новой критики» (*New Criticism*), являющей собой англо-американскую версию структурализма, контекстуализм приравнивается к самодостаточности литературного произведения. Противоположные по направленности силы (*mutually opposing energies*), настаивают «новые критики», создают в нем напряжение, блокируют выход из контекста произведения и его мира [Cuddon, 1992, p. 190–191]. Как следствие, в описании процесса интерпретации следует ограничиться анализом составляющих текст значений и их соотношений: вне этих слов ни автор, ни читатель ничего о произведении не знают. Смысл текста, таким образом, не связывается структуралистами с историческим контекстом. Подобное игнорирование коммуникативной природы текста приводит к пересмотру структуралистской доктрины, и та же «Новая критика» предстает уже в иных – психоаналитических, историцистских и философско-антропологических модификациях. Сами названия этих модификаций указывают на возрастающую значимость для исследователя текста коммуникативного контекста, коммуникативной ситуации и участвующих в ней коммуникативных инстанций.

В постструктуралистской парадигме понятие контекста обретает «центральный статус». Семантика текста сопрягается не с объективными характеристиками текста и не с субъективным видением автора, а с самим читателем, в чем убеждает знаменитый тезис Барта о «смерти ав-

тора». Понятие контекста «предельно расширяется», в него включаются «аксиологические системы отсчёта читателя, его культурный опыт (воспринятые культурные коды), фиксируемые в симулякрах предельно индивидуализированные субъективно-личностные смыслы» [Новейший философский словарь, 1998, с. 329].

Культурная критика (*cultural critique*) 80-х гг., причисляемая к новейшим тенденциям постмодернистской парадигмы, знаменует возврат к традициям культурно-исторического подхода, поскольку апеллирует к практике социолого-исторического анализа. Упадок исторического сознания в России и на Западе в конце XX приводит к ослаблению идей «исторического контекста». По своей направленности культурная критика скорее является культурно-социологической. Специфическую особенность нового типа исследований формирует призыв изучать современную культуру, не литературу, а дискурсивные практики, они же трактуются в историческом плане как риторические конструкты, связанные с проблемой власти, обеспечиваемой и проверяемой через отредактированное знание. В качестве примеров дискурсивных практик называются кинокартины и телешоу, литературные произведения и научные тексты (Т. Eagleton). Культурная критика анализирует воздействие «культурных практик» на мышление и поведение, а общественно-духовных институтов – на культурные практики. Реальность, рассматриваемая в форме, не опосредованной культурными конвенциями и концепциями, признается недоступной сознанию. Текстуальные исследования включаются в контексте институциональных практик и социальных структур [Западное литературоведение XX века, 2004, с. 201–203]. В Британии постструктурализм оказывается тесно связанным с вопросами идеологии и политики, что наглядно демонстрируют работы Т. Иглтона (Ср. “The Ideology of the Aesthetic” или “Ideology: an Introduction”).

Убедительной иллюстрацией дискурсивного характера усложняющихся властных отношений служит одна из последних работ Т. ван Дейка «Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации». Перечислим названия лишь некоторых из её глав и разделов: «Дискурс и воспроизводство социальной власти», «Дискурс-анализ как социальный анализ», «Власть как контроль над публичным дискурсом», «Дискурс и манипуляция», «Контекстуализация в парламентском дискурсе: Аснар, Ирак и прагматика лжи» и пр. Останавливаясь на специфическом жанре политического дискурса – политических

дебатах, ван Дейк обращает внимание на значимость интересующего нас феномена контекста, который он называет «фундаментальным аспектом» парламентских дебатов. Что представляется не менее важным, ван Дейк подчеркивает: <...> контекст может повлиять на то, что люди говорят или понимают, только тогда, когда он определяется как субъективный конструкт, зависящий от участника дискурса. *Не социальная или политическая ситуация сама по себе влияет на текст или речь, но скорее то, каким образом отдельные участники представляют, понимают или каким-либо иным образом конструируют ставшие релевантными для них свойства такой ситуации.* <...> контексты являются не объективными, или «внешними», а субъективными конструктами участников, «ментальными моделями, представленными в эпизодической памяти» [Дейк, 2013, р. 230] (курсив мой – И.Щ.). Контекстуальные модели управляют порождением и восприятием дискурса, речевыми актами, выбором языковых средств, стилем, риторикой, семантическими стратегиями, форматом и пр. [Там же] Мысль о «мифах, сложившихся вокруг лингвистического контекста и его функционирования» формирует лейтмотив и многих работ И.К. Архипова. «Правда же о «работе» контекста», – убежден Архипов, – «очевидно заключается в том, что он ничего не создает и не изменяет, а лишь проявляет значение или его изменение, замысленное говорящим» [Архипов, 2001, с. 17–18] (см. также [Пузанова, 2011; Сергаева, 2012]). В изложенных идеях, как видим, со всей очевидностью реализует себя значимость человеческого фактора, ассоциирующаяся с переходом к антропологической лингвистике.

Знания, нужные для понимания глобальных и сложных проблем, сегодня обретают междисциплинарный, трансдисциплинарный и полидисциплинарный характер, поскольку познание изолированных информационных сведений воспринимается как недостаточное. Как следствие, сведения об объекте исследования включаются в контекст, в котором они обретают свой смысл, для понимания частных данных привлекается знание целого. Сквозь призму формирования целостных знаний целесообразно рассматривать и многообразные взаимосвязи текста и контекста. Сошлемся на описание т.н. субъектного оценочного позиционирования В.И. Карасиком, где отчетливо сочетаются идеи субъекта, контекста и диалогизма. Исходя из того, что оценка явления представляет собой выражение позиции социальной группы не только к самому этому явлению, но и к широкому контексту, в составе которого

оно осмысливается, Карасик предлагает следующую дефиницию субъектного оценочного позиционирования: «<...> это определение разных точек зрения на тот или иной объект с позиций разных *субъектов* или с позиции одного и того же *субъекта* в *разные временные периоды* и в *разных обстоятельствах* [Карасик, 2013, с. 25] (курсив мой – И.Щ.).

Ограниченный объём статьи не позволяет детально рассмотреть интересующий нас феномен контекста с позиций классической дихотомии *субъект- объект*, однако, едва ли кто-нибудь будет оспаривать сам тезис о субъектности стилей современного мышления, которая проявляется и в научных описаниях взаимосвязи текста и контекста. Акцентуация важности контекста для интерпретации текстового смысла сегодня подразумевает акцентуацию порождающего и воспринимающего текст субъектов. Первому из них обычно приписывается творца, а второму – со-творца, хотя интерпретативный характер парадигмы и трактовка познания как активной интерпретации нередко смещает эти акценты и находит выражение в радикально ориентирующихся на читателя рецептивистских концепциях. Идею субъекта можно проследить в широком круге понятий, используемых для описания взаимосвязи текста и контекста. Таковыми являются понятия субъекта, субъективной парадигмы и интерсубъективности; личности и индивида; интенциональности и интенции; рецепции, интерпретации и интерпретативных стратегий\тактик\программы и пр. Антропоориентированность науки заставляет корректировать традиционное видение контекста, подчеркивать зависимость значения от мышления субъекта, видеть в контексте не генератор значения, а лишь указатель на него. Уместно, в этой связи, сослаться на мнение уже упоминавшегося нами Т. Иглтона: “<...>my meaning is always somehow dispersed, divided and never quite at one with itself. Not only my meaning, indeed, but me: since *language is something I am made out of*, rather than merely a convenient tool I use <...> [Eagleton, 2008, p. 112] (курсив мой – И.Щ.). Трудно не заметить и того, что гуманитаризация и аксиологизация познания предоставляют исследователю текста известную свободу действий в описании взаимосвязи текста и контекста. Иллюстрацией гибкости в оценках мира и его художественной модели служит широкое проблемное поле исследований квир-теории, в которой, по замечанию Д. Гальперина, “queer” обозначает всё, что выходит за рамки нормального, узаконенного и доминирующего. Нет ничего конкретного, к чему бы “queer” относилось. Это идентичность, лишённая сущности: “Queer is by definition whatever is at odds with the normal, the legitimate,

the dominant. There is nothing in particular to which it necessarily refers. It is an identity without an essence [цит по Selden, Widdowson, Brooker, 2005, p. 255]. Идеи гуманизма в западных демократиях уступают место этике мультикультурализма и многорасовости и, хотя признание объединяющего «множества», не исчезает, оно оказывается подчиненным многообразным, в том числе контекстуальным различиям: «... in western democracies, a confident humanism has given way to an ethic of the multicultural and the multi-racial; for sure, an uncertain assumption of underlying similarities is not entirely absent, but it is subordinate to an equally uncertain embrace of cultural and racial difference [Dollimore, 2004, p. xvii] (курсив мой – И.Щ.). Точкой отсчета в описании таких различий является человек в его множественных проявлениях.

Список литературы

- Архипов И.К. Человеческий фактор в языке. СПб., 2001.
- Дейк ван Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
- Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М., 2004.
- Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М., 2013.
- Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.
- Мороховский А.Н. Избранные труды. Киев, 2011.
- Новейший философский словарь. Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1999.
- Пузанова Н.А. Содержательное ядро слова–синонима как способ семантической дифференциации в системе языка // Вестник Оренбургского государственного университета №3. Оренбург, 2011. С. 170–179.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 2002.
- Сергаева Ю.В. Номо Creans: творчество в большом и малом // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Том 13. Вып. 4. 2012, СПб. С. 247–258.
- Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М. 1996.
- Cuddon J. A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. London, 1992.
- Eagleton T. Literary Theory. An Intruduction. Minnesota, 2008.
- Jauss H.R. Towards an Aesthetic of Reception. Minnesota, 1999.
- Selden R., Widdowson P., Brooker P. A Reader's Guide to Contemporary Literary Theory. London, 2005.

Irina Alexandrovna Schirova (Saint Petersburg, Russia)

ON THE QUESTION OF CONTEXT

The article dwells on the approaches to the idea of context as it is postulated by the two domineering directions of humanitarian thought – those of Hermeneutics and structuralism, some ideas of aesthetic of response and post-structuralism being treated as the continuation and development of these approaches. The role of subject in the scientific description of text-context interrelations is accentuated as typical of modern scientific paradigm.

Keywords: *text, context, hermeneutics, aesthetic of response, structuralism, poststructuralism, cognitive paradigm, subjective ways of scientific thinking*

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА

УДК 81.0

*Е.А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия),
Кр. Кесслер (Потсдам, Германия)*

ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА «АНЕКДОТ» (на материале его использования как формы коммуникативного взаимодействия в ГДР и СССР)

Статья посвящена дискурсу-анализу текста «анекдот» как одной из распространенных форм социального и коммуникативно-речевого взаимодействия в ГДР и СССР. Наличие единого «дискурсивного пространства» в этих бывших социалистических государствах обусловило и определенные общие тематические, прагматические и структурно-композиционные характеристики, а также функции этого вида текста в обоих социумах.

Ключевые слова: анекдот, тип текста, дискурс, дискурсивное пространство, культурный код, коммуникативная ситуация, экспозиция, смеховая развязка, идеальный адресат, репродукция текста

Es ist schlimm, in einem Lande zu
leben, in dem es keinen Humor gibt.
Aber noch schlimmer ist es, in einem
Land zu leben, in dem man Humor braucht.
Bertolt Brecht

Плохо жить в стране,
где нет юмора. Но еще хуже
жить в такой,
где без юмора не прожить.
Бертольт Брехт

Предметом лингвистических наблюдений в настоящей статье является анекдот, рассматриваемый ее авторами, во-первых, как речевой феномен, когнитивная и коммуникативно-прагматическая специфика которого может быть описана с позиций типологии текста, что уже подтверждали в своих исследованиях ряд отечественных и зарубежных ис-

следователей [Курганов, 1997; Ширяева. 2007; Marfurt, 1997 и др.]. Во-вторых, в статье предпринимается изучение анекдота в дискурсивном аспекте – как живой формы коммуникации, вобравшей в себя многие отличительные приметы социально-политической и культурной жизни в двух государствах, не существующих сегодня на политической карте мира: ГДР и СССР. Подобный подход к интерпретации изучаемого типа текста не менее значим для современной лингвистики текста, которая все более часто обращается при типологических исследованиях к особенностям семантики, прагматики и речевого построения разных текстовых форм, вытекающим из их социально-культурной обусловленности.

Как отмечает авторитетная немецкая исследовательница в области лингвистики и стилистики текста У. Фикс, наше знание о разных типах текста состоит из «пучка» разных знаний (ein Bündel verschiedener Wissensbestände). В его модели (Modell von Textsortenwissen) наряду со знанием о мире и о нормах коммуникации имеет место и знание о «культурных кодах» (kulturelle Codes). Это знание включает в себя, среди прочего, знание об отдельных поведенческих и ценностных системах (Wissen über Verhaltens- und Wertsysteme), в которых могут содержаться и определенные табу [Fix, 1998, p. 19f]. Если понимать под «текстовым сообществом» (Textgemeinschaft) некое культурное сообщество, то – приходит к выводу У. Фикс – тексты становятся само собой разумеющимся феноменом, с помощью которого это культурное сообщество решает проблемы своего общежития. Разные культурные сообщества могут опираться при решении своих похожих внутренних проблем не на одни и те же типы текстов, что свидетельствует о необходимости их сопоставительного изучения в лингво- культурологическом аспекте [ibid., p. 21].

Общеизвестен тот факт, что – несмотря на разные государственные языки и определенные различия в национальной ментальности – в ГДР и СССР существовали как общие черты в формировании самого фонда анекдотов, так и похожесть тем, а также персонажей и отношений между ними, которые входили в тексты анекдота. Причины этого лежат, прежде всего, в том, что социально-политические обстоятельства, а именно, социалистический общественный строй, стали на определенном отрезке времени основой для существования общего *дискурсивного пространства* двух государств и, как следствие, – общей благодатной почвой для развития культуры анекдота в обеих странах. Под *дискурсивным пространством* в данном случае имеется в виду упорядоченная

система ментальных связей и поведенческих отношений внутри некоего социально-культурного сообщества, определяющая особенности межакционального взаимодействия членов этого сообщества в разных видах их деятельности, включая и деятельность речевую.

Наличие общего «дискурсивного пространства» позволяет рассматривать анекдот как один из текстовых знаков социальной и культурной идентификации граждан названных государств, не зависящий от национальной и языковой границы. Коммуникативную некомпетентность, то есть непонимание смысла текста анекдота, при такой ситуации проявляют скорее те члены общества, которые, невзирая на владение соответствующим (русским или немецким) языком, не имеют достаточных знаний об особенностях поведенческой и ценностной системы, объединяющей оба государства.

Вследствие этого исследователи, интерпретирующие анекдот с лингвистической точки зрения, должны учитывать действие «текстовой экспансии», которой он подвержен, его принадлежность к некоей общей системе, в которой действуют механизмы «макроорганизации», зависящие от состояния общественного сознания, общих социально-политических и культурно-исторических приоритетов, общих ценностей и др. [См. об этом подробнее Гончарова, 2012, с. 10–33]. Иными словами, текст анекдота порождается и существует по законам дискурса и обладает собственным «дискурсивным пространством», так как в основе его оформления в виде текста лежит некий общий опыт определенного когнитивного и ценностно-эмоционального отношения к миру и другим, в свою очередь ограниченный определенным «дискурсивным пространством».

А из этого следует, что как тип текста анекдот принадлежит к «микроуровню» определенной дискурсивной формации. За ним стоят, если воспользоваться словами Ю.С. Степанова, относящимися к дискурсу как таковому, «<...> особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир», в котором действуют «<...> свои правила истинности, свой этикет» [Степанов, 1995, с. 40]. Продолжая мысль исследователя, можно сказать, что «особый мир», существующий в дискурсивном пространстве анекдота на фоне социокультурной реальности двух названных стран, представляет собой, как и мир любого дискурса, «возможный (альтернативный) мир в полном смысле этого логико-философского термина» [там же, с. 43]. При этом отметим осо-

бо, что отличительная особенность возможного, альтернативного, мира в «дискурсивном пространстве» анекдота состоит в том, что он является «смеховым антимиром, перевертышем, в котором все иначе, чем в мире официальных догм» [Седов, 1998, с. 8].

Общее «дискурсивное пространство» двух социалистических государств с его содержательным стержнем – ментальностью живущих в них людей, с одной стороны, и «дискурсивное пространство» анекдота как особого вида текста, создающего «смеховой антимир», с другой, накладываются друг на друга в живом процессе коммуникации и определяют его (коммуникативного процесса) характерный облик. Это отношение подтверждает известное положение о наличии в структуре коммуникации трех «неслиянных, но и нерасторжимых» составляющих [Прохоров, 2009, с. 34], которые находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии: «интровертивной фигуры – текста, экстравертивной фигуры – дискурса, реальной фигуры – действительности ситуации общения» [там же, с. 45].

Такие составляющие «действительности ситуации общения» социалистического государства как отсутствие свободы слова, лицемерие представителей государственной власти, более низкий уровень жизни, чем в странах с рыночной экономикой и др., не могли не сказаться на дискурсивном характере анекдота как «экстравертивной фигуры». Так, они вызвали не только перманентное усиление семантико-смысловой насыщенности этого типа текста в проекции на «дискурсивное пространство» названных стран, но и уже отмечавшееся выше появление типичных для него тем и персонажей, а также значительное перераспределение качества и объема эксплицитной и имплицитной информации, передаваемой анекдотом как формой «многослойного» иронического текста. А это обусловило, в свою очередь, повторяемость в речевой коммуникации социума ГДР и СССР определенных структурно-семантических конструкций текста анекдот как «интровертивной фигуры».

Выше сказанное подтверждает и возможность, и продуктивность использования процедуры дискурс-анализа при выявлении прототипических свойств анекдота как текстовой формы коммуникации в государствах с похожим социально-политическим и культурным устройством. Начнем этот анализ со сравнения лексических обозначений обсуждаемого концепта в немецкой и русской этнокультурах.

Используемое в русском языке заимствование *анекдот* (фр. *anecdote* – краткий рассказ об интересном случае; греч. τὸ ἀνέκδοτον – не

опубликовано, букв. «не изданное») имеет, согласно словарям, два значения – 1) рассказ о забавном или поучительном случае из жизни исторического лица; 2) краткий устный шуточный рассказ, обычно злободневного содержания, с остроумной концовкой [ССИС, 1994, 47]. В немецкой этнокультуре используется похожая по звучанию лексема *Anekdote*, также греко-французского происхождения. Ею обозначается короткая, часто остроумная, история, характеризующая определенную личность, определенную социальную прослойку или определенное время. Ср. немецкий текст определения: „<...> kurze, oft witzige Geschichte (zur Charakterisierung einer bestimmten Persönlichkeit, einer bestimmten sozialen Schicht, einer bestimmten Zeit usw.)“ [Duden-FWB, 2007, p. 66].

Носители немецкого языка, в частности один из авторов настоящей статьи, отмечают, кроме того, относительную архаичность заимствованной лексемы *Anekdote* в немецком узусе, а также больший объем и более эпизированный характер обозначаемых ею текстов, по сравнению с текстами, называемыми в немецкой этнокультуре словом *Witz*. Концепт, который обозначается этой лексической номинацией, больше соответствует содержанию, закрепленному в русском обществе за заимствованием *анекдот*. Само слово *Witz* стало более широко использоваться в немецком языке в 17-м веке как результат перевода французского *esprit*, в связи с чем в немецких энциклопедических справочниках указывается на семантико-генетическое родство слова с понятием, обозначаемым лексемой *Geist* (в значении «талант, дар остроумного высказывания»). За счет метонимического переноса в 18-м веке у слова *Witz* появляется второе значение – «шутка», «остроумное высказывание» (*Scherz*), которое становится главным начиная с 19-го века.

Что касается характеристики типа текста, называемого словом *Witz*, то здесь в немецкой справочной литературе отмечается следующее: „Als Textsorte gehört Witz zu den einfachen Formen: ein kurz umrissener Sachverhalt erhält eine überraschende, den gängigen Erwartungshorizont desavouierende Wendung durch seine unvermutete Verbindung mit einem abliegenden Gebiet, wodurch ein – scheinbar unbeabsichtigter – kommunikativer Doppelsinn entsteht, der blitzartig die eingangs angesprochene Wertwelt (Normen, Sitten, Institutionen usw.) in Frage stellt, pervertiert, ihren geheimen Wesenskern entlarvt“ [Schweikle, 1990, p. 505]. Из приведенного рассуждения можно вычленить стержневые содержательные элементы, имеющие принципиальное значение для описания текстового прототипа анекдота.

К ним относится, прежде всего, (1) лаконизм речевой формы и, далее, – (2) на первый взгляд непреднамеренная, остроумная двусмысленность в изображении какой-то конкретной ситуации, (2а) якобы имевшей место в действительности, с помощью которой (3) подвергаются сомнению и переворачиваются общепринятые представления об определенных ценностях (нормах, обычаях, учреждениях и т. д.). Среди прототипических характеристик анекдота (*Witz*) отмечается также «взрывной характер» (*Explosivcharakter*) этой короткой, как правило, существующей в устном виде повествовательной формы, который возникает из-за того, что в ней сознательно нагнетаемое сюжетное напряжение получает остроумно-ошеломляющую развязку [Träger, 1986, p. 578]. Как справедливо замечает Е. С. Курганов, «анекдот – жанр пересекающихся контекстов, жанр, предполагающий пересечение несоединимых контекстов. Причем точно известен тот отрезок текста, где происходит пересечение – оно становится возможным только в финале» [Курганов, 1997, с. 29]. Сила воздействующего эффекта на слушателя / читателя зависит в анекдоте от степени несоответствия конечных смыслов текста ожидаемому содержанию, выводимому из «поверхностных» внутритекстовых семантических и референциальных связей: если подобного контраста нет, анекдот не становится остроумным и смешным.

Проинтерпретируем выше сказанное на примере одного из анекдотов, существовавшего в свое время на территории ГДР:

„*Welches ist der größte Strom der Erde?*“, *fragt der Geographielehrer.*

„*Das ist die Elbe*“, *sagt Fritzchen.*

„*Wie kommst Du darauf?*“ *wundert sich der Lehrer.*

„*Mein Großvater hat gesagt, er braucht 65 Jahre, um an das andere Ufer zu gelangen*»¹

У читателя, не знакомого с политическими реалиями времени существования ГДР, может возникнуть вопрос, а почему это, собственно, анекдот. Единственной позицией текста, неожиданной для его обычных представлений, то есть местом «пересечения несоединимых контекстов» (см. выше), становится тот факт, что для пересечения реки дедушке мальчика-рассказчика требуется 65 лет. Правда, так называемый «идеальный», или посвященный, адресат уже в начале текста обратит внимание на «говорящее имя» *Fritzchen* и поймет, что имеет дело с анек-

¹ Все текстовые примеры взяты из книги „Die besten Witze aus der DDR“. 2010, Wien.

дотом. Это детское имя, обозначающее главного персонажа диалога, так же как, например, *Klein-Erna* (для девочек), служит в немецком речевом сообществе как речевой сигнал для целой серии анекдотов, где в основе эффекта «обманутого ожидания» – уже названного выше смыслового и коммуникативно-прагматического механизма анекдота как типа текста – лежат конкретность, наивность и нелогичность детского мышления. В русско-советском культурном ареале подобным детским именем (также в уменьшительной форме) стало, как мы знаем, имя *Вовочка*.

Обратим сразу же внимание на принципиальное значение для дискурсивного анализа типа текста «анекдот» терминологического словосочетания «идеальный адресат», введенного в свое время франко-швейцарским лингвистом и культурологом Патриком Серио. Ссылаясь на него, Ю. С. Степанов пишет, что дискурс осуществляется именно благодаря «идеальному адресату», принимающему «<...> все пресуппозиции каждой фразы, <...> при этом дискурс-монолог приобретает форму псевдо-диалога с идеальным адресатом, в котором (диалоге) адресат учитывает все пресуппозиции» [Цит. по Степанов, 1995, с. 38]. В дискурсивном пространстве анекдота адресант комической информации всегда рассчитывает на слушателей / читателей как на «идеального адресата», способного и уловить вымышленный характер изображаемой в анекдоте сюжетной ситуации, и связать ее в то же время с реальной действительностью в логике комического соединения несоединимого.

В дискурс-анализе текста анекдот необходимо и терминологическое уточнение категории «адресант текстового сообщения», или «автор текста». Истинный автор анекдота, как мы знаем, в абсолютном большинстве случаев неизвестен, отчего этот тип текста обычно относят к фольклорным, или народным, жанрам [Ср. Курганов, 1997; Magfurt, 1997 и др.]. Адресант текстовой информации анекдота реализует в абсолютном большинстве конкретных коммуникативных ситуаций функцию не «порождения», а «репродукции» (уже существовавшего до него) текста. При этом характер текстовой репродукции зависит от особенностей конкретной ситуации речевого общения, речевой компетентности говорящего и его миметических способностей, а сами речевые действия коммуникативного субъекта коммуникации в дискурсе анекдота в той или иной степени имитируют «сценическое представление». Не зря в обиходных ситуациях мы часто слышим характеристи-

ки: «Он – блестящий рассказчик анекдотов»; «Он совершенно не умеет рассказывать анекдоты» и т. д. Речевая индивидуальность, артистизм «репродуктора» анекдота могут проявляться в голосовых модуляциях, фразовой интонации, частичном изменении лексического наполнения текста, дополнении текста междометиями и др.

Однако, имея право на определенные проявления речевой индивидуальности в той части композиции, которая обычно называется экспозицией (нем. *Exposition*), говорящий должен оставить прагматически и семантически аутентичной «напряженную концовку» текста [по Адмони, 1994, с. 130], или его остроумную «развязку» (называемую в немецком узусе французским заимствованием *Pointe*), которая допускает минимальные речевые вариации рассказчика.

С целевой направленностью текста анекдота на его преимущественно устную форму реализации и, следовательно, на моментальное когнитивное и коммуникативное взаимодействие участников коммуникации связана композиционная значимость для него формы диалога, реализуемого вопросно-ответными единствами. Именно в диалогических построениях реализуется часто «напряженная концовка», или «развязка» анекдотического сюжета, требующая максимальной ментальной концентрации слушателя, что создает характерную для анекдота дискурсивную ситуацию «диалога в диалоге». Вымышленный диалог, звучащий в анекдоте, представляет собой акциональную структуру, в которой, как правило, реализуется текстовое событие, служащее почвой для «потенциального диалога» [по Бахтину, 1979] между сознаниями адресанта и адресата.

Так, приведенный выше анекдот представляет собой имитацию естественного диалога между учителем и учеником, состоящего из двух вопросно-ответных единств. Ответное речевое действие мальчика, показанное в первом из них, завершает *экспозицию* текста, в которой намечается конфликт между общепринятым и выражаемым текстом анекдота остроумным коммуникативно-прагматическим смыслом: мальчик неожиданно называет в качестве самой длинной реки на земле Эльбу. В качестве аргумента подобного утверждения персонаж ссылается на слова своего дедушки о том, что тому нужно прожить 65 лет, чтобы попасть на другой берег этой реки (*композиционная развязка*, или «*напряженная концовка*» текста). Как известно, часть Эльбы служила в советское время границей между ГДР и ФРГ, а разрешение на посещение ФРГ граждане ГДР получали, как правило, только по до-

стижении ими пенсионного возраста – для мужчин это 65 лет. Реципиент с необходимыми культурно-историческими фоновыми знаниями (идеальный адресат) сразу же уловит саркастический смысл анекдота, в то время как политически несведущий читатель не поймет его «соль». В последнем случае текст анекдота останется «интровертивной фигурой», не имеющей проекции на «экстравертивную фигуру» дискурса и «реальную фигуру» «живой» социокультурной ситуации (см. выше), вследствие чего коммуникативный акт когнитивного и речевого (диалогического) взаимодействия рассказчика анекдота и его слушателя будет не осуществлен.

Экспозиция, в отличие от неразложимой в композиционном и смысловом отношении и, как правило, синтаксически компактной «напряженной концовки», или «развязки», анекдота, может, в свою очередь, состоять из двух частей. Текстовое целое как бы распадается на три композиционно-смысловых части, но при этом композиционно-смысловую роль «развязки» все равно имеет только последняя из трех частей, а две первых удлиняют экспозицию и усиливают текстовое напряжение. Трехчленную композиционно-смысловую структуру текста анекдота (наличие трех персонажей, трех разных способов поведения, трех разных ответов, один из которых является неожиданной «развязкой» и др.) можно связать, вероятно, с почти ритуальным смыслом числа «три» для внутренней структуры всякой правдоподобной и убедительной аргументации [См. об этом подробнее Keßler, 2008, p.347 ff]. При этом три композиционных части анекдота могут представлять собой высказывания трех разных персонажей, встроенных в короткую ситуационную экспозицию вымышленного характера:

Hannibal, Lord Nelson und Napoleon besuchen die NVA. Nach der Besichtigung mehrerer Armeeverbände fragt sie der begleitende General, was sie sich von den Dingen, die sie gesehen haben, am meisten wünschen würden.

Hannibal: „Die Panzer – das wäre viel besser gewesen als mit meinen Elefanten.“

Lord Nelson: „Die U-Boote, da hätte ich noch mehr Schlachten gewonnen.“

Napoleon: „Ich hätte gerne das ‘Neue Deutschland’. Wenn ich das damals gehabt hätte, dann wüsste die Welt heute noch nicht, dass ich bei Waterloo verloren habe.“

Характерно, что аналогичный анекдот, но с заменой реалий (вместо NVA и ‚Neues Deutschland‘ – Советская Армия и газета ‚Правда‘) –

сигналов «живой» социально-культурной ситуации, общей для двух стран, – существовал и в СССР.

Приведенный пример иллюстрирует также достаточно распространенное в тексте и немецкого и русского анекдота усечение структуры изображаемого в нем вымышленного диалога. Подобное усечение можно объяснить, во-первых, принадлежностью этого жанра к непринужденной устной коммуникации и, во-вторых, дискурсивной открытостью внутритекстового диалога «потенциальному диалогу» между публикой и рассказчиком, в котором последний как бы хочет помочь слушателю /-ям в мгновенном разгадывании основных смыслов анекдота. В вышестоящем тексте вопросы к трем великим полководцам, фикционально соединенным в логике комического сюжета, передаются в форме свернутой косвенной речи. За счет этого возрастает прагматическая роль для смыслового напряжения в тексте ответов, передаваемых прямой речью и устремленных к остроумно-парадоксальной развязке.

Одной из характерных текстовых форм анекдота в обеих странах были также двучленные вопросно-ответные синтаксические комплексы, социально актуальные вопросы в которых формулировались не персонифицированным действующим лицом, а невидимым персонажем (как неким собирательным образом). В также анонимном ответе содержалась комическая развязка. С помощью подобной текстовой формы читатель идентифицировал себя с участниками изображаемого «псевдо-диалога», особенно в тех случаях, когда в текстовой структуре появлялись личное местоимение *wir* или неопределенно-личное *man*. Например:

*Was passiert, wenn der Fernsehturm in Berlin Richtung Westberlin umfällt?
Dann kann man mit dem Fahrstuhl in den Westen fahren!*

*Was ist Glück?
Natürlich, dass wir in der DDR leben.*

*Was ist Pech?
Pech ist, dass wir so viel Glück haben!*

Что касается действующих лиц анекдотов, то, как уже говорилось выше, можно отметить повторяемость в них определенных социальных типов – *полицейских, пациентов сумасшедшего дома, членов ведущей политической партии, сотрудников органов госбезопасности* и др., которые, как и в текстах сказки, олицетворяют здесь определенные функции [Ср. Пропп, 1969]. Для дискурса текста характерна и достаточно вы-

сокая частотность личных имен политиков и известных исторических личностей (например, в ГДР – *Honecker (Honni), Ulbricht, Mielke, Gorbatschow (Gorbi), Breschnev, Chrustschow, Stalin* и др.; в СССР – *Брежнев, Горбачев, Хрущев, Сталин* и др.), которые принадлежат к излюбленным персонажам анекдотов в обеих странах. Персональные имена также выступают как своеобразная форма олицетворения, но в этом случае – определенных социально-политических ситуаций и актуальных тем. При этом в анекдотах, популярных в свое время в ГДР, советские главы государств нередко объединялись сюжетной ситуацией диалога с немецкими политиками, что является дополнительным свидетельством существования общего дискурсивного пространства как фона для порождения и функционирования анекдотов в обоих обществах.

Список литературы

- Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб, 1994.
- Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд-е 4-е. М., 1979.
- Гончарова Е. А. Текст – дискурс – стиль как когнитивное, коммуникативно-прагматическое и интерпретационное триединство / Текст – дискурс – стиль в современной этнокультуре Германии. Глава 1. СПб, 2012. С. 9–33.
- Курганов Е. С. Анекдот как жанр. СПб, 1997.
- Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Л., 1929.
- Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2009.
- Седов К. Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М., 1998.
- ССИС. Современный словарь иностранных слов. М., 1994.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 33–71.
- Ширяева Н. В. Лингвокогнитивная репрезентация категории комического в немецком языке (на материале типа текста «анекдот»). Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М, 2007.
- Duden-FW. Duden-Fremdwörterbuch. Mannheim, 2007.
- Fix U. Die erklärende Kraft von Textsorten. Textsortenbeschreibungen als Zugang zu mehrfachstrukturiertem – auch kulturellem – Wissen über Texte // Linguistica XXXVIII. № 1. Ljubljana, 1998. P. 15–27.
- Keßler Chr. Zur semantischen Beschreibung von Zahlwörtern im System und im Text // Pohl I. (Hrsg.). Semantik und Pragmatik. Schnittstellen. Frankfurt/Main, 2008.

Marfurt B. Textsorte Witz. Möglichkeiten einer sprachwissenschaftlichen Textsortenbestimmung. Tübingen, 1997.

Schweikle G. und I. Metzlers Literaturlexikon. Begriffe und Definitionen. Zweite und überarbeitete Auflage. Stuttgart, 1990.

Träger Cl. (Hrsg). Wörterbuch der Literaturwissenschaft. Leipzig, 1986.

*Goncharova Evgenia Alexandrovna (Saint Petersburg, Russia),
Christine Keßler (Potsdam, Germany)*

SOME EXPERIENCES OF DISCOURSE ANALYSIS OF THE TEXT TYPE ANECDOTE

(on its use as a form of communicative interaction in GDR and USSR)

The paper is devoted to the discourse analysis of the text type anecdote, a wide-spread form of social and communicative interaction in GDR and USSR. The common discourse space in these former socialist states determines their common thematic, pragmatic and compositional characteristics, as well as common functions of this kind of text type in both the societies.

Keywords: *anecdote, text type, discourse, discourse space, cultural code, communicative situation, exposition, humorous outcome, ideal addressee, text reproduction*

УДК 81'42

Т.Р. Джанелидзе (Санкт-Петербург, Россия)

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ РЕСУРСАХ

В статье анализируется проявление интернет-дискурса в наиболее распространенных коммуникационных ресурсах в сети Интернет: в блогах, на форумах, в социальных сетях и т.п. Описываются лингвистические и экстралингвистические особенности интернет-дискурса, приводятся характерные черты, повлиявшие на формирование особого типа речи в каждом из изучаемых ресурсов.

Ключевые слова: интернет-дискурс, коммуникация, социальная сеть, блог, микроблог, чат

С развитием информационных технологий появились и новые формы коммуникации, которые получили распространение и признание, проникнув во все сферы человеческой деятельности. Следовательно, появились новые направления в науках, изучающие эти веяния. Инновационное направление этой области привлекает внимание исследователей и обуславливает появление не только новой терминологии, но и нового типа речи – Интернет-дискурса [Маслова, 2008, с. 59]. Интернет-дискурс характеризуется особым коммуникативным слиянием устной и письменной речей [Мечковская, 2008, с. 26]. В нем сочетаются печатный текст и интонация устной речи, а также идентификаторы эмоций в виде эмодиконов или множественного повторения знаков препинания. (Например: «QUEEN!!!! RT @LianneLaHavas Blows Us Away With 2 NEW Music Videos! SeeThemHERE! <http://perez.ly/Vxn-6MZ>») [<https://twitter.com>].

Интернет-дискурс реализуется в чатах, блогах, форумах, сообщениях в социальных сетях, комментариях. Безусловно, особое место в изучении Интернет-дискурса стоит уделять адресату, от которого зависит стиль сообщения (ср. формальное и неформальное электронное письмо). Например, в сообщении, poslanном в социальных сетях начальнику, будут максимально сохраняться нормы письменной речи.

Подробнее остановимся на описании жанров Интернет-дискурса и рассмотрим лингвистические и экстралингвистические особенности данного явления.

Чаты по своей форме и функциям повторяют общение вживую двух, чаще большего количества людей. Разработанный в 1988 году протокол, названный InternetRelayChat (IRC), что примерно можно перевести как ретранслируемый Интернет-разговор, быстро стал популярным средством общения из-за простоты процесса, распространилось и его усеченное название «чат». Общение в чате, обязательным условием которого является режим онлайн, предполагает групповую коммуникацию (RC, Jabber, Yahoo!Chat, AVACS LiveChat, Mychat). В чатах существует и опция персональной коммуникации, что получило развитие в виде программ ICQ, Jabber, Skype, Yahoo! Messenger, AOLInstantMessenger, Namachi [Богданов, 2011, с. 14].

Форумы подобны чатам по форме, но отличаются узко направленностью тем для обсуждения.

Блоги характеризуются разной протяженностью записями на актуальные для автора темы. Их цель – создание некоего сочинения-рассуждения, эссе. Адресат блогов – обычно широкая публика, что отличает блог от традиционного дневника, не предназначенного для стороннего читателя. Блоги предполагают дискуссию, общение по схеме «автор – читатель / читатель – читатель». Большое значение в такого рода ресурсах, имеет количество «читателей» (в оригинале на англ. «followers»), как показатель интереса к автору и затронутой им теме.

Разновидностью блогов выступают микроблоги, отличительной чертой которых являются краткость и лаконичность сообщения, что влияет на средства выражения. Например, популярный ресурс микроблогов Twitter, ограничивает размер записи (поста) в 140 символов, что способствует активному использованию аббревиатур, сокращений и т.п. в целях экономии языковых средств. Личные аккаунты в Twitter имеют множество известных людей: спортсмены, писатели, актеры, общественные деятели, журналисты, политики.

Действующий 44-й президент США Барак Обама регулярно делится с читателями новостями из своей политической и личной жизни, но в силу ограниченности количества дозволенных символов в микроблоге обычно даются ссылки на статьи в электронной версии публицистических изданий, освещающую эту новость более подробно. См., например, «твит» президента от 12 февраля 2013 года:

“Our journey moves forward, and our future remains hopeful, and the state of our union will always be strong. <http://OFA.BO/jHZA-WU #SOTU>»

[<https://twitter.com/BarackObama>]).

С одной стороны, такая стратегия помогает информационно уплотнить сообщение, передавая больший объем информации в 140 символах. С другой стороны, президент косвенно выражает одобрение материала тех или иных изданий, т.е. рекомендует конкретный источник.

В этом же ресурсе часто встречаются записи, подобные личным сообщениям, но адресованные определенным пользователям в публичной форме. Например, пользователь msleamichele 20 февраля 2013 написал: «I'm so excited to see @janemarielynch in ANNIE! This is the best news ever!!! So happy for you Jane!!!! :)» [<https://twitter.com>]).

Социальные сети пользуются большой популярностью во всем мире (отсюда их большое разнообразие). Общение предполагается как в форме личных сообщений, так и публичных записей на «стене». Самая распространенная сеть Facebook предоставляет возможность не только обмениваться текстовыми сообщениями, но и делиться фотографиями, аудио и видеофайлами (именно с этой функции и началась популяризация Facebook. См. историю создания Facebook [<http://wiki.gookee.ru/Facebook>]). Есть возможности использовать приложения и игры онлайн, «приглашая» и других пользователей; поделиться понравившейся записью, тем самым распространяя ее среди «подписанных» пользователей; следить за новостями и обновлениями на страницах друзей и сообществ (групп), на которые пользователь подписан. Беспрепятственная передача данных в онлайн режиме, расширяющая круг осведомленных в геометрической прогрессии, считается одним из стимулов событий, поэтично названных в СМИ «Арабской весной». Социальные сети также стали проводниками реальных данных о происшествиях в условиях информационной блокады.

Аккаунт в социальной сети по функциональной нагрузке схож с портфолио пользователя, дающего настолько полную информацию о владельце, насколько ему будет это угодно (в этом плане показательно название одной из социальных сетей – MySpace).

В рамках жанра социальных сетей выделяют две группы коммуникационных инструментов: собственно коммуникационные и интерактивные. Они используются для записи, хранения и представления данных в текстовом, аудио- и видео форматах [Ушаков, 2010, с. 173].

Учитывая безусловную популярность такого ресурса, как Skype (по данным самой компании, ресурс насчитывает до 40 миллионов пользователей в часы пик), многие разработчики социальных сетей добавили

на свои сайты функцию видеоконференции. Skype – вид коммуникации, который подразумевает не только обмен мгновенными сообщениями, но и голосовое и видео общение. Программа позволяет совершать конференц-звонки (до 25 голосовых абонентов, включая инициатора), видеозвонки (в том числе видеоконференции до 10 абонентов), а также обеспечивает передачу текстовых сообщений (чат) и передачу файлов. Есть возможность вместо изображения с веб-камеры передавать изображение с экрана [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Skype>].

Рассмотрим некоторые особенности Интернет-дискурса как особого типа дискурса, сочетающего особенности письменной и устной речи.

Технические ограничения транслируемых текстовых сообщений (например количество символов) привели к появлению особого вида письма, названного СМС языком (SMS language) и его вариаций – языка фейсбук (facebook language) и языка твиттер (twitter language), названных по соответствующим ресурсам, где они активно используются.

Другой причиной появления Интернет-дискурса можно считать тот факт, что наличие определенных фоновых знаний у групп лиц, друзей, членов семьи, коллег и пр. позволяет организовать сообщение прагматично. Это позволяет в разумных пределах использовать синтаксические и лексические сокращения в целях экономии пространства (печатных знаков) и сокращения количества «кликов» по клавиатуре. Использование сокращений также идентифицирует пользователя ресурсов, что является одним из признаков принадлежности к определенному социуму. Сокращения позволяют сократить количество используемых знаков, таким образом, экономя количество знаков в сообщении, без потери смысла (Ср. названия месяцев или дней недели Oct/Nov; Tues/Wed).

Также наблюдается уменьшение использования знаков препинания. Больше всего этому явлению подвержены точки и запятые. Конец предложения редко сопровождается точкой и обозначается либо концом высказывания, либо концом строчки.

С другой стороны, в Интернет-коммуникации получили распространение такие знаки препинания, как закрывающиеся и открывающиеся скобки, восклицательные и вопросительные знаки, многоточия. Интернет-дискурс характеризуется особой эмоциональной полнотой, чем и объясняется обильное использование индикаторов эмоций. Многократное использование восклицательного и вопросительного знаков выражает эмоции автора, причем знаков может быть как 2, так и 10 и

более. Многократное повторение знаков ограничивается длиной строки. Закрывающиеся\открывающиеся скобки являются сокращенной формой эмодиконов, наиболее распространенной формы эмотивной окраски Интернет-письма. В полном виде они сопровождаются двоеточием или точкой с запятой, что обозначает радость, грусть и подмигивание, соответственно.

Кроме представленных в данной работе, существуют и прочие коммуникационные ресурсы. Мы ставили целью описать наиболее распространенные и показательные. Очевидно, что в Глобальной сети формируется особый сегмент, требующий более глубокого изучения с интересующих нас лингвистических и экстралингвистических сторон.

Список литературы:

Богданов Д. Социальные ресурсы Интернет: социальные сети, чаты, блоги, форумы. Н. Новгород, 2011. 92 с. [Электронный ресурс] URL: http://nauchenie.narod2.ru/socio_communication/internet-seti/ (Дата Обращения.14.02.2013)

Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М., 2008.

Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до интернета. М., 2009.

Ушаков А.А. Интернет-дискурс как особый тип речи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. №4. С.170–174.

Tamari Ramazovna Janelidze (Saint-Petersburg, Russia)

INTERNET-DISOURSE IN MODERN COMMUNICATION RESOURCES

The paper deals with the analysis of internet discourse peculiarities in the most widely-spread communication resources on the Internet such as blogs, forums, social networks, etc. Linguistic and extra linguistic features of internet discourse are described, the peculiarities that had affected the formation of special types of speech in each of the resources are given.

Keywords: *Internet-discourse, communication, social network, blog, micro blog, chats*

УДК 81'42

Т.Н. Иванова (Санкт-Петербург, Россия)

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ДИСКУРС И КОНФЛИКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (МЕДИЦИНСКИЙ КОНТЕКСТ)

В статье на материале медицинского дискурса анализируется конфликтное речевое общение, которое рассматривается как стремление собеседников уйти от когнитивного диссонанса и разрешить конфликт мнений с помощью выдвижения рациональных аргументов. Предлагается ряд параметров, характеризующих медицинский дискурс, и прослеживается их роль в двух стилистически различных ситуациях – научной статье (полемика с потенциальным собеседником) и в художественной литературе (реальный собеседник).

Ключевые слова: конфликтное взаимодействие, аргументация, аргументативный дискурс, параметры дискурса, медицинский дискурс, когнитивный диссонанс, конфликт мнений.

Данная статья посвящена анализу процесса аргументации и конфликтного взаимодействия, а также лингвистическим характеристикам аргументации в медицинском контексте. Исследование этого направления представляется актуальным, так как, по мнению К. Поппера, аргументативная функция является самой важной языковой функцией [Popper, 1972].

Медицинский контекст представляет интерес, прежде всего, потому, что это одна из важнейших сфер деятельности и взаимодействия людей, от которой может зависеть их здоровье, качество жизни и сама жизнь. Особенно существенным может стать обсуждение иногда противоположных и, в связи с этим, конфликтных точек зрения, выдвигаемых профессионалами-медиками. С точки зрения лингвистики вопрос состоит в том, могут ли лингвистический инвентарь и прагматические стратегии помочь разрешить конфликт мнений наиболее безболезненно. Поэтому необходимо проследить, как развивается взаимодействие и конфликт, и можно ли его, так или иначе, специфицировать с помощью системы параметров.

При анализе использовался материал двух разных по стилю типов диалогического дискурса – статьи из медицинских журналов, в которых отражается та или иная врачебная точка зрения и ведется диалог с

потенциальным партнером, а также диалогические фрагменты романа Артура Хейли «Окончательный диагноз», где происходят словесные баталии с вполне реальными (в плане изображённой коммуникации) собеседниками. Под словом «реальный» мы принимаем за данное тот факт, что в пределах романа автор подает словесное взаимодействие своих персонажей как реальное, несмотря на то, что каждому автору художественного произведения хотелось бы передать и внедрить в сознание читателя свои представления и идеи. И.А. Щирова со ссылкой на Изера говорит о том, что в художественном тексте всегда присутствует реальность [Щирова, 2010, с. 77]. Этот же автор в своём исследовании по проблемам лингвистики текста высказывает интересную мысль о том, что «чем бы ни занималась литература, она неизбежно моделирует человека...» [Щирова, 2001, с. 4]. Для данной статьи такой подход чрезвычайно важен, потому что он разрешает рассмотреть представление вербального поведения в художественном тексте как реальную модель поведения. Кроме того, тексты произведений Артура Хейли довольно просты и приближены к реальному языку.

При анализе был использован прагма-диалектический подход Амстердамской школы [ван Еемеерен, Гроотендорст 1984, 1992, 1994], а также подход российской школы к лингвистическому анализу диалогической речи и анализу текста, прежде всего школы Санкт-Петербургского университета (Л.П. Чахоян, Т.П. Третьякова, А.А. Масленникова, К.А. Филиппов [Чахоян, 1979; Филиппов, 2007]) и школы РГПУ им. А.И. Герцена (З.Я. Тураева, А.Г. Гурочкина, И.А. Щирова [Тураева, 1980; Гурочкина, 2005; Щирова, 2001, 2010]).

Для удобства дальнейшего обсуждения определимся в основных понятиях и компонентах анализа.

Под аргументативным дискурсом условимся понимать дискурс, направленный на разрешение конфликта мнений или отстаивание доводов за или против, который состоит из последовательного выдвижения аргументов и контраргументов. Цель разрешения конфликта мнений – это также цель убеждения противника, изменение его точки зрения. По ван Еемеерену и Гроотендорсту, говорящий, высказав ту или иную точку зрения, берет на себя обязательство ее доказать [Еемеерен, Гроотендорст, 1992].

Для нашего анализа важно также помнить о принципе социализации аргументации [Еемеерен, Гроотендорст, там же]. Один из собеседников адресует свою аргументацию другому, а тот выступает в каче-

стве рационального судьи. Если второй собеседник не был убежден, он выдвигает свои аргументы, и процесс продолжается, образуя диалог или рациональную дискуссию, которая помогает уйти от конфликтного речевого взаимодействия. Это в теории, однако, в реальной беседе, диалоге часто бывает очень трудно быть рациональным судьей, так как реакция участников диалога зависит от их сознания, индивидуальной системы ценностей.

Если ни одно из выраженных мнений не меняется в процессе дискуссии, это означает, что конфликт не разрешается и аргументация не была успешной. При такой ситуации возможно нарастание (эскалация) конфликта, который превращается из конфликта мнений в «открытый» конфликт, что может означать ссору, драку и т.д.

Итак, конфликт – это тип взаимодействия, когда партнеры пытаются изменить друг друга или во мнении или в поведении, и оба оказывают друг другу сопротивление.

В конфликтном диалоге принцип Грайса «Каждый собеседник вносит свой вклад в общую цель разговора» проявляется специфически, потому что собеседники часто имеют противоположно направленные цели. При конфликте один или оба собеседника испытывают сильные чувства по отношению к теме, предмету разговора. В развитии конфликтного диалога решающим фактором может оказываться статус собеседника и их психологические типы. Могут быть выделены следующие типы конфликтного взаимодействия: возражение, противоречие, манипуляция, убеждение и подчинение или подавление. Все они связаны с тем, как проявляется перлокутивный эффект той или иной реплики.

Различные позиции сторон связаны с наличием так называемого когнитивного диссонанса, явления, впервые описанного американским социальным психологом Лео Фестингером [Festinger, 1962].

Когнитивный диссонанс, о роли которого в конфликтном общении мы уже писали (Иванова (Шелингер) Т.Н.), означает, что один когнитивный элемент нашего сознания противоположен другому элементу. Когнитивный элемент есть нечто, что мы полагаем истинным (это может быть связано с нами, окружающей действительностью, нашими представлениями, нашим поведением). Другими словами, мы можем сказать, что когнитивный диссонанс – это рассогласование между нашими словами и нашими делами, поступками, включая вербальные [Festinger, 1962].

Чувство диссонанса – мощнейший фактор изменения нашей позиции или нашего отношения к окружающей действительности. Если мы сталкиваемся с другим мнением, то диссонанс становится интерперсональным, и мы стремимся изменить собеседника. Поскольку все наши мнения и убеждения выражаются вербально, диссонанс влияет на ход и развитие нашего общения, диалога, речевого взаимодействия, конфликтного противостояния.

Медицинский контекст и дискурс можно рассматривать как частный случай конфликтного взаимодействия, в котором участвуют представители медицинской профессии. Две основных ситуации – это диалог двух или более врачей и диалог врача и пациента. В данном виде взаимодействия можно выявить несколько характерных особенностей. Во-первых, главная тема – это, как правило, заболевание, диагностика заболевания, обсуждение вариантов лечения, включая суждения (оценку) о рисках и преимуществах, выработка решения, выбор лекарства и язык предписывания (рекомендаций).

Суждение – это главное требование для врача, его главное умение. Еще с древности врачи соблюдают Клятву Гиппократову «в меру своих способностей и суждений». Для медицинского контекста характерны определенные ценности. Например «не вреди» – это известная древняя максима, которая лежит в основе врачебной этики.

Этот вид ценности тесно связан с безопасностью, уходом от рисков, сведением их на нет, скоростью оказания помощи. Данная система ценностей определяет параметры медицинского дискурса: 1) **параметр времени и скорости** – медицинскую помощь нужно получить как можно скорее, и среди профессионалов-медиков известно, что либо твой вклад принес пользу, либо можно потерять пациента; 2) **параметр помощи** – задача врача всегда помогать пациенту; 3) следующий выделяемый параметр – это **параметр безопасности** (никакого вреда!) В Гиппократовом сборнике в разделе «Эпидемии» можно обнаружить следующие слова: «врач обязан... иметь в виду два специальных аспекта по отношению к болезни, а именно делать доброе дело и НЕ вредить». Данное обстоятельство подсказывает, что следующим параметром является 4) **параметр качества лечения**. Он состоит в том, что врач должен стараться использовать лучшее из ему известного, чтобы пациент получил своевременное, самое эффективное лечение. 5) **Параметр количества** отвечает за статистику, цифры, потому что врачам постоянно приходится иметь дело с различными дозами в рецептах, анализах, измерением температуры и т.д.

Конечно цифры – это не только врачебное дело, однако, в медицинском дискурсе они приобретают особую ценность, потому что влияют на решение врача, а, следовательно, на жизнь человека. Анализ текстов статей и диалогов в романе Хейли показывает несомненное сходство в стратегиях и построение диалога вокруг указанных параметров. Разное восприятие приведенных параметров, различная полнота их наполнения, создает разные мнения и является почвой для конфликта. Кроме этих параметров, которые характеризуют внешние измерения ситуации, для медицинского дискурса важны более глубинные: **6) параметр власти и параметр ответственности.**

В 1995 году Дженни Томас предложила классификацию типов власти собеседников, среди которых она выделила власть знаний или «власть эксперта», когда у одних людей имеется власть над другими благодаря их знаниям и квалификации. Именно такой тип власти характерен для медицинского контекста, именно фактор власти создает отсутствие равновесия в диалоге пациент – врач, который в результате может стать глубоким конфликтом и приведет, скажем, к отказу от услуг данного врача. Одним из результатов действия такого фактора власти является более официальный стиль общения, уважение к врачу и т.д. Очень мала вероятность того, что доктор разрешит или предложит обращаться к нему по имени. В этой связи Робин Лакоф приводит следующий диалог.

Doctor. Are you John?

Patient. Yes – and you're Richard (the doctor's first name)?

Doctor. I'm doctor Smith.

В трактовке Робин Лакоф, именно в этот момент устанавливаются властные отношения и общие конвенции диалога. Доктор подтверждает, что отсутствие равенства и равновесия между доктором и пациентом – это непреложная истина. [Lakoff, 1990, p. 68]

Необходимо отметить, что данная ситуация культурологически нагружена, потому что в русской культуре никто не назовет врача иначе как по имени-отчеству, даже, если возраст врача значительно ниже возраста второго собеседника.

Так как доктора являются экспертами в своем деле и используют свои знания для убеждения, очень многое зависит от степени доверия. Если стусить краски, можно сказать, что мнение врача управляет человеческой жизнью. В последние несколько лет на Западе сформировался подход «от пациента», когда ответственность как сторона власти

делится и на врача, и на пациента, и происходит общее принятие решения. Эта ситуация и сам параметр ответственности, так же, как и параметр власти, имеют разный вес и смысл в разных культурах. В этом случае все общение пациента и врача становится единым диалогом, направленным на разрешение конфликта мнений.

В научных статьях параметр ответственности используется как фактор ухода от прямого конфликта. Авторы статей чаще всего используют средства смягчения коммуникативного намерения (конструкции с глаголом *appear*, модальные слова, модальные глаголы соответствующего типа и пассивные конструкции), чтобы показать, что исследование не абсолютно, что в принципе могут быть получены и другие результаты и т.д. В ряде случаев просто приводятся количественные показатели эксперимента. Количественный параметр используется как доказательство в потенциальном конфликте с теми читателями-профессионалами, у которых может быть другое мнение. Сходным образом в романе А. Хейли врачи, которые спорят между собой, доказывая свое мнение о диагнозе, пытаются апеллировать к объективным критериям и показателям.

Представляется, что приведенный в данной статье и еще далеко не полный перечень параметров медицинского дискурса может стать инструментом для изучения конфликтных стратегий в медицинской сфере.

Список литературы

Гурочкина А.Г. Когнитивный и прагмасемантический аспекты функционирования языковых единиц в дискурсе. СПб, 2005.

Еемерен Ф. ван, Гроотендорст Р. Речевые акты в критических дискуссиях. СПб, 1994.

Тураева З.Я. Лингвистика текста. Л., 1980.

Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб. 2007.

Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка Л.1979

Щирова И.А. Языковое моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века: Автореф дисс... док. филол. наук, СПб., 2001.

Щирова И.А. О правде «вымысла» // Вестник МГПУ №2 (6) 2010, С. 74–85.

Eemeren F.H. van, Grootendorst R. Speech Acts in Argumentative Discussions. A theoretical model for the analysis of discussions directed towards solving conflict of opinion. Dordrecht, 1984.

Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. N.Y. 1962.

Lakoff R. Talking Power: the Politics of Language in our Lives, 1990.

Popper K.R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford, 1972.

Tatiana Nikolayevna Ivanova (Saint Petersburg, Russia)

ARGUMENTATIVE DISCOURSE AND CONFLICT INTERACTION IN THE MEDICAL CONTEXT

The article deals with conflict interaction in medical discourse. Conflict interaction is considered as resulting from the desire of communication partners to resolve their cognitive dissonance and opinion conflict through rational argumentation. The paper also offers a number of parameters typical for medical discourse, such as speed, help, safety, quality, and quantity, as well as power and responsibility. The role of these parameters is analyzed in two stylistic types of texts, namely research paper and fiction.

Keywords: conflict of opinion, conflict interaction, cognitive dissonance, argumentative discourse, conflict resolution, medical discourse, discourse parameters

УДК 81.0

О.Е. Филимонова (Санкт-Петербург, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена изучению текстов выступлений известных англоязычных политиков 20–21 веков. В фокусе внимания находятся ситуации репрезентации эмоций говорящего и третьих лиц, выявляемые в политических речах. Описываются типы носителей эмоционального состояния, временные параметры изучаемых эмотивных ситуаций, а также семантика представленных в них эмоций и средства создания экспрессивности для осуществления манипулятивного воздействия на адресата.

Ключевые слова: политическая речь, эмотивная ситуация, множественный субъект, семантика, эмоция, экспрессивность.

Под политической речью в данной статье понимается публичное выступление политика на общественно важные темы. Эти темы могут касаться как внутреннего устройства государства и существующих в нем проблем, так и межгосударственных отношений или проблем мировой политики.

И дискурсивные исследования, и критические дискурс-исследования, по мнению Т. Ван Дейка, используют разнообразные методы наблюдения, анализа и прочие стратегии сбора, обработки, интерпретации данных, проверки гипотез, развития теории и получения знания. При этом, несмотря на методологический плюрализм, существуют определенные предпочтения и тенденции, среди которых особое внимание критического дискурс-анализа к аспектам злоупотребления властью [ван Дейк, 2013, р. 21].

Материалом настоящего исследования явились речи британских, американских, южно-африканских, австралийских и индийских политиков 20–21 веков, включенные в сборник Х. Вилльямса (H. Williams) “In Our Time. The speeches that shaped the modern world” [Williams, 2009].

О чем бы ни шла речь в выступлении политика, оно, как правило, затрагивает эмоциональную сферу человека, хотя, безусловно, существуют и политические речи, основанные преимущественно на апелляции к рациональному восприятию сообщения. Разделяя мнение лингвистов

о невозможности абсолютного разграничения эмоционального и рационального в языке, мы, тем не менее, попытаемся проанализировать репрезентацию эмоций в известных выступлениях англоязычных политиков 20–21 веков, обращая внимание на такие аспекты проявления эмоций в тексте, как носитель эмоционального состояния, семантика эмоции, время переживания эмоции, специфика сочетаемости эмотивных лексем, имплицитность и экспрессивность представления эмотивной ситуации и некоторые другие. Поскольку обращение к эмоциям в политическом тексте является мощным средством воздействия и манипулирования, исследование такого рода представляется весьма актуальным.

Носителем эмоционального состояния в политической речи может выступать как сам политик, так и третьи лица. Приведем примеры выражения личных эмоций политиков:

I sometimes marvel at those who ask me why I am speaking against the war [King, 2009, p. 105].

As to the objective of removing the risk to free passage through the canal, I must confess that I have been astonished at this also [Bevan, 2009, p. 50].

When I stand here this quiet afternoon I shudder to visualize what is actually happening to millions now and what is going to happen in this period when famine stalks the earth [Churchill, 2009, p. 15].

Говоря о своих личных эмоциях и переживаниях (в данных случаях о сильном удивлении *marvel*, *astonished* и страхе *shudder*), политики приближают себя к простым смертным, давая им понять, что ничто человеческое им не чуждо, и создавая доверительный тон общения для осуществления манипулятивных стратегий.

Типология носителей состояния – третьих лиц разработана в ряде исследований [Филимонова 2001, Бирюкова 2009 и др.]. В текстах политических речей регулярно представлены эмотивные ситуации, в которых репрезентированы эмоции множественного субъекта. Множественный субъект может включать и субъекта речи, как в следующем примере:

We in Britain are proud of the contribution we have made to this remarkable achievement [Macmillan, 2009, p. 60)].

Говорящий может выступать от лица более или менее узкой группы людей (например, членов своей партии), достаточно широкой (страны или даже континента) и предельно широкой – всего мира, человечества:

Out of the experience of extraordinary human disaster that lasted too long, must be born a society of which all humanity will be proud [Mandela, 2009, p. 172].

It is clear... that there is such bitter feeling against Western imperialism ... among millions of people [Bevan, 2009, p. 51].

Any hope the world has for the survival of peace and freedom will be determined by whether the American people have the courage to meet the challenge of free-world leadership [Nixon, 2009, p. 124].

В политических речах представлены также эмотивные ситуации, репрезентирующие противопоставление СВОИ vs. ЧУЖИЕ, когда политик включает в речь, например, указание на эмоции жителей других стран, будь то противники или союзники:

In front of the iron curtain which lies across Europe are other causes of anxiety..... From what I have seen of our Russian friends and Allies during the war, I am convinced that there is nothing they admire so much as strength, and there is nothing for which they have less respect than weakness, especially military weakness [Churchill, 2009, p. 17].

Изучение семантики эмоций в политических речах позволило выявить широкий спектр как положительных (relief, joy, hope, satisfaction, dream, exhilaration, triumph и др.), так и отрицательных эмоций (fear, alarm, panic, anxiety, terror, bitterness, hunger, envy, indignation, suffering, hatred, weariness, disappointment и др.) при преобладании последних. Ожидаемо частотными оказались случаи репрезентации социальных (pride, dignity, sympathy, compassion, solidarity, pity, national consciousness) и этикетных эмоций (appreciation, gratitude, respect, reverence, honour и др.).

В речи Кевина Руда, премьер-министра Австралии, стирается грань между этикетными и реально испытываемыми эмоциями. Из контекста речи становится ясно, что слова извинений идут у него от сердца, глубоко прочувствованы и составляют суть его речи, в которой Руд признал вину австралийцев перед коренным населением аборигенов. Приведем примеры:

For the pain, suffering and hurt of these stolen generations, their descendants and for their families left behind, we say sorry.

To the mothers and the fathers, the brothers and sisters, for the breaking up of families and communities, we say sorry.

And for the indignity and degradation thus inflicted on a proud people and a proud culture, we say sorry [Rudd, 2009, p. 202].

To the stolen generations, I say the following: as prime minister of Australia, I am sorry. On behalf of the government of Australia, I am sorry [Rudd, 2009, p.204].

Различные варианты этикетных формул (we apologize, we offer this apology, I am sorry и др.) используются в данной речи 10 раз, что позволяет говорить о чувстве вины и раскаяния как доминантной эмотивной теме данной речи.

Временные параметры эмотивных ситуаций в текстах политических речей могут различаться по линии прошедшее-настоящее-будущее с преобладанием среднего звена, иначе говоря, политики чаще говорят об эмоциях настоящего момента, сегодняшнего дня, как в большинстве вышеприведенных примеров. Ретроспективное представление эмотивных ситуаций нередко имеет место в случае сравнения плохого положения дел в прошлом с достижениями в настоящем и надеждой на будущее:

Weeping has endured for nights but now joy cometh in the morning [Jackson, 2009, p. 154].

We think that when someone dear to us dies, we think that when we lose an election, we think that when we suffer defeat, that all is ended. We think, as T.R said, that the light had left his life forever. Not true. It is only a beginning always. The young must know it; the old must know it. It must always sustain us because the greatness comes ...when you take some knocks, some disappointments, when sadness comes, because only if you have been in the deepest valley can you ever know how magnificent it is to be at the highest mountain [Nixon, 2009, p. 128].

Проспективное представление эмоций отличается структурным многообразием:

Self-determination is but a slogan if the future holds no hope [Kennedy, 2009, p. 76].

In the endeavour to meet that vow, I pledge you... that we shall never negotiate out of fear, we shall never fear to negotiate [Kennedy, 2009, p. 77].

If we try to abstract from the automative age, the only result will be that Britain will become a stagnant backwater, pitied and condemned by the rest of the world [Wilson, 2009, p. 90].

Проспективное отражение эмоций предполагает проецирование положительных эмоций на будущее в случае положительного развития политического сценария (победы на выборах, в войне, достижений экономического характера и т.п.) и отрицательного в противном случае:

What we've already achieved gives us hope for what we can and must achieve tomorrow [Obama, 2009, p. 209].

For the United States, this first defeat would result in a collapse of confidence in American leadership not only in Asia but throughout the world [Nixon, 2009, p. 122].

If Margaret Thatcher is re-elected as prime minister, I warn you, I warn you that you will have pain – when healing and relief depend upon payment [Kinnock, 2009, p. 126].

В изучаемых текстах выявляется прескриптивность/регулятивность эмотивных прагматических установок говорящих. Политик в таких случаях предписывает адресату «модель чувств», иначе говоря, сообщает ему, что следует испытывать (порядочному человеку, гражданину, патриоту) в определенной ситуации, а какие чувства надо отбросить:

We in Britain are rightly proud of the way in which, since Magna Carta in the year 1215, we have pioneered and developed representative institutions to stand as bastions of freedom [Thatcher, 2009, p. 162].

Somehow this madness must cease [King, 2009, p. 105].

Use hope and imagination as weapons of survival and progress [Lackson, 2009, p. 154].

Достаточно частотными являются случаи представления изменения эмоционального состояния субъекта(ов), преимущественно с плохого на хорошее:

At the stroke of the midnight hour, when the world sleeps, India will awake to life and freedom [Nehru, 2009, p. 25].

This tide of national consciousness which is now rising in Africa is a fact, for which both you and we and the other nations of the Western world are ultimately responsible [Macmillan, 2009, p. 61].

With this faith we will be able to hew out of the mountain of despair a stone of hope [King, 2009, p. 87].

Специфичными для текстов политических речей являются некоторые случаи использования различного рода лингвистических элементов, уточняющих семантику той или иной эмотивной единицы (economic insecurity, racial strains, unfulfilled hopes, smashed hopes, a collapse of confidence и др.). Политическое звучание имеет фраза *glimpse freedom* (people who have glimpsed freedom). Полагаем, что в таких случаях можно говорить о специфике сочетаемости эмотивных элементов в структуре политической речи при репрезентации эмотивной ситуации.

Очень интересным аспектом изучения репрезентации эмоций в политическом тексте являются случаи импликации эмоций и метафорического представления эмоциональных состояний:

After eight years of drugged and fitful sleep, this nation needs strong creative Democratic leadership in the White House [Kennedy, 2009, p. 65].

And if a beachhead of cooperation may push back the jungle of suspicion, let both sides join in creating... a new world of law [Kennedy, 2009, p. 71].

Политические речи характеризуются наличием большого числа стертых метафор, рекуррентно представляющих эмоции больших групп людей, как в следующих примерах:

We must use the insight, wisdom and experience of the late Hubert Humphrey as a balm for the wounds of the party, this nation and the world [Jackson, 2009, p. 153].

The war in Vietnam is but a symptom of a far deeper malady within the American spirit [King, 2009, p. 196].

Помимо метафоры частотными стилистическими средствами создания экспрессивности в изучаемых текстах явились повтор и антитеза. Экспрессивность репрезентации эмоций в конце политической речи нередко создается благодаря использованию интертекстуальных включений из Библии, из речей своих знаменитых предшественников – политиков прошлого, а также благодаря обращениям к Всевышнему.

Список литературы

Бирюкова Е.В. Репрезентация категории эмотивности в политическом тексте (на материале речей американских президентов). Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.

Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.

Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. СПб., 2001.

Bevan A. The government resorted to epic weapons for squalid and trivial ends. 5 December 1956 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Churchill W. An iron curtain has descended across the Continent. 5 March 1946 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Jackson J. Suffering breeds character. Character breeds faith. In the end, faith will not disappoint. 18 July 1984 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Kennedy, J. We stand today on the edge of a New Frontier. 15 July 1960 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Kennedy J. Mankind must put an end to war – or war will put an end to mankind. 25 September 1961 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

King M. L. Jr. I have a dream. 28 August 1963 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

King M.L. Jr. The war in Vietnam is but a symptom of a far deeper malady within the American spirit. 4 April 1967 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Kinnock N. I warn you that you will have pain. 7 June 1963// The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Macmillan H. The wind of change is blowing through this continent. 3 February 1960 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Nehru J. A new star rises, the star of freedom in the east. 14 August 1947// The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Nixon R. Mistakes, yes. But for personal gain, never. 9 August 1974 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Obama B. This is your victory. 4 November 2008 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Rudd K. As of today, the time for denial, the time for delay, has at last come to an end. 13 February 2008 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Thatcher M. Let Europe be a family of nations... relishing our national identity no less than our common European endeavour. 20 September 1988 // The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Wilson H. The white heat of the technological revolution. 1 October 1963 // The speeches that shaped the modern world. London, Quercus, 2009.

Williams H. In Our Time //The speeches that shaped the modern world. London, 2009.

Olga Evgenievna Filimonova (Saint Petersburg, Russia)

REPRESENTATION OF EMOTIONS IN POLITICAL SPEECH

The article studies the speeches of prominent English-speaking politicians of the 20th–21st centuries. It focuses on the situations representing the emotions of the speaker and other persons. The types of experiencers of emotions are described as well as their temporal parameters and the semantics of emotions. The means of creating expressiveness for manipulating the addressee is also described.

Keywords: *political speech, emotive situation, multiple subject, semantics, emotion, expressiveness*

УДК 81'42

М.Г. Цуцьева (Санкт-Петербург, Россия)

ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу политического дискурса с позиций лингвосинергетической теории дискурса. Основное преимущество междисциплинарного подхода с применением основных положений лингвосинергетики состоит в том, что он сочетает анализ как системных и вариативных, так и динамичных свойств политического дискурса.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, синергетика, лингвосинергетика, система

Начиная со второй половины 20 века, политическая коммуникация, находится в центре внимания ученых – представителей гуманитарных наук и является одним из новых и весьма перспективных исследовательских объектов в области современной лингвистики. Под политической коммуникацией понимается передача сообщений, предназначенная оказать влияние на распределение и использование власти в обществе, особенно если эти сообщения исходят из официальных правительственных институтов [Шейгал, 2000]. Это та, преимущественно, институциональная сфера использования языка, в которой говорящий, участвуя в коммуникации, осуществляет деятельность, влияющую на ход социальных процессов. Обращая внимание лингвистов на взаимоотношения между миром реальным и «миром вербальным», Дж. Серль отметил, что некоторые высказывания как бы направлены на то, «чтобы слова ...соответствовали миру», другие же «связаны с целью сделать так, чтобы мир соответствовал словам» [Серль, с. 172]. Для политической коммуникации, на наш взгляд, более важен второй тип отношений между названными мирами – здесь речевые произведения непосредственно влияют на мировой порядок, активно участвуя в формировании его социальных и экономических устоев.

Появление политической лингвистики как нового научного направления ознаменовалось появлением работ таких ученых, как А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, В.З. Демьянков, А.И. Пичкур, Е.И. Шейгал, Г.Г. Хазаров, А.П. Чудинов и др. Политическая лингвистика активизировалась

в значительной мере благодаря возрастанию интереса к дискурсу. Политический дискурс как междисциплинарный феномен находится на пересечении таких дисциплин, как политическая лингвистика, теория дискурса, социолингвистика, когнитивная лингвистика, этнокультурология и, наконец, что особенно важно для нас, лингвосинергетика.

Под синергетикой в самом общем виде, по мнению Р.Г. Пиотровского, понимается «...изучение общих принципов самоорганизации и саморазвития в сложных системах различной природы» [Пиотровский, 2006, с. 6]. Исследование языковых процессов, происходящих в политической коммуникации, с привлечением принципов синергетики позволяет дать более дифференцированное описание сложных динамических процессов, лежащих в основе политической коммуникации, приблизиться к пониманию сложности языковых явлений и процессов. Введение в методологию изучения политической лингвистики таких наук, как теория систем, психология, политология, культурология, лингвосинергетика и др. позволит исследовать такие коммуникативно-дискурсивные явления как, например роль языковой личности в политической коммуникации, выбор ею типа речевого поведения, демонстрация взаимообусловленности речевого поведения субъектов политического дискурса и др. с позиции их сложности и многомерности.

Учитывая выше сказанное, методологической основой для политической лингвистики становится дискурс-анализ, который в сочетании с лингвосинергетическими установками, предполагает не только изучение языкового общения с точки зрения выявления механизмов взаимодействия власти, познания, речи и поведения участников политической коммуникации, исследования различных форм речевой коммуникации в политическом дискурсе, но и рассмотрение в русле их синергетического взаимодействия как самоорганизующейся открытой системы. Содейтельность разных форм и функций создает синергию политического дискурса и дает возможность описания ее как сложной открытой динамической системы.

Ключевым для лингвосинергетической теории дискурса, которая заостряет внимание на эволюционных аспектах функционального пространства системы дискурса, является понятие функциональной системы. Результат самоорганизации состоит в том, что сложная синкретическая система политического дискурса (понимаемого и как институциональный политический дискурс, и как личностный дискурс языковой личности политика) адаптируется к условиям внешней сре-

ды (системы языка, ситуации общения, а также индивидуально и социально обусловленных параметров участников) и приобретает новые свойства, не присущие элементам в отдельности, вне системы, и не выводимые из простого «сложения» их семантики. Этот принцип (хотя и без обращения к синергетике) отмечал академик Л.В. Щерба: в языке существуют «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы», которые он считал важнее правил синтаксиса, т.е. смысловые приращения [Щерба, 1974, с. 27].

Учитывая это и опираясь на основные положения лингвосинергетической теории дискурса, мы полагаем, что политический дискурс необходимо изучать как сложную подвижную функциональную систему, в основе которой лежит коммуникативная интеракция, состоящая (по В.Г. Борботько) из двух основных фаз, имеющих взаимоусиливающий характер: подготовительной фазы или **«профазы», которая вербализуется в высказывании, содержащем, например, установку на обсуждение определенной темы, и исполнительной фазы или «эпифазы», которая представляет собой вербальные резонансы, где заданная тема получает свое смысловое развертывание – ответные реплики, фразы** [Борботько, 2006].

Система политики и окружающая ее среда (реагирующие) взаимодействуют, образуя единое пространство. Это взаимодействие носит характер кругообразных, взаимокаузальных отношений: реагирующие не только подвергаются воздействию системы (в лице политиков), но и воздействуют на нее сами. Взаимокаузальность состоит в том, что реагирующие не только реагируют, но и провоцируют реакцию политиков, а также других людей входящих в это пространство. Различные дискурсы реагирования объединены интердискурсивной связью, связью не непосредственной, а опосредованной – через один и тот же проникающий в них дискурс политика. В совокупности они образуют вокруг дискурса политика сетевое пространство дискурса реагирования [Плотникова, 2009].

Одним из ключевых свойств открытой системы является обратная связь. Именно обратная связь обеспечивает ее открытость, то есть ее способность обмениваться материалами, энергией или информацией со своим окружением. Окружением системы является совокупность всех объектов, изменения атрибутов которых воздействуют на систему, а также тех объектов, чьи атрибуты меняются из-за поведения самой системы. В политическом дискурсе действие обратной связи проявляется в том, что дискурс реагирования как вторичный обязательно

включает в себя фрагменты первичного политического дискурса в виде одного или нескольких высказываний [Вацлавик, 2000, с. 122–127] .

Таким образом, политический дискурс представляет собой открытую, находящуюся в круговой динамике систему, которая в терминах теории систем может быть охарактеризована как пространственно-распределенная система [Николис, 1990]. Одна из причин трудностей, возникающих на пути лингвистического дискурс-анализа политического дискурса, кроется в его динамическом характере. Как явление динамичное и интерактивное политический дискурс, с одной стороны, отражает, с другой – сам участвует в формировании множества характеристик исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей коммуникации и коммуникантов. Как сложное явление политический дискурс обладает одновременно свойствами процессуальности (как процесс речевой деятельности – дискурсия) и результативности (как воплощенный результат – текст).

Основное преимущество междисциплинарного подхода с применением основных положений лингвосинергетики состоит в том, что он органично сочетает анализ как системных и вариативных, так и динамичных свойств дискурса. Политический дискурс относится к эволюционирующим функциональным системам, поскольку его сложное и вариативное смысловое пространство создается взаимодействием всех элементов дискурса и модифицируется под влиянием вербальных и невербальных составляющих коммуникации.

Список литературы

Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. от психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2006.

Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М., 2000.

Каган М.С. Эстетика и синергетика // Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Материалы научной конференции. 20-21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. С.40-42

Николис Г. Познание сложного. Введение. М., 1990.

Пиотровский Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб., 2006.

Плотникова С.Н., Домышева С.А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // Политическая лингвистика, №1 (27), 2009. с. 103-108

Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // НЗЛ, вып. 17. М., 1986.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Mariia Gennadjevna Tcutcieva (Saint Petersburg, Russia)

LINGUISTIC SYNERGETIC ASPECTS OF POLITICAL DISCOURSE

The article deals with political discourse from the standpoint of linguistic synergetic discourse theory. The main advantage of this approach is that it combines the analysis of systemic, variable and dynamic properties of political discourse.

Keywords: *political communication, political discourse, linguistic synergetics*

УДК 811.134

Е.В. Яковлева (Санкт-Петербург, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

В статье утверждается идея о том, что существует связь между видом дискурса и типами референции. В частности, коммуникативные и прагматические особенности устного дискурса, а также специфика его формирования приводят к определенным отличиям референции в этом виде дискурса.

Ключевые слова: теория референции; индексальная референция; устный дискурс, анафорическая референция, прямая дейктическая референция

В настоящее время отмечается рост интереса к теории референции, что связано с появлением новых подходов к пониманию процесса референции, обусловленных развитием лингвистических аспектов этой теории. Описание и изучение особенностей индексальной референции по сравнению с дескриптивной позволяет обнаружить новые пути изучения референции, связанные с описанием референциальной структуры в различных дискурсах.

Обращая внимание на историю развития теории референции, мы отчетливо прослеживаем тенденцию, состоящую в увеличении внимания к языковым процессам, которые связаны с действием «человеческого фактора». Первоначально в рамках исследований, осуществленных под влиянием логических подходов (в частности, Г. Фреге, Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн, Р. Карнап), в качестве объекта исследований выступали отдельно взятые слова и предложения, при анализе которых демонстрировались возможности применения логического аппарата. При этом лингвистические объекты носили искусственный характер, они не имели связи с реальным контекстом, поскольку были созданы для демонстрации того или иного постулата. Этот этап (условно называемый логическим) стал достаточно быстро дополняться так называемым лингвистическим, развитие которого привело к возникновению, с одной стороны, каузальной теории референции, в которой сформировалось новое понимание языкового значения (К. Доннелан, С.Крипке, Х. Патнэм), а с другой – к появлению собственно лингвистических исследований. Работы Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, А.Д. Шмелёва,

А.А. Кибрика заложили основы лингвистического подхода к пониманию референции на материале русского языка. В указанных работах авторами выделяются разнообразные типы референции, в частности, дескриптивная и индексальная. Под последней понимается такая референция, при которой языковое выражение имеет в своем составе местоимение, соотносящееся с некоторым референтом в действительности (реальной или мыслительной). А.Д. Шмелев выделяет черты, которые свойственны этому типу референции. «При индексальной референции тип референции предопределен типом местоименного референциального показателя; дескриптивное содержание именной группы вообще отсутствует (как при референции личных местоимений) или же не играет решающей роли для установления референта», отмечает автор [Шмелев, 2002, с. 32].

Применительно к испанскому языку теория референции получает значительное развитие в конце XX века. При этом исследования были посвящены как философским аспектам теории референции [Асего, 1994; Alcina Caudet, 1999; Bustos Guadaño, 2006], так и частным вопросам конкретных типов референции. Значительным вкладом в становление теории референции испанского языка стала монографическая работа испанского лингвиста М. Леонетти Хунгла [Leonetti Jungl, 1990], в которой подробно рассматриваются вопросы референции именной группы, включающей артикль. Автор выделяет оппозиции, важные для определения характера референции именных групп, среди которых основными являются: определенность-неопределенность, специфичность-неспецифичность.

Кроме того, М. Леонетти Хунгл описывает явления, смежные с референцией: атрибуцию и квантификацию, которые автор противопоставляет референции, поскольку они не осуществляют процесс соотнесения [Leonetti Jungl, 1990, с. 103–108]. В ходе анализа дескриптивной референции М. Леонетти Хунгл использует классические логические подходы (верификация, перефразы с учетом отрицания, референция *de dicto*, референция *de re*), которые он дополняет лингвистическим анализом. Характеризуя специфику дескриптивной референции, автор учитывает семантику глаголов, модальность, грамматическое время. Таким образом, при изучении референции в испанском языке изначально обращается внимание на собственно лингвистические аспекты референции.

Отмеченный подход получает дальнейшее развитие в работах И. Викарио Архона [Vicario Arjona, 2003], Т. Хамалайнен [Hämäläinen,

2004], М.А. Альсина Каудет [Alcina Caudet, 1999] и других. Поскольку в качестве предмета исследования выбирается также именная группа, круг вопросов оказывается сходным с тем, который мы видели у М. Леонетти Хунгла. С одной стороны, указывается на необходимость разделять собственно философские и лингвистические аспекты референции, с другой стороны, авторы уделяют внимание такому параметру, важному для определения характера референции, как прозрачный и непрозрачный контекст, а также отмечают особенности референции к несуществующим объектам. Для дескриптивной референции в испанском языке авторами выделяются четыре различные референциальные ситуации: (1) референция к нулевому объекту (*El atleta español no consiguió medallas*); (2) референция к единичному объекту (*Juan compró una silla*); (3) референция к части класса (*Los ingenieros diseñan el puente*); (4) референция к классу объектов (*El león tiene cuatro patas*). При этом авторами подчеркивается необходимость собственно семантического анализа предложений, особенно в тех случаях, когда возникают дополнительные смыслы и оттенки значений. Отметим, что, как правило, в данных работах не учитывается ни широкий контекст, в котором встречается именная группа, ни тип дискурса. Все предложения, на которые приводятся ссылки, представляют собой предложения, созданные авторами для иллюстрации тех или иных положений теории референции.

Нельзя не отметить ряд интересных работ, посвященных частным вопросам референции и конкретным ее типам, в которых наблюдается отход от «классического» логического анализа. В частности, показательным с этой точки зрения являются исследования Р. Касо [Caso, 2011], В. Васкеса Рохаса [Vázquez Rojas, 2004], Э. Киро де Хервилья [Киро де Хервилья, 2001], в которых высказываются идеи о том, что для понимания формирования смысла при осуществлении референции имеет значение целый ряд факторов, связанных с контекстом, антецедентом и их характером.

Р. Касо показывает, что при осуществлении референции всегда значимо, каков характер смысла предложения: прямой или скрытый, не проистекающий из поверхностной структуры предложения, как это происходит в случаях с наличием иронии, гиперболы, намек и т.п. В качестве метода определения скрытого смысла именной группы автор использует имплицатуры Грайса. В результате Р. Касо показывает, что в ряде случаев с определенными дескрипциями важно принимать во

внимание широкий контекст, без учета которого происходит значительное искажение смысла.

В. Васкес Росас, исходя из идей Т. Гивона [Givón, 1970], рассматривает референцию в ее когнитивном аспекте и подчеркивает необходимость различать анафорические и неанафорические номинативные группы. При этом автор использует в качестве материала реальные предложения, существующие в пространстве газетно-публицистического дискурса. В. Васкес Росас в результате исследования приходит к выводу о том, что для детального описания референции необходимо использовать градацию, а не оппозицию [Vázquez Rojas, 2004, с. 46–47].

Исследованию индексальной референции в сопоставительном аспекте посвящена работа Э. Киро де Хервилья [Киро де Хервилья, 2001]. Автор показывает зависимость референции от типа высказывания, выделяя при этом основные значимые категориальные признаки: референтное/нереферентное употребление, известность/неизвестность референта [там же, с. 141–144]. Материал исследования имеет двоякий характер, с одной стороны, основу составляют предложения на русском и испанском языке, взятые из классических литературных произведений, с другой, используются искусственно созданные предложения.

Подводя итоги анализа работ, посвященных референции в испанском языке, отметим, что на исследования последних лет оказали значительное влияние развитие прагматики и когнитивных аспектов семантики. Во всех указанных работах авторы не ограничивались методами, сформированными под влиянием идей Г. Фреге и Б. Рассела. Напротив, признавалась необходимость дополнения принципа верификации и логической интерпретации семантическими, прагматическими и когнитивными методами.

Новым подходом, наметившимся в последнее время, является исследование референции в различных типах дискурса. Активное изучение особенностей устного дискурса испанского языка приходится на вторую половину XX века и начало XXI [Cortés Rodríguez, 2010; *Discurso y oralidad*, 2007], при этом выясняется, что на всех языковых уровнях (фонетическом, грамматическом, семантическом, стилистическом) устный дискурс имеет свои особенности. Причины такого положения кроются в особенностях «обыденного» мышления, а также в специфике протекания устной коммуникации (по сравнению с письменной), ее особой прагматической направленности. С.Д. Кацнельсон рассматривая закономерности развития человеческого мышления, обращал вни-

мание исследователей на особенности мышления при его проявлениях в повседневном речевом поведении. Такое мышление автор противопоставляет научному, художественному и письменному мышлению, подчеркивая глубинный характер расхождений между ними. «Язык, призванный обслуживать нужды науки и поэтического мышления, обладает не только более развитой категориальной сеткой. Он отличается от повседневного языка не только наличием в нем специфических категорий, связанных с организацией сложного текста, но и наличием в нем ряда специфических категориальных слов, исторически являющихся продолжением грамматического аппарата языка, но отличающихся от собственно грамматических категорий иной метаязыковой модальностью» [Кацнельсон, 2001, с. 392]. На наш взгляд, отмеченные явления не могут не влиять на формировании референции.

Рассмотрим специфику референции в устном дискурсе на материале индексальной референции. В качестве индексальной группы мы используем такую группу, которая включает указательное местоимение, принимая во внимание, что указательные местоимения представляют собой одно из основных средств, служащих для осуществления различных типов референции. Для устного дискурса испанского языка нами выделяется идентифицирующая, анафорическая и прямая дейктическая референция. Первоначально обратим внимание на идентифицирующую референцию в письменном дискурсе. В примерах 1 и 2 мы наблюдаем идентифицирующую референцию, служащую для выделения одного объекта на фоне других.

(1) *Tienes razón – dijo el Pelirrojo, señalando a Montezuma. – Éste resulta un personaje más nuevo.* [Carpentier, 1987, с. 77]. 'Ты прав, – сказал Рыжий, указывая на Монтесуму. Этот кажется более новым персонажем'.

(2) *¿Qué es esto, pregunté. Diego se encogió de hombros: “Un sobre me han dado en recepción”* [Montero, 2005, с.27]. 'Что это такое? – спросила я. Дьего пожал плечами. “Этот конверт мне дали на стойке”'.

В данных примерах указательные местоимения имеют статус референтных, поскольку местоимения *éste* (1) и *esto* (2) имеют соотнесение с конкретными референтами, на который они указывают и который они замещают: *éste* = Montezuma (1), *esto* = un sobre (2). При этом характер референции не является одинаковым, так в примере (1) имеется определённая референция, в примере (2) референция неопределённая. Определённость обусловлена тем фактом, что референт уже известен говорящим, т.к. он был введен в фокус рассмотрения в предыдущем

контексте. В примере 2 неопределенность референции детерминируется характером высказывания, которое представляет собой вопрос. Такой тип нами понимается как неспецифическая неопределенная референция. Она реализуется в контекстах, характеризующихся особой модальностью гипотетичности, для создания которых важным является наличие вопроса, побуждения, иными словами, речь идет о контекстах снятой утвердительности. Подчеркнем особо, что в примерах 1 и 2 имелись референты (объекты) и соответствующие им местоименные слова. Говоря иначе, наблюдалась явно выраженная связь между антецедентом и местоименным словом.

Обычным нереферентным использованием местоимения в испанском языке является его стилистическое употребление в постпозиции. Особенно ярко проявляется коннотативное значение при таком использовании местоимения с именем собственным. *Un informador lo había oído hablar recientemente en términos elogiosos, del Lenin **ese**, que había derribado a Kerensky en Rusia* [Carpentier, 1974, с. 223] 'Один информатор слышал, как он одобрительно отзывался о Ленине этом, который сверг Керенского в России'. При таком употреблении возникает отрицательная оценка того имени собственного, с которым соотносится местоимение «Когда демонстративы употребляются постпозиционно, они легко приобретают пейоративный оттенок: *la gente esta, el niño ese*» [Martínez Amador, 1985, с. 217]. Подчеркнем, что подобное использование местоимения не является референциальным.

В устном дискурсе, по причине особенностей формирования его нормы, отмечается возможность более свободной постановки указательного местоимения, в частности, они появляются в постпозиции, но не несут пейоративной оценки. (1) *Si, eran todos los .. o sea, los buenos, cargos eran ... todos españoles. Y entonces llegó el Bolívar **ese**, no sé si empezó él o el otro* [El español hablado en Bogotá, 1997, с. 443]. 'Да, они все были ... положительные примеры ... были испанцами. И тогда появился Боливар этот, не знаю, он начал или другой'.

В примере местоимение *ese* используется в постпозиции, но оценочный компонент в значении отсутствует, с одной стороны, а с другой, ситуация носит референциальный характер. Отметим, что такое особое постпозиционное использование местоимения без формирования отрицательного коннотата может рассматриваться как своеобразная норма устного дискурса. Во всей примерах мы видим идентифицирующий тип индексальной референции.

Важной особенностью референции в устном дискурсе является возможность специфической соотнесенности с антецедентом, т.е. мы наблюдаем весьма своеобразную анафорическую референцию. Нами выделяется три варианта соотношения с антецедентом.

Вариант I. В первом случае точный антецедент отсутствует, однако он может быть приблизительно выведен из предыдущего контекста.

(3) *Era un señor que me gustaba mucho y eso [El español hablado en Bogotá, 1997, с. 429]. 'Это был один господин, который мне очень нравился и всё такое'.*

Очевидно, что в (3) *eso* не соотносится с каким-либо референтом, широкий контекст также не содержит антецедента, который бы соотносился с *eso*. Однако наши знания о ситуации влюбленности позволяют нам предположить некоторый смысл, стоящий за местоимением.

Вариант II. Важной особенностью референции в устном дискурсе является возможность соотнесения с плохо определяемым референтом. Такого рода размытый референт может соотноситься с трудно определяемым объектом, с непонятной ситуацией, качеством. Представляется, что в данном употреблении играет существенную роль возможность концепта иметь нечетко обозначенные, размытые края. Идея размытого, нечеткого концепта подчеркивалась Р.Г. Пиотровским [Пиотровский, 1975, с. 209–211], который отмечал, что для естественного языка нормативным является наличие лингвистических единиц, границы семантических полей которых размыты. Представляется, что размытость представляет собой одно из существенных свойств указательных местоимений, особенно ярко проявляющееся в устном дискурсе. В этом проявляется своеобразное употребление указательных местоимений в устном дискурсе. Специфическим устно-речевым употреблением указательных местоимений является употребление *eso* для соотнесения с размытым референтом, указывающим на некоторую неопределенную ситуацию, что наблюдается в следующем высказывании.

(4) *Bueno y ... eso en cuanto al barrio y, en Bogotá [El español hablado en Bogotá, 1997, с. 44]. 'Хорошо и ... это, то, что касается района и ... в Боготе...'.*

В данном случае *eso* имеет крайне неопределенный и широкий референт-ситуацию. Значение референта оказывается приглушенным, а пространственно-временная референция в данном случае имеет свернутый характер.

Вариант III. Наблюдаются ситуации, в которых отсутствует antecedent, с которым соотносится местоимение. Ни на поверхностном, ни на глубинном уровне соотносимого элемента не наблюдается.

(5)... *a ellos les gusta mucho tomar café en ... pasadita la tarde ya, entrada la noche ... cuando empiezan ellos a echar sus cuentos, y las mil y una supersticiones que tienen y realmente viven ... ese ... ese es ... bueno, digamos el tipo del pueblo venezolano ... pobre [El español hablado en Bogotá, 1997, с. 243]; Pero yo ... yo lo que me pregunto, y creo que era un poco lo que decía P., era que ... que en cierta medida... este ... las expectativas ... esa expectativa que había en cuanto a ... [El español hablado en Bogotá, 1997, с. 603].*

Отсутствие связи с каким-либо antecedentом у *ese* дополняется паузами, которые подчеркивают наличие разрывности. В данных примерах указательные местоимения *este*, *ese* служили для заполнения паузы, они не несут смысловой нагрузки.

Важной дейктической особенностью устного дискурса является наличие дополнительной информации, проистекающей из наглядности коммуникативной ситуации. При этом оказывается возможной прямая дейктическая референция, состоящая в указании на некоторый очевидный для собеседников объект. Своеобразным antecedentом является реальный элемент действительности.

(В следующем примере речь идет о путешествии в Италию).

(6) *Eso es Giotto, uno va para allá ... Aquello es Fra'Angélico, y por allá, bueno ... 'Это Джотто, ты идешь чуть дальше То – Фрай -Анхелико, а вон там, ну ладно..'* [El habla culta de Caracas, 1979, с. 228].

Для адекватного понимания всего высказывания необходимо «дополнить» слова говорящего всей ситуацией, в противном случае, высказывание, вырванное из контекста употребления, оказывается не вполне корректным.

Подводя итоги, отметим, что на примере индексальной референции мы можем говорить о наличии особых референциальных ситуаций в устном дискурсе. При формировании идентифицирующей референции отмечается возможность постпозиции местоимения. Сложности, которые испытывает говорящий, формируя высказывание в режиме реального времени, приводят к видоизменению анафорической референции. Отмечается возможность создание этого типа референции при отсутствии antecedenta, а также при antecedente размытого характера или выводимого слушающим на основе общих знаний. Наглядность ситуации общения допускает возможность прямого указания, что приводит

к формированию прямой дейктической референции. Иными словами, все типы индексальной референции претерпевают изменения. Дальнейшее изучение своеобразия референции в устном дискурсе позволит расширить наши знания о процессе референции в естественном языке.

Список литературы

- Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. М., 2001.
- Керо Хервилья Э.Ф. Сопоставительное изучение категории определенности/неопределенности в русском и испанском языках. М., 2001.
- Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. М., 1975.
- Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Acero J.J. Filosofía y análisis del lenguaje. Madrid, 1994.
- Alcina Caudet A. Las expresiones referenciales. Estudio semántico del sintagma nominal. Tesis doctoral. Valencia, 1999.
- Bustos Guadaño de E. Perspectivas de la filosofía analítica en el siglo XXI // Revista de Filosofía. 2006. vol. 31, № 2 (2006). P. 45–58.
- Carpentier A. Concierto barroco. La Habana, 1987.
- Carpentier A. El recurso del método. La Habana, 1974.
- Caso R. [сайт]. URL: <http://www.accionfilosofica.com/misc/1212688000art.pdf> (дата обращения 14.11.2011) Descripciones definidas y el contenido de la aserción.
- Cortés Rodríguez L.M. Comentario pragmático de comunicación oral. Madrid, 2010.
- Discurso y oralidad: homenaje al profesor J.J. de Bustos Tovar. Madrid, 2007.
- El español hablado en Bogotá. Relatos semilibres de informantes pertenecientes a tres estratos sociales. Tomo I. Santafé de Bogotá, 1997.
- El habla culta de Caracas. Materiales para su estudio. Caracas, 1979.
- Givón T. Topic, pronoun, and grammatical agreement. // Subject and topic, New York. P. 149–188.
- Hämäläinen T. La dimensión referencial y atributiva de las expresiones determinadas e indeterminadas. Estudio sobre los artículos del español. Helsinki, 2004.
- Leonetti Jungl M. El artículo y la referencia. Madrid, 1990.
- Martínez Amador E. Diccionario grammatical y de dudas del idioma. Barcelona, 1985.

Montero R. Amantes y enemigos. Buenos Aires, 2005.

Vásquez Rojas V. Algunas reflexiones sobre el cálculo de la distancia referencial. // D.E.L.T.A., 2004. P. 27–47.

Vicario Arjona I. Nombres, reference y valor cognoscitivo. Tesis doctoral. Barcelona: Universidad de Barcelona, 2003.

Elena Vladimirovna Yakovleva (Saint Petersburg, Russia)

PECULIARITIES OF REFERENCE IN VARIOUS TYPES OF DISCOURSE

The article states the idea that there is a connection between the type of discourse and the type of reference. Communicative features of oral discourse, as well as the specificity of its formation lead to certain differences of reference.

Keywords: *theory of reference; indexical reference, oral discourse, anaphoric reference, direct deictic reference*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ

УДК 81.0

М.Н. Гузь, Н.В. Пигина (Санкт-Петербург, Россия)

ИНТЕРТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Статья посвящена анализу персуазивного воздействия интертекстуальных включений в рекламный текст. В качестве примеров отобраны рекламные слоганы, апеллирующие к текстам, знакомым реципиенту с детства, рассматриваются разные виды интертекстов, способы их модификации, анализируется их прагматический потенциал.

***Ключевые слова:** аллюзия, интертекст, персуазивность, слоган, рекламный текст*

Специфика рекламного текста заключается в том, что рекламный текст адресован всем читателям сразу, то есть несет информацию неактуальную, случайную для отдельно взятого реципиента, что обуславливает негативное отношение к рекламе. Поэтому автор рекламного текста, стремясь преодолеть безразличное отношение реципиента, включает в структуру текста самые разнообразные, часто неожиданные элементы.

В лингвистике рекламный текст рассматривается как «многослойный «макротекст», система неоднородных семиотических пространств (микротекстов), в континууме которых создается единое персуазивное высказывание» [Гончарова, 2001, с.130]. Гончарова Е.А. отмечает, что в стратегии рекламного текста преобладает персуазивное целеполагание, и персуазивность «приобретает статус первичного текстообразующего фактора» [Гончарова, 2001, с.125], а также выделяет персуазивно «маркированные» лингвостилистические средства.

Исследуя современные немецкие рекламные тексты, мы, в свою очередь, выделили группу рекламных текстов (надо отметить – небольшую, примерно 10 % от общего количества исследованных текстов – 150), содержащие в своей структуре интертекст, который из всех остальных элементов рекламного текста наиболее тесно связан с персуазивной прагматикой.

Интертекст в рекламном тексте выполняет сразу несколько функций: пробуждения интереса читателя, преодоления его безразличного (или же негативного) отношения к данному тексту, установления определенных (доверительных) отношений с реципиентом, имитирующих взаимное доверие, функцию смыслового выделения, формирования положительной оценки предмета рекламы.

И здесь сразу необходимо отметить, что «расшифровка» интертекстуального включения – дело трудное, требующее от читателя хорошего запаса фоновых знаний и эрудиции. Поэтому создатели рекламных текстов, рассчитанных на неоднородную аудиторию, на реципиентов с разным уровнем образованности, разного социального статуса, разного возраста и т.п., используя в рекламном тексте интертекст, сталкиваются с определенными трудностями. С одной стороны, интертекстуальное включение должно быть обязательно опознано всеми (большинством) читателями, иначе оно потеряет свой прагматический потенциал, то есть интертекст должен быть заимствован из «ядерных» [Кузьмина, 2004, с. 53] для данной культуры текстов или представлять собой нечто широко известное. С другой стороны, процесс декодирования интертекстуального включения должен вызывать у читателя чувство восхищения собой, ощущение некоторой избранности, элитарности, гордости от того, что он увидел, опознал и расшифровал предложенную ему загадку.

Интертексты в собранных и проанализированных нами рекламных текстах, во-первых, актуализируют определенный концепт, во-вторых, рематизируют и выводят «в фокус сознания определенные стороны, признаки денотата» [Никитин, 2001, с. 20], в-третьих, выражают определенные прагматические значения, в первую очередь, эмотивно-оценочные.

Наиболее часто интертекст апеллирует к детским воспоминаниям, ощущениям, ассоциациям реципиента. Детство большинством из нас воспринимается как счастливое, беззаботное время, и любые отсылки к этому времени способствуют формированию положительной оценки, а оценка «сама по себе имплицитно рекомендацию» [см. об этом подробнее Голоднов, 2011, с.198]. Кроме этого, создатель рекламного текста и его реципиент являются личностями, которым присуща в том числе и определенная картина мира. Абсолютного совпадения картин мира у двух разных людей быть не может, поэтому задача автора рекламного текста состоит в том, чтобы убедить адресата, что его мир не

чужой миру автора, и рекламируемый товар – «свой», давно и хорошо знакомый, «родом из детства»¹.

Так, в рекламе конфет Mon Cheri, которая была приурочена к рождественским праздникам, используется следующий слоган²: “Funkel, funkel, kleiner Stern, ach, ich hab dich ja so gern”.

Визуальный образ представляет собой девушку в красном платье и рождественском колпаке, которая держит рекламируемый продукт – упаковку конфет в виде звездочки с петелькой, которую можно повесить на елку.

Вербальный текст и визуальный образ актуализируют воспоминания, образ детства. Рождество – это праздник ожидания волшебства и подарков для детей, идеалистический мир, который взрослые создают для детей. Сам текст является аллюзией на детскую колыбельную [сайт Reinhard-buerck.de]:

Funkel, funkel, kleiner Stern,
ach wie bist du mir so fern,
wunderschön und unbekannt,
wie ein strahlend Diamant,
funkel, funkel, kleiner Stern,
ach wie bist du mir so fern.

Funkel, funkel, kleiner Stern,
ach was haben wir dich gern,
strahlend schön am Himmelszelt,
erleuchtest hell die ganze Welt,
funkel, funkel, kleiner Stern
ach was haben wir dich gern.

Знакомый с детства мир создает ощущение защищенности и иллюзию исполнения желаний. Некоторая модификация вербальной

¹ Определение главной цели рекламного текста как воздействие на потребителя с целью заставить его совершить определенные действия широко представлено в ранних работах по данной проблематике, в настоящее время среди главных целей рекламного текста выделяется также когнитивная функция (передача информации и навязывание какого-либо мнения). Исследуемый нами материал составили коммерческие тексты, рекламирующие определенный товар.

² Примеры рекламных кампаний взяты с сайта Horizont.net.

составляющей текста (замена личного местоимения множественного числа на личное местоимение единственного числа) выдвигает на первый план субъективность, уникальность, выражаемую местоимением *ich*. Кроме того, читатель идентифицирует себя (*ich*) с изображенной девушкой. Формированию положительной оценки рекламируемого объекта способствует и перестановка слов во втором предложении, и идентификация звездочки с упаковкой конфет. Далекая, недоступная звезда из детской песенки превращается (а Рождество – время чудес и превращений) в конфету, которую все могут позволить себе купить и таким образом приблизиться к далекому, таинственному, недоступному, а потому желанному миру.

Образ Рождества вызывает в сознании читателя и реклама кругло-суточной аптеки *Bären-Apotheke*: “*Alles schläft, eine wacht*“. Рекламный слоган образует интертекст из самой популярной рождественской песни “*Stille Nacht*“, хорошо знакомой с детства каждому носителю немецкого языка. Включение в слоган интертекста не только способствует тому, что аптеки данной сети воспринимаются как «свои», но и вызывает у читателя чувство защищенности. Таким образом, создается положительный образ производителя услуги (аптеки), интертекст, подкрепленный визуальным образом (на заднем плане: тихий зимний вечер, медленно падает снег, городская улица, освещенная фонарями; на переднем плане: девушка в белом халате, бережно держащая двумя руками кружку), представляет адресанта рекламы как надежного друга, хранителя адресата рекламы.

Реклама туристического агентства Гамбурга (*Hamburg Tourismus*) в качестве слогана использует строку из популярного в 60-е гг. шлягера Фредди Квина (*Freddy Quinn*) “*Junge, komm bald wieder*“ [портал *Magistrix*]:

Junge, komm‘ bald wieder, bald wieder nach Haus!
Junge, fahr‘ nie wieder, nie wieder hinaus!
Ich mach‘ mir Sorgen, Sorgen um Dich.
Denk‘ auch an morgen, denk‘ auch an mich!
Junge, komm‘ bald wieder, bald wieder nach Haus!
Junge, fahr‘ nie wieder, nie wieder hinaus!
Wohin die Seefahrt mich im Leben trieb,
ich weiß noch heute, was mir Mutter schrieb.
In jedem Hafen kam ein Brief an Bord.

Und immer schrieb sie: „Bleib‘ nicht so lange fort!“
Junge, komm‘ bald wieder, bald wieder nach Haus‘!
Junge, fahr‘ nie wieder, nie wieder hinaus!
Ich weiß noch, wie die erste Fahrt verlief,
ich schlich mich heimlich fort, als Mutter schlief,
als sie erwachte, war ich auf dem Meer.
Im ersten Brief stand: „Komm‘ doch bald wieder her!“
Junge, komm‘ bald wieder, bald wieder nach Haus‘!
Junge, fahr‘ nie wieder, nie wieder hinaus!
Ich mach‘ mir Sorgen, Sorgen um dich.
Denk‘ auch an morgen, denk‘ auch an mich!
Junge, komm‘ bald wieder, bald wieder nach Haus‘!
Junge, fahr‘ nie wieder, nie wieder hinaus!

Многим клиентам эта песня знакома с детства, что, как и в предыдущих случаях, вызывает определенные воспоминания и связанные с ними ассоциации, создает положительный образ рекламодателя и способствует принятию рекламируемого объекта как «своего». Интертекст, использованный в данной рекламе, апеллирует уже к другим, не менее важным темам: теме взросления и жажде приключений (а путешествия, рекламируемые туристическим агентствам могут позволить себе взрослые самостоятельные люди) и теме возвращения из (дальних) странствий к родителям, для которых их взрослые самостоятельные дети всегда будут оставаться детьми (Junge), и о которых они будут все время беспокоиться (Ich mach‘ mir Sorgen, Sorgen um Dich). Образ портового города как символа странствий создает изображение водной глади, занимающей больше половины рекламного пространства, пришвартованного корабля и церкви Св. Михаила – архитектурной доминанты морского фасада Гамбурга.

Выше мы уже отмечали, что интертекст может быть заимствован из значимых для данной культуры текстов, текстов, образующих ядро национальной культуры. Знакомство читателя с «ядерными» текстами его культуры происходит, как правило, в детском и юношеском возрасте, часто они входят в школьную программу. Именно этим обусловлена узнаваемость таких текстов, которые становятся источниками крылатых слов и выражений.

Для немецкой культуры одним из наиболее значимых произведений является трагедия «Фауст» И. В. фон Гете. Создатели рекламных

текстов часто используют цитаты из «Фауста» в качестве рекламного слогана. Так, известные строки из сцены «У городских ворот» “Hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein“ дали основу рекламному слогану и сети dm (“Hier bin ich Mensch, hier kauf ich ein“), и строительной компании Town & Country Haus (“... hier zieh ich ein“). В обоих рекламных текстах четко прослеживается принцип, сформулированный учредителем сети магазинов dm Гетцем В. Вернером (Götz W. Werner), гласящий, что в адресате рекламы надо видеть не только клиента, но и партнера [karrierefuehrer.de]. Интертекст в данном случае является средством преодоления конфликта [см. Голоднов, 2011, с. 202] между адресантом и адресатом рекламы, которые находятся «по разные стороны баррикад» в экономическом процессе. Оба слогана апеллируют к «базовым», насущным потребностям человека в товарах первой необходимости и жилье, что объясняет замену глагола во второй части предложения. Во втором слогане первая часть цитаты опущена, но текст не перестает быть узнаваемым, так как прототекст прочно вошел в тезаурус читателя еще в школьные годы. «Слово» Гете выполняет в этих слоганах функции, которые уже были обозначены нами выше.

С литературными интертекстуальными включениями связан и текст на рекламном плакате автомобиля Lexus Hybrid: «Strom und Drang». Новая модель автомобиля изображена на фоне штормового пейзажа. Конструктивной особенностью данного автомобиля является гибридный привод, который при определенных условиях допускает использование только электрической тяги (Strom), что обеспечивает снижение негативного воздействия на окружающую среду. За словосочетанием Strom und Drang легко угадывается Sturm und Drang, но эта аллюзия скорее не на название драмы Ф. М. фон Клингера, давшей наименование одноименному литературному течению, а на само это течение. В данном случае рекламный текст апеллирует не к конкретному литературному тексту, который большинству реципиентов неизвестен, а к литературоведческому дискурсу, с которым реципиент знакомится в школьном возрасте.

Для интерпретации следующего слогана, который также используется в рекламе автомобиля, пришлось обратиться к истории автомобилестроения. С 80-х годов прошлого века компания Mercedes-Benz начинает выпускать для немецких вооруженных сил и государственных организаций военный внедорожник класса G (Geländewagen), который был назван Wolf – Волк. В начале 90-х годов на модель W-124

(модель среднего класса) ставится 5-литровый двигатель класса S, таким образом появляется новая модель 124 М Е-500, дающая начало новому модельному ряду класса Е и получившая прозвище “Der Wolf im Schafspelz” (старый, неприметный кузов и новая, современная «начинка»). В основе номинации лежит библейское выражение “Der Wolf im Schafspelz” – «волк в овечьей шкуре». Большинство читателей хорошо знакомы с текстом Евангелия от Матфея (Мат. 7, 15): «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» [Библия, с.7], немецкому читателю соответственно со школьных лет хорошо известен текст: “Hütet euch aber vor den falschen Propheten, die in Schafskleidern zu euch kommen, inwendig aber sind sie reißende Wölfe”. [Elberfelder Bibel]. Рассматриваемое выражение как в русском, так и в немецком языке обозначает «человека, прикрывающего свои дурные намерения, действия маской добродетели, лицемера» [Фразеологический словарь русского литературного языка]. В словаре издательства Дуден: „ein Wolf im Schafspelz: ein Mensch mit üblen Absichten, der sich aber äußerlich sanft und friedlich gibt“ [Duden 11, 1998, с. 811]. Сегодня в средствах массовой информации модели Mercedes-Benz классов G и Е называют “Der Wolf im Schafspelz” (смотри, например, статьи: Mercedes Benz C63 AMG – Der Wolf im Schafspelz на портале Miranda-Media.de [Miranda-Media.de]; Wolf im Schafspelz: Avus Performance C63 AMG на сайте World’s Luxury Guide [World’s Luxury Guide] и другие), в которых сохраняется синтаксическая структура и лексическая наполняемость выражения, однако, происходит переосмысление его значения: актуализируются такие качества волка, как сила и мощь, а не хитрость и коварство. Эта же номинация используется и для обозначения продукции других автогигантов: BMW и Audi (см., например, статью Wölfe im Schafspelz. Autos, denen man ihre Kraft nicht ansieht на сайте Auto News [Auto News]).

В рекламе новой модели автомобиля Mercedes-Benz М-класса происходит модификация закрепившегося названия. Рекламный слоган «Der Wolf im Wolfspelz» подчеркивает, что сила и мощь хищного зверя метафорически переносятся не только на внутренние, технические характеристики автомобиля, но и на его дизайн.

Союз немецких адвокатов (Deutscher Anwaltverein) на своей рекламной продукции использует следующий слоган: “Vertrauen ist gut. Anwalt ist besser“. Данный слоган является модификацией зафиксированного в словарях издательства Duden выражения “Vertrauen ist

gut, Kontrolle ist besser“ [Duden 11, 1998, с. 766; Duden 12, 1998, с. 803]. Составители этих словарей предполагают, что это выражение является неточным переводом высказывания В.И. Ленина, который часто употреблял русскую поговорку «Доверяй, но проверяй» (в немецком переводе: “Vertraue, aber prüfe nach“). Замена лексемы “Kontrolle“ в исходном выражении на “Anwalt“ имплицитно подразумевает положительную оценку деятельности адвокатов, у которых все находится под контролем, деятельность которых направлена на защиту интересов клиентов, что придает клиенту чувство уверенности и защищенности. Безусловно, для носителей немецкого языка и культуры данный интертекст не ассоциируется с именем Ленина, а будет «опознан» большинством реципиентов как устойчивое выражение.

Часто основу рекламного слогана образуют модифицированные поговорки и пословицы, их хорошая «узнаваемость» и быстрая расшифровка обусловлена тем, что реципиент знакомится с ними в детстве, и они в той или иной форме сопровождают его в течение всей жизни. В данном случае интертексты подвергаются модификации в разной степени. Так в рекламный слоган компании Knorr “Essen gut, alles gut” образован путем замены лексемы “Ende“ (Ende gut, alles gut) на лексему “Essen“ (что обусловлено спецификой рекламируемого товара). При этом сохраняется звуковой образ исходного слова, так как при замене используется также двусложное слово со звуковым повтором “Ende“ – “Essen“. Компания C&A модифицирует исходное высказывание на: “Preise gut, alles gut“. Тот же прием лексической субституции позволил создать рекламный слоган чая Meßner “Wie der Tee, so der Tag“ (“Wie die Arbeit, so der Lohn“). Более существенные изменения претерпевает прототекст “Schönheit vergeht, Tugend besteht“ в рекламе чистящего средства Antikal: “Schmutz vergeht, Glanz entsteht“, в данном случае при сохранении синтаксической структуры заменяются три лексемы из четырех, что, однако, не затрудняет идентификацию прототекста.

Отдельную группу интертекстуальных включений в рекламных текстах представляют собой аллюзии на прескриптивные высказывания и клише, которые окружают человека в его повседневной жизни, поэтому легко опознаются в рекламном тексте.

Так, в телевизионной рекламе Chio Chips использовался следующий текст: “Chio-Chio-Chio-Chips. Chio-Chio-Knabberhits. Würze auf eigene Gefahr“. В этом тексте содержится аллюзия на стандартное прескриптивное высказывание: “Betreten auf eigene Gefahr“ (реже встреча-

ются варианты: “Benutzung auf eigene Gefahr“, “Baden auf eigene Gefahr“, “Eintritt auf eigene Gefahr“, “Parken auf eigene Gefahr“). Концепт «опасность» усиливается в рекламе за счет показа ДТП, в результате которого якобы пострадал человек, однако красные пятна, которые зритель сначала принимает за кровь, оказываются соусом к чипсам.

В рекламе австрийского лимонада на травах Almdudler используется аллюзия на клише «vom Aussterben bedroht», часто используемое в текстах природоохранной тематики: Diese 32 Alpenkräuter sind vom Aussterben bedroht. Однако если прагматика исходного предупредительного клише – защита с целью сохранения природного объекта, то в рассматриваемой рекламе – защита от уничтожения другими с конечной целью уничтожить (выпить) самому.

Интересную группу интертекстуальных включений в рекламном тексте представляют собой аллюзии, которые мы условно назвали аллюзиями на грамматические парадигмы из школьных учебников. Так, в рекламном слогане пива Paulaner “Gut. Besser. Paulaner“ безусловно просматриваются три степени сравнения имени прилагательного, однако превосходная степень заменяется на название рекламируемого продукта. Позиция названия пива в данной парадигме имплицитно наивысшую оценку его вкусовых качеств.

Другим примером является рекламный слоган компании Nissan: “Er kann. Sie kann. Nissan“, выстроенный как парадигма спряжения глагола können в единственном числе настоящего времени. Благодаря сохранению ритма высказывания и фонетическому повтору (es kann – Nissan) название рекламируемого товара «незаметно» встраивается в рекламный текст. Местоимения er и sie выступают в данном случае и в генерализирующей функции в качестве обобщенной номинации реципиентов, и таким образом образуется триада: er – sie – Nissan.

Мы рассмотрели наиболее интересные случаи использования интертекста в рекламных слоганах. Обобщая сказанное, нужно еще раз подчеркнуть, что интертекст обладает хорошим персуазивным потенциалом, позволяет установить общность миров адресата и адресанта рекламного текста, снимая, таким образом, негативное отношение реципиента к рекламе. Знакомый адресату интертекст повышает «читаемость» и привлекательность не только рекламного текста, но и рекламируемого товара, воздействует на его эмоциональное восприятие, так как вызывает в сознании адресата определенные (чаще всего эмоционально положительно окрашенные) концепты, образы, ассоциации, воспоминания.

Список литературы

Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка). Дисс. д.ф.н. СПб., 2011.

Гончарова Е.А. Персуазивность и способы ее языковой реализации в дискурсе рекламы // *Studia Linguistica*. Вып. 10. Проблемы теории европейских языков. СПб., 2001. С. 120-130

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2006.

Никитин М.В. Метафорический потенциал слова и его реализация // *Studia Linguistica*. Вып. 10. Проблемы теории европейских языков. СПб., 2001. С. 36-50.

Duden 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1998.

Duden 12. Zitate und Aussprüche. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 1998.

Электронные источники

Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://phraseology.academic.ru/1431/> (дата обращения: 22.01.2013).

Auto News: [сайт]. URL: <http://www.auto-news.de/auto/fotoshows/anzeige.jsp?id=26750> (дата обращения: 21.01.2013).

Elberfelder Bibel: [сайт]. URL: <http://www.bibleserver.com/text/ELB> (дата обращения: 20.01.2013).

Karrierefuehrer.de: [сайт]. URL:

<http://www.karrierefuehrer.de/prominente/interview-goetz-werner.html> (дата обращения: 20.01.2013).

Horizont.net: [сайт]. URL: <http://www.horizont.net> (дата обращения: 20.01.2013).

Magistrix: [сайт]. URL: <http://www.magistrix.de/lyrics/Freddy%20Quinn/Junge-Komm-Bald-Wieder-64394.html> (дата обращения: 22.01.2013).

Miranda-Media.de: [сайт]. URL: http://www.miranda-media.de/html/presse-artikel-download.php?news_id=45&start=30&PHPSESSID=7581ad8ceaa51d8005575cadfaa2a8e2 (дата обращения: 21.01.2013).

Reinhard-buerck.de: [сайт]. URL: http://www.reinhard-buerck.de/waltraud_schwambach/liso/kinderlieder/funkel_funkel_kleiner_stern.htm (дата обращения: 23.01.2013).

World's Luxury Guide: [сайт]. URL: <http://luxus.welt.de/motor/limousinen/wolf-im-schafspelz-avus-performance-c63-amg> (дата обращения: 21.01.2013).

(дата обращения: 20.01.2013).

*Maria Nikolaevna Guz,
Natalia Vladimirovna Pigina (Saint Petersburg, Russia)*

INTERTEXT AS A TOOL OF INFLUENCE ON RECIPIENT OF ADVERTISING TEXT

The article dwells upon the analysis of the persuasive potential of intertextual inclusions in the text of advertisements. As an example the advertisement slogans, appealing to the texts familiar to the recipient from the very childhood, are chosen. Various types of intertexts and the ways of their modification are considered and their pragmatic potential is analyzed.

Keywords: *allusion, intertext, persuasion, slogan, advertising text*

УДК 821.11

Е.В. Евстафьева (Санкт-Петербург, Россия)

ГЕРМЕНЕВТИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПАУЛЯ ЦЕЛАНА

Данная статья посвящена герменевтическому исследованию интертекстуальных связей в цикле стихотворений “Die Niemandrose” Пауля Целана. В качестве метода исследования был применен метод герменевтического круга. В статье анализируются различные виды интертекстуальности. Рассматривается роль инородных текстовых элементов в художественном мире Пауля Целана.

Ключевые слова: герменевтика, истолкование, метод герменевтического круга, виды интертекстуальности, жанровые трансформации

Герменевтика, являясь методом анализа поэтических текстов, находится на стыке науки и искусства. Творческое понимание осуществляется как движение по герменевтическому кругу, в результате которого часть познается в связи с целым, а целое может считаться познанным только тогда, когда познаны все его отдельные части. Современная герменевтика допускает множественность трактовок, при этом особое внимание уделяется не формальной, пусть и объективной интерпретации, а духовному пониманию текста, его «воссозданию» (Фр. Шлейермахер, Фр. Шлегель) [Вольский, 2008, с.12].

В данной статье мы придерживаемся следующего определения интертекстуальности, данного И.В. Арнольд. «Интертекстуальность – это включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд, 2010, с. 351].

Связь герменевтики и интертекстуальности проявляется, прежде всего, в том, что герменевтика, будучи наукой и искусством понимания, рассматривает и функцию инородных текстовых включений, их роль в композиции текста, место, занимаемое подобными элементами (эпиграф, заглавие и т.д.). Устанавливается первоисточник и сопоставляется форма включений в прецедентном и принимающем текстах. И.В. Арнольд подчеркивает, что при отсутствии узнавания «другого голоса» текст оказывается непонятым или понятым поверхностно [Арнольд, 2010, с. 371–376].

Для герменевтического анализа выявление интертекстуальных связей не является самоцелью. Их обозначение и интерпретация служат более глубокому пониманию текста. Необходимость работы с чужеродными текстовыми элементами вытекает из метода герменевтического круга, который на начальном этапе предполагает фрагментарный анализ всех частей поэтического текста, а на заключительном – синтез эксплицитных и имплицитных смыслов и возникновение у читателя собственного видения и толкования стихотворения. В процессе коммуникации активным участником толкования текста является интерпретатор. Реципиент воссоздает для себя авторское видение действительности. Понимание смысла происходит благодаря его жизненному, культурному и читательскому опыту [Филатова, 2006, с.152].

Интертекстуальность представляет интерес для герменевтики еще и потому, что «интертекстуальность есть нечто сверх сказанного. Она стимулирует творческую интеллектуальную деятельность (дешифровка кода, разгадывание), [...] обладает познавательным характером и способствует выявлению скрытых, непоименованных смыслов» [Щирова, Тураева, 2005, с.71].

Ж.Женетт в своей книге «Палимсесты: Литература во второй степени» следующим образом классифицировал виды интертекстуальных связей:

- *интертекстуальность* как сочетание в одном тексте нескольких текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.);
- *паратекстуальность* как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу и т.д.;
- *метатекстуальность* как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст;
- *гипертекстуальность* как осмеяние и пародирование одним текстом другого;
- *архитекстуальность*, понимаемая как жанровая связь текстов [Гузь, Пигина, Ситникова, 2012, с. 160].

Подобные включения могут быть различными по длине, но их объединяет общих признак – смена субъекта речи [Арнольд, 2010, с. 352].

Помимо внешней, где включение на самом деле принадлежит перу другого автора, существует и внутренняя интертекстуальность. Под внутренней интертекстуальностью понимается включение в текст писем, дневников, произведений героев, а также цитирование автором самого себя [там же, с. 422].

Натали Пьеге-Гро выделяет эксплицитные и имплицитные показатели интертекстуальности. К явным маркерам интертекстуальности относится наличие курсива или кавычек при цитировании, упоминание имени автора произведения или какого-либо персонажа. Более разнообразной является имплицитно выраженная интертекстуальность. Следami отсылки к другому тексту может служить стилистическая или лексическая неоднородность, наличие инородных элементов (например, наличие лирического стихотворения в прозаическом тексте) [Пьеге -Гро, 2008, с. 33].

Анализируя поэтические тексты, Н.В. Пигина указывает на то, что «интертекстуальность принадлежит к важным факторам текстообразования и средствам композиционно-смысловой целостности отдельных стихотворений лирического цикла и представляет собой в лирическом цикле многоуровневую систему интертекстуальных отношений: (1) внутри лирического цикла как отношения между отдельными стихотворениями (при этом стихотворения цикла обладают относительной самостоятельностью) и (2) вне лирического цикла, при этом цикл выступает как целостный текст» [Пигина, 2005, с. 3].

В данной статье мы попытаемся проиллюстрировать хорошо известные положения теории интертекстуальности примерами из лирики немецкоязычного поэта Пауля Целана и рассмотреть роль инородных включений в рецепции некоторых стихотворений поэтического цикла “Die Niemandrose”. Актуальность обращения к данной проблематике подтверждается наличием работ украинского исследователя Петра Рыхло «Поэтика диалога. Творчество Пауля Целана как интертекст» (Черновцы, 2005) и австрийской исследовательницы Кристины Иванович “Das Gedicht im Geheimnis der Begegnung. Dichtung und Poetik Celans im Kontext seiner russischen Lektüren” (Tübingen 1996).

Наличие большого количества четко обозначенных цитат в лирике известного немецкоязычного поэта Пауля Целана можно проследить, начиная со сборника “Die Niemandrose”. Г.-М. Шульц рассматривает это как своеобразный поворот в поэтике автора. Интертекстовые элементы, присутствующие в данном цикле, находятся на грани между цитатой, аллюзией и намеком [Schulz, 1984, S. 27]. Эти интертекстуальные связи хорошо изучены и прокомментированы. Многие исследователи (П.Сонди, П.Рыхло, Г.-М. Шульц) отмечают, что именно в этом цикле Целан чаще всего обозначает цитаты как таковые. Чужая речь не просто перенимается поэтом, она сознательно подается читателю в

качестве инородных текстовых вставок. Это служит воссозданию в памяти адресата значимых по мнению автора произведений [там же, с. 29-30]. При этом концепты «память» и «забвение» являются ключевыми для рецепции всего творчества Пауля Целана.

Классическим примером собственно **интертекстуальности** может служить цитата из Верлена в стихотворении “Huhediblu”. Целан дает ее в переводе на немецкий язык: “Wann [...] blühen die September-/rosen” (у Верлена – “*Ah ! quand refleurront les roses de septembre!*”) [Lehmann, 1997, S.130]. В данном случае это аллюзия на название цикла “Die Nie-mandsrose” и трагические события сентября 1939 года в Европе, положившие начало Второй Мировой войне.

Благодаря переводу на немецкий язык французского “quand” (когда) возникает игра слов “Wann-Wahn-Wahnwahn”, где “Wann” и “Wahn” являются отсылками к другому историческому событию – Ванзейской конференции, на которой обсуждалось «окончательное решение еврейского вопроса»). Такое истолкование позволяет понять отношение автора к упомянутым событиям (Wahn – безумие).

Важной для осмысления поэтики всего сборника является также цитата Ф. Гёльдерлина в стихотворении “Tübingen, Jänner”. Она тесно связана с основной темой всего творчества Целана – безумием, охватившим в середине XX века Европу. Не существующее в немецком языке слово “Pallaksch” неоднократно произносил Гёльдерлин. По словам его биографа, К.Т. Шваба, оно могло значить и «да», и «нет». В данном случае особенно любопытен контекст, в котором было употреблено это выражение. У русскоговорящего читателя на фонетическом уровне возникает ассоциация со словом «палач». Вероятно, Гельдерлин придумал это слово интуитивно и не догадывался о возможности подобного толковании. Но Целан, переводчик Мандельштама, Хлебникова, Есенина и др., прекрасно знал русский язык и мог осознанно использовать данный неологизм в своем стихотворении именно в этом значении. Об этом косвенно свидетельствует аллюзия на пьесу Г. Бюхнера «Войцек» в предшествующей строке. Главный герой, солдат Войцек, постоянно повторял эту же фразу: “Immer zu! Immer zu!”. А ведь Войцек, сошедший с ума, был не кем иным, как палачом, совершившим страшное преступление. Он из ревности убил Мари, женщину, от которой у него был ребенок.

В 1960 г. Целан получил высшую литературную награду Германии – премию им. Г. Бюхнера. Как уже упоминалось выше, он был хорошо

знаком с творчеством немецкого драматурга. Свою повесть о сошедшем с ума писателе эпохи «Бури и натиска» Я.М.Р. Ленце Г. Бюхнер начинает указанием на дату событий: «Двадцатого января Ленц отправился через горы». Целан вновь и вновь обращается к этой трагической дате в своем творчестве.

Наиболее ярким примером **паратекстуальных связей** (отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу и т.д.) в цикле “Die Niemandrose” является посвящение Осипу Мандельштаму в начале сборника – “*Dem Andenken Ossip Mandelstamms*”. Целан считал его своим духовным братом, непризнанным гением. Их на самом деле многое роднит: оба евреи, оба писали самобытные стихи и много переводили. Стоит ли удивляться, что Целан очень высоко ценил творчество русского поэта? В январе 1959 г. года он написал следующее письмо своему издателю: “*Darf ich schon hier, also unvermittelt, sagen, dass mir vor allem Ossip Mandelstamm am Herzen liegt? [...] Ich weiß kaum einen anderen russischen Dichter seiner Generation, der wie er in der Zeit war, mit und aus dieser Zeit dachte [...] Sehen Sie, bitte, in diesen Zeilen nur den Versuch, mir den Eindruck zu vergegenwärtigen, den ich bei meiner Begegnung mit den Gedichten Mandelstamms hatte: den Eindruck des unabdingbar Wahren [...]*” [Felstiner, 1997, S. 179–180].

Фамилия русского поэта обыгрывается Целаном также в тексте “Eine Gauner- und Ganovenweise” – “*Mandelbaum – Bandelmaum – Mandeltraum – Trandelmaum – Machandelbaum – Chandelbaum*”. Имя Осип для Целана – это и «*Образ твой мучительный и зыбкий*» и «*Божье имя*» из известного стихотворения Мандельштама, и цветаевское посвящение Блоку «*Имя твое – птица в руке*». Целан не просто хорошо знал поэзию Серебряного века, но и выполнил перевод многих из этих текстов на немецкий язык. Но важнее всего то, что он, как и Мандельштам, придерживается точки зрения, что «нет лирики без диалога» [Мандельштам, 1990, с.6]. Это цитата из эссе Мандельштама «О собеседнике» стала поэтическим кредо Целана, определила поэтику сборников “Sprachgitter” и “Die Niemandrose”.

Особое внимание необходимо уделить паратексту-посвящению “*Für Nelly Sachs*” в стихотворении “Zürich, zum Storchchen”. Это одно из самых радостных произведений поэта, написанное после встречи в Цюрихе с близкой подругой – немецко-шведской поэтессой Нелли Закс. Ранее они не встречались лично и общались лишь посредством переписки, но в 1960 г. Нелли Закс получает важную литературную премию и приез-

жает из Стокгольма в Цюрих и останавливается в отеле “Zum Storchen”, где ее и навещают Целан с супругой. Встреча протекает очень оживленно, и это находит отражение в стихотворении:

*“Vom Zuviel war die Rede, vom
Zuwenig. Von Du
und Aber-Du, von
der Trübung durch Helles, von
Jüdischem, von
deinem Gott” [Celan, 2002, S.16].*

Этот пример подтверждает, что вся лирика Целана может рассматриваться как *Erlebnislyrik*. Это один из немногих случаев, когда Целан в своих произведениях дает четкие указания на место и время действия. В данном случае наличие одной из хронотопических характеристик (места – Zürich) само по себе является знаковым, а его использование в сильной позиции (названии стихотворения) автоматически маркирует оба рассматриваемых паратекста, подчеркивая важность данной встречи для поэта.

Паратекстом являются знаменитые строки из «Поэмы конца» Марины Цветаевой, взятые Целаном в качестве эпиграфа к стихотворению “Und mit dem Buch aus Tarussa”. Целан несколько видоизменяет цветаевский текст – «Все поэты жи́ды». Паратекстуальные связи с произведениями русских авторов (Цветаева, Паустовский) и калужским альманахом «Тарусские страницы» выражают тоску поэта по Родине, его восточно-европейской Буковине, которая на момент написания стихотворения была частью Советской России. С этими образами у Целана связаны, с одной стороны, самые теплые воспоминания – “*Kyrillisches, Freunde*”, а с другой – вечное изгнание – “*Exil*”, “*ritt ich über die Seine, / ritt ich übern Rhein*”.

Первоначально стихотворение называлось “Brief, ostwärts”, а в тексте лирический герой упоминает “*Ost-Brief*”. В данном случае паратекстуальность может рассматриваться как обращение Целана к русским поэтам серебряного века, таким же странникам, как и он сам.

Еще одним не немецкоязычным паратекстом являются латинские названия стихотворений “*Radix, Matrix*” и “*Benedicta*”, выражающие идейное содержание этих текстов именно за счет своей иноязычной формы. Используя латынь и идиш в текстах, Целан тем самым обра-

щается не только к иудейской, и но католической, христианской проблематике. Он смешивает культуры, языки – “*Benedicta*”, “*Gebenedeiet*”, “*Ge-bentscht*”, делая акцент на общечеловеческом: “*Väter, Segnung, Heimat, Himmel, wildblühende Kronen*”. Поэзия для Целана – это “aktualisierte Sprache”. Дополняя свои произведения иностранной, не немецкоязычной лексикой, он тем самым расширяет для себя пространственно-временной континуум, выходит за границы собственной культуры.

В качестве классического примера **метатекстуальности** (авторский комментарий или ссылка на свой же предтекст) приведем два прозаических текста Целана: его выступление на вручении литературной премии в Бремене и знаменитую речь «Меридиан», в которых он пытался донести до слушателей суть своей поэзии, поведать о ее назначении и происхождении.

Целан, выступая перед своими коллегами, дает вполне конкретные ссылки на предтексты, комментирует их. В «Меридиане» он упоминает героя повести Г. Бюхнера «Ленц», который, 20 января отправился через горы [Celan, 1992, S. 140], Кафку “*Der Ausflug ins Gebirge*” и эссе Вальтера Беньямина «Франц Кафка». Далее он рассуждает о том, что стихотворение – это беседа, зачастую отчаянная. В этой связи вспоминается Целановский прозаический текст “*Gespräch im Gebirg*”, в котором маленький еврей (*der Jude Klein*) в отчаянии говорит с Богом – *Niemand-Gott*. Бога объективно нет. Эту тему Целан развил в стихотворении “*Psalm*” – “*Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm, / niemand bespricht unser Staub. / Niemand. / Gelobt seist du, Niemand*” [Celan, 1992, S. 79].

Поэт сам себя цитирует и комментирует свои же стихи. Целан повторяет определенные образы, возвращается к важным для себя темам и мотивам. В этом случае можно говорить о *внутренней интертекстуальности* в его поэзии.

Н.А. Фатеева считает, что **архитекстуальность** (жанровая связь текстов) лучше всего обнаружима не в своих положительных проявлениях, а тогда, когда происходит ее нарушение» [Фатеева, 1998, с. 35]. В качестве примеров она приводит нарушение И. Бродским общепринятой формы сонета в цикле «Двадцать сонетов к Марии Стюарт». Но еще до нее М.М. Бахтин, Ю.Н. Тынянов, С.С. Аверинцев начинают говорить о характерных для всей литературы XX века жанровых трансформациях. Поэзия все более тяготеет к субъективизму, многочисленные эксперименты способствуют обогащению языка и формы, и, таким обра-

зом, доминанта «жанр-автор» постепенно смещается в сторону автора. В противовес традиционной поэзии с метром и рифмой получают все большее распространение свободные ритмы. Почти все стихотворения П. Целана написаны верлибром. С точки зрения интерпретации свободный стих является способом освобождения от архаичных норм, выхода за рамки классической жанровой системы.

В качестве другого примера трансформаций можно привести знаменитую «Фугу смерти» (“Todesfuge”) из цикла “Mohn und Gedächtnis”. Поэт расширяет границы жанра, имитируя форму, взятую из другого вида искусства – фугу. Утверждая, что “*der Tod ist ein Meister aus Deutschland*”, Целан вызывает у читателя многочисленные ассоциации с немецкой культурой – Бах, Гете и его «Вильгельм Мейстер» и «Фауст» (Маргарита).

Таким образом, именно благодаря анализу интертекстуальных связей, широко встречающихся в стихотворениях П. Целана, художественный мир поэта становится более понятным и доступным читателю. С одной стороны, выявляется связь поэта с русской, французской и иудейской традициями, а с другой стороны, мы наблюдаем, как происходит рецепция некоторых произведений русских поэтов представителем немецкоязычной культуры.

Список литературы

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М., 2010.

Вольский А.Л. Поэтико-философский текст как объект филологической герменевтики. Автореф. дис. ... доктор. филол. наук. СПб., 2008. 37 с.

Гузь М.Н., Пигина Н.В., Ситникова И.О. Дискурсивное пространство интертекстуального анализа // Текст-Дискурс-Стиль в современной этнокультуре Германии: Монография. СПб., 2012. С.158–184.

Мандельштам О.Э. Эссе. Ижевск, 1990.

Пигина Н.В. Интертекстуальность как фактор текстообразования в лирических циклах Р.М. Рильке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 22с.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.

Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН. Серия литературы и языка. Том 57, №5. М., 1998. С. 25-38.

Филатова О.М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория // Вестник Удмуртского Университета. Ижевск, 2006. №5. С.149-154.

Щирова И.А., Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. СПб., 2005.

Celan P. Ausgewählte Gedichte. Nachwort von Beda Allemann. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.

Celan P. Die Niemandsrose. Sprachgitter. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002.

Felstiner J. Paul Celan. Eine Biographie. München, 2007.

Kommentar zu Paul Celans "Die Niemandsrose" / hgg. von Lehmann J. Heidelberg: Universitätsverlag Heidelberg, 1997.

Schulz G.-M. Fort aus Kannitverstan. Bemerkungen zum Zitat in der Lyrik Paul Celans // Paul Celan. Text+Kritik. München: Verlag edition text+kritik GmbH, 1984. № 53–54. S. 26–41.

Ekaterina Vyatcheslavovna Evstafyeva (Saint Petersburg, Russia)

HERMENEUTICS OF INTERTEXTUALITY IN PAUL CELAN'S POEMS

The article deals with the hermeneutic interpretation of the intertextual connections in the Paul Celan's collected poems "No one's Rose" ("Die Niemandsrose"). As a research method the method of the hermeneutic circle is chosen. The paper discusses different types of intertextuality and explores the role of allophylian textual elements in Paul Celan's artistic method.

Keywords: *hermeneutics, interpretation, hermeneutic circle, different types of intertextuality, genre transformations*

И.Г. Серова, А.И. Клещ (Санкт-Петербург, Тамбов, Россия)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАРАТЕКСТА В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье анализируются возможности разнообразной трактовки паратекста в сценическом и кино-воплощении драматического произведения на материале двух известных английских комедий.

Ключевые слова: паратекст, внешний/внутренний паратекст, дискурсивное пространство пьесы, сэттинг, интродуктивные ремарки, киноверсия

Современные трактовки текста предполагают видение текста, в том числе, и текста драматургического произведения, как «возможного мира, истинность которого релевантна лишь по отношению к нему самому» [Щирова, 2012, с. 94]. С точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы знания драматургические произведения представляют собой специфические форматы знаний, своеобразные по «упаковке» содержащейся в них событийной информации, распределяющейся между определенным кругом лиц – участниками пьесы и ее главными героями [Кубрякова, 2008, с. 3]. Особенность организации текста пьесы связана с тем, что авторский текст делится на две части, одна из которых предназначена для зрителя, а другая – для постановщика. Таким образом, у текста пьесы два адресата: режиссер и зритель, и соответствующие части текста не только разграничиваются, но и противопоставляются.

Термин «*паратекст*» был введен в научный обиход Ж. Женеттом для обозначения вербальных и невербальных компонентов произведения, которые, не являясь частью основного текста, оказывают воздействие на его восприятие. В состав паратекста входят: *заглавие, предисловие, цитаты, посвящения, иллюстрации, графические элементы оформления* [Женнет, 1998, с. 283]. Драматическое произведение, воплощаемое в пространстве сцены, превращается в театральный текст и переходит в план дискурса; в то же время драматический текст остается непосредственно текстом для чтения, произведением книжного формата.

Сценические ремарки (англ. *stage directions*) определяются как комментарий драматурга по поводу происходящего на сцене действия [Пе-

трова, 2009, с. 18]. Как любой другой элемент, включенный в единый формат знания пьесы, ремарки служат общей цели представить текст драмы в виде особого театрального зрелища. По своему месту в тексте, объему и характеру содержащихся в них сведений все ремарки делятся на 1) *интродуктивные* ремарки, или *сэттинги* (англ. *settings*), характеризующие хронотопические условия постановки, 2) ремарки *межрепликового* характера. *Сэттинги*, в свою очередь, можно условно подразделить на 2 категории: 1) *интродуктивные* ремарки перед началом действия, описывающие глобальное место и время действия пьесы, 2) *интродуктивные* ремарки, предвещающие начало отдельных актов и сцен, которые дают описание обстановки действия данного акта или сцены. Ремарки *межрепликового* характера отражают передвижение персонажей на сцене, а также особенности речи героев. Среди *межрепликовых* ремарок принято выделять *интроспективные*, *просодические* и *кинестические* [Иванова, 2007, с. 45–49].

При помощи *сэттинга* (*setting*) осуществляется погружение в условную реальность пьесы. Еще до начала театрального действия и появления на сцене актеров над реализацией авторского замысла работает целая команда работников сцены, возглавляемая режиссером. Фактически для них и вводятся «*директивы*» (ср. с англ. *stage directions*) драматурга, связанные с экспозицией совершаемого на сцене действия. Оформление сцены (*staging*) включает декорации (*scenery*), бутафорию/реквизит (*stage properties/props*), освещение сцены (*lighting*), а также костюмы актеров (*costumes*). Звуковая реализация подразумевает подготовку музыкального сопровождения пьесы (*background music*) и своевременного «подключения» различных шумов, которые могут быть как звуками природы (шум дождя, ветра), города, так и голосами за сценой.

Пьесе как письменному произведению словесно-художественного творчества обычно соответствует несколько вариантов ее сценических (дискурсивных) реализаций, основанных на разных интерпретациях авторского замысла. Создание и развитие кинематографа в XX веке привело к еще более свободному подходу в дискурсивной реализации драматургических произведений. Режиссеры и сценаристы фильмов по-новому «читают» тексты пьес, пользуясь многообразными кинематографическими приемами визуализации текста.

В фокусе нашего исследования находится анализ комедий О. Уайльда («Как важно быть серьезным») и Б. Шоу («Пигмалион») с точки зре-

ния влияния интерпретации паратекста на дискурсивную реализацию драмы в условиях создания киноверсии. Представляется логичным последовательно рассмотреть два типа паратекста в драматургическом произведении – *внешний* (обрамляющий), состоящий из названия, списка действующих лиц, пролога, эпилога и т.п., т.е. тех элементов, которые непосредственно предваряют или завершают основной текст пьесы; и *внутренний*, который включает в себя сценические ремарки, обозначение действующего лица непосредственно перед произносимой репликой, обозначение актов и сцен, т.е. всего того, что влияет на интерпретацию паратекста режиссером.

Внешний паратекст в комедиях О. Уайльда и Б. Шоу

Заглавие пьесы, как и любого другого литературного произведения, является первым элементом паратекста, который попадает в поле зрения читателя или зрителя, и несет чрезвычайно большую смысловую нагрузку. В исследуемых комедиях О. Уайльда и Б. Шоу заглавие состоит из двух элементов: непосредственно названия пьесы и подзаголовка, характеризующего жанр произведения.

The Importance of Being Earnest. A Trivial Comedy for Serious People; Pygmalion: A Romance in Five Acts.

Название комедии О. Уайльда отличается характерной для писателя игрой слов, которая, к сожалению, теряется в переводе. Прилагательное «*earnest*», означающее в переводе на русский язык «*серьезный*», является омофоном мужского имени *Эрнест*. Оба эти значения реализуются в пьесе: оба главных героя получают имя «Эрнест» и оба становятся более серьезными. Название комедии Б. Шоу отсылает читателя к истории известного мифа о Пигмалионе, таким образом, данный паратекстуальный элемент выступает в роли интертекстуального коннотата, заранее подготавливая читателя/зрителя к романтической истории любви между создателем и его созданием. Романтические ожидания создает и определение жанра – “romance”. Но и миф, и жанр подвергаются в пьесе развенчанию, так как в эпилоге автор настаивает на том, что жанр любовного романа является устаревшим пережитком романтической и сентиментальной литературы прошлых эпох.

В комедии О. Уайльда наблюдается каноническое использование обрамляющего паратекста. Перед началом действия приводится список действующих лиц. В соответствии с каноном, О. Уайльд дает краткую характеристику места действия в каждом акте и описание времени

действия. Данные ремарки, предворяющие начало действия, относятся к типу интродуктивных ремарок глобального характера:

THE SCENES OF THE PLAY

ACT I. Algernon Moncrieff's Flat in Half-Moon Street.

ACT II. The Garden at the Manor House, Woolton.

ACT III. Drawing-Room at the Manor House, Woolton.

Время пьесы обозначено в интродуктивной ремарке лаконично:

TIME: The Present. «The Present» («Настоящее») относится ко времени создания пьесы, т.е. приблизительно к 1895 году.

У Б. Шоу мы наблюдаем отход от стандартного оформления паратекста пьесы. Автор «Пигмалиона» не предоставляет читателю списка действующих лиц или ссылок на место и время действия. Вместо этого, он предворяет свое произведение пространным вступлением-размышлением, в котором выражает свое мнение об английском языке, отношении к нему англичан, описанием прототипа главного героя пьесы и важности такой сферы науки, как фонетика, для языка и общества в целом. Кроме того, автор завершает свое произведение послесловием, в котором дает описание последующей жизни главных героев. Подобное использование паратекста, в целом, не характерно для драматических произведений. Тем не менее, оно вполне соответствует интеллектуальному и несколько умозрительному стилю Б. Шоу.

Внутренний паратекст в комедиях О. Уайльда и Б. Шоу

К внутреннему паратексту в пьесах, как было указано выше, относятся все сопровождающие действие ремарки автора. В пьесе О. Уайльда мы наблюдаем классическое употребление интродуктивных ремарок: интродуктивные ремарки локального характера предворяют каждый из трех актов пьесы «Как важно быть серьезным», давая представление о месте действия. Например:

FIRST ACT

SCENE

Morning-room in Algernon's flat in Half-Moon Street. The room is luxuriously and artistically furnished. The sound of a piano is heard in the adjoining room.

В комедии Б.Шоу мы встречаем несколько иной тип интродуктивных ремарок. Автор не просто описывает общую обстановку сцены, он дает исчерпывающие указания о том, какая мебель и какие элементы интерьера должны быть на сцене, не только подробно описывая сами вещи, но и их расположение относительно друг друга и зрителя:

ACT II

Next day at 11 a.m. Higgins's laboratory in Wimpole Street. It is a room on the first floor, looking on the street, and was meant for the drawing-room. The double doors are in the middle of the back hall; and persons entering find in the corner to their right two tall file cabinets at right angles to one another against the walls. In this corner stands a flat writing-table, on which are a phonograph, a laryngoscope, a row of tiny organ pipes with a bellows,... [...].

Помимо четких указаний о месте действия, автор также включает в интродуктивные ремарки описание характера, внешнего вида и манеры поведения героев.

Интерпретация паратекста в пространстве киноверсии

В данной статье рассматриваются киноверсии двух исключительно популярных английских пьес: фильм О. Паркера 2002 года «Как важно быть серьезным» (“The Importance of Being Earnest”) по одноименной пьесе О.Уайльда и фильм 1964 года «Моя прекрасная леди» (“My Fair Lady”) – киноверсия одноименного мюзикла, основанного на пьесе Б.Шоу «Пигмалион».

В фильме «Как важно быть серьезным», снятом в 2002 году, паратекст пьесы получает новое осмысление. Пользуясь возможностями кино, постановщик делает пьесу более динамичной. Режиссер вводит дополнительные эпизоды драматургического действия: погони кредиторов за Алджерноном по улицам Лондона, сцены в ночных кабаре, прием Джека в доме леди Брэкнелл. Кинематограф также дает постановщику возможность наглядно реализовать мысли героев в качестве вставных эпизодов (например, «мечтания» Сесили о прекрасном принце). По ходу создания фильма О. Паркер создает некоторое смешение времен, частично «осовременивает» пьесу. Оправданием этому служит паратекстуальный элемент, который указывает на время действия пьесы “the Present” («Настоящее»), что может быть интерпретировано и как время создания фильма. Своеобразным индикатором «настоящего» времени (2002 г.) является эпизод, в котором мы видим Гвендолен в салоне татуировки, где она делает надпись с именем Ernest на крестце, что заставляет зрителя невольно улыбнуться.

Кинокартина «Моя прекрасная леди», снятая в 1964 режиссером Джорджем Кьюкором, является кино-адаптацией известного мюзикла с одноименным названием, в основу которого легла пьеса Б.Шоу «Пигмалион». Реализация пьесы в форме музыкальной комедии превращает диалоги и монологи действующих лиц в исполняемые геро-

ями музыкальные номера. В такой интерпретации текст и паратекст пьесы смешиваются и одновременно реализуются на глазах у зрителя. Отсутствие в пьесе Б. Шоу такого обязательного паратекстуального элемента, как список действующих лиц, позволило создателям кинокартины свободно вводить в пьесу новых персонажей или исключать персонажей малозначительных. Так в фильме мы можем увидеть жизнь уличных торговков цветами, большое количество слуг в доме профессора Хиггинса (хор и кордебалет).

Игнорируя послесловие Б. Шоу, режиссер меняет концовку пьесы на традиционный «хэппи энд», в котором Элиза возвращается в дом Хиггинса, и зрителю дают понять, что они будут вместе и счастливы до конца дней. Таким образом, следуя ожиданиям зрительской аудитории, режиссер пренебрегает авторским наставлением, видимо, полагая, что в музыкальной комедии «голливудский» конец будет более уместен.

Список литературы

Женетт Ж. Введение в архитекст // Работы по поэтике. Фигуры: В 2 т. М., Т. 2. 1998. С. 282–340.

Иванова Т.Г. Ремарка как средство передачи авторского замысла // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Том 8. № 27. С. 45–49.

Кубрякова Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. Тамбов, 2008. С. 30–45.

Петрова Н.Ю. Новые научные подходы: тексты английских пьес сквозь призму когнитивно-дискурсивной парадигмы знания // Общество – Язык – Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. Тезисы Четвертой международной научно-практической конференции. МИЛ, 27 ноября 2009 г. М., 2009. С. 57–58.

Щирова И.А. Субъектные стили научного мышления как методологическая основа изучения текста // Когнитивные исследования языка. Вып. XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Сб. материалов. М.: Тамбов, 2012. С. 92–96.

Wilde O. The Importance of Being Earnest. Режим доступа: www.gutenberg.org/files/844/844-h/844-h.htm

Show G.B. Pygmalion. Режим доступа:

<http://www.gutenberg.org/files/3825/3825-h/3825-h.htm>

The Importance of Being Earnest. (film). 2002. Director: Oliver Parker.

My Fair Lady. (film). 1964. Director: George Cukor.

Irina Georgievna Serova, (Saint Petersburg, Russia)

Anna Ivanovna Klesch (Tambov, Russia)

PARATEXT INTERPRETATION IN THE DISCURSIVE SPACE OF ENGLISH DRAMA

The article tackles the opportunities, offered by freedom in paratext interpretation of the drama, in creating the stage and film versions of the two famous English comedies.

Keywords: *paratext, external/internal paratext, discursive space of the drama, setting, introductive stage remarks, film version*

УДК 81-114.2

С.Г. Филиппова (Волхов, Россия)

ОБ ИНТЕРДИСКУРСИВНОМ ХАРАКТЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статья посвящена проблеме интердискурсивности и ее реализации в художественном тексте. Интердискурсивность расширяет понятие интертекстуальности и связана с заимствованием характеристик иного текстотипа. Частным случаем интердискурсивности является использование философских включений в художественном тексте. Такие включения носят проективный характер и способствуют реализации авторского мировоззрения.

Ключевые слова: *интердискурсивность, интердискурсивное включение, философский дискурс*

В современной лингвистике актуальными подходами в описании художественного текста признаются когнитивно-коммуникативный подход и дискурс-анализ, основанные на описании текста с точки зрения широкого культурного контекста, реализации в тексте картины мира, открытости текста и дискурса, интертекстуальности и интердискурсивности. Использование этих подходов, в частности, диктуется особенностями литературы XX–XXI века, характеризующейся зарождением и развитием новых художественных тенденций, возникновений новых художественных направлений, новых способов изображения действительности, психологизацией и онтологическим содержанием.

Понимаемый как посредник при общении текст заставляет лингвистов в последнее время расширить объект исследования и обратиться к проблеме дискурса. В современной лингвистике это понятие наполняется различными значениями, что свидетельствует о его сложности. Максимально широкая трактовка понятия дискурса предложена Н.Д. Арутюновой, согласно которой, дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 2000, с. 137]. Когнитивно-коммуникативный подход в лингвистике трактует дискурс как когнитивно, психологически, социально, культурно и т.д. значимое событие, взаимодействие, «отягощенное» характеристиками реального времени коммуникативных обстоятельств, в которых находятся участники в качестве языковых личностей [Щирова, Гончарова, 2006: 109]. Вслед за М. Фуко

[Фуко, 1996], лингвисты анализируют дискурсы как совокупности тематически соотнесенных текстов, различая, таким образом, отдельные типы дискурса: художественный, научный, политический, литературно-критический, юридический, политический, педагогический, религиозный, рекламный и т.д.

В лингвистике выделяются различные подходы к разграничению дискурса и текста. При первом подходе эти понятия считаются равнозначными и взаимозаменяемыми. При втором, дискурс противопоставляют тексту как процесс результату. При третьем, текст считается составляющей дискурса. Характер отношений между текстом и дискурсом описывается и с точки зрения их существования в открытом семиотическом универсуме, где текст и дискурс исследуются как открытые системы. На положении об этой открытости основываются понятия интертекстуальности и интердискурсивности.

Основанные на теории диалогичности М.М. Бахтина, понятия интертекстуальности и интердискурсивности были предложены французскими семиотиками. Под интертекстуальностью с лингвистических позиций традиционно принято понимать включение в текст элементов иных текстов с иным субъектом речи, реализованное в виде маркированных интертекстуальных включений. Существует целый ряд классификаций интертекстуальности, и некоторые исследователи считают это понятие родовым, включающим в себя другие виды. Интертекстуальность как соприсутствие в тексте других текстов с иным субъектом речи именуется по-разному: «собственно интертекстуальность» [Фатеева, 2000], «внешняя интертекстуальность» [Арнольд, 2010], «интерсубъектная интертекстуальность» [Петрова, 2005]. Этой собственно интертекстуальности противопоставляются те ее виды, которые не реализуют явную смену субъекта речи. Так, И.В. Арнольд в противоположность внешней интертекстуальности выделяет интертекстуальность внутреннюю, если «чужой голос» фиктивен и принадлежит тому же автору [Арнольд, 2010, с. 415].

В результате расширения понятия интертекстуальности лингвисты в современных исследованиях справедливо обращаются к понятию интередискурсивности. Представляется, что различие между этими двумя понятиями состоит в различии характера заимствования. Если при интертекстуальности заимствуется (цитируется) иной текст, то при интердискурсивности заимствуется иной текстотип, т.е. абстрактный инвариант результата иного дискурса.

Известный теоретик постструктурализма Р. Барт в своей радикально широкой трактовке интертекста имел в виду интердискурсивность как обязательную характеристику любого текста, когда писал, что «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [Барт, 1994, с. 417–418]. Текст поглощает и перемешивает обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и предстает как «общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [там же]. По мнению М. Пеше, предложившему понятие интердискурсивности, всякий текст полиморфен в дискурсном отношении постольку, поскольку невозможно произвести высказывание в рамках только одного и абсолютно чистого, однородного дискурса. Дискурсы функционируют во взаимодействии и их пересечения и наложения обнаруживаются в текстах [Пешё, 1999]. Подобную точку зрения высказывает и П. Серио, считающий, что идентификация дискурса не может быть заданной, поскольку процесс высказывания «пронизан угрозой смещения смысла» [Серио, 2001, с. 553].

Интердискурсивность, таким образом, свидетельствует об использовании в продуцируемом тексте структурных и лексико-семантических особенностей иных типов дискурса. Это предполагает «когнитивное переключение» с одной системы знаний на другую, «взаимодействие, взаимоналожение различных ментальных, т. е. над- и предтекстовых, структур, операций, кодовых систем, фреймов в процессе текстопроизводства» [Чернявская, 2007, с. 22].

Маркерами смены дискурса служат дискурсивно-обусловленные характеристики – композиционные модели текстопостроения и ЛЕ, характерные для иного дискурса. Их можно назвать интердискурсивными включениями по аналогии с интертекстуальными включениями. В случае включения иного дискурса с явной сменой субъекта речи (цитированием конкретного иного текста) автор маркирует интердискурсивные включения как интертекстуальные (цитаты и аллюзии).

Теория интердискурсивности оказывается продуктивной при рассмотрении принадлежности одного текста к различным типам дискурса, и, наоборот, при включении различных жанров, стилей, типологических моделей в единое дискурсивное пространство. Однако

интердискурсивность не следует понимать как хаотичное и неосознанное смешение дискурсов. Взаимодействие дискурсов организуется согласно авторской интенции. Характер этого взаимодействия определяется влиянием включающего контекста, которое называют проективностью одного дискурса на базе другого [Карасик, 2009, с. 204]. Характеристики «включенного» дискурса (проективного) представляются отличными от «чистого» по причине проективности первого.

В силу своей открытости и амбивалентности художественный текст представляется интердискурсивным по своей природе. Интердискурсивные включения в художественном тексте имеют вид стилизации под иные текстотипы. Так, письмо, полученное Гарри Поттером, в котором официально объявляется о его зачислении в школу волшебников, – включение делового дискурса. Однако он проектируется на базе художественного, и, в первую очередь, носит фикциональный характер. Такой школы волшебства нет, и не может быть, нет и совиной почты.

Интердискурсивный характер речевой деятельности автора художественного текста может быть рассмотрен как свидетельство синкретизма языковой личности, в свою очередь, предопределяющего синкретизм её дискурса. Известная модель языковой личности Ю.Н. Караулова как совокупности способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов) [Караулов, 1987], таким образом, может уточняться характеристикой синкретизма как способности к интердискурсивной речевой деятельности. Когнитивная составляющая такой деятельности заложена в синкретизме картины мира как системы знаний и представлений в сознании человека. Эта система включает в себя знания о мире различного характера (научные, мифологические, религиозные, образные и др.), в том числе и текстовые знания, к числу которых следует отнести не только знания о конкретных текстах, но и знания о текстотипах – образцах определенных дискурсивных практик.

Интердискурсивность в коммуникативной деятельности человека приводит к размыванию границ между художественным и научным творчеством. В истории развития цивилизации сложились универсальные практики речевой деятельности, способные занимать пограничное положение между наукой и искусством. К ним относится, в частности, философский дискурс.

Особенности философского дискурса проистекают из особого статуса философии как области метанаучного знания. Философию трак-

туют как форму общественного сознания и познания мира, вырабатывающую систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни во всех ее проявлениях [Философия: Энциклопедический словарь, 2004, с. 909]. Философию считают всеобщей и первой наукой. В отличие от частных наук философия «имеет дело с бытием в целом, которое имеет отношение к человеку как человеку» [Ясперс, 2000].

Известно, что рассуждения об обобщенных проблемах существования сложны для понимания. Философский дискурс – строгий дискурс, это такой тип рассуждения, который «стремится к особому рода рефлексии над опытом, автономной и самоочевидной, объективной и рациональной» [Калашникова, 2008].

Основной сущностной характеристикой философского дискурса является его особая концептосфера, реализующаяся в терминологии неденотативной семантики. Базовыми концептами этого типа дискурса можно считать философские категории – «основные роды, или разряды, бытия и соответственно основные роды понятий о бытии, его свойствах и отношениях» [Асмус, 1976, с. 42]. В современной философии нет более или менее общего перечня категорий. Взятые за основу системы философов-классиков детализируется и дополняется новыми категориями. Считается, что описание системы категорий, восстановленной из содержания различных философских учений – одна из важнейших задач современных философских исследований [Орлов, 2011].

Философский дискурс обладает способностью проникать в различные области человеческой деятельности и в различные виды дискурса благодаря своей всеобщности и универсальности. Формулируя всеобщие вопросы бытия, он имеет тенденцию взаимодействовать с художественным дискурсом. Ученые обращают внимание, например, на тексты, занимающие промежуточное положение между «чистой поэзией» и «чистой философией», выделяют креализованный философско-художественный дискурс как результат конвергенции двух дискурсов [Иванова, 2011]; обращают внимание на литературный характер русской философии и, наоборот, философичность русского литературного дискурса [Журавлева, 2011]; выделяют жанры «интеллектуального романа» и «философской прозы», которые насыщены философской проблематикой и отражают научное мышление писателей [Андреев, Карельский, Павлова, 2001, с. 194, 283]. Такое взаимодействие объ-

ясняется тем, что философия и литература пересекаются в предметах своего познания – человек, бытие, существование, свобода и т.д.

Пространство философского дискурса представляется сложным и неоднородным, включающим различные подвиды, границы между которыми нечетки. Эту неоднородность, в первую очередь, иллюстрирует тот факт, что под философией понимают не только строгое научное знание, но и теоретическое ядро мировоззрения [Философия: Энциклопедический словарь, 2004, с. 909]. Представляется, что философский дискурс охватывает широкий спектр человеческой деятельности и может выступать как специализированный научный (в философских научных текстах), неспециализированный научный (в иных научных текстах), ненаучный (в художественных, публицистических и др. текстах), обыденный (в разговорной речи).

Философские включения дают возможность автору художественного текста эксплицировать свои мировоззренческие установки. Их участие в общей иерархии тестовых смыслов способствует декодированию идейного содержания литературного текста. Автор может включать их в план персонажа или повествователя, изображая, таким образом, героя-интеллектуала, склонного к философской рефлексии. Философские включения как речевая характеристика персонажа представляет собой технику проектирования философского дискурса на художественный. Поскольку такие персонажи в основном не являются профессиональными философами, то и включенный философский дискурс относится к ненаучному.

Персонажи-«философы-любители», в частности, – особенность творчества известной английской писательницы А. Мердок (I. Murdoch), известной также своими философскими работами. Так, герой романа «Море, море» ("The Sea, The Sea") Чарльз Эрроуби (Charles Arrowby), в прошлом знаменитый театральный режиссер, признается в том, что, описывая свои мемуары, естественно изложит и свои философские воззрения:

«Of course there is no need to separate 'memoir' from 'diary' or 'philosophical journal'. I can tell you, reader, about my past life and about my 'world-view' also, as I ramble along. Why not? It can all come out naturally as I reflect» [Murdoch, 1980].

В частности, герой Эрроуби высказывает свои гедонистические взгляды на жизнь:

«...they would be hedonists. In food and drink, as in many (not all) other matters, simple joys are best, as any intelligent self-lover knows» [там же].

Маркерами философского включения в этом фрагменте следует считать ЛЕ *hedonist*, указывающее на известное философско-этическое течение, согласно которому удовольствие является абсолютной ценностью человека, и ЛЕ *joys* – основное понятие гедонизма. Утверждение о том, что лучшими являются удовольствия простые, предельно, лаконично и не подлежит верификации и может считаться философским.

Герой другого романа А. Мердок «Черный принц» (*The Black Prince*) Брэдли Пирсон (*Bradley Pearson*), писатель, считает себя философом-любителем в силу своей профессии и призвания:

«*A writer*» is indeed the simplest and also the most accurate general description of me. In so far as I am also a psychologist, an amateur philosopher, a student of human affairs, I am so because these things are a part of being the kind of writer that I am» [Murdoch, 1967].

В центре внимания автора романа идея о том, что настоящее искусство невозможно без любви и страданий. Включение философского дискурса в речевую характеристику героя способствует пониманию главной идеи романа. Герой видит в любви сущность мироздания, доходу к знаниям:

«it is the *logos of all being*. *Love is knowledge*, you see, like the philosophers always told us» [Murdoch, 1967].

Автор маркирует включение ЛЕ *philosopher*, эксплицитно указывая на смену дискурса, а также философскими терминами *logos* (логос) и *being* (бытие). Утверждение *Love is knowledge* перекликается с «Сочинениями об Эросе» Платона. В философской концепции Платона говорится о четырех видах Эроса, низший из которых (первый) – «Эрос прекрасных тел», следующий далее (второй) – «Эрос прекрасных душ и их порождений», третий из четырех – целостность и величие всего мира, наконец, четвертый и высший – «красота в себе». «Узревший этот запредельный, тамошний мир, – говорит Платон, – живет истинной жизнью, и он любезен богу больше, чем всякий другой смертный» [цит. по Лосев, 1993, 51–52].

Выявление включений проективного философского дискурса в художественном тексте, анализ их смысловых особенностей представляют интерес для исследования проблематики интердискурсивности художественного текста, реализующей картину мира автора и, в частности, ее мировоззренческую составляющую.

Список литературы

Андреев Л.Г., Карельский А.В., Павлова Н.С. Зарубежная литература XX века. М., 2001.

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М., 2010.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // БЭС: Языкознание. М., 2000. С. 136–137.

Барт Р. Избранные труды: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Журавлева Т. В. Об особенностях национального философского дискурса и семантике текста // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. Иркутск, 2011. С. 174–180.

Иванова С.С. Художественное философствование Чеслава Милоша // Интерпретация текста: Лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Чита, 2011. С. 244–247.

Калашникова Н.А. Язык философии и философская рефлексия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. Волгоград, 2008. С. 7–11.

Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.

Лосев А.Ф. Эрос у Платона // Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. – С. 31–60.

Орлов В.В. Проблема системы категорий в философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Выпуск 2 (6). Пермь, 2011. С. 4–11.

Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов). Афтореф. дисс ... докт. филол. наук, Волгоград, 2005.

Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 225–290.

Серио П. Анализ дискурса во французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. М.; Екатеринбург, 2001. С. 549–562.

Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. М., 2000.

Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Б. Левченко. Киев, 1996.

Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб., 2007. С. 7-26.

Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб., 2006.

Ясперс К. Введение в философию / Пер. а и ред. А.А. Михайлова. Минск, 2000.

Murdoch I. The Sea, The Sea, Penguin Books Ltd, Registered Offices: Harmondsworth, Middlesex, England, 1980.

Murdoch Iris. The Black Prince. Suffolk: Richard Clay Ltd., 1967.

Svetlana Gennadievna Filippova (Volhov, Russia)

ON THE INTERDISCOURSEIVE CHARACTER OF A LITERARY TEXT

The article is dedicated to the problem of interdiscursivity and its realization in a literary text. Interdiscursivity broadens the notion of intertextuality and deals with the borrowing of another textotype. A special case of interdiscursivity is the use of philosophical inclusions in a literary text. These inclusions are of projective character and help to realize the author's world view.

Keywords: *interdiscursivity, interdiscursive inclusions, philosophical discourse*

СЛОВО И ТЕКСТ В ПЕРЕВОДЕ

УДК 81.0

Т.А. Казакова (Санкт-Петербург, Россия)

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСЛОЖНЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МИФОНИМОВ

Мифонимы представляют собой особый разряд языковых единиц, значение которых не верифицируется, поскольку принято считать, что им соответствуют пустые денотаты. Наполнение такого денотата обеспечивается личным и коллективным опытом, фоновыми знаниями и разнообразием контекстов употребления мифонимов, не только собственно мифологических, но и в качестве прецедентных имен. В любом употреблении эта категория имен представляет определенную трудность для перевода и сопровождается семантико-прагматическими осложнениями. Для удобства наблюдений в ней можно выделить два разряда: мифонимы явные и неявные. Обе категории требуют разных стратегий перевода.

Ключевые слова: мифоним, прецедентное имя, фидейный денотат, семантико-прагматическое осложнение, стратегии перевода

В согласии с доктриной логического позитивизма, господствующей в современной лингвистике, основа значения языковых единиц верифицируется через эмпирическую подтверждаемость объекта референции – иными словами, по Р. Карнапу, через установление их связи с «миром вещей». Таким образом, всякая языковая проблема рассматривается как проблема логическая, подлежащая формальному доказательству.

Однако в языке существует, по крайней мере, один разряд языковых единиц, который, по определению, не поддается эмпирической верификации. Это языковые единицы (слова, ФЕ, формулы, комбинации, СФЕ и др.), отражающие мифологическую картину мира в том виде, как она представлена в разных культурах. Носителями имен объектов, свойств и отношений в этой картине являются слова и устойчивые выражения, которые носят условное название *мифонимов*.

Определения мифонимов отличаются в разных работах и подходах. Наиболее расширительное толкование термина дает А.В. Суперанская: мифонимы – имена «любой сферы ономастического пространства в

мифах, эпopeях, сказках, былинах» [Суперанская, 1973, с. 261]. Оговорюсь сразу, что в настоящей работе под мифонимами понимается более широкий круг лексики – не только личные, но и нарицательные имена, которые в целом создают имманентный хронотоп – мифическую картину мира. Такое понимание основывается на определении А.Ф. Лосева, согласно которому «миф есть развернутое магическое имя» [Лосев, 1991, с.170], и представлении об особой сущности мифического слова: «бытийственный, обиходный язык оказывался недостаточным, чтобы передать сущность явления или раскрыть черты образа того или иного бога, требовалась специфическая «метаречь» и – изначально данная объективация языка, абстрагированная от предметно-сущностного мира (...)» [Померанцева, 1985, с. 43].

Развернутое магическое имя, мифоним, метаречь и т.п. отличаются от обиходного или абстрактно-логического слова прежде всего знаковым отношением: принцип мифослова – это эмоционально-образное представление мира, окутанного недосказанностью, тайной. По наблюдениям Н.А. Померанцевой, такие представления характерны, например, для древнеегипетской мифологической традиции: «Записав изреченное слово Ра [бог мудрости] Тот дал его людям, но не открыл его смысла, окутав тайной, о которой он сообщил, что она есть» [Померанцева, 1985, с. 38]. Из всего потока информации, воспринимаемой человеком, мифослово выделяет и закрепляет преимущественно образно-чувственные компоненты, что Леви-Брюль называет законом participation, сопричастности [Леви-Брюль, 1994, с. 79–80].

Нередко имена мифических персонажей (духов, богов), мифических природных объектов или явлений (священных мест, гор, потоков, сторон света и т.д.), предметов, обладающих особыми магическими свойствами, магических обрядов и символов и других объектов мифической картины мира употребляются не только в собственно мифологических контекстах, но и в качестве прецедентных имен, то есть во взаимодействии со знаками, основанными на предметно-логическом отношении с реальным миром.

В любом употреблении эта категория имен представляет определенную трудность в условиях перевода. Для удобства наблюдений в ней можно выделить два разряда: мифонимы явные и неявные.

Явные мифонимы (Баба-Яга, Boggart, Kelpie, Кухулин, скатерть-самобранка, водяной, тридевятое царство и т.п.) распознаются как номинации компонентов вымышленного мира в его фольклорной интерпретации и,

как правило, при переводе либо непосредственно транслитерируются (с потерей некоторого объема культурной информации, что сопровождается ростом энтропии, вплоть до лишения смысла, то есть информации, вообще), либо заменяются условными аналогами (Баба-Яга – a wicked witch). Это «пустые денотаты», по Карнапу, исключения из общих правил логики, то есть слова с условной семантикой, не поддающейся верификации – за отсутствием объекта. Семантическая условность таких денотатов не мешает носителям данной культурной традиции «понимать» их – в меру личного и коллективного опыта. Это «понимание» в отличие от «разъяснения» основывается на имеющейся в контексте и культурно-языковом опыте совокупности признаков, создающих впечатление действительных, то есть конструирующих несуществующий денотат.

Неявные мифонимы «камуфлируются» и создают ложное впечатление «понятности», то есть соотнесенности с действительностью. «Дремучий лес» не равен густому лесу, тайге и т.п. «Иван-царевич» не сопоставим с царевичем Иваном, то есть царским сыном по имени Иван, а герой ирландских мифов King Cormac не совпадает ни с одним из реально существовавших верховных королей Ирландии с таким именем. Мифологические Лиса, Rabbit или Coyote, Медведь или Старуха-cailegh на самом деле не совпадают с действительными референтами, будь то человек или животное, и представляют нечто иное – вымышленные, фидейные, «пустые» денотаты. Если сравнить их с «реальными» объектами, то выясняется, что кроме имени их не роднит ничего, поскольку все их свойства и отношения вступают в логическое противоречие с «реальными кузенами»: мифический Койот – не животное, но и не человек, Cailegh (Старуха) из ирландских мифов – не человек и не животное, а вообще неведомое существо, разжалованная русалка.

Рассматриваемые таким образом мифонимы демонстрируют, что человек «понимает» в тексте не столько реальный объект, которого может и не быть вовсе, сколько само слово, имя, закрепленное в культурно-языковом опыте, в том числе проецируя понимание слова на действительность. Дедов-Морозов не бывает, но если мы с достаточной регулярностью употребляем это имя в определенных контекстах, оно, в силу языковой инерции, связывается в нашем сознании с неким условным объектом, то есть наделяется смыслом. Поэтому методически неверно считать объектом понимания текст, высказывание, «положения дел», произведение культуры и т.п. Мы понимаем не текст, не устное сообщение, не ситуацию, а смысл текста, смысл сообщения или смысл ситуации.

Физико-математическое понятие «кварки» не дано непосредственному наблюдению, и их существование до сих пор не подтверждено реальным опытом. В этом смысле кварки не более «отражают реальность», чем «Баба-Яга». Между тем «родители» кварков, математики, не только уверены в их существовании, но и даже приписывают им определенные качества и дают имена собственные («милый», «светлый», «очарованный» и т.п.). Положения дел не меняет тот факт, что кварки «вычислены» математически – в сущности, это такое же порождение разума, как и «goblin» или «Кощей», только на различной основе: баба-яга порождается логикой вымысла в не меньшей степени, чем кварки порождаются логикой исчисления величин.

Условность мифонимов, продиктованная невозможностью верификации, раскрывает наши отношения с текстом в условиях перевода в большей степени, нежели когда мы имеем дело с реальной, верифицируемой референцией. Благодаря тексту мы не столько понимаем, сколько познаем природу объекта – в нашем случае мифологического. Однако характер процесса познания не очевиден («сокровенная сопричастность») и обнажается лишь в условиях различного рода межъязыковых или межкультурных осложнений.

В сущности, говоря о «понимании текста», мы производим подмену объекта познания способом его выражения. Современная эпистемология, которая являет в настоящее время собой теорию познания, рассматривает познание как процесс накопления научного знания безотносительно познающего субъекта. Для эпистемологии базовой является оппозиция «объект – знание», основными являются вопросы природы знания, его видов и типов, механизмов его объективации в различных формах деятельности, закономерностей функционирования и развития знания. Объект обычно рассматривается в идеальной (знаковой форме) как компонент самого знания. Между тем субъект познания, носитель языка, человек, получающий представление об объекте, реальном или вымышленном, безусловно, опирается и на другие источники, подтверждающие это представление: прежде всего чувственный опыт, интуицию, воображение, впечатление, на совокупность ресурсов материальной и духовной культуры.

Иными словами, прагматика как отношение между знаковой формой и человеком, особенно при отсутствии условий логической верификации, делает не денотат, а десигнат или даже коннотат основанием познания. Следовательно, для интерпретатора знака в отсутствии или искажении предметно-логической информации и неясности языковой

информации (что такое «фейри»?) основанием для снятия смысловой энтропии становятся такие составляющие опыта, как оценка, отношение, эмоциональное состояние, сопровождающее знак – то есть выведение нового не логическим, а сублогическим путем. В таком случае мы опираемся не на познание объекта, а на познание нашего взаимоотношения с ним, на событийную сторону познания.

Вот что пишет в связи с этим немецкий физик Вернер Гейзенберг:

«[В современной физике] мир делится не на различные группы объектов, а на различные группы взаимоотношений... Единственное, что поддается выделению, – это тип взаимоотношений, имеющих особенно важное значение для того или иного явления... Мир, таким образом, представляется нам в виде сложного переплетения событий, в котором различные разновидности взаимодействий могут чередоваться друг с другом, накладываться или сочетаться друг с другом, определяя посредством этого текстуру целого» [Heisenberg, 2008, p. 107].

Разновидности взаимодействий, выводимые нами в процессе познания мира через знаковый способ представления, позволяют решать при непосредственном восприятии или при переводе проблему «пустого денотата», каковым, по определению, является мифоним. В данном случае важным условием становится не то, что означает то или иное имя, а то, какие свойства объекта оно называет и в какие отношения ставит его с другими именами.

Некий объект именуется в исходном тексте мифонимом Boggart. Информация-смысл имени может быть известна либо специалистам по фольклору, либо усваиваться на опыте множества быличек, что может выходить за пределы опыта иноязычного читателя и даже переводчика. При таких условиях имя-транскрипция «богарт» не вполне адекватно. В переводе можно присвоить исходному персонажу любой аналогичный мифоним – при условии, что это имя сохранит событийно-мифологическую непротиворечивость. Переводчик выбрал имя «Леший» – и тем самым нарушил правдоподобие целого ряда взаимодействий, в которые вступает «Леший» в русской культурно-языковой традиции [Folk tales of British Isles, 1987, p. 110].

- В ПТ «Леший» почему-то оказывается посреди поля, когда его вспахивает «мужик, крестьянин, фермер», и, будучи существом лесным, порождением леса и его составной частью (вымышленной, мифической), заявляет свои права на *поле*. В русской традиции эти свойства и действия связаны с образом «Полевой» или «Полевик» (Полевичок,

Полевушка). Леший может оборачиваться деревом (чаще всего сосной), белым мхом, прикидываться пнем, кочкой, грибом, превратиться в птицу или животного, при этом, даже сохраняя человекоподобный образ, он чаще всего рогат, мохнат и не владеет человеческой речью. Традиционно Леший воспринимался как хозяин леса, который он хранит и сторожит, наказывая воров и нарушителей. Если даже Леший и вступает в договорные отношения с человеком (не через словесный, а через материальный контакт, например, «подарок», оставленный в условленном месте), то это контракт на работу пастухом, на помощь охотнику, грибнику, то есть в пределах своих угодий – леса. Таким образом, в данном случае действия «лешего» и его внешние признаки (как описано в английской быличке) приходят в противоречие с его мифологической природой в русском фольклоре. [Русская мифология, 2006, с. 316–317]

- Более близкая аналогия к описанной в английской быличке ситуации – это фольклорный «Полевик» (Полевой и т.д.). Он воспринимался как хозяин поля, от него зависело плодородие земли. Рассердившись, Полевик может повалить ветром колосья, завязать в жгуты, отвести от поля дождь, разрушить изгороди в полях и т.п. Однако приметы Полевика отличаются от внешности английского персонажа по имени Boggart: Полевик связывался в народном сознании со стихиями огня и ветра, передвигался с большой скоростью, как невесомый, в то время как Boggart описывается как громоздкий и неуклюжий увальень. Будучи тоже существом, по большей части враждебным человеку, Полевик наказывал в основном за сон на поле, особенно на меже, но никогда не наказывал за работу. В качестве подношения в жатву для Полевика оставляли связку несжатых колосьев (ср. договор с фермером) [Русская мифология, 2006, с. 337–338]. В общем, с Полевином больше событийных совпадений, чем с Лешим, но и различия тоже есть.

- Перевод посредством транслитерации «Богарт» лишает текст всего культурно-обусловленного запаса событий и представлений, известных носителю английского языка, сводя образ только к данному сюжету, тем самым обедняя прагматический компонент образа-понятия и лишая его познавательного потенциала. Если сопоставить этот сказ с Богартом из других историй, то он живет возле человека: в доме, во дворе, в амбаре, в поле – и главным образом вредит любой хозяйственной деятельности, но при этом отличается тупоумием и инертной силой, в сущности, его легко обмануть и обойти. То есть Богарт – нечто среднее между домовым и полевином, но очень далек от лешего.

Здесь мы рассматривали природу осложнений при переводе явных мифонимов. С неявными мифонимами объектный подход оказывается еще более недостаточным, поскольку обманчивая псевдообъектная форма имени создает дополнительные проблемы, если не обратиться к событийному подходу. В рассказах Эдди Ленигана встречается мифоним the Dark House (Taoscan Mc Liath seemed to have just escaped from the Dark House).

Lenihan: A few days later he was on board a ship, on his way home, whistling to himself out of a happy heart. The captain of the ship scratched his head, wondered who this old lad was with the big grey beard, whistling all the time to beat the band. He thought he must surely be *a runaway from the Dark House of Rorsgrunn* or a scattered sage from the Forest of Muggendorf. But Taoscan cared not a weasel's whisker what anyone thought of him. He had the secret. [Lenihan, 2006, p.158]

Перевод Степанова: Несколько дней спустя счастливый Таоскан, насвистывая себе под нос, следовал домой на борту корабля. Капитан корабля озадаченно скреб в затылке, гадая, кто такой этот убеленный сединами бородач, что свищет всю дорогу, как дрозд. Не иначе какой-нибудь беглец из *Темного Дома Рорсгрунна* или же свихнувшийся отшельник из Муггендорфского леса. Однако Таоскан и в ус не дул, что там о нем думают. Он выведал тайну!

Современный читатель сопоставит это с чем-то вроде одноименного фильма ужасов (the Dark House) с Джонни Деппом или одного из «страшных романов» с таким же или похожим названием. Но речь идет о (1) *друиде* полумифического короля Кормака и его возвращении со съезда мудрецов в Исландии (2) с добычей – кошелем волшебных пчел. Да и поведение его не свидетельствует о пережитом ужасе – (3) он счастлив! К тому же параллель – (4) отшельник (мудрец-колдун) из Муггендорфского леса (в средние века этот лес считался обителью чародеев и магов). Все эти четыре связи заставляют иначе отнестись к Темному Дому, то есть рассматривать его как мифоним (мифотопоним). По некоторым сведениям, это эвфемизм Царства мертвых в ирландской мифологии – антоним Тир-на-н'Ог (Земли вечной молодости, обители ши, сидов), однако однозначного определения (описания) нет. Разумеется, с этим представлением глубина текста значительно увеличивается, так же как и его комизм. Сказки Эдди Ленигана представляют собой особую сложность для перевода, поскольку это авторский миф, возрождение древней фольклорной традиции: новые

истории про популярных мифических героев древности, сочиненные и рассказанные ЭЛ, что сделало его «национальным достоянием Ирландии», автором-сказителем: его истории про короля Кормака, Финна МакКумала, Оисина, Голла МакМорна, Мэлдуна, Брана и других персонажей ирландского мифического мира, по существу, нередко используют мифонимы в качестве прецедентных имен, при этом сохраняя их «мифологическую сопричастность», что еще более запутывает знаковое отношение между именем и смыслом.

Список литературы

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа // А.Ф. Лосев. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.

Померанцева Н.А. Эстетические основы искусства Древнего Египта. М., 1985.

Русская мифология. М. СПб., 2006.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Heisenberg W. Physics and Philosophy. New York, 1958. (Цитируется по: Фритъюф Капра. Дао физики. Издательство: «София», 2008).

Lenihan E. Irish Tales of Mystery and Magic. Dublin, 2006.

Folk Tales of the British Isles. М., 1987.

Tamara Anatolyevna Kazakova (Saint Petersburg, Russia)

SEMANTIC AND PRAGMATIC DIFFICULTIES IN TRANSLATING OF MYTHIC NAMES

Mythic names (mythonyms) make a special category of linguistic units whose meaning cannot be verified since they are signs of empty denotation.

Comprehending of such denotations is provided by personal and collective experience, i.e. background knowledge and a variety of contextual environments, including those of precedent-related names. Whatever the context, this category of signs offers a number of semantic and pragmatic difficulties for translation.

To observe them more effectively, we may distinguish between explicit and implicit mythic names that require different translation strategies.

Keywords: *mythic name, precedent-related name, fideic denotation, semantic-pragmatic difficulty, translation strategies.*

УДК 81'255.4

Е.Я. Никитина (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ПОРЯДКА СЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ИХ ПЕРЕДАЧЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена стилистическим функциям необычного порядка слов во французской и русской художественной литературе и способам их передачи в переводе (в том числе с использованием приема компенсации) на примере романов М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Ф. Мориака «Клубок змей». Рассматриваются один перевод романа Мориака и две редакции одного перевода романа Булгакова, сделанные разными переводчиками (К. Линьи и М. Гур).

***Ключевые слова:** Булгаков, Мориак, перевод художественной литературы, стилистика, порядок слов, коммуникативный синтаксис, прием компенсации*

Уже давно внимание исследователей привлекают проблемы коммуникативного синтаксиса, то есть влияния коммуникативной задачи высказывания на синтаксическую структуру предложения, в частности, на порядок слов. Особый интерес в этом отношении представляют вопросы изменения порядка слов при переводе с одного языка на другой произведений художественной литературы. В этом случае порядок слов продиктован не только коммуникативным заданием предложения, но и особенностями стиля художественной литературы в целом и стиля отдельных авторов в частности.

Начнем с того, что в русском и во французском языках доминируют разные функции порядка слов в предложении. Как пишет В.Е. Щетинкин, «...линейное расположение членов предложения в речевой цепи выполняет в обоих языках грамматическую, коммуникативную, стилистическую и смысловозначительную функции, но значимость этих функций в данных языках разная: для французского словопорядка характерны прежде всего грамматическая и смысловозначительная функции, для русского – коммуникативная и стилистическая. Задачей перевода в этом плане, следовательно, является адекватное воспроизведение функции порядка слов в языке-приемнике» [Щетинкин, 1987, с. 110–111].

Речь идет о том, что в русском – языке синтетического строя – субъектно-объектные отношения обычно однозначно определяются по падежам существительных, и как бы ни были расположены слова во

фразе, у получателя информации практически никогда не возникает сомнений в том, кто является производителем действия (*Отец любит сына – Сына любит отец*) за исключением редких случаев совпадения форм аккузатива и номинатива при потенциальной способности обоих существительных к совершению действия с точки зрения их семантики: *Мать любит дочь*. Во французском языке, как и во многих других европейских языках, при подобной перестановке коренным образом меняется смысл: *Le chat voit la souris – La souris voit le chat*. Поэтому во французском языке тема-рематическое членение чаще выражается не посредством порядка слов, а с помощью определенного или неопределенного артиклей: *Un livre traîne sur la table – На столе лежит книга / Le livre traîne sur la table – Книга лежит на столе*. Из этого следует, что смысловоразличительная функция французского порядка слов в значительной мере определяет его большую по сравнению с русским словопорядком связанность.

Однако когда речь идет о художественном тексте, дело обстоит значительно сложнее. Расположение слов в предложении художественного текста определяется не только формальными правилами, но и стилистической задачей автора, которая зачастую выходит на первый план. В этом смысле представляется чрезвычайно интересным проследить, в каких случаях и почему авторский словопорядок сохраняется или изменяется в переводе.

Интересный материал для исследования предоставляет в этом отношении величайший русский роман XX в. – «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Роман был переведен на французский несколько раз. Мы обратимся к первому из переводов, сделанному Клодом Линьи, и его последующей редакции, осуществленной Марианной Гур. Переводы культового романа Булгакова на разные языки (в том числе сравнение нескольких переводов на один язык) много раз привлекали внимание лингвистов и литературоведов, причем булгаковский текст и его принципиальная «непереводимость» (к этому выводу приходит подавляющее большинство исследователей) рассматривались под самым разным углом: так, пример потери культурологической информации и, как следствие, непонимания текста французами при абсолютно точном переводе денотативного содержания приводит в своей лекции «Перевод – искусство» Н.К. Гарбовский [Гарбовский]; об упрощении, нейтрализации национального, культурного, социального компонентов значения имен и топонимов, вследствие чего происходит изменение сетки

координат, «с помощью которой читатель переводов воспроизводит картину неизвестного ему общественного строя и образа жизни» пишет С.И. Болдырева [Болдырева, 1996, с.21]; прагматическому аспекту перевода комического в романе (в частности, игры слов) посвящает свою работу Е.А. Ульянов [Ульянов]; на лакунарность понимания текста булгаковского романа переводчиком, а стало быть, и иноязычным (в данном случае английским) читателем, который не может увидеть в тексте ту же мозаику смыслов, что и русский читатель, указывает Н.Н. Дзида [Дзида, 2009, с.33] и т. д.

Мы остановимся лишь на заявленной выше теме – на порядке слов и его передаче в переводе. Одной из сразу же бросающихся в глаза особенностей булгаковского текста является зачастую нестандартный, причудливый порядок слов. Например, обстоятельства времени и места часто оказываются на «неподобающих» местах, вклиниваются между подлежащим и сказуемым, нагромождаются в конце предложения и т. д. Очевидно, что точно передать в переводе на французский этот порядок слов невозможно: то, что для русского уха звучит как волшебство (особенно если учесть культовый статус романа), для французского может звучать нелепо, а подчас и просто непонятно. Так, например, если К.Линьи при переводе первой фразы романа: *В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах появилось двое граждан* (для удобства здесь и далее текст романа Булгакова цитируется по электронному изданию [Булгаков]) – сохраняет инверсию подлежащего: *Au déclin d'une chaude journée du printemps, sur la promenade de l'étang du Patriarche **apparurent deux citoyens*** [Boulgakov, 1968, p. 47], то в редакции М. Гур инверсия исчезает, и фраза оказывается разделена на две; вероятно, переводчица посчитала вариант с инверсией подлежащего слишком непривычным для французского уха: *C'était à Moscou au déclin d'une journée printanière particulièrement chaude. **Deux citoyens firent leur apparition** sur la promenade de l'étang du Patriarche* (здесь и далее редакция М. Гур цит. по электронному варианту [Boulgakov]); отметим также, что М. Гур сочла нужным добавить название города, в котором происходит действие, поскольку очевидно, что топоним «Пруд Патриарха» не говорит французскому читателю ровным счетом ничего; впрочем, думается, что подобное «разжевывание» еще больше уводит от булгаковского стиля.

Инверсия подлежащего в утвердительном предложении во французском языке действительно встречается гораздо реже, чем в русском.

Если в русском описательный порядок слов (терминология А.Н. Гвоздева [Гвоздев, 1973, т.2, с.174]) с инверсией подлежащего – вещь весьма обычная как в разговорном, так и в литературном языке, то во французском предложении инверсия встречается гораздо реже. Как пишет Л.Н. Соболев, «...именно потому, что инверсия несравненно реже встречается во французском предложении, она и стилистически воспринимается французским ухом гораздо более резко. <...> В тех случаях, когда русский обратный порядок не является способом резко выделить тот или иной член предложения, мы переводим русскую инверсию прямым порядком во французском предложении» [Соболев, 1952, с. 112]. Поэтому в случаях, когда инверсия русского предложения сохраняется в переводе, это делается намеренно. В нашем примере К.Линьи, видимо, сохранил инверсию с целью выделения подлежащего, оказывающегося таким образом в самой сильной позиции – на конце предложения, так как это первая фраза романа, и «два гражданина», сыгравшие далее в повествовании важную роль, естественно, появляются впервые. М. Гур делает из лаконичной начальной фразы романа две развернутые, более французские, гладкие, не привлекающие внимания, несмотря на то, что сама переводчица в своей работе о «Мастере и Маргарите» отмечала обилие в романе инверсий, несущих стилистическую нагрузку [Gourg, 1999, p. 56].

Чуть далее в первой главе мы находим у Булгакова фразу с гораздо более нестандартным порядком слов: на этот раз дело не ограничивается просто инверсией, но между сказуемым и подлежащим вклинивается косвенное дополнение, придающее второй части сложносочиненного предложения ироничную причудливость: *И тут знойный воздух сгустился над ним, и **соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида***. На этот раз М.Гур не меняет варианта К.Линьи; последний превращает булгаковское сложносочиненное предложение в простое (*воздух сгустился и быстро превратился в...*): [*À peine achevait-il ces mots que*] ***l'air brûlant se condensa devant lui, et prit rapidement la consistance d'un citoyen, transparent et d'un aspect tout à fait singulier***, – и порядок слов в нем вполне обычен.

Совершенно теряется стилистический эффект и в одной из следующих фраз той же самой первой главы: *Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича – <...> – но **Иисус у него получился, ну, совершенно живой**, некогда существовавший **Иисус**, только, правда, снабженный всеми отрицательными чертами **Иисус***. У Булгакова, во-

первых, трижды в одной фразе навязчиво повторяется имя «Иисус» (возможно это должно как бы имитировать сбивчивую речь Берлиоза, ведь, хоть этот фрагмент и нельзя назвать несобственно прямой речью, именно Берлиоз критикует поэму Ивана; возможно это троекратное повторение имени Иисуса намекает на дальнейшую судьбу Бездомного), во-вторых, порядок слов во фразе весьма необычен, ведь второе и особенно третье название Иисуса не только ничего нового не вносят, но только утяжеляют фразу (что, разумеется, неслучайно). Однако К.Линьи и М.Гур полностью лишают фразу и ироничности, и закликательности, да к тому же снова делят фразу на две для удобства восприятия: *Il est difficile de préciser si, en l'occurrence, Ivan Nikolaïevitch avait été victime de <...>. Toujours est-il que son Jésus semblait, eh bien..., parfaitement vivant. C'était un Jésus qui, incontestablement, avait existé, bien qu'il fût abondamment pourvu des traits les plus défavorables.*

Перейдем, однако, ко второй главе «Мастера и Маргариты», в которой тональность текста совершенно иная и об ироничности не может быть и речи. Глава открывается знаменитой фразой: **В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.** В этом предложении Булгаков использует исключительно нестандартный порядок слов с несогласованным определением и обстоятельством образа действия в начале, обстоятельствами места и времени в середине и лишь в самом конце – главными членами предложения с инверсией подлежащего. Причудливый порядок слов и создает магию этой фразы, приближая ее к ритмизованной прозе. Конечно, это предложение представляет значительную сложность для переводчика в связи с гораздо менее свободным, чем в русском, порядком слов во французском. В данном случае М.Гур полностью заменяет вариант К.Линьи. У Линьи все члены предложения стоят на положенных им местах (разве что употребление неопределенно-личного местоимения *on* позволяет по крайней мере поместить в конец фразы самое главное – впервые появляющегося одного из основных героев романа): *Le 14 du mois de Nisan, sous les colonnes de péristyle séparant les deux ailes du palais d'Hérode le Grand, on vit paraître, de cette démarche traînante propre aux cavaliers, un homme enveloppé d'un grand manteau blanc à doublure écarlate: le procureur de Judée Ponce Pilate* [Boulgakov, 1968, p.61]. В переводе Линьи знаменитая фраза имеет вид хроники, и француз-

скому читателю вряд ли придет в голову, что в ней есть что-то особенное. Как уже говорилось, М.Гур заменяет вариант Линьи своим, и, по своему обыкновению, делит длинное булгаковское предложение сразу на три: ***Drapé dans un manteau blanc à doublure sanglante et avançant de la démarche traînante propre aux cavaliers, un homme apparut sous le péristyle qui séparait les deux ailes du palais d'Hérode le Grand. C'était Ponce Pilate, procureur de Judée. Le printemps était là et l'aube du quatorzième jour du mois de Nisan se levait.*** Версия Гур представляется нам более удачным хотя бы за счет постановки в начало, как и в оригинале, определений / обстоятельств, описывающих одежду и походку Пилата (здесь, как нам кажется, немного необычны соединенные союзом *et* participe passé и participe présent, но сама такая структура с обособленным определением в начале во французском языке возможна). Использование imparfait в последней фразе также создает определенный стилистический эффект, и если о полном сохранении аромата и волшебства булгаковской фразы говорить, к сожалению, не приходится, то вариант Гур, по крайней мере, позволяет избежать ощущения хроники, как у Линьи. В последнем случае можно в какой-то мере говорить об использовании приема компенсации: если, в том числе и в силу объективных причин, переводчице не удастся передать всю необычность порядка слов данной фразы, она пытается компенсировать один стилистический эффект другим: из обстоятельства времени (*ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана*) делает отдельную фразу, в которой глагол в imparfait (к тому же помещенный в конечную позицию, что при развернутой группе подлежащего встречается во французском языке довольно редко) создает образ рождающегося нового весеннего дня и, возможно, какой-то новой сюжетной линии, что у Булгакова звучит гораздо менее явно.

Использование приема компенсации при передаче булгаковского порядка слов в рассматриваемом переводе – не единичный случай. Например, при переводе следующей, совершенно нейтральной фразы: *Затем перед прокуратором предстал светлородый красавец* – Линьи–Гур не только сохраняют непривычную для французского уха инверсию, но и вклинивают между сказуемым и подлежащим косвенное дополнение: *Ensuite **se présenta devant le procureur un bel homme à barbe blonde.*** Вот еще более яркий пример, когда при переводе абсолютно нейтрально построенного оригинального предложения избран исключительно необычный для французского языка словопорядок с

постановкой на последнее место подлежащего, перед которым следуют друг за другом обстоятельства: *В это время в колоннаду стремительно влетела ласточка* – *A ce moment, entra en coup de vent sous le péristyle une hirondelle* (ср. нейтральное и естественное для французского уха: *A ce moment, une hirondelle entra en coup de vent sous le péristyle*, где для выделения ремы, как уже говорилось, достаточно неопределенного артикля и вовсе не требуется помещать ее в конец).

Теперь перейдем к стилистическим функциям порядка слов во французском литературном тексте и обратимся к роману выдающегося писателя XX в. Франсуа Мориака «Клубок змей» и его русскому переводу. Порядок слов в этом романе, в отличие от булгаковского шедевра, в общем более-менее типичен для литературного французского языка. Однако наряду с предложениями, где обстоятельство времени привычно стоит в начале, привлекает внимание обилие в романе предложений следующего типа: *J'étais à Luchon avec ma mère, en août 83; Elle venait d'elle-même sur mes genoux, le soir; A peine regardait-elle sa fille qui se glissait dans la pièce, au crépuscule* (здесь и далее цит. по [Mauriac]). Здесь, как мы видим, обстоятельство времени помещено в конец предложения и отделено запятой. Однако это обстоятельство в предложениях подобного типа является не ремой, а темой. В переводе И. Немчиновой абсолютное большинство таких предложений переданы на русский язык фразами с обстоятельствами времени в начале (реже в середине, но никак не в конце): *В августе 1883 года я находился с матерью в Люшоне; Вечерами она сама подходила ко мне, взбиралась на колени; Янина едва замечает свою дочку, которая в сумерки тихонько пробирается к нам в гостиную* (здесь и далее цит. по [Мориак]). Дело в том, что в русском языке также существуют конструкции с обстоятельством времени-темой в конце, однако запятая в них никогда не ставится, и граница между темой и ремой проводится только с помощью интонации (рема выделяется ударением, даже если она стоит в начале фразы). Ср.: *Когда ты была у врача?* – *Я была у врача вчера утром* (нейтральный порядок слов: *вчера утром* – рема); *Что ты делала вчера утром?* – *Я была у врача вчера утром* (разговорный порядок слов: *вчера утром* – тема, а рема *я была у врача* выделяется интонацией; по смыслу фраза означает то же, что *Вчера утром я была у врача*). В литературном языке (по крайней мере в авторской речи) предложения такого рода используются сравнительно редко, в частности, потому, что в отличие от французского языка, в русском из-за отсутствия запятой трудно сразу же

определить, с какой интонацией следует прочесть фразу (естественно, в устной речи таких проблем не возникает). Однако предложения с ремой, предшествующей теме, редки и во французском литературном языке. По всей видимости, обилие таких предложений в романе «Клубок змей» не случайно и является особым стилистическим приемом: поскольку роман представляет собой дневник (почти внутренний монолог), и герой вспоминает об очень давних событиях, присоединение обстоятельства времени к концу фразы отражает желание персонажа как бы что-то припомнить, добавить внезапно выплывшую из тумана забывания деталь (из содержания произведения ясно, что герой писал свою исповедь один раз под влиянием чувства и не мог работать над стилем). В переводе эта стилистическая особенность теряется, текст становится более привычным, «гладким».

Приведем еще более яркий пример потери стилистического эффекта текста Мориака в переводе: *Moi qui devais devenir, plus tard, un jaloux furieux, je n'éprouvais rien qui rappelât cette passion dans la nuit d'été dont je te parle, une nuit de l'an 85, où tu m'avouas que tu avais été, à Aix, pendant les vacances, fiancée à ce garçon inconnu.* В этой фразе несколько раз обстоятельства места и времени «разбивают» течение фразы: сначала снова повторяется слово *nuit*, к которому на этот раз прибавляется указание на год, хотя это можно было бы сделать сразу же, будь на то воля автора, а во втором случае обстоятельства места и времени (сами по себе разделенные запятой) вклиниваются между подлежащим и сказуемым, опять же делая фразу «неровной», словно дыхание умирающего. В русском переводе все эти особенности «сглажены»: слово «ночь» употреблено лишь однажды, обстоятельства места и времени объединены и помещены на привычное место – в начало придаточного: *Позднее я действительно бешено ревновал тебя, но в ту летнюю ночь 1885 года, о которой идет речь, я не испытывал ничего похожего на это жестокое чувство, когда ты призналась мне, что прошлым летом в Эксе, куда вы ездили всем семейством, этот незнакомый мне юноша был твоим женихом.* Таким образом стилистический эффект снова теряется, сбивчивый внутренний монолог умирающего старика превращается в рассказ об объективной последовательности событий, и тем самым, безусловно, снижается эстетическая ценность произведения.

Итак, как мы попытались показать в рамках этого небольшого исследования на примере двух произведений и их переводов, весьма часто случается, что необычный порядок слов, избранный автором ори-

гинала (как русского, так и французского) для выражения какого-либо своего замысла, оказывается в переводе подменен традиционным словопорядком – как вследствие непонимания переводчиком идеи автора, так и в связи с объективной невозможностью существования данного порядка слов в языке перевода (в последнем случае возможно и даже необходимо использование приема компенсации, который, к сожалению, используется переводчиками далеко не всегда и в недостаточной мере) – что обедняет или искажает авторскую мысль и снижает для иноязычного читателя художественную ценность произведения.

Список литературы

Болдырева С.И. Когнитологические аспекты перевода (на материале анализа двух переводов романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Проблемы семантики и прагматики: Сб. науч. тр. Калининград, 1996. С.18-21.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.2. М., 1973.

Дзида Н.Н. Концептуальное пространство романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский язык // Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты. Тюмень, 2009. С. 36–41.

Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М., 1952.

Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский. М., 1987.

Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Traduit du russe par Claude Ligny. Robert Laffont, 1968.

Gourg M. Étude sur «Le Maître et Marguerite». E.N.S. Éditions Fontenay – Saint-Cloud, 1999.

Электронные источники

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: [Электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/459/index.html> (дата обращения: 1.03.2013)

Гарбовский Н.К. Перевод – искусство: [Электронный ресурс]. URL: http://www.englishlanguagepractice.com/uploads/7/7/1/2/7712933/_-_.pdf (дата обращения: 1.03.2013)

Мориак Ф. Клубок змей. Пер. с франц. И. Немчиновой: [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/INPROZ/MORIAK/snackclew.txt> (дата обращения: 1.03.2013)

Ульянов Е. А. Прагматический аспект перевода комического в романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Language and Literature, N4: [Электронный ресурс]. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No4/text21.htm> (дата обращения: 3.03.2013)

Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Le texte complet du roman Le maître et Marguerite de Mikhaïl Boulgakov dans une traduction française de Claude Ligny et Marianne Gourg: [Электронный ресурс]. URL: http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/ebfr001_maitremarguerite.pdf (дата обращения: 28.02.2013)

Mauriac F. Le nœud de vipères: [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.scribd.com/doc/85593739/Francois-Mauriac-Le-Noeud-de-Viperes> (дата обращения: 1.03.2013)

Ekaterina Yakovlevna Nikitina (Saint-Petersburg, Russia)

ON THE PROBLEM OF WORD ORDER STYLISTIC EFFECT IN LITERARY TEXT AND RENDERING IT IN TRANSLATION

The article deals with the problem of stylistic effect of non-standard word order in French and Russian literature and ways of its transference in translation, including the method of compensation. The examples are tackled of the two versions of the same translation of Bulgakov's *The Master and Margarita* and the translation of Mauriac's novel *Vipers' Tangle*.

Keywords: *Bulgakov, Mauriac, literary translation, stylistics, word order, communicative syntax, method of compensation*

Н.В. Сизарева (Санкт-Петербург, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ В СФЕРЕ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Статья посвящена анализу способов экспликации подразумеваемого смысла при переводе научных текстов с английского языка на русский. Рассматриваются различные стратегии передачи имплицитной информации с точки зрения создания адекватного прагматического эффекта в тексте перевода.

Ключевые слова: научная коммуникация, реципиент, имплицитный смысл, экспликация, стратегия перевода, передача смысла

В процессе развития научной коммуникации происходит увеличение объема и усложнение структуры передаваемой информации, в связи с чем возникает необходимость ограничения объема текста, что приводит к возникновению в тексте определенного пласта информации, не имеющей вербального выражения, но распознаваемой на смысловом уровне. Для обозначения данного вида информации из логики был заимствован термин “импликация” – логическая операция, при которой образуется сложное высказывание, состоящее из двух высказываний посредством логической связи, соответствующей союзу “если..., то...” [Кондаков, 1975, с.192].

Позднее этот термин стал употребляться в лингвистике и переводоведении. Согласно М.В. Никитину, импликация является мыслительной операцией или процессом, основанным на отражении сознанием реальных линейных связей, зависимостей, взаимодействий вещей и признаков. Другими словами, это мыслительный аналог связей, существующих между предметами в реальной действительности [Никитин, 2009].

Несмотря на то, что основными особенностями текстов, которые функционируют в сфере научной коммуникации, являются точность, логичность и объективность изложения, не вся информация выражена в тексте вербально, многие элементы остаются лишь подразумеваемыми или неявно выраженными, т.е. имплицитными. Существование имплицитной информации в текстах, относящихся к сфере научной

коммуникации, представляет собой особую проблему ее передачи при переводе с английского языка на русский. Английские научные тексты характеризуются тем, что включают в свою смысловую структуру меньше признаков ситуации, чем научные тексты, написанные на русском языке.

Под импликацией в английских научно-технических текстах понимается наличие в тексте оригинала опущений, имплицитных слов и терминологических сочетаний. К ним относятся лексемы, вбирающие в себя смысл сочетающихся с ними других слов. Нередко в технической литературе такие слова становятся устоявшимися терминами, что отражает тенденцию английского языка к лаконичности. При переводе подразумеваемых единиц следует добавлять необходимые по смыслу слова, устраняя лаконизмы в соответствии с письменной нормой русского языка, и конкретизировать значение английских слов [Климзо, 2006, с. 96].

Так, в следующем примере лексическая единица «slo blo» не зафиксирована ни в толковых, ни в двуязычных словарях: *Standard types can be used for most control circuits, but **slo blo** fuses should be used for loads such as small motors and contractor coils that may draw inrush currents* [Sueker, 2005, p. 31].

Очевидно, что единицы «slow» и «blow» были преобразованы в рифмованное терминологическое построение для более удобного их функционирования. Изучив микроконтекст, переводчик приходит к выводу, что речь идет о предохранителях в электрических приборах, и принимает решение об экспликации значения этих двух подразумеваемых единиц, отмечая, что вышеуказанные предохранители являются «медленно срабатывающими»: *Стандартные предохранители применяются в большинстве схем управления, а для управления нагрузками с большими пусковыми токами (электродвигателями или катушками управления контакторами) следует применять **предохранители медленного срабатывания*** [Сукер, 2008, с. 42].

В самом широком понимании, информация с неявно выраженным смыслом, присутствующая в текстах, относящихся к сфере научной коммуникации, требует отдельного изучения с точки зрения возможности экспликации ее различных видов в тексте перевода. Имплицитным является такой смысл, который не получил отображения во внешней структуре текста, но воспринимается переводчиком в ходе анализа окружающего контекста или выводится на основе использования свя-

занных с текстом фоновых знаний. Процесс вербального выражения имплицитной информации при переводе предлагается рассматривать в терминах экспликации. Экспликация подразделяется на обязательную, отсутствие которой приводит к грамматическим и лексическим нарушениям в тексте перевода; факультативную, отсутствие которой хотя и не приводит к нарушению норм языка, тем не менее высказывание может звучать неестественно на языке перевода; и прагматическую, которая обуславливается различным лингвистическим и экстралингвистическим опытом реципиентов в исходной и принимающей культурах [Routledge, 2001, p. 82–83].

В процессе перевода текстов с английского языка на русский, в связи с различиями в синтаксических структурах данных языков, возникает необходимость выражения таких смысловых компонентов высказывания, которые формально отсутствуют в английских конструкциях, например, в эллиптических синтаксических построениях, или такие элементы, которые формализуются в рамках категории артикля. К обязательной экспликации можно также отнести случаи вербального выражения единиц, опущенных в номинативных цепочках определяемых слов в исходном тексте. Рассмотрим некоторые примеры: *We all know what polynomials in a field are, but the term field may be unfamiliar* [Сох, 1996, p. 11]. *Мы все знаем, что такое поле, но термин поле может быть незнаком некоторым читателям* [Кокс, 2000, p. 11].

В данном случае в текст перевода необходимо ввести прямое дополнение, в силу того, что употребление предикатива «незнаком» без прямого дополнения было бы некорректно с точки зрения русского языка. Пользуясь приемом добавления, переводчик без труда эксплицирует прямое дополнение, так как вполне естественно, что автор обращается именно к своим читателям.

Рассмотрим ещё один пример: *We can now define the basic geometric object of the book* [Сох, 1996, p. 21]. *Теперь мы можем определить основной геометрический объект исследований данной книги* [Кокс, 2000, p. 18].

В оригинале опущено прямое дополнение, в структуре предложения нет указания на то, объектом чего является геометрическое тело. Переводчик эксплицирует подразумеваемую в английском тексте единицу, воспользовавшись приемом добавления, и вводит в перевод существительное «исследование».

Однако в данном случае экспликация осуществлена не совсем удачно, т.к. происходит слияние словосочетаний «геометрический объект»

и «объект исследований». Необходимо также отметить, что «basic» относится к объекту исследований, а не к геометрическому телу. В связи с этим представляется целесообразным предложить следующий вариант перевода: *Теперь мы можем определить геометрическое тело, которое стало основным объектом исследования данной книги.* Для экспликации смысла в данном случае целесообразно прибегнуть к такому приему как смысловое развитие и отметить, что под фразой «geometric object of the book» подразумеваются два компонента смысла: «geometric object» и «object of the book».

Факультативная экспликация связана в основном со стилистическими различиями русского и английского языков. Примером факультативной экспликации может служить экспликация соединительных элементов (союзов, союзных слов и т.д.), а также введение в текст перевода дополнительных эмфатических элементов. При факультативной экспликации чаще других используется прием добавления. При переводе научных текстов возникает необходимость выражать синтаксические связи, которые в тексте оригинала лишь подразумеваются. Вербализация причинно-следственных связей, экспликация расширительных и присоединительных отношений между синтаксическими структурами способствует созданию логичного и аргументированного повествования, что является основополагающим принципом построения текстов, относящихся к сфере научной коммуникации. Например: *The loads imposed on the mezzanine by each catenary tower are considered to be minimal being lateral restraint loads via connecting brackets* [Morgan, 2009, p. 11]. *Вертикальная опора кабельной подвески – нагрузки на антресоль от каждой вертикальной опоры кабельной подвески считаются минимальными, поскольку это нагрузки ограничителей поперечного перемещения через соединительные кронштейны* [Морган, 2009, с. 15].

В исходной структуре причинно-следственная связь («нагрузки являются минимальными, поскольку это нагрузки ограничителей»), которую переводчик эксплицирует при помощи союза «поскольку» не выражена.

В связи с различным лингвистическим и экстралингвистическим опытом, а также исходя из разницы менталитетов реципиентов исходного текста и текста перевода, стратегией перевода часто становится экспликация тех элементов смысла, которые для реципиентов текста оригинала являются само собой разумеющимися и поэтому могут имплицироваться. Чтобы высказывание стало понятным реципиенту пере-

вода, переводчик должен изучить экстралингвистический контекст и затем осуществить экспликацию, направленную на достижение адекватного прагматического эффекта. Сравним перевод следующего высказывания с оригиналом: *It is this ATP requirement that will require dramatic changes in the speed with which information is handled within refineries and petrochemical plants* [Bosler, 1999, p. 34]. Именно эта задача, сформулированная в американской национальной программе внедрения передовых технологий в реальные сферы экономики (*Advanced Technology Program – ATP*), потребует беспрецедентного ускорения обработки информации на предприятиях нефтепереработки и нефтехимии [Бослер, 2002, с. 41].

Автор исходного текста уверен, что информации, передаваемой аббревиатурой **АТР**, вполне достаточно для того, чтобы реципиент текста оригинала смог понять смысл высказывания, однако ее явно недостаточно для реципиента текста перевода. В связи с этим переводчик, осуществляя экспликацию, не просто раскрывает аббревиатуру «АТР» – «Advanced Technology Program», но и объясняет, что речь идет об американской национальной программе по внедрению передовых технологий в реальные сферы экономики.

Среди различных типов отношений между имплицитным и общим смыслами высказывания выделяются так называемые конвенциональные отношения: символические, этикетные и образные [Комиссаров, 1991]. Интересно проследить за теми компонентами смысла, которые возникают на основе образного значения высказывания, но которые не закреплены за входящими в него языковыми единицами, а выводятся из ситуации общения. В отличие от переносных значений имплицитный образный смысл не подавляет прямое значение высказывания, а выводится из него [Кашичкин, 2003]. Например: *Under the skin, one cat species appears pretty similar to another* [Scientific..., 2007, p. 68]. – *Ведь все виды кошек анатомическим строением похожи друг на друга как близнецы* [В мире..., 2007, с. 72]

Выражение, с заложенным в нём имплицитным смыслом «under the skin», эксплицируется в тексте перевода с помощью эквивалента «анатомическое строение» и усилителя «ведь». Выведение общего смысла высказывания реципиентом текста перевода не затруднено, однако при переводе была утеряна образность.

Таким образом, в процессе переводческой деятельности переводчик постоянно создает эквиваленты, эксплицирующие значения элементов, которые подразумеваются или неявно выражены в тексте оригинала,

тем самым обеспечивая логическую, темпоральную или пространственную взаимосвязь отдельных явлений. Кроме того, переводчик должен учитывать наличие в тексте прагматической имплицитной информации, которая возникает в связи с различным лингвистическим, экстралингвистическим и культурным опытом реципиентов текста оригинала и текста перевода [Бархударов, 1975; Гальперин, 2007; Юдина, 2001].

Стратегии передачи имплицитного смысла при переводе текстов в сфере научной коммуникации основываются на следующих возможных соотношениях эксплицитного и имплицитного смыслов высказывания в тексте оригинала и тексте перевода: сохранение имплицитной информации в тексте перевода и экспликация имплицитной информации в тексте перевода. В первом случае между выраженной и подразумеваемой информацией в оригинале и переводе возникает одинаковое соотношение либо за счет языковой модификации оригинала, либо за счет точного воспроизведения оригинала. Во втором случае соотношение смыслов не сохраняется, так как происходит экспликация имплицитного смысла. В том и другом случае успешность перевода как продукта переводческой деятельности зависит от эффективного осмысления переводчиком вербальных и невербальных знаков информационной структуры высказывания.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.

Борисова Л.И. Особенности перевода общенаучной лексики с русского на английский. М., 2005.

Бослер В. Интеграция технологических данных на предприятиях нефтепереработки и нефтехимии // Мир компьютерной автоматизации. Вып. 4. М., 2002.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007.

Кашичкин А.В. Имплицитность в контексте перевода. Автореф. дис... канд. филологических наук. М., 2003.

Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. изд. 2-е, дополненное. М., 2006.

Кокс Д., Литтл Дж., О'Ши Д. Идеалы, многообразия и алгоритмы. М., 2000.

- Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2001.
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. изд. 2-е, дополненное. М., 1975.
- Морган М. Риэлити Сэвн: Полный пилотажный тренажер. Западный Суссекс, 2009.
- Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 2009.
- Юдина Т.В. Напряженность как энергодинамическое свойство текста и предложения // *Studia Linguistica*. Вып. 10. Проблемы теории европейских языков. СПб., 2001. С. 154-163.
- Сукер К. Силовая электроника: Руководство разработчика. М., 2008.
- Bosler W. Petroleum Refinery and Petrochemical Plant Data Integration// *World Refining*. Is.7, 1999.
- Cox D., Little J., O'Shea D. Ideals, Varieties and Algorithms: An Introduction to Computational Algebraic Geometry and Commutative Algebra. Springer, 1996.
- Morgan M. Reality Seven: Full Flight Simulator. West Sussex, 2009.
- M.Baker, K. Malmkjær (Eds). *Routledge encyclopedia of translation studies*. Routledge, 2001.
- Sueker K. Power electronics design: A user's guide. Elsevier, 2005.

Natalia Vilenovna Sigareva (Saint Petersburg, Russia)

IMPLICIT INFORMATION IN ENGLISH-RUSSIAN TRANSLATION OF SCIENTIFIC TEXTS

The paper examines translator's activity in the light of linguistic and cultural competence and points out its domains when dealing with transfer of implicit information in scientific texts. According to the author, the ultimate test for a translation is whether or not it achieves the desired pragmatic effect with the target audience.

Keywords: *scientific communication, target audience, implicit information, explication, translation strategy, meaning transfer*

УДК 81.25

Е.А. Третьякова (Санкт-Петербург, Россия)

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ Р. КИПЛИНГА “CAPTAINS COURAGEOUS” С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИСКОМФОРТНОЙ СТИЛИСТИКИ

Статья посвящена сопоставительному анализу разновременных и одно-временных переводов повести Р. Киплинга “Captains Courageous” на русский язык с целью рассмотрения эволюции переводческих стратегий и основных тенденций развития отечественной традиции художественного перевода. Планируется выявить, каким образом на протяжении столетия менялись принципы художественного перевода, как трансформировались представления о целевой читательской аудитории и как развивался русский язык переводной литературы – т.н. «третий язык», статус и характерные особенности которого на нынешнем этапе активно обсуждаются лингвистами и переводоведами.

Ключевые слова: *художественный перевод, история перевода, критика перевода, переводческая стратегия, дискомфортная стилистика*

Художественный перевод, как любая форма языкового творчества, до некоторой степени детерминирован объективными факторами (поскольку он создается в определенную эпоху и в определенном лингвокультурном пространстве) и в то же время зависит от ряда личностно-субъективных факторов (потому что его создает конкретный человек, имеющий собственные представления о переводимом авторе и произведении, обладающий уникальным языковым вкусом и способом выражения мысли). В этой связи сопоставление одновременных и разновременных переводов одного и того же произведения позволяет определить степень воздействия объективных и субъективных факторов на результат переводческой деятельности и установить меру пространственно-временной детерминированности этого результата и меру творческой свободы и личной ответственности переводчика перед читателями своего времени и последующих эпох.

Использование терминологии и методов дискомфортной стилистики в ходе анализа переводных произведений позволяет включить в процедуру переводоведческого анализа социально-прагматический

аспект и оценить соответствие текста перевода не только оригиналу, но и читательским рецептивным ожиданиям. Термин «дискомфортная стилистика», введенный в лингвистическую науку Ю.А. Сорокиным, будет применяться нами в ходе сопоставительного анализа переводных текстов в значении «особый раздел стилистики, ориентированный на идентификацию языковых явлений, вызывающих информационные сбои при восприятии текста реципиентом» [Сорокин, 2003, с. 142].

В качестве материала для анализа мы выбрали повесть Р. Кипплинга «Captains Courageous», не слишком хорошо известную современному русскому читателю по сравнению с другими произведениями этого автора, но довольно интересную с точки зрения истории художественного перевода, переводческой критики и переводоведения. Примечательность данного произведения обусловлена целым рядом причин: во-первых, самый ранний его перевод на русский язык выполнен в год его создания – таким образом, воплощена в жизнь мечта многих критиков, переводоведов и читателей о синхроничности языка оригинала и перевода, которая не может быть реализована для большинства литературных произведений прошлого. Во-вторых, несмотря на свою недостаточно широкую известность, а, возможно, именно из-за нее, эта повесть многократно повторно переводилась на русский язык на протяжении прошедшего столетия – на настоящий момент существует 6 переводов повести, созданных в 1897, 1904, 1915, 1930, 1991 и 2005 годах.

Интересно, в частности, проследить, как с течением времени смещались смысловые акценты в переводах этого произведения. В связи с этим представляется целесообразным кратко изложить сюжет повести: избалованный сын железнодорожного магната Гарвей Чейни во время путешествия по Атлантическому океану случайно падает за борт, его спасают рыбаки и берут на борт своей шхуны, где ее суровый капитан не без помощи остальной команды делает из Гарвея настоящего мужчину и обучает всем премудростям рыбацкого дела, так что когда мальчик возвращается обратно к родителям, они не знают, как им благодарить капитана за то, что он сумел перевоспитать их непутевого сына.

Когда оригинал произведения вышел в свет, «англизычные читатели, в основном, восхищались точностью подробностей, с какой Кипплинг рассказал о рыбацком промысле» [Зверев, 1991, с. 31]. В ранних переводах на русский язык вряд ли можно говорить о точности перевода рыбацких терминов – в ряде случаев переводчики опускали непонятные фрагменты или интерпретировали их по-своему, часто со-

вершая смысловые ошибки. Акцент в переводе явно сместился с историко-профессиональной составляющей повести на ее дидактическую составляющую: центральным стал «мотив мужания и душевной закалки, которые подросток обретает, окунувшись в реальную жизнь» [там же, с. 32]. В советский период в переводе повести явно усилилась тема классового противостояния «магнатов» и «простых рыбаков», утверждения морального превосходства вторых над первыми.

На нынешнем этапе внимание переводчиков сконцентрировано скорее на своеобразии стиля автора, чем на идейной составляющей произведения. Современные переводчики обращаются с текстом более профессионально, не допускают самовольных опущений и добавлений в текст, занимаясь преимущественно поиском оптимальных языковых соответствий и решением чисто переводческих задач. С одной стороны, это позволяет говорить о более высоком качестве перевода, с другой стороны, такие переводы отчасти утрачивают живость, яркость и субъективность, без которых в принципе невозможно литературное творчество.

Стоит отметить тот факт, что переводы изданы под разными названиями: *Captains Courageous* – «Смелые мореплаватели» (1897 – А. Каррик), – «Отважные» / позднее в переизданиях «Отважные мореплаватели» (1904 – К. Гумберт), – «Смелые моряки» (1913 – Л. Хавкина), – «Смелые мореплаватели» (1930 – Н. Рогожин) – «Отважные капитаны» (1991 – И. Бернштейн) – «Отважные мореплаватели» (2005 – Ю. Хазанов). При этом преобладает тенденция к усилению «морского» семантического компонента в переводе по сравнению с оригиналом. Обратившись к исходному тексту, можно заметить, что описанию морских странствий там посвящено приблизительно две трети общего объема повести, в то время как в последней трети, причем в сильной позиции финала произведения, речь уже не идет о рыболовстве и приключениях на море. Отец Гарвея, железнодорожный магнат, своим собственным трудом достигший столь выдающихся успехов, восхищает Р. Кипплинга не меньше, чем капитан рыболовецкой шхуны. И главный герой произведения, Гарвей Чейни, в конце концов по совету отца поступает в колледж с целью в дальнейшем взять на себя управление частью отцовского бизнеса. С учетом всего этого, переводчикам, скорее всего, следовало бы предпочесть более общую формулировку названия произведения, чем «моряки» или «мореплаватели», – например, варианты перевода «Отважные» и «Отважные капитаны» гораздо точнее передают суть авторской концепции.

Вообще текст Р. Киплинга предлагает переводчику достаточно много классических задач вроде воспроизведения в переводе иностранного акцента, передачи неблагозвучных имен собственных, перевода жаргонных и бранных выражений, передачи эллипсиса и т.п. В связи с этим интересно рассмотреть, каким образом переводчики решали эти задачи на разных этапах.

При анализе материала мы ограничимся тремя переводами: два из них были выполнены практически одновременно на рубеже XIX–XX вв. (это переводы А. Каррик и К. Гумберта), третий – более современный (перевод И. Бернштейн 1991 года). Логично предположить, что ранние переводы воспринимаются на нынешнем этапе развития языка как стилистически более дискомфортные. Однако при сопоставительном анализе одновременных и разновременных переводов предоставляется возможность выяснить, насколько дискомфортность ранних переводов обусловлена объективными факторами развития языка и переводческой культуры, а насколько – личностными характеристиками стиля и предпочтениями самих переводчиков.

В переводах рубежа XIX–XX веков очевидны характерные для переводческой традиции того времени особенности транскрипции и транслитерации: *Jack* – Джэк, *Salter* – Сальтерс и т.п. Отсутствие сформировавшихся представлений о звуковом и графическом облике англоязычного имени в русском языке приводило к появлению различных вариантов передачи нестандартных имен: фамилия *Cheyne* в переводе К. Гумберта транслитерирована как *Чейне* (напоминая Гейне), в переводе А. Каррик она же транскрибирована как *Чэн*, приобретая китайское звучание. В то же время имеются некоторые расхождения в передаче имен собственных даже между переводами, выполненными практически в одно и то же время, причем эти расхождения нельзя объяснить объективными факторами.

Одного из главных героев повести зовут *Disko Troop*. В переводе А. Каррик фамилия этого персонажа по-русски транскрибирована как *Труп*. В результате целый ряд предложений повести вызывает у читателя недоумение и дискомфорт, особенно если слово «Труп» стоит в начале предложения, так что его капитализация не очевидна: например, в контекстах вроде «Труп, сгорбившись, стоял у руля», «Труп присел на койку рядом с Мануэлем» и т.п. При восприятии на слух не могут не вызывать дискомфорта и предложения, где «Труп» находится не в начальной позиции: «Хочу поскорее познакомиться с этим Трупом», «Теперь он поправился, – возразил Труп» и т.п.

В переводе К. Гумберта 1904 года фамилия героя транслитерирована как *Троп*. В переводе 1991 года использован вариант *Троуп*. Тот факт, что К. Гумберт, будучи современником А. Каррик, отказался от транскрибированного варианта имени, позволяет сделать вывод о том, что в раннем переводе А. Каррик либо недоучла явной семантики переводного имени в русском языке, либо, возможно, приняла такое решение намеренно, например, с сатирически-игровыми целями, что, впрочем, никак не оправдано содержанием произведения. Словарь В.И. Даля, описывающий современное для того периода состояние русского языка, регистрирует значение слова «труп – мертвое тело», приводя ссылки из Евангелия от Матфея, «Слова о полку Игореве» и пособия по судебной медицине [Даль, 2013]. Следовательно, данное слово не могло в конце XIX века являться неологизмом и, скорее всего, имело достаточно широкий узус.

Обратимся к следующей проблеме, с которой столкнулись все переводчики этой повести, – проблеме передачи иностранного акцента при переводе. В начале произведения пассажиры парохода обсуждают вызывающее поведение Гарвея. Один из пассажиров, немец, произносит следующую фразу: *“I know der breed. Ameriga is full of dot kind. I dell you you should import ropes’ ends free under your dariff”*. Автор имитирует грамматические и фонетические особенности немецкой речи и в то же время вполне понятно формулирует мысль персонажа о том, что в Америке юнцов такой породы достаточно много, и для их воспитания следует наладить импорт веревок для порки по сниженным ценам.

А. Каррик	К. Гумберт	И. Бернштейн
Немец... пробормотал с сильным немецким акцентом: – Знаю я эту породу! Америка полна ею. Говорят вам, вы должны освободить веревки от провозной пошлины. Никуда негодные ребята!	– Знаю я это воспитание, – проворчал сквозь зубы немец. – В Америке много таких господ! Они плохо кончают!	Немец проговорил: – О, я знаю таких мальчишки. В Америка их пруд пруди. Вам нужен импорт розог по сниженным тарифам.

Сопоставляемые варианты позволяют сделать вывод о том, что на рубеже XIX–XX веков переводчики не ставили перед собой задачи воспроизведения особенностей акцента персонажей в переводе и либо отражали специфику их произношения формально в авторской речи (см.

перевод А. Каррик), либо вообще игнорировали (см. перевод К. Гумберта). При этом в данной фразе также обращает на себя внимание содержание последнего предложения, которое явно не поняли авторы ранних переводов. А. Каррик предпочла включить в перевод неуместное в данном контексте, но близкое по содержанию к оригиналу замечание про «освобождение веревок от провозной пошлины», в то время как К. Гумберт ограничился общей фразой, подходящей по контексту, не пытаясь передать смысл исходного предложения.

Дальнейший анализ текста показывает, что такого рода стратегия работы с непонятными фрагментами оригинала реализовывалась переводчиками достаточно последовательно. Там, где в переводе А. Каррик смысл существенно затемнен из-за чрезмерной, буквальной близости к оригиналу, в переводе К. Гумберта, как правило, имеет место авторская переводческая вставка, замена либо опущение.

В заключение рассмотрим пример комплексной переводческой проблемы: в нижеприведенном предложении эллиптическая структура сочетается с «иностранной неправильностью» ее оформления в речи все того же пассажира-немца.

Оригинал	А. Каррик	К. Гумберт	И. Бернштейн
"Railroads, his father, ain't it?" said the German.	– Отец его, должно быть, железнодорожник, – заметил немец.	Его отец – железнодорожный туз, не правда ли? – спросил немец	Батюшка – железнодорожный магнат, это так? – спросил немец.

Как и в первом случае, где требовалось воспроизвести немецкий акцент, при переводе данного эллиптического предложения автор более современного перевода, в отличие от переводчиков рубежа XIX–XX веков, попыталась передать неправильность немецкой речи. Однако решение И. Бернштейн как для предыдущего предложения с немецким акцентом (см. пример 1), так и для этого, представляется достаточно спорным с той точки зрения, что в первом примере иностранец использует в неправильно построенном предложении идиоматическое выражение «пруд пруди», а в данном примере – лингвокультурно окрашенный термин родства «батюшка», который не ассоциируется в сознании русскоязычного читателя с речью иностранца.

Подобного рода стилистически дискомфортные сегменты довольно часто встречаются в обоих современных переводах, несмотря на то, что в целом для них характерно более высокое качество перевода с точки

зрения терминологической точности, стилистической адекватности и т.п. Среди явных недостатков современных переводов – стремление переводчиков чрезмерно архаизировать текст перевода, придать ему черты классического стиля, причем архаизация такого рода (как видно на последнем примере) отсутствует даже в текстах переводов, выполненных практически одновременно с созданием исходного произведения на английском языке. Вероятно, архаизированный стиль повествования соответствовал вкусовым предпочтениям И. Бернштейн и ее представлениям о том, каким должны воспринимать Киплинга русскоязычные читатели.

На основе проведенного исследования представляется возможным заключить, что комплексный анализ разновременных и одновременных переводов художественного произведения позволяет проследить эволюцию переводческой традиции, разобраться в ее причинах и лучше понять специфику нынешнего этапа переводческой теории и практики.

Список литературы

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [сайт]: URL: <http://vidahl.agava.ru/> (дата обращения: 29.03.2013)

Зверев А.М. «Верь сам в себя наперекор вселенной...» (вступительная статья) // Киплинг Р. Отважные капитаны. М., 1991. С. 5–32.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.

Elena Alexandrovna Tretyakova (Saint Petersburg, Russia)

ANALYSIS OF RUSSIAN TRANSLATIONS OF “CAPTAINS COURAGEOUS” BY R. KIPLING FROM THE VIEWPOINT OF DISCOMFORT STYLISTICS

Comparative analysis of several Russian translations of “Captains Courageous” by R. Kipling makes it possible to reveal the difference between literary translation strategies and principles of various time periods and to identify the changing characteristics of the assumed target readers. It also permits to trace the evolution of the so called “third language”, i.e. the language of translation, the status and features of which are nowadays actively discussed by both linguists and translato- logists.

Keywords: *literary translation, history of translation, translation criticism, translation strategy, discomfort stylistics*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Гончарова Е.А. Рец. на кн.: Lenk Hartmut E. H., Stein Stephan (Hrsg.). *Phraseologismen in Textsorten*. Germanistische Linguistik. Bd. 211–212. Georg Olms Verlag: Hildesheim, Zürich, New York, 2011. 308 s.

В 2011 году в серии „Germanistische Linguistik“, издаваемой в Германии исследовательским центром «Немецкий языковой атлас», вышел в свет том 211–212, целиком посвященный проблемам функционирования фразеологизмов в разных типах текста. В нем объединены исследования четырнадцати немецких и зарубежных лингвистов, в которых рассматриваются проблемы, находящиеся на пересечении теории фразеологии и лингвистики текста, точнее, типологии и стилистики текста. Поэтому представляемая в данной рецензии книга, несомненно, интересна для русских лингвистов, как занимающихся вопросами общей теории фразеологических словосочетаний, так и изучающих особенности протекания речевой коммуникации в разных областях деятельности человека, включая своеобразие лингвостилистической организации наиболее употребительных в этих когнитивно-коммуникативных сферах видов текстов.

Все исследования, вошедшие в книгу, имеют два общих для них аспекта. С одной стороны, в них последовательно развивается идея о тесном взаимодействии фразеологизмов с общими процессами текстообразования и стилистикой текста, а с другой, детально освещаются структурно-семантические виды фразеологизмов и особенности их функционирования в конкретных типах письменных и устных текстов, где они выполняют во многих случаях роль типологических примет текста. Некоторые из типов текста, интерпретируемых в аспекте фразеологизации, до сих пор не попадали в поле зрения отечественных филологов, что также не в последнюю очередь определяет привлекательность рецензируемой публикации для российских исследователей текста. К подобным типам текста можно отнести, например, профессиональные и любительские рецензии на книгу (представленные в сравнении), персонифицированные высказывания в интернет-форуме, диалог между покупателем и продавцом, радиорекламу и радиопьесу (по мотивам печатной книги), тексты поп-музыкантов и др.

Во вступительной главе книги, написанной ее издателями Ст. Штейном и Г. Ленком, отмечается, что начиная со своего появления в 70–80 годах прошлого века теория устойчивых словосочетаний (по отноше-

нию к ним авторы последовательно используют термин *Phrasem*) достаточно долгое время была сосредоточена преимущественно на изучении фразем как единиц языковой системы, а также на выявлении их структурно-семантических параметров, отличающих фразеологизмы от других языковых единиц. При дальнейшем изучении особенностей использования фразеологизмов в речи большинство лингвистов пытались определить функции фразеологизма исходя из его типичных системных характеристик, прежде всего свойственной ему экспрессивности. Вследствие этого, несмотря на значительное число существующих в современной германистике исследований, в которых изучаются функции фразеологизмов в тексте, в том числе с опорой на методики корпусной лингвистики, мы не можем, по мнению авторов, говорить о наличии в ней непротиворечивой картины использования устойчивых словосочетаний в разных формах речевой деятельности человека.

Авторы подчеркивают, что адекватное представление о тестовых функциях фразеологизмов может быть получено только при их интерпретации, учитывающей тип текста, в котором они присутствуют, и особенности коммуникативной ситуации, сопровождающей порождение текста и определяющей характер взаимодействия между его автором и читателем. Следующей установкой, принципиальной для исследований фразеологизмов в рецензируемой книге и как бы подводящей общий методологический итог ранее представленным эмпирическим наблюдениям отдельных авторов, является точка зрения, высказанная в заключительной статье одного из ее издателей, Ст. Штейна. Она состоит в следующем: при анализе текстовых функций «фразем» и других видов клишированных языковых выражений к тексту необходимо подходить не только как к *результату* формулирования, но и учитывать, если это осуществимо методически, особенности *процесса* порождения, или производства, текста. Ср.: „Die in diesem Beitrag gebündelten Überlegungen verstehen sich als ein Plädoyer dafür, dass die Analyse von Phrasemen und anderen Arten sprachlicher Verfestigungen in Texten und Textsorten nicht allein am *Textprodukt* ansetzen, sondern dass der *Entstehungsprozess*, soweit es methodisch möglich ist, berücksichtigt werden sollte“ (с. 302) (курсив наш – Е. Г.). Подобный подход позволяет получить ответ на вопрос о том, какие мотивы побуждают говорящего, который создает текст с ориентацией на определенную коммуникативную ситуацию и в рамках собственного представления о типологических особенностях создаваемого текста, прибегать при его формулировании к

нацеленному использованию разных видов фразеологизированных словосочетаний.

Заинтересованный читатель найдет в книге и перечень основных исследовательских шагов / операций, помогающих достаточно объективно и полно описать функции фразеологизмов в разных типах устных и письменных текстов на базе методик корпусной лингвистики. Систематизация подобных шагов важна как некое руководство для всех, кто изучает функции фразеологизмов в их проекции на проблемы текстообразования и типологии текстов.

Шаги эти сводятся, как минимум, к следующему:

- выявить, в каких местах текста и с какой частотностью фразеологизмы (и какие их классы) появляются в текстовой структуре;
- определить, в какой форме (узуальной или модифицированной) фразеологизм появляется в тексте;
- проследить, каким образом фразеологизмы «вписываются» в содержательно-смысловой контекст, какую роль они играют для когезии и когерентности текста;
- учесть, какие текстовые функции выполняют фразеологизмы – особенно в их сравнении с нефразеологизированными альтернативными вариантами выражения смысла;
- связать использование фразеологизма с особенностями определенного типа устного или письменного текста и попытаться установить, насколько типичным или, что еще более важно, специфическим является для данного текста фразеологизм (фразеологизм как индикатор определенного типа текста);
- ответить на вопрос, могут ли (и как) фразеологизмы выйти за границы отдельного текста и стать индикатором для целых классов текстов и дискурсов.

При анализе текстовых функций фразеологизмов исследователь должен также учитывать влияющие на них факторы коммуникативно-ситуационного характера, такие как:

- сфера коммуникации и функционально-стилистические особенности текста, включая возможные стилевые «ограничения», накладываемые коммуникативной ситуацией на его формулирование;
- «сочетаемость» фраземы с функционально-стилистическим «стандартом» соответствующего типа текста;
- тематика и прагматические функции фразем (оценка, ирония, наглядность, выразительность и др.);

- лексико-семантические свойства фразеологизма (например, повышенная экспрессивность, коннотативная многозначность и др.);
- формы «отмеченности» устойчивых словосочетаний (например, социальная, региональная, профессиональная, возрастная маркированность), а также их специфичность, вытекающая из характера интеракционного речевого взаимодействия;
- стилистическое «несоответствие» фразеологизма определенной коммуникативной ситуации, коммуникативным нормам или типу текста, создающее эффект «обманутого ожидания» и, соответственно, дополнительное риторическое или иное воздействие на реципиента.

Процесс анализа, имеющего в качестве конечной цели выявление прямых соответствий между определенными видами фразем и стилем текстовых прототипов, чрезвычайно труден и многослоен. Можно, тем не менее, как это доказывает с помощью убедительных текстовых интерпретаций А. Бахман-Штейн (с. 17–41), установить отнесенность отдельных видов устойчивых словосочетаний к «ожидаемым» речевым элементам, которые приобретают тем самым статус *стилеобразующих*, например, в различных видах утилитарных газетных устных и письменных текстов (в рекламных объявлениях, в гороскопах и др.). Стилеобразующий потенциал фразеологизмов к тому же во многом зависит в этих текстах от их текстовой позиции. Так, функция «управления вниманием» читателя (*Aufmerksamkeitssteuerung*) принадлежит в текстах прессы прежде всего тем фразеологизмам, которые находятся в их заголовках или начальном абзаце, то есть в так называемых «открытых» прагматических позициях текста (*an textlich exponierten Stellen*). В рекламных текстах возрастает персуазивная – в первую очередь эмоционально и лудически акцентированная – роль фразеологизмов при их использовании в слогане, за счет чего главный рекламный посыл текста обогащается разнообразными коннотациями и приглашает реципиента к игре в разгадывание смыслов. В гороскопах фраземы усиливают эффект эмоционального взаимодействия автора и читателя: с их помощью, с одной стороны, реципиенту внушается, что создатель текста «проникается» его индивидуальной ситуацией, а с другой, они метафорически формулируют некие комплексные бытийные ситуации и действия человека и расширяют «интерпретационное пространство» (*Interpretationsspielraum*) читателя.

Х.-Х. Люерп (с. 43–63) рассматривает возможности установления определенных функциональных корреляций между фразеологизма-

ми, содержащими либо положительную, либо отрицательную оценку, и текстами, формулирование которых связано с явным выражением мнения говорящего (*meinungsbetonte Texte*), где они, как правило, довольно часто появляются. Такие качества фразеологизмов с семантикой положительной или отрицательной оценки, как «многочленность» (*Mehrgliedrigkeit*), «(относительная) устойчивость» (*relative Festigkeit*), а также модифицированная повторяемость (*vielfältige okkasionele Modifikationsmöglichkeiten*) в пространстве текстов, выражающих одну или совокупность точек зрения говорящего, обеспечивают способность устойчивых словосочетаний участвовать в создании «речевых портретов» авторов текста, в частности, политиков. Исследователь показывает, что языковая личность политика проявляется в тексте не в последнюю очередь благодаря использованию фразеологизмов, оказывающих в силу их большей эмоциональности и привлекательности на фоне нефразеологизированной лексики несомненное персуазивное воздействие на читателей / слушателей. В качестве языкового материала автор избрал два вида печатных изданий: ежедневную газету и информационно-политический журнал, специально отмечая, что в его задачи не входило сравнение особенностей развития «речевого портрета» политика, в том числе и в аспекте фразеологизации, в этих двух разных видах журналистских макротекстов. Одновременно с этим он, однако, подчеркивает, что подобное сравнение, несомненно, заслуживает более пристального внимания исследователей.

Ст. Хаузер (с. 65–88) анализирует функции фразем в текстах новостей, комментариев и сообщений на спортивные темы и устанавливает определенные тенденции в их употреблении. В статье указывается, например, на большее количество фразем в комментарии, по сравнению с сообщением; на создание с помощью определенных устойчивых речевых оборотов иллюзии устного характера общения; на эмоциональность обращения к персонажам спортивного комментария в случае использования фразем и др. При этом автор исходит не из типа текста как такового, а из осуществляемых в названных видах текстов частных речевых действий спортивного журналиста. Одной из важных идей этой статьи можно считать тезис о конструктивной роли устойчивых словосочетаний для построения (отдельных частей) текста не только в рамках определенного текстотипа, но и за его пределами, в так называемых «текстовых сетях» (*Textsortennetze*), то есть в совокупностях предметно, тематически и функционально-стилистически соотносимых между собой текстов.

Три статьи сборника (авторы М. Скод-Седерсвед, М. Петкова-Кессалис и М. П. Скиалдоне, с. 89–131) связаны между собой и типологической близостью рассматриваемых классов текстов – все они посвящены анализу текстовых функций фразеологизмов в разных видах рецензий на книги (соответственно, газетных, любительских и научных), и характером результатов эмпирических наблюдений, которые в обобщенном виде можно представить следующим образом. Фраземы в тексте рецензии участвуют в первую очередь в формулировании разноплановых – как положительных, так и отрицательных – «оценочных действий» рецензента (*Bewertungshandlungen unterschiedlichen Typs*), которые обусловлены его целостной субъективной оценочной перспективой (*subjektive Perspektive, aus der bewertet wird*), отражающей в свою очередь разный уровень эмоционального сопереживания автора текста с содержанием рецензируемого произведения. При этом нюансы оценочных смыслов, которые возникают при использовании фразем, оказываются более богатыми и более комплексными и, прежде всего, более эффективными в коммуникативном плане, по сравнению с нефразеологизированным фоном. В этом смысле фраземы не только принадлежат к средствам привлечения внимания читателя и «самоизображения» со стороны рецензента (*Mittel der Selbstdarstellung seitens des Textproduzenten*), но и являются языковыми сигналами способа адаптации речевых действий человека к объективным условиям текста (*ein deutliches Zeichen für ein sich den objektiven Gegebenheiten anpassendes sprachliches Handeln*). М. Скод-Седерсвед, проделавшая, кроме того, на небольшом корпусе примеров сравнительное исследование функций фразеологизмов в женских и мужских рецензиях, приходит к выводу об отсутствии здесь принципиальных различий, но отмечает в то же время, что женщины-рецензенты чаще, чем мужчины, прибегают, во-первых, к стилистически отмеченным фразеологизмам и, во-вторых, к оценкам по отношению к автору рецензируемого текста (см. с. 102–105). А М. П. Скиалдоне обращает внимание на плодотворность учета таких свойств фразеологизмов как экспрессивность, семантическая неопределенность, коннотативно-прагматическая многозначность (*Expressivität, Vagheit, pragmatisch-konnotativer Wert*) в лингводидактике – при обучении студентов «правилам хорошего тона» рецензирования („*Kniggedes Rezensierens*“), как научного, так и утилитарного, на иностранном языке.

Предметом специального анализа в статьях Кл. Эрхардта и И. Хюверинен являются так называемые «прагматические фраземы» (*pragmati-*

sche Phraseme), или «рутинные речевые формулы» (Routineformeln), и их коммуникативные функции – в первом случае в интернет-форумах, во втором – в коротких текстах устного общения между покупателем и продавцом. Авторы исходят из понимания «прагматической фраземы» как речевого выражения, функции которого состоят в реализации рекуррентных коммуникативных ходов, нацеленных говорящим на преодоление более или менее рутинных для определенных ситуаций общения проблем интерактивного взаимодействия (с. 159).

Кл. Эрхардт опирается при этом на известную классификацию «прагматических фразем» Ф. Кульмаса [Coulmas 1981], где выделяют их пять видов: 1) речевые формулы поддержания устного разговора (Gesprächssteuerungsformeln); 2) формулы вежливости (Höflichkeitsformeln); 3) метакоммуникативные речевые формулы (metakommunikative Formeln); 4) психоостенсивные формулы (psychoostensive Formeln); 5) формулы, связанные с замедлением процесса речевого общения (Verzögerungsformeln) (с. 160). Автор анализирует корпус в 500 текстов из форума в „Spiegel-online“, в котором зарегистрированы около 145 тысяч участников и на конец января 2010 года более чем 4 миллиона дискуссионных сообщений. В итоге он приходит к, по его собственному замечанию, предположительной характеристике «прагматических фразем» в этой сфере общения. Согласно его предположениям участники интернет-форума ориентированы в своих речевых действиях скорее на тему и предмет общения, чем на установление речевого контакта. Для них очень важно подчеркнуть эпистемический статус собственного высказывания и его значение для предметной дискуссии, в связи с чем оригинальность языкового выражения и «языковая игра», в том числе с использованием «прагматических фразем», существенны лишь в том случае, если они не наносят ущерб серьезному тону общения. Текстовый же материал И. Хюверинен позволил автору следующей статьи выявить, с одной стороны, чрезвычайно высокий прагматический потенциал «рутинных речевых формул» в общении между покупателем и продавцом, где они служат прежде всего установлению более тесного сиюминутного речевого контакта, а с другой, тенденцию к их максимальному усечению (вплоть до одного слова; например, *bitteschön*, *bitte*), что иногда нарушает принципы вежливости и создает трудности взаимопонимания.

В двух статьях сборника, написанных С. Рейман / К. Шиховой и У. Рихтер-Вапаатало, исследуются особенности функционирования

устойчивых словосочетаний в текстах, воспринимаемых на слух. Авторы первой статьи проводят свое исследование на основе корпуса из 500 примеров коротких рекламных радиообъявлений (2000-2009 г.г.) и приходят к выводу, что основная функция фразем заключается здесь в создании образа непринужденной устной коммуникативной ситуации общения и «вытеснении» на второй план собственно рекламы. Ср.: „Die Sprecher setzen Phraseme ... so wie in alltäglichen Kommunikationssituationen ein, um den Werbetext zu verdrängen“ (с. 206). Языковой материал статьи показывает, что «коммуникативные фраземы», то есть словосочетания, имитирующие ситуацию устного диалога (как, например, в начале рекламного аудиоролика фирмы Vodafone: „*Willkommen ... Was kann ich für Sie tun?*“), достаточно часто используются в рекламных радиообъявлениях наряду с «референциальными фраземами». Последние же служат, только целям привлечения внимания слушателя. По мнению авторов, тексты аудиорекламы заслуживают дальнейшего, в том числе диахронического и статистического, изучения в аспекте фразеологии. Это особенно касается специального описания их структурных подвидов (фраземы в функции членов предложения; глагольные, именные и др. фраземы; пропозициональные фраземы), а также семантической классификации.

У. Рихтер-Вапаатало поднимает вопрос о роли художественных аудиопьес, созданных по классическим образцам детской литературы, для развития фразеологического тезауруса детей. Автор считает, что образность, присущая фраземам, особым образом влияет на фантазию слушателей аудиотекста, при этом не важно, что дети не всегда точно осознают значение конкретного фразеологизма. Фразеология, которую дети поначалу просто «пассивно» слышат в художественном аудиотексте, играющем в данном случае роль «учителя языка» („*Sprachlehrer*“), становится для них естественной, эмоционально переживаемой частью сказочного мира и действующих в нем персонажей. Закрепляясь затем постепенно – не в последнюю очередь с помощью разнообразных игровых ситуаций – в детском сознании, фраземы приобретают необходимую коммуникативно-прагматическую многоаспектность и становятся первым шагом в освоении детьми фразеологии как таковой.

Исследование И. Мелони посвящено такому интересному виду фраземы, как «кинеграмма» (Kinegramm), или «кинеграмматический фразеологизм» (kinegrammatischer Phraseologismus) (с. 232–253), передающему в форме достаточно устойчивого словосочетания неречевое

действие (например, в немецком языке: *die Naser impfen, die Achseln zucken, (große) Augen machen*). «Кинеграммы» зачастую способны создать не только в комиксах, на материале которых проводилось исследование автора, но также в драматических и нарративных текстах, точные и убедительные образы не просто физических действий, а комплексных психических состояний или абстрактных понятий. В «кинеграмматических фразеологизмах» реализуются одновременно два смысловых уровня: базируясь в абсолютном большинстве случаев на метонимии, они представляют собой, как правило, не простое метонимическое замещение (как, например, *Augen* вместо *Schwermögen* в соматическом фразеологизме *seinen (eigenen) Augen nicht trauen*), а метонимический образ типа «(воз)действие вместо причины» („Wirkung-für-Ursache“). В коннотативном плане кинеграммы поэтому более емки, чем нефразеологизированные описания невербальных действий, что обеспечивает их типологическую текстообразующую роль по связи картинки и текста. В комиксе они сверх того иногда играют роль «знаков» определенных черт характера персонажа.

И, наконец, в статье Х. Ленка на материале восьми музыкальных альбомов популярной австрийской рок-группы „Die erste allgemeine Verunsicherung“, выходявших с 1981 по 2010 год, рассматриваются функции фразем в текстах современных рок-музыкантов. Методика корпусного лингвистического исследования помогает автору убедительно показать, что для подобных текстов, во-первых, характерен достаточно высокий процент фразеологических словосочетаний разных видов как одного из средств словесно-смысловой игры со зрителем. Во-вторых, эти тексты отличаются многократно повторяющимися, часто весьма рафинированными, модификациями узуальных словосочетаний (например, за счет глагольных, субстантивных, синонимических и антонимических замен в их составе; усечения и, наоборот, экспансии фраземы и т. д.). В результате креативного изменения формы и/или значения фраземы в текстах рок-песен возникает «эффект очуждения»: зритель «узнает» известные фраземы и в то же время поражается неожиданности их использования, находя в этом новые для себя смыслы. Подобный, построенный на игре остроумия, подход рок-музыкантов к уже известному смыслу, социально закрепленному в сознании зрителя, не в последнюю очередь определяет аттрактивность и провокативность этой формы массовой культуры.

В заключение отмечу, что несомненная полезность книги для отечественных лингвистов определяется, помимо многих новых намечаемых

ее авторами направлений в изучении форм и функций фразеологизмов на фоне текстового целого, и весьма обширным списком самой современной зарубежной научной литературы по проблемам устойчивых словосочетаний, стилистики и типологии текстов.

COULMAS F., 1981. Routine im Gespräch. Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik. Linguistische Forschungen, 29. Wiesbaden

Доктор филологических наук,
профессор **Е. А. Гончарова**

Содержание

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

АРХИПОВ И.К. ИмPLICITные и эксплицитные значения, или парадокс обыденного сознания	5
ГУРОЧКИНА А.Г. Фатическая коммуникация	11
КУПРИЕВА И.А. Процесс познания в свете когнитивной парадигмы ..	17
НИФАНОВА Т.С. Перспективы сопоставительно-семасиологического изучения диалектной лексики	27
ПЕТРОВА М.В. К вопросу о прагматике лексического значения.	32
ПРОХОРОВА О.Н., ЧЕКУЛАЙ И.В. Синтагматические особенности кванторных слов и их роль в концептуализации языкового пространства	40
ПУЗАНОВА Н.А. Эволюция лексики в английском языке	52
ПУПЫНИНА Е.В. Лингвистика пространства	61
ТОЛОЧИН И.В. A JOURNEY IS LIFE; WAR IS ARGUMENT: О проблемном характере определения неметафорического в концептуальной теории метафоры	70

НОМИНАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

БЕССОНОВА О.Л. Негативные эмотивные наименования лица в английской и украинской национальных картинах мира	78
ДУДКИН О.С. Лексика, номинирующая эмоцию восхищения, в британском интервью	88
КУЗЬМЕНКО О.Н. Графические и морфологические особенности французских имен собственных в письмах М.И. Цветаевой	97
МОСКВИТИН Е.В. О синонимии в немецком железнодорожном социолекте	105
СЕРГАЕВА Ю.В. Роль виртуальной языковой личности в вербализации картины мира (на материале неологических интернет-ресурсов)	110

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

БОЛЬШАКОВА Т.М. Отрицательная побудительность и функционально-семантическое микрополе прохибитивов в немецком языке	116
МИХАЙЛОВА Е.Н., КОЛТУНОВА С.В. Принципы описания категории падежа в испанских грамматиках Золотого века	123

ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРЕ, СОЦИУМЕ И ЯЗЫКЕ

КАВАКШИ V.V. Russian-culture-oriented English (RCOE)	132
ГАСАНОВА И.М. Языковое моделирование семейной самоидентификации в постколониальном романе Д. Лессинг "Under My Skin"	142
СИТНИКОВА И. О. феминизации немецкого местоимения «man» в интернет-пространстве.	149
ПЫРЛИК Н.В. Речевое поведение женщины во власти (на материале речей и политических выступлений А. Меркель)	161
ПРИХОДЬКО А.И. Этнокультурный компонент фразеологии	172

ТЕОРИЯ ТЕКСТА. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

АЛЕКСАНДРОВА А.А. Актуализация категории аппроксимации в тексте бурлеска	177
ВОРОНЦОВА Т.И. Жанр как стилеобразующий фактор художественного текста	186
ВЫШЕНСКАЯ Ю.П. Индивидуальный стиль в литературе периода позднего средневековья и раннего ренессанса	194
КЛЕЙМЕНОВА В.Ю. Мир английской сказки как игровая действительность.	200
ПАШКОВ С.М. Природа и функции «амбивалентного» в неоготическом романе	210
СЕДЫХ Э.В. Образ птицы в творчестве У. Морриса.	215
СИЛЕЦКАЯ С.С. Категория адресованности в литературно-критических эссе Т.С. Элиота	222
СОЛОВЬЕВА М.В. К проблеме средневековой пародии: лексико-стилистические средства создания пародийного двойничества в поэме XIII века «Алисканс»	228
ТАНАНЫХИНА А.О. К вопросу о морфологии англоязычного сказочно-фантазийного детектива.	237
ТИМОНИНА М.А. Измененные состояния сознания как предмет научного исследования	245
ЧЕМОДУРОВА З.М. Автоинтертекстуальная игра с персонажами в постмодернистском художественном тексте	251
ЩИРОВА И.А. К вопросу о контексте.	260

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА

ГОНЧАРОВА Е.А., КЕССЛЕР К.Р. Опыт дискурсивного анализа текста «анекдот» (на материале его использования как формы коммуникативного взаимодействия в ГДР и СССР)	269
ДЖАНЕЛИДЗЕ Т.Р. Интернет-дискурс в современных коммуникационных ресурсах	281
ИВАНОВА Т.Н. Аргументативный дискурс и конфликтное взаимодействие (медицинский контекст).	286
ФИЛИМОНОВА О.Е. Репрезентация эмоций в политической речи	293
ЦУЦИЕВА М.Г. Лингвосинергетические аспекты политического дискурса	301
ЯКОВЛЕВА Е.В. Особенности референции в различных типах дискурса	306

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ

ГУЗЬ М.Н., ПИГИНА Н.В. Интертекст как средство воздействия на адресата рекламного текста	317
ЕВСТАФЬЕВА Е.В. Герменевтика интертекстуальности в поэтическом цикле „Die Niemandrose“ Пауля Целана	327
СЕРОВА И.Г., КЛЕЩ А.И. Интерпретация паратекста в дискурсивном пространстве драматургического произведения	336
ФИЛИПPOBA C.Г. Об интердискурсивном характере художественного текста	343

СЛОВО И ТЕКСТ В ПЕРЕВОДЕ

КАЗАКОВА Т.А. Семантико-прагматические осложнения при переводе мифонимов	352
НИКИТИНА Е.Я. К вопросу о стилистических функциях порядка слов в художественном тексте и их передаче при переводе	360
СИГАРЕВА Н.В. Особенности передачи имплицитной информации при переводе текстов в сфере научной коммуникации с английского языка на русский	370
ТРЕТЬЯКОВА Е.А. Анализ переводов повести Р. Киплинга „Captains Courageous“ с точки зрения дискомфортной стилистики	377

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ГОНЧАРОВА Е.А. Рец. на: Lenk Hartmut E. H., Stein Stephan (Hrsg.). <i>Phraseologismen in Textsorten</i> . Germanistische Linguistik. Bd. 211–212. Georg Olms Verlag: Hildesheim, Zürich, New York, 2011. – 308 s.	384

НАШИ АВТОРЫ

АЛЕКСАНДРОВА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

АРХИПОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

БЕССОНОВА ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Донецкого национального университета (Украина).

БОЛЬШАКОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ВОРОНЦОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков, заведующая кафедрой фонетики английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ВЫШЕНСКАЯ ЮЛИЯ ПАВЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ГАСАНОВА ИНДИРА МАКСИМОВНА – ассистент кафедры английского языка для естественных факультетов РГПУ им. А.И. Герцена.

ГОНЧАРОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – Почётный профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ГУЗЬ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ГУРОЧКИНА АЛЛА ГЕОРГИЕВНА – Почётный профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ДЖАНЕЛИДЗЕ ТАМАРИ РАМАЗОВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ДУДКИН ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ЕВСТАФЬЕВА ЕКАТЕРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – аспирант кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой профессиональных иностранных языков Северо-Западного института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ

КАБАКЧИ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

КАЗАКОВА ТАМАРА АНАТОЛЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета.

КЕССЛЕР КРИСТИНА – доктор филологических наук, профессор Потсдамского государственного университета.

КЛЕЙМЕНОВА ВИКТОРИЯ ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

КЛЕЩ АННА ИВАНОВНА – аспирант кафедры теории и практики преподавания английского языка Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина.

КОЛТУНОВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА – ассистент кафедры французского языка Белгородского государственного национального исследовательского университета.

КУЗЬМЕНКО ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

КУПРИЕВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета.

МИХАЙЛОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка Белгородского государственного национального исследовательского университета.

МОСКВИТИН ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – аспирант кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

НИКИТИНА ЕКАТЕРИНА ЯКОВЛЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

НИФАНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германской филологии Гуманитарного института Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске.

ПАШКОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ПЕТРОВА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ПИГИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ПРИХОДЬКО АННА ИЛЬИНИЧНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Запорожского национального университета (Украина).

ПРОХОРОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ПУЗАНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ПУПЫНИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ПЫРЛИК НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, проректор по учебной работе Донецкого национального университета (Украина).

СЕДЫХ ЭЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Санкт-Пе-

тербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права.

СЕРГАЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

СЕРОВА ИРИНА ГЕОРГИЕВНА – кандидат филологических наук, профессор, доцент кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

СИГАРЕВА НАТАЛЬЯ ВИЛЕНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

СИЛЕЦКАЯ СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА – кандидат филологических наук, ассистент кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

СИТНИКОВА ИРИНА ОЛЕГОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

СОЛОВЬЕВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ТАНАНЫХИНА АЛЛА ОЛЕГОВНА – кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ТИМОНИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ТОЛОЧИН ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ТРЕТЬЯКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета.

ФИЛИМОНОВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ФИЛИППОВА СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков

Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ЦУЦИЕВА МАРИЯ ГЕННАДЬЕВА – кандидат филологических наук, докторант кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ЧЕКУЛАЙ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, декан факультета искусствоведения и межкультурной коммуникации, профессор кафедры иностранных языков Белгородского государственного института искусств и культуры

ЧЕМОДУРОВА ЗИНАИДА МАРКОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ЩИРОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ЯКОВЛЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ISBN 978-5-906078-80-3

STUDIA LINGUISTICA

ЯЗЫК. ТЕКСТ. ДИСКУРС

Современные аспекты исследований

XXII

Подписано в печать 21.06.2013. Объем 23,6 п. л. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.

Тираж 300 экз. Заказ 998.

Отпечатано в ООО «К-8»

Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18д.